

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

250 ²⁴ ЛЕТ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Изучение Дальнего Востока в системе АН СССР

Успехи советского японоведения

Становление и развитие отечественного
китаеведения

2
1974

Институт Дальнего Востока АН СССР

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

2 [10] 1974

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Ленин и политика КПСС в отношении Китая
М. И. Сладковский

250 ЛЕТ АКАДЕМИИ НАУК СССР

- 18 Изучение Дальнего Востока в системе АН СССР
Е. М. Жуков

- 25 Успехи советского японоведения
С. Л. Тихвинский

- 41 Становление и развитие отечественного
китаеведения
В. С. Мясников

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- 63 50 лет советско-китайских отношений
С. Г. Юрков

- 76 Вопреки интересам развивающихся стран
А. М. Петренко

- 87 Великоханьский шовинизм Пекина в национальном
вопросе
Т. Р. Рахимов, Н. А. Тешилов

- 99 Модернизация сельского хозяйства Китая
З. А. Муromцева

- 108 Япония и энергетический кризис
Ю. К. Сергеев

- 119 Сайгон игнорирует интересы и волю народа
И. И. Ивков

ИДЕОЛОГИЯ

- 137 О политической кампании «критики Конфуция и
Линь Бяо»
Л. С. Переломов

- 151 Религия и политика
(о социально-религиозных движениях в
современной Японии)
Г. Е. Светлов

ИСТОРИЯ

- 164 К вопросу о борьбе пролетарской и мелкобуржуазной
линий в КПК
В. И. Глушин

- Коминтерн и Монгольская народно-революционная
партия
174 *А. И. Карпунова, Э. Н. Шахназарова*

КУЛЬТУРА

- Культура КНР: борьба двух линий продолжается
186 *И. М. Надеев*
- Чеховские традиции и творчество Цао Юя
(к вопросу о литературном влиянии)
195 *Р. С. Белоусов*
- Чу Си Гён и современное корейское языкознание
203 *Ю. Н. Мазур*

ПУБЛИЦИСТИКА И ОЧЕРКИ

- Коммунист-интернационалист Цюй Цю-бо
208 *Е. Ф. Ковалев*

ВОСПОМИНАНИЯ

- Битва за Ухань
216 *А. Я. Калягин*

КОММЕНТАРИИ

- Ближневосточный кризис и политика Пекина
223 *В. А. Васильев*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Яньань глазами очевидца (1942—1945)
228 *Г. В. Ефимов*
- Ихэтуани. Опыт историографического исследования
237 *Л. Н. Борох*
- Уроки поражения
240 *Г. И. Юмис, В. И. Явин*
- Тао Юань-мин в новом издании
244 *Е. А. Серебряков*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, СООБЩЕНИЯ

- Конференция в Джокьякарте
248 *В. А. Семенов*
- Проблемы культуры КНР
(конференция в Институте Дальнего Востока
АН СССР)
249 *С. А. Торопцев*
- Встреча в Улан-Баторе
250 *Г. Б. Ярославцев*

Адрес редакции: Москва, 117218,
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕКТИВА

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и.
В. А. АРХИПОВ (зам.
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. Е
ДАНОВ, Г. В. ЕФИМО
В. А. КРИВЦОВ, О. Б. РА
РЕВ (отн. секретарь
М. Л. ТИТАРЕНКО
Р. А. УЛЬЯНОВ

Ленин и политика КПСС в отношении Китая

---

*М. И. Сладковский,
чл.-корр. Академии наук СССР*

История минувших десятилетий и тенденции мирового общественного развития убедительно подтверждают правоту и жизненную силу ленинского учения, великую преобразующую роль ленинизма в строительстве нового общественного строя — социализма и коммунизма.

Развивая марксизм в условиях перерастания капитализма в последнюю, монополистическую стадию — империализм, В. И. Ленин вскрыл закономерности этого нового периода капитализма и создал научную теорию социалистической революции — боевую программу коммунистических партий. Сила и универсальность ленинского учения состоит в том, что оно основывается на опыте всего мирового революционного процесса нашей эпохи, на изучении конкретных условий и особенностей революционных движений как в развитых капиталистических странах, так и в бывших колониях и полуколониях. Именно в результате такого всестороннего обобщения выведены общие законы общественного развития, открытые В. И. Лениным, и определены конкретные специфические условия, в которых проявляются и действуют эти общие законы.

1. Ленин о Китае

Наряду с изучением всех стран Востока В. И. Ленин уделял большое внимание изучению Китая. В ленинских тетрадях имеются заметки и выдержки из многочисленных наиболее крупных для начала XX в. произведений мировой литературы о Китае, в частности из работ: Б. Л. Маккэй. Китай, Средняя республика. Ее проблемы и перспективы; Д. Кентли и Ш. Джонс. Сун Ят-сен и пробуждение Китая; Фосберг-Реков. Революция в Китае; И. Шён. О целях России в Китае; М. Брандт. Восточноазиатские вопросы; В. Шюлер. Очерк новейшей истории Китая и др.¹

Знакомясь с литературой и пристально наблюдая за происходившим общественно-политическим движением в Китае, В. И. Ленин находил время откликнуться на все важнейшие события в общественной жизни этой страны.

На рубеже XX в. империалистические страны приступили к разделу Китая на «сферы влияния», а буржуазная наука пыталась оправдать такие экспансионистские устремления монополистического капитала «цивилизаторскими» целями в интересах Китая, не подготовленного якобы к самостоятельному государственному управлению; любые восстания китайского народа против империалистического вторжения изо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 537.

бражались как проявление бунта против европейской цивилизации. В. И. Ленин в это время решительно выступил в защиту суверенных прав Китая и призвал русский пролетариат к борьбе с царским самодержавием, присоединившимся к политике грабежа, которую «давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы»². Он вскрыл губительность колониальной политики буржуазных государств не только для народов Китая, но и для трудящихся России и других капиталистических государств, страдающих от войн, затеваемых в угоду «кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги на срочных военных заказах»³.

На многочисленных фактах В. И. Ленин разоблачал политику грабежа и насилия империалистических держав по отношению к колониальным народам. «...При капитализме, — писал В. И. Ленин, — немислимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа...»⁴ В. И. Ленин беспощадно изобличал лживость буржуазной пропаганды о «цивилизаторской» роли европейских стран в Китае. «Хозяиничанье европейцев в Китае, — отмечал В. И. Ленин, — «разоблачает в достаточной мере на фактах истории всю вздорность претензий, будто иностранная политика христианского мира или составляющих его народов вдохновляется и определяется заботой о цивилизации... Если в отношении *низших* рас проводится *какая-нибудь* общая международная политика, то она вытекает не из морального доверия, а из *коммерческой «сделки»*»⁵.

Характеризуя положение Китая как объекта империалистической агрессии, В. И. Ленин видел и другую сторону процессов в общественной жизни Китая, происходивших под влиянием пролетарских движений на Западе, особенно первой русской революции 1905 года.

Революционный подъем в странах Востока после русской революции 1905 г. В. И. Ленин охарактеризовал как начало «пробуждения Азии». Он отмечал качественно новые черты в революционном движении этого периода пробуждения «к политической жизни азиатских народов»⁶. «В Китае, — писал В. И. Ленин в 1908 г., — революционное движение против средневековья тоже дало себя с особенной силой знать в последние месяцы. Правда, ничего определенного нельзя еще сказать относительно данного именно движения, — так мало о нем сведений и так обильны вести о мятежах в различных местностях Китая, — но сильный рост «нового духа» и «европейских веяний» в Китае, особенно после русско-японской войны, не подлежит сомнению, а следовательно, неизбежен и переход старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение»⁷. Следовательно, уже на начальном этапе общественно-политического, антимоноархического движения в Китае В. И. Ленин отмечал в нем черты, закономерности, общие с революционным движением на Западе, переход его от низших, «бунтарских» форм к сознательной политической деятельности.

При всем своеобразии и специфичности идей, теорий, исходящих в первую очередь от революционного демократа д-ра Сунь Ят-сена,

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 379.

³ Там же, стр. 381.

⁴ Там же, т. 27, стр. 417.

⁵ Там же, т. 28, стр. 401.

⁶ Там же, т. 17, стр. 221.

⁷ Там же, стр. 179.

В. И. Ленин видел и в них не нечто принципиально отличающееся от известных миру общественно-политических учений, а отражение общих процессов, происходящих в мире, и отдельные специфические черты взглядов Сунь Ят-сена он объяснял его теоретической незрелостью в результате незрелости самой общественной жизни Китая, слабости и неразвитости материального базиса.

Программа революционного преобразования Китая на основе трех народных принципов (национальное освобождение, образование демократической республики и народное благосостояние), провозглашенная Сунь Ят-сеном в 1906 г.⁸, нашла горячее сочувствие и поддержку у В. И. Ленина. «Боевой, искренний демократизм пропитывает каждую строчку платформы Сунь Ят-сена,— писал В. И. Ленин.— Полное понимание недостаточности «расовой» революции. Ни капли аполитицизма или хотя бы пренебрежения к политической свободе, хотя бы допущения мысли о совместимости китайского самодержавия с китайской «социальной реформой», с китайскими конституционными преобразованиями и т. п. Цельный демократизм с требованием республики. Прямая постановка вопроса о положении масс, о массовой борьбе, горячее сочувствие трудящимся и эксплуатируемым, вера в их правоту, в их силу»⁹.

Отмечая благородные субъективно социалистические устремления Сунь Ят-сена, В. И. Ленин в то же время указывал на историческую ограниченность его программы: «Теория эта, если рассматривать ее с точки зрения доктрины, есть теория мелкобуржуазного «социалиста»-реакционера... И Сунь Ят-сен с неподражаемой, можно сказать, девственной наивностью сам разбивает в пух и прах свою реакционную народническую теорию, признавая то, что признать заставляет жизнь,— именно: что «Китай стоит накануне гигантского промышленного» (т. е. капиталистического) «развития», что... «будет много Шанхаев», т. е. миллионных центров капиталистического богатства и пролетарской нужды и нищеты»¹⁰.

Подчеркивая крайнюю противоречивость программы Сунь Ят-сена, в которой наряду с отрицанием капитализма излагалась, по существу, капиталистическая теория аграрных преобразований, В. И. Ленин писал: «В том-то и состоит диалектика общественных отношений Китая, что китайские демократы, искренне сочувствуя социализму в Европе, переделали его в реакционную теорию и на основании этой реакционной теории о «предупреждении» капитализма проводят *чисто капиталистическую*, максимально-капиталистическую аграрную программу!»¹¹

Не поняв закономерностей капитализма и его движущих сил, д-р Сунь Ят-сен не смог разглядеть и эксплуататорской сущности китайской буржуазии, приукрашивая ее патриотичность и либерализм.

Основываясь на опыте Синьхайской революции, Владимир Ильич предупреждал о склонности китайской буржуазии к измене. В 1912 г. он высказал предположение о том, что «Юань Ши-кай, представитель буржуазии, которая едва успела из либерально-монархической стать либерально-республиканской (надолго ли?), будет вести политику лавирования между монархией и революцией»¹².

⁸ См.: Сунь Ят-сен. Три народных принципа и будущее Китая. — Избр. произв. М., 1964, стр. 121—133.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 401.

¹⁰ Там же, стр. 404.

¹¹ Там же, стр. 404—405.

¹² Там же, стр. 406.

Это предположение, как известно, подтвердилось. Юань Ши-кай получил от Международного банковского консорциума на кабальных условиях заем в сумме около 250 млн. руб., позволивший ему укрепить позиции реакционных классов, и в 1916 г. — попытаться объявить себя императором Китая.

В. И. Ленин видел слабость китайской либеральной буржуазии в том, что созданная ею под руководством Сунь Ят-сена партия гоминьдан не смогла «втянуть в революцию *широкие массы*», что «...пролетариат в Китае совсем еще слаб, — поэтому нет передового класса, способного решительно и сознательно бороться за доведение демократической революции до конца. Крестьянство, не имея руководителя в лице пролетариата, страшно забито, пассивно, темно, равнодушно к политике»¹³.

В. И. Ленин в то же время еще в 1913 г. указывал на различия в складывающейся ситуации на Юге и Севере Китая. «Партия Сунь Ят-сена, — писал В. И. Ленин, — опирается на юг Китая, наиболее развитой в отношении промышленности и торговли, наиболее испытавший влияние Европы, наиболее передовой. Партии Юань Ши-кай опираются на отсталый север Китая»¹⁴.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась воплощением в жизнь ленинского учения о пролетарской революции в эпоху империализма — последней стадии капитализма. По своему значению и масштабам она приняла универсальный, международный характер и явилась исторической вехой для всех народов, в том числе и для народов Китая. С первых же дней строительства первого в мире социалистического государства В. И. Ленин уделяет большое внимание проблемам Востока, и в том числе Китая. По указанию В. И. Ленина в ноябре 1917 г. Советское правительство через китайского посла в Петрограде предложило китайскому правительству вступить в переговоры об аннулировании русско-китайского договора 1896 г., Пекинского (боксерского) протокола 1901 г. и всех соглашений царской России с Японией периода 1907—1916 гг. по вопросам Китая и заключить новые договоры, основывающиеся на признании полного равноправия сторон и взаимном уважении суверенитета народов.

В сложившихся тогда условиях руководимое Лениным Советское правительство ради установления дружественных отношений с китайским народом обращалось не только к официальному пекинскому правительству, но и к южному правительству, выражавшему волю прогрессивной общественности Китая.

После разгрома Колчака и вступления Красной Армии в Сибирь Совет Народных Комиссаров 20 августа 1919 г. направил «Обращение Совета Народных Комиссаров к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая». В этом обращении было повторено предложение Советского правительства об аннулировании ранее упоминавшихся договоров и заявлялось об отказе Советской России от получения «боксерской контрибуции»¹⁵ и от всех прав и привилегий, которыми пользовались царская Россия и ее подданные по условиям русско-китайских договоров, в том числе права экстерриториальности на тер-

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 139.

¹⁴ Там же.

¹⁵ После подавления восемью империалистическими государствами, включая царскую Россию, антиимпериалистического восстания ихэтуаней (боксеров) на Китай была наложена контрибуция (боксерская) в 450 млн. таэлей с выплатой в течение 39 лет с начислением 4% годовых (сумма контрибуции к 1940 г. должна была составить 982 млн. таэлей).

ритории Китая. «Советское правительство,— говорилось в обращении,— хорошо знает, что союзники (страны Антанты.— М. С.) и Япония делают все возможное, чтобы и на этот раз голос русских рабочих и крестьян не дошел до китайского народа, что для возвращения китайскому народу того, что было от него отнято, необходимо будет сначала покончить с сидящими в Маньчжурии и Сибири хищниками. Поэтому оно посылает теперь свою весть китайскому народу вместе со своей Красной Армией, которая идет через Урал на Восток на помощь сибирским крестьянам и рабочим для освобождения их от бандита Колчака и его союзника — Японии.

Если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным и избежать той участи, которую ему приготовили союзники в Версале с целью обратить его во вторую Корею или во вторую Индию,— пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и его Красная Армия»¹⁶.

Как ни старались империалистические круги и их пекинские пособники помешать проникновению идей Ленина за «китайскую стену», как ни пытались они очернить, оклеветать первое социалистическое государство, влияние Октябрьской революции на китайскую прогрессивную общественность возрастало, семена марксизма-ленинизма находили благоприятную почву в Китае. Профессор Ли Да-чжао, ставший впоследствии одним из организаторов Коммунистической партии Китая, страстно призывал «изучать большевизм, знакомить с ним народ, рассказывать правду о нем»¹⁷.

«Мы в этом мрачном Китае,— говорил Ли Да-чжао,— в мертвом Пекине словно ощущаем ее (Октябрьской революции.— М. С.) светлый луч, который, как маленькая яркая звезда в глубоком мраке, освещает путь нового человечества. Мы должны использовать этот свет, упорно стремиться вперед, работать для блага человечества. Это и будет нашим чествованием эпохи»¹⁸.

В Китае рушились старые, реакционные теории. Иллюзорные представления китайских националистов о возможности единения с капиталистической Японией как с государством общей «желтой» расы, противостоящей «белой» расе Запада, должны были окончательно развеяться под неумолными фактами империалистического разбоя Японии в годы войны (21 требование, предъявленное Японией в 1915 г.) и шовинистического вероломства при заключении мирного Версальского договора. Потерпела фиаско и пацифистская «Программа строительства страны», с которой Сунь Ят-сен в 1919 г. обращался к державам-победителям, призывая их оказать содействие «в развитии Китая»... «стать на путь сотрудничества и взаимопомощи, чтобы навсегда покончить с торговой войной»¹⁹. Империалистические державы цинично надругались над Китаем. На Парижской мирной конференции были отклонены все законные предложения китайской делегации о восстановлении его государственного суверенитета. Китай по-прежнему оставался на положении полуколонии.

Ответ на насущные вопросы Китая передовые китайские люди искали в ленинизме, а конкретный путь революционных преобразова-

¹⁶ «Внешняя политика СССР. 1917—1944 гг. Сборник документов». М., 1944, т. 1, стр. 300.

¹⁷ Ли Да-чжао. Победа большевизма. — «Синь цинянь», 1918, № 5.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Сунь Ят-сен. Избр. произв. М., 1964, стр. 290.

ний указывал им воплощенный в революционную практику опыт Октябрьской социалистической революции, совершенной русским рабочим классом в союзе с трудовым крестьянством под руководством ленинской большевистской партии.

II. Ленинское учение и проблемы китайской революции

В. И. Ленин разработал развернутую научную программу революционной борьбы народов колониальных и зависимых стран за национальное и социальное освобождение и определил задачи коммунистических партий в руководстве этой борьбой.

В. И. Ленин исходил из того, что «после империалистической войны, взаимные отношения народов, вся мировая система государств определяются борьбой небольшой группы империалистических наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия»²⁰. Подразделяя мировую систему на угнетенные и угнетающие нации, В. И. Ленин предупреждал и о том, «что очень часто — пожалуй, даже в большинстве случаев — буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальные движения, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т. е. вместе с нею, борется против всех революционных движений и революционных классов»²¹.

В ленинском учении, таким образом, при определении противоборствующих сил в мире в основу положен классовый, а не национальный принцип; исходя из этого принципа дана характеристика и позиции национальной буржуазии угнетенных стран, по-разному относящейся к проблемам национального освобождения и социально-демократических преобразований.

В. И. Ленин открыл ясную перспективу для народов угнетенных стран на втором этапе национально-освободительной революции, после национального освобождения и перехода к социально-демократическим преобразованиям.

Основываясь на опыте революционного движения и общественных преобразований отсталых в прошлом колониальных окраин царской России, В. И. Ленин сделал вывод о том, «что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»²².

Этот вывод является величайшей заслугой В. И. Ленина и знаменует собой дальнейшее развитие марксистско-ленинской теории пролетарской революции.

Им руководствовалась и КПК, определяя перспективы революции в Китае. После освобождения Китая от японских интервентов и разгрома реакционных гоминьдановских сил, поддерживаемых империалистическими кругами США, Китайская коммунистическая партия, опираясь на помощь Советского Союза, выдвинула программу (генеральная линия КПК на переходный период — 1952 г.) социалистического строительства в Китае.

При определении задач революции в колониальных и зависимых странах В. И. Ленин особое внимание уделял аграрной проблеме.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 242.

²¹ Там же, стр. 243.

²² Там же, стр. 246.

Он писал: «По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, надо в особенности иметь в виду... необходимость поддерживать специально крестьянское движение в отсталых странах против помещиков, против крупного землевладения, против всяких проявлений или остатков феодализма, и стараться придать крестьянскому движению наиболее революционный характер...»²³

В. И. Ленин указал коммунистическим партиям конкретные пути для решения проблем аграрной революции. Он вел решительную борьбу как против попыток оппортунистических партий II Интернационала ограничить пролетарское движение узкоцеховыми, профессиональными интересами, так и против «народников», не понявших руководящей роли рабочего класса. «Только городской и промышленный пролетариат, руководимый коммунистической партией,— писал В. И. Ленин,— может избавить трудящиеся массы деревни от гнета капитала и крупного помещичьего землевладения, от разрухи и от империалистических войн, неизбежных снова и снова при сохранении капиталистического строя. Трудящимся массам деревни нет спасения иначе, как в союзе с коммунистическим пролетариатом, в беззаветной поддержке его революционной борьбы за свержение ига помещиков (крупных землевладельцев) и буржуазии»²⁴.

Ленинские идеи по аграрному вопросу при содействии ИККИ были положены в основу решений IV съезда КПК (январь 1925 г.). ими руководствовались китайские коммунисты-интернационалисты и в последующие годы. Горячим последователем и пропагандистом ленинской аграрной политики был Ли Да-чжао. Он первым в Китае обосновал применительно к конкретным китайским условиям ленинский тезис о путях решения аграрной проблемы под руководством рабочего класса.

В. И. Ленин в своих многочисленных трудах создал теорию социалистической революции и обосновал конкретные формы и пути перехода от капитализма к социализму.

Ленинская теория социалистической революции была положена в основу при разработке Коммунистической партией Китая «генеральной линии в переходный период»²⁵.

При рассмотрении итогов выполнения первого пятилетнего народнохозяйственного плана VIII съезд КПК (1956 г.), основываясь на ленинском выводе о том, что «...переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*»²⁶, констатировал, что и в Китае «...демократическая диктатура народа после победы буржуазно-демократической революции в масштабах всей страны по существу представляет собой диктатуру пролетариата»²⁷.

VIII съезд КПК на основе этого вывода наметил развернутую систему мероприятий по идеологическому воспитанию и укреплению рядов КПК, по расширению интернациональных связей с международным коммунистическим движением. В Уставе КПК, принятом I-й сессией

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 166—167.

²⁴ Там же, стр. 169.

²⁵ См.: «Тезисы для изучения и пропаганды генеральной линии партии в переходный период».

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 35.

²⁷ «Резолюция VIII Всекитайского съезда КПК по политическому отчету ЦК КПК». — «Материалы VIII съезда КПК». Пекин, 1956 (на русск. яз.), т. I, стр. 126.

VIII съезда КПК, говорилось: «Коммунистическая партия Китая в своей деятельности руководствуется марксизмом-ленинизмом»²⁸ — и далее: «Партия прилагает усилия для развития и укрепления дружбы со странами лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого Советским Союзом, укрепляет солидарность пролетарского интернационализма, изучает опыт мирового коммунистического движения... воспитывает своих членов и народ в духе интернационализма, выраженного в призыве «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»²⁹.

В годы сотрудничества КНР с СССР и другими социалистическими странами (1949—1957 гг.) экономические планы и народнохозяйственное управление КНР также в своих главных чертах основывались на учении В. И. Ленина и на опыте мировой социалистической системы. Известно, что именно в этот период китайский народ добился выдающихся успехов в создании первичной материально-технической базы социализма.

Курс на строительство социализма в содружестве с Советским Союзом и другими социалистическими странами намечался VIII съездом КПК (первая сессия) и на будущее, однако был прерван Мао Цзэ-дун и его сподвижниками в 1958 г.

III. Ленинская политика в отношении Китая

Советское государство на протяжении всей истории советско-китайских отношений неизменно руководствовалось учением В. И. Ленина и в отношении Китая и было всегда на стороне китайского народа в его борьбе за национальное и социальное освобождение. В. И. Ленин и руководимая им партия русских большевиков-коммунистов, определяя внешнюю политику в отношении Китая в первые послеоктябрьские годы, исходили из того, что китайскому народу, борющемуся за национальное и социальное освобождение, приходится сталкиваться с силами не только внутренней реакции, но и с внешними империалистическими силами.

Китайская революция, таким образом, сталкивалась с силами мирового капитала, намного превосходившими слабо вооруженные и недостаточно организованные демократические силы Китая. В этих условиях международная помощь пролетариата, прежде всего первого социалистического рабоче-крестьянского государства — Советской России, становилась объективной необходимостью для победы китайской революции.

Исходя из этого и учитывая конкретную обстановку в Китае, Советское государство стремилось установить связи «с теми общественными силами в Китае, — говорилось в докладе НКВД VIII съезду Советов, — которые борются за его освобождение от внешнего гнета и насилий и за превращение его в объединенную демократическую страну...»³⁰.

В свою очередь и китайские демократы, сплотившиеся вокруг д-ра Сунь Ят-сена и образовавшие Южное правительство, пытались завязать связи с Советским правительством. В августе 1921 г. глава Южного правительства Сунь Ят-сен направил на I съезд трудящихся

²⁸ Цит. по: «Материалы VIII съезда КПК». М., стр. 137.

²⁹ Там же, стр. 141.

³⁰ Из годового отчета НКВД VIII съезду Советов (1919—1920 гг.). — «Документы внешней политики СССР». М., 1958, т. 2, стр. 730.

Дальнего Востока своего представителя с письмом к наркому Г. В. Чичерину, в котором выражалась заинтересованность в изучении опыта организации в России советов, армии, системы образования. Сунь Ят-сен писал, что он «хотел бы знать все, что Вы и другие можете сообщить об этих вещах»³¹. В ответном письме Сунь Ят-сену Г. В. Чичерин по поручению Советского правительства писал: «Независимо от последующего развития наших политических позиций в Европе и вне ее наше Правительство никогда не свернет с пути самой верной, сердечной и искренней дружбы и сотрудничества с китайским народом, достижение благосостояния и свободное развитие которого являются нашим самым искренним желанием»³².

В январе 1923 г. в Шанхае во время личной встречи с представителем Советской России А. А. Иоффе, прибывшим в Китай для ведения переговоров об установлении дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем, Сунь Ят-сен обратился с просьбой, адресованной Советскому правительству, об оказании Южному правительству финансовой помощи и направлении советников³³. В соответствии с этой просьбой в Южный Китай были направлены в качестве политического советника М. М. Бородин и в качестве главного военного советника П. А. Павлов, а после неожиданной смерти последнего — прославленный советский полководец В. К. Блюхер, а также группа советников, в том числе В. Поляк, А. И. Черепанов, Т. А. Бесчастнов, Е. А. Яковлев, Г. И. Гилев, П. И. Смирнов, Н. И. Кончиц, И. К. Мамаев и другие. Накануне Северного похода (апрель 1926 г.) в Южном Китае работало 58 советских советников. С их помощью и на средства Советского правительства в 1924 г. была создана военная школа Вампу, сыгравшая важную роль в подготовке военных кадров китайской революционной армии. Перед началом Северного похода Советским правительством было принято решение об усилении военной помощи и о срочной поставке Кантонской армии вооружения. Во исполнение этого решения из Владивостока в мае — октябре 1926 г. были доставлены в Кантон крупные партии вооружения, боеприпасов и военного снаряжения. В связи с объявленным весной 1925 г. англо-американскими фирмами «нефтяного бойкота» Южного Китая Советское правительство приняло меры для регулярной доставки бензина, керосина и других нефтепродуктов Китаю. Из далекого Батуми при крайне ограниченных возможностях морского флота советские организации удовлетворяли большую часть потребности революционной армии и Южного правительства в нефтепродуктах.

Значительную помощь Советский Союз оказывал и северным национальным армиям Китая под общим командованием генерала Фын Юй-сяна. Из Советского Союза были направлены две группы советников численностью свыше 60 человек; в их составе были видные военачальники Путья, Примаков, Питкевич, Климов, Скалов и др.

Китайская революция 1924—1927 гг. в результате отхода буржуазии и измены правого миньдановцев во главе с Чан Кай-ши, вступивших в сговор с империалистическими государствами, потерпела поражение. Однако помощь советского народа имела важное значение для последующей революционной борьбы китайского народа. От имени

³¹ См.: Р. А. Мировицкая. Первое десятилетие. — «Ленинская политика СССР в отношении Китая». М., 1968, стр. 24.

³² «Документы внешней политики СССР», т. 5, стр. 84.

³³ Архив Министерства обороны СССР. (Цит. по: Р. А. Мировицкая. Первое десятилетие. М., 1968, стр. 26.)

правительства КНР маршал Не Жунь-чжэнь в 1957 г. направил бывшим советским советникам в Китае письма, в которых заверял советских ветеранов, что «китайский народ никогда не забудет» об их участии в китайской революции; победа, одержанная китайским народом в настоящее время, писал маршал Не, неотделима от вклада, который вы внесли в дело китайской революции в то время³⁴.

Не менее важную помощь оказал Советский Союз Китаю в тяжелые для китайского народа годы японского вторжения. Расчеты гоминьдановского правительства на помощь США и Англии в противодействии Японии оказались иллюзорными. Отклонение гоминьдановским правительством под давлением США предложения Советского Союза о заключении советско-китайского договора о взаимопомощи ускорило развязку японской агрессии против Китая и показало широким кругам китайской общественности пагубность антисоветской позиции гоминьдановского Китая. После вторжения японских войск во внутренний Китай 7 июля 1937 г. гоминьдановское правительство было вынуждено искать пути к сближению с Советским Союзом и прекращению гражданской войны в Китае.

Советское правительство было единственным, которое поддержало на Брюссельской конференции в ноябре 1937 г. обращение Китая об оказании ему иностранными государствами помощи и о прекращении поставок в Японию военного снаряжения из США, Англии и других западных стран. Вслед за тем Советское правительство предоставило Китаю три займа (два займа по 50 млн. ам. долл. в 1938 г. и третий займ — 150 млн. ам. долл. — в 1939 г.). Поскольку японским оккупантам удалось блокировать морское побережье Китая, а западные страны не оказывали ему реальной помощи, советские поставки вооружения, материалов, горючего и советские летчики, танкисты и инструкторы сыграли весьма важную роль в антияпонской борьбе китайского народа в течение 1938—1939 гг. При содействии Советского Союза была создана специальная автотрасса от Алма-Аты до Ланьчжоу, снабженная советскими автомашинами, по которой в глубоком тылу осуществлялись поставки из Советского Союза. В этот период Китай получил из Советского Союза 885 боевых самолетов, 82 танка, 700 автомашин, 690 орудий, 3900 ручных и станковых пулеметов и соответствующие комплекты боеприпасов для них³⁵. Общая стоимость советских поставок вооружения, транспортных средств, горючего и различных материалов, предоставленных в счет трех указанных кредитов до 1940 г., составила 173,2 млн. ам. долл.³⁶ Для обучения и управления посылаемой военной техникой до середины февраля 1939 г. в Китай было направлено 712 летчиков и авиатехников и около 200 военных советников различных специальностей, в том числе такие видные военачальники, как В. И. Чуйков, П. С. Рыбалко, П. Ф. Батицкий, А. И. Черепанов. Советская военная помощь Китаю в годы антияпонской войны высоко оценивалась как гоминьдановским правительством, так и руководителями КНР, в том числе и Мао Цзэ-дуном. «С начала войны сопротивления ни одно правительство какой-либо империалистической державы не оказало нам настоящей помощи,— говорил Мао Цзэ-дун в декабре

³⁴ Письмо хранится в личном архиве бывшего советника в Китае генерала Н. И. Кончица.

³⁵ См.: А. Г. Яковлев. СССР и борьба китайского народа против японской агрессии (1931—1945 гг.). — «Ленинская политика СССР в отношении Китая», стр. 103.

³⁶ М. И. Сладковский. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1958, стр. 284.

1949 г. — Только Советский Союз оказал нам помощь своими людскими, материальными и финансовыми силами в большом размере»³⁷.

В конце 1939 г. гоминьдановское правительство стало на путь нарушения соглашения с КПК о прекращении гражданской войны и едином антияпонском национальном фронте. В ряде пунктов страны гоминьдановские армии нападали на народно-освободительные части 8-й и 4-й армий, находившиеся под руководством КПК, и в то же время почти полностью свернули операции против японских оккупантов. В изменившихся условиях Советское правительство не могло продолжать военные поставки гоминьдановскому правительству, в связи с чем третий кредит (150 млн. ам. долл.) был использован лишь в сумме 73,2 млн. ам. долл. В первые годы развязанной гитлеровской Германией войны против СССР, особенно после приближения фашистских армий к Москве и Волге, правые гоминьдановцы вновь вернулись к антисоветской позиции и вопреки интересам китайского народа стали свертывать экономические связи с Советским Союзом. Антисоветизм проникал и в ряды КПК. В 1941—1949 гг. в КПК по указанию Мао Цзэ-дуна была развернута кампания против «московских коммунистов» (под флагом «исправления стиля» — чжэн фын), в результате которой многие китайские коммунисты, придерживавшиеся интернационалистических позиций, подвергались репрессиям, а других заставляли подписывать «исповедь» — отречение от взглядов солидарности с Советским Союзом и Коминтерном.

Однако решающие победы Советской Армии под Москвой, на Волге, поддержка миролюбивыми силами мира Советского Союза как главной силы, способной нанести полное поражение немецкому фашизму и освободить угнетенные гитлеризмом народы Европы, способствовали укреплению позиций сторонников дружбы с Советским Союзом. Общественные круги не могли не оценить роли СССР в борьбе с мировыми силами фашизма, влияния победы советских армий на зарвавшихся японских милитаристов. «Победы Красной (Советской. — М. С.) Армии, — говорилось в приветственной телеграмме ЦК КПК по случаю XXV годовщины Октябрьской революции, — безгранично радуют китайский народ, ведущий войну против Японии, ибо они не только поддерживают наше мужество и нашу уверенность в победе, но и наносят смертельный удар по японскому империализму»³⁸.

Советский Союз оправдал надежды китайского народа. Разгром советскими войсками отборной миллионной Квантунской армии на территории Маньчжурии вынудил императорскую Японию капитулировать, и, таким образом, Китай смог окончательно освободиться от японских оккупантов и обрести национальную независимость. На освобожденной Советской Армией территории Северо-Востока Китая быстро укреплялась народная власть. Советская Армия и организации помогли народным органам восстановить промышленность, транспорт, связь, финансы и торговлю в этом районе.

Северо-Восток Китая превратился в основную военно-стратегическую базу Народно-освободительной армии, вынужденной вести вооруженную борьбу против армии Чан Кай-ши, за спиной которого стояли империалистические круги США. Здесь создавалась армия под командованием Линь Бяо, получившая из Советского Союза современное вооружение и материальное обеспечение. Большое значение имело быстрое восстановление советскими железнодорожниками железных

³⁷ «О китайско-советской дружбе». Пекин, 1950, стр. 6.

³⁸ Пы и Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959, стр. 220—221.

дорог Северо-Востока, на которых отступавшими гоминьдановскими войсками были разрушены мосты через р. Сунгари, а также многие другие железнодорожные сооружения. Советские организации и специалисты осуществляли техническое и административное обучение китайских кадров, обеспечивали восстановление и эксплуатацию промышленных и транспортных предприятий, поскольку на Северо-Востоке в период длительной японской оккупации китайские технические, административные кадры и владельцы предприятий были либо физически уничтожены, либо изгнаны из пределов района.

К 1949 г. в руках народно-демократической администрации оказались все главнейшие промышленные, транспортные, торговые, финансовые предприятия, восстановленные с помощью советских организаций и послужившие основой общенародного, государственного сектора экономики Китая.

С образованием Китайской Народной Республики и вступлением страны на путь строительства социализма открылись новые перспективы развития советско-китайских отношений. С первых дней существования Китайской Народной Республики отношение к ней со стороны Советского Союза явилось воплощением ленинских принципов межгосударственных отношений, провозглашенных Октябрьской революцией.

Советский Союз был первым государством, которое сразу же после образования КНР, 2 октября 1949 г., заявило о признании нового, народного Китая и об установлении с ним дипломатических отношений. Это упрочило положение Китайской Народной Республики на международной арене. «Китайское правительство и китайский народ,— говорилось в ноте МИД КНР в связи с установлением дипломатических отношений между СССР и КНР,— испытывают безграничную радость по поводу того, что сегодня Советский Союз стал и первой дружественной державой, признавшей Китайскую Народную Республику»³⁹.

Важное значение для развития и упрочения советско-китайских отношений имел Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, подписанный 14 февраля 1950 г. и юридически оформивший систему всестороннего сотрудничества обеих стран.

Одновременно с заключением Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи были подписаны соглашения о предоставлении правительством СССР правительству КНР долгосрочного экономического кредита в сумме 300 млн. ам. долл. и об оказании Советским Союзом помощи КНР в строительстве 50 крупных промышленных предприятий.

Тогда же правительство Советского Союза специальной нотой известило правительство КНР, что безвозмездно передает КНР имущество, приобретенное советскими хозяйственными организациями у японских собственников в Маньчжурии (44 завода, 2 электростанции, портовые сооружения и оборудование порта Дальний, судостроительная верфь, рыбный и пищевой комбинаты, 2 автобазы с наличным автопарком и мастерскими и др.), а также все здания бывшего русского военного городка в Пекине.

Учитывая коренные изменения в международной обстановке на Дальнем Востоке в результате образования КНР, Советское правительство решило по-новому подойти к вопросу о китайской Чанчуньской железной дороге (КЧЖД), Порт-Артуре и Дальнем.

В соглашении о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем, подписанном 14 февраля 1950 г., указывалось, что Советское правительство после

³⁹ «Советско-китайские отношения. 1917—1957». Сборник документов. М., 1959, стр. 216.

заклучения мирного договора с Японией, но не позднее конца 1952 г., безвозмездно передаст правительству КНР все свои права по совместному управлению КЧЖД со всем принадлежавшим дороге имуществом. Стороны договорились также о порядке временного совместного использования военно-морской базы Порт-Артур и выводе в тот же срок с этой базы советских войск.

Оценивая значение подписанных документов, Мао Цзэ-дун должен был признать (на заседании правительства 11 апреля 1950 г.): «Новые китайско-советские договоры и соглашения юридически закрепили дружбу между великими народами Китая и Советского Союза, дали нам надежного союзника. Они облегчили нам работу в области внутреннего строительства и совместного противодействия империалистической агрессии во имя сохранения мира во всем мире». По окончании восстановительного периода (1949—1952 гг.) КНР приступила к широкому плановому строительству на основе разработанной в 1952 г. генеральной линии КПК, предусматривавшей с помощью Советского Союза и других социалистических стран в течение 15 лет (1953—1967 гг.) превратить Китай в индустриально-аграрную социалистическую державу.

Между КНР и Советским Союзом были заключены общеполитические, финансовые, экономические, научно-технические, военные и другие соглашения, предусматривавшие всестороннюю помощь Советского Союза Китаю в деле осуществления генеральной линии КПК. Советский Союз за период 1950—1956 гг. предоставил Китаю кредиты на сумму около 2 млрд. ам. долл. и безвозмездно передал научно-техническую документацию (проекты, чертежи, патенты, инструкции и другие документы), в которой отражался научно-технический и производственно-административный опыт Советского Союза за годы социалистического строительства, стоимость которой (даже по приблизительной оценке) по мировым стандартам не ниже стоимости кредитной помощи.

В период 1953—1958 гг. при содействии Советского Союза в КНР были созданы многие новые отрасли промышленности: самолетостроение, автомобильная, тракторная, приборостроение, производство качественных сталей, современного вооружения; в 1956 г. был построен крупный атомный реактор и переданы документация, лабораторное оборудование и материалы для дальнейшего развития национальной атомной промышленности в мирных целях. В связи с войной в Корее и нависшей угрозой вторжения американских армий в КНР Советский Союз оказывал Китаю политическую поддержку, материальную и военную помощь, а в 1954 г. передал Китаю военно-морскую базу Порт-Артур с полным военно-морским, авиационным и артиллерийским вооружением. Советский Союз в течение 1950—1958 гг. оказал помощь КНР путем проектирования предприятий, поставки оборудования, монтажа и пуска его в эксплуатацию, в создании 221 промышленного объекта. Кроме того, по соглашениям 8 августа 1958 г. и 7 февраля 1959 г. предусматривалось в течение второй и третьей пятилеток (1958—1962 и 1963—1967 гг.) оказать содействие в строительстве 125 дополнительных объектов. Оценивая значение советской экономической и научно-технической помощи, центральная газета КПК «Жэньминь жибао» писала в феврале 1959 г., что эта помощь «по своим масштабам не имеет прецедента в истории. Китайский народ всегда считает, что советская помощь является одним из самых важных факторов достижения быстрого прогресса в нашей стране».

Советская внешняя политика по отношению к Китаю на протяжении всей истории Советского государства неизменно основывалась на принципах пролетарского интернационализма и являлась претворением в жизнь ленинского учения в конкретных исторических условиях.

IV. Ответственность маоцзедуновского руководства перед китайским народом и мировой прогрессивной общественностью за нарушение ленинских принципов в отношениях между социалистическими государствами

Маоцзедуновское руководство не только отказалось от социалистических принципов внешней политики, но и всеми способами стремится помешать проведению ленинской внешней политики Советского Союза. Изолировав КНР от многих социалистических стран, от международного коммунистического движения, маоисты лишили Китай, страну с недостаточно развитой экономикой и относительно слабой пролетарской прослойкой, важных преимуществ, получаемых социалистическими странами от содружества между собой, от интернациональной солидарности.

Террором и насилием маоисты устранили от государственного и партийного руководства наиболее теоретически подготовленных, обладавших опытом социалистического строительства коммунистов-интернационалистов и благодаря этому смогли повернуть КНР на путь великодержавной националистической политики, базирующейся, с одной стороны, на «расовой общности» азиатских народов, на противопоставлении «Востока» «Западу», а с другой — на блокировании с любыми антисоциалистическими силами, противостоящими Советскому Союзу и другим социалистическим странам. Примером тому могут служить попытки маоцзедуновского руководства установить союз с японскими монополистическими кругами, а также сближение с США и другими империалистическими странами на антисоциалистической, антисоветской основе.

Антисоциалистическая внешняя политика маоцзедуновского руководства вытекает из общего маоистского курса и явилась следствием отхода от генеральной линии на переходный период, принятой КПК в 1952 г. и подтвержденной VIII съездом в 1956 г., и разгона конституционных органов народной власти и общественных организаций. Для осуществления великодержавной, националистической политики маоисты на первый план выдвигают бывших видных гоминьдановских деятелей (Фу Цзо-и), широко используют китайскую эмигрантскую буржуазию, добиваются даже привлечения на свою сторону правителей тайваньского режима, главарей реакционных режимов. Эта политика противоречит коренным интересам китайского народа, а потому обречена на провал.

Антисоветизм, который является стержнем внешнеполитического курса маоистов, не отражает истинных чувств китайского народа к русскому народу, к Советскому Союзу и в истории советско-китайских отношений не раз брался на вооружение реакционными правительствами старого Китая. Однако, как показывает исторический опыт, антисоветизм всегда приносил Китаю большой урон, и китайский народ заставлял своих правителей восстанавливать добрососедские отношения с Советским Союзом. Так было в 1924 г., когда под влиянием

развернувшегося всенародного движения в Китае пекинское правительство было вынуждено установить дипломатические отношения с Советской Россией. Так было и в 1932 г., когда правогоминьдановское правительство, приведшее Китай к разрыву отношений с СССР в 1929 г., под давлением народа в годы смертельной опасности, нависшей над страной со стороны японского империализма, вынуждено было восстановить дипломатические отношения и воспользоваться помощью Советского Союза.

Маоисты искусственно раздувают антисоветизм в стране, прибегают к различным провокациям, запугивают китайский народ «угрозой с Севера» и в этой обстановке чинят расправу над лучшими людьми Китая.

Маоцзэдуновское руководство идет на открытый союз с империалистическими силами на антисоциалистической основе и превращает антисоветизм в своеобразную плату реакционным кругам за их услуги в борьбе с Советским Союзом и другими социалистическими государствами.

Маоисты пытаются подавить добрые чувства китайского народа к Советскому Союзу, забыть все то доброе, что сделал советский народ Китаю на протяжении всей истории советско-китайских отношений, опорочить и подорвать ленинскую внешнюю политику Советского Союза.

История жестоко осудила антисоветизм китайских реакционеров в прошлом. Она осудит и нынешних руководителей КНР.

* * *

Великий сын китайского народа д-р Сунь Ят-сен в последнем послании Советскому Союзу писал: «Вы возглавляете Союз свободных республик. Этот Союз свободных республик есть то подлинное наследие, которое бессмертный Ленин оставил миру угнетенных народов. Опираясь на это наследие, народы, изнывающие под гнетом империализма, отстают свою свободу и добьются освобождения от существующего в мире строя, издревле основанного на рабстве, войнах и своекорыстии»⁴⁰.

Китайский народ не забудет эти проникновенные слова великого китайского демократа, выражающие его добрые чувства к Ленину, к Советскому Союзу.

⁴⁰ Сунь Ят-сен. Избр. произв. Пекин, 1956, т. 2, стр. 922 (на кит. яз.).

Изучение Дальнего Востока в системе Академии наук СССР

*Е. М. Жуков,
академик*

Колыбелью академического востоковедения, в том числе и изучения стран Дальнего Востока, по праву считается Азиатский музей Академии наук, учрежденный в 1818 году. В недрах этого учреждения откладывались рукописи и другие материалы на восточных языках, служившие базой востоковедческих исследований. Но начало изучения стран Дальнего Востока в Академии наук имеет еще более давнюю историческую традицию. Приоритет в этом отношении принадлежит отечественной синологии.

Уже в самом первом составе Петербургской Академии наук, созданной в 1725 г., работал академик Зигфрид Байер (1694—1738), подготовивший грамматику китайского языка. А в 1741 г. в Академию наук был зачислен И. К. Россохин, осуществивший вместе с А. Л. Леонтьевым крупную работу — перевод 17-томного китайского труда, посвященного описанию маньчжуров.

На протяжении второй половины XVIII столетия в библиотеке Академии наук происходил процесс постепенного накопления китайских, маньчжурских, монгольских и японских рукописей. Однако систематической работы над ними еще не велось.

Перелом произошел в начале XIX столетия, когда член-корреспондентом Академии наук стал выдающийся деятель науки Н. Я. Бичурин (1777—1853), заложивший прочную основу русской синологии.

Будучи ученым исключительно широкого диапазона, интересовавшийся историей, этнографией, географией Китая, Н. Я. Бичурин глубоко проникал в духовную культуру китайского народа. Ему было глубоко чуждо распространенное в то время пренебрежительное отношение к Китаю. Исследовательская работа Н. Я. Бичурина базировалась на основательном изучении китайских источников и была отмечена горячим стремлением понять объективные условия жизни китайского народа, истоки его богатой культуры. Как представитель передовой русской интеллигенции, человек прогрессивных взглядов, Н. Я. Бичурин много сделал для преодоления одностороннего «европоцентристского» подхода к странам зарубежного Востока.

Научное наследие Н. Я. Бичурина исключительно велико. Во многом оно не утратило своего значения и до настоящего времени.

Необходимо отметить, что деятельность русских синологов вплоть до конца XIX столетия развертывалась в основном вне стен Академии наук. Вместе с тем учрежденный в 1818 г. Азиатский музей Академии наук являлся крупнейшим собранием рукописей и книг на восточных языках, в том числе на языках народов Дальнего Востока. Разумеется, следует иметь в виду, что первоначально речь шла только об описании этого фонда. Начинаясь тогда исследования носили преимуще-

шественно филологический характер, что соответствовало принципиальным установкам «классического» востоковедения.

В 1886 г. академиком был избран выдающийся синолог Василий Павлович Васильев (1818—1900). Дальнейшее развитие русского востоковедения (в части изучения стран Дальнего Востока) было тесно связано с деятельностью В. П. Васильева и его учеников (А. И. Иванова и других).

Наследие В. П. Васильева отмечено исключительным разнообразием его научных интересов.

Академик В. П. Васильев оставил большое количество работ, посвященных китайской филологии, проблемам истории философии и истории религии стран Дальнего Востока. В условиях дореволюционной России он испытывал исключительные трудности в своей деятельности, связанные прежде всего с отсутствием необходимой поддержки, невозможностью опубликовать результаты своих исследований.

Академик С. Ф. Ольденбург в специальной статье, посвященной памяти В. П. Васильева, опубликованной в 1900 г., с горечью отмечал отсутствие должного внимания и интереса к синологической деятельности этого выдающегося русского ученого.

«Чтобы вполне оценить заслуги Василия Павловича, — писал С. Ф. Ольденбург, — бесспорно лучшего русского и одного из лучших сиологов вообще, недостаточно рассмотреть одни его печатные труды, потому что самые крупные из его трудов, подготовленные к печати пятьдесят или сорок лет тому назад, никогда не увидели света». И далее, С. Ф. Ольденбург поясняет: «Нельзя было писать специальные исследования по-русски — ни печатать, ни читать их никто бы не стал...» («Памяти В. П. Васильева», ЗВОРАО, т. XIII, в. I, Спб., 1900, стр. 47).

В дореволюционной Академии наук невозможно было успешно преодолеть эти исключительные препятствия, стоявшие на пути развития российского востоковедения.

Этим в значительной мере объясняется тот факт, что развитие синологии, а в дальнейшем и японоведения, было связано с работой ученых, действовавших в составе русских духовных миссий (Н. Я. Бичурин, Палладий Кафаров и др.). Академик В. В. Бартольд писал о русской духовной миссии в Пекине: «Миссия дала России целый ряд выдающихся сиологов, и услугами лиц, научившихся китайскому во время пребывания при миссии в Пекине, впоследствии пользовались все русские ученые учреждения, имевшие отношение к востоковедению — от Академии наук до факультета восточных языков включительно» («Материалы для истории, факультета восточных языков», Спб., 1909, т. IV, стр. 7).

В 1902 г. в Азиатский музей Академии наук был зачислен В. М. Алексеев, впоследствии академик. С деятельностью В. М. Алексеева (1881—1951) — виднейшего знатока китайского языка и литературы — связан важный период в развитии русского, а затем и советского Китаеведения. Началась систематическая обработка непрерывно пополнявшихся в Азиатском музее коллекций китайских, маньчжурских и тибетских раннепечатных книг и рукописей. Особое внимание уделялось классической китайской литературе.

Дореволюционные академические исследования, посвященные странам Дальнего Востока, почти целиком шли в русле традиций старого «классического» востоковедения. В немалой степени сказывалось влияние западноевропейской, в основном французской, ориенталистики.

Положительной стороной «классического» востоковедения было скрупулезное исследование оригинальных письменных источников на восточных языках. Первоосновой неизменно была восточная филология, предполагавшая высокую лингвистическую подготовку. Но при этом знание восточного языка не всегда являлось самоцелью. Востоковедная наука начиналась с исследования содержания текста надписи, манускрипта, книги.

Поскольку это содержание могло касаться любых сторон жизни общества, то тематический диапазон востоковедения был достаточно широким. Он включал в себя историю, философию, литературу, искусство, религию и многое другое. В целом для востоковедения была характерна нерасчлененность конкретных объектов исследования. Это свидетельствовало не столько о комплексности старой востоковедческой науки, сколько о том, что даже в лучших ее образцах подход к странам Востока был односторонним: преимущественно через призму литературных памятников.

Основным недостатком «классического» востоковедения было то, что Восток рассматривался преимущественно как пассивный объект исследования. Независимо от субъективных идейных позиций того или иного ученого, даже при наличии его индивидуальных симпатий к народам Востока, «классическое» востоковедение в той или иной степени несло на себе отпечаток неравноправного, высокомерного отношения к объекту исследования. Это было отражением объективного положения, сложившегося в условиях существования колониализма, фактического разделения стран на угнетающие и угнетенные. Старое востоковедение родилось в недрах буржуазного общества и обслуживало его потребности. Оно не могло быть нейтральным по отношению к господствовавшей колонизаторской идеологии. Напротив, оно впитывало эту идеологию и в конце концов само ее воспроизводило.

Нужны были коренные революционные перемены для того, чтобы создались условия для появления новой востоковедческой науки.

Лишь победа новых общественных отношений, связанная с полным разоблачением и идейно-политическим разгромом колониализма, обеспечила благоприятную обстановку для кристаллизации принципиально нового научного подхода к изучению стран Востока.

После Великой Октябрьской социалистической революции родилось новое советское китаеведение.

Наряду с трудами академика В. М. Алексеева и его многочисленных учеников, работавших в области китайской филологии (Ю. К. Щуцкий, Б. А. Васильев, А. А. Драгунов и др.), получили развитие специальные исследования по истории, истории философии и истории культуры Китая (А. А. Петров, Л. И. Думан, В. М. Штейн и др.).

Значительный вклад в отечественную синологию внес академик Н. И. Конрад. Крупным научным достижением явился труд Н. А. Невского, посвященный тангутской филологии. Этот труд, удостоенный в 1962 г. Ленинской премии, продемонстрировал исключительно высокий класс советского тангутоведения.

В 1930 г. по решению Советского правительства был создан Институт востоковедения Академии наук СССР.

Базой для создания Института явился Азиатский музей в Ленинграде.

Перестройка советского востоковедения на более актуальную современную тематику не могла быть достаточно быстрой. Тем не менее

создание академического востоковедческого центра позволило принять меры к пополнению кадров специалистов по Востоку, в частности по странам Дальнего Востока, а также и к расширению тематики исследований.

Партийные и государственные органы активно содействовали тому, чтобы внимание советских востоковедов было переключено на изучение новых важнейших исторических процессов и особенно тех глубоких революционных перемен, которые происходят на зарубежном Востоке.

Организационное и научное укрепление академического научно-исследовательского института, специально занимающегося изучением стран Востока, привело к значительному расширению масштабов советского китаеведения.

Основанные на марксистско-ленинской методологии многочисленные труды, посвященные истории и экономике Китая, проблемам антиимпериалистической национально-освободительной борьбы китайского народа, обогатили советскую востоковедческую науку и завоевали ей международное признание.

Синологическая деятельность Академии наук была тесно связана и с развитием тибетологии. Эта отрасль востоковедческой науки получила свое начало еще в первой половине XVIII столетия, когда академик Г. Ф. Миллер сделал первую попытку научной интерпретации текста тибетской рукописи. Тибетоведение укрепилось в XIX столетии, с избранием в Академию наук Я. И. Шмидта (1779—1847), а затем — А. А. Шифнера (1817—1879). Оба эти ученые вели не только крупные филологические, но и специальные буддологические исследования. Активное участие в изучении тибетской культуры и буддизма принимал академик В. П. Васильев.

В предреволюционные годы и особенно после победы Великой Октябрьской социалистической революции тибетологические и буддологические исследования в Академии наук успешно осуществлялись виднейшими востоковедами — академиками С. Ф. Ольденбургом и Ф. И. Щербатским. Позднее развитию советской тибетологии уже в 50-х годах активно способствовали В. С. Воробьев-Десятовский и Ю. Н. Рерих.

На протяжении ряда лет — и в дореволюционное, и в советское время — в Академии наук велась интенсивная работа в области маньчжуроведения. Активнейшее участие в этой работе принимали практически все виднейшие синологи, включая В. П. Васильева и В. М. Алексеева. Однако наиболее значительный вклад в изучение маньчжурских литературных памятников внес чл.-корр. Академии наук В. Л. Котвич (1872—1944). К сожалению, в дальнейшем работа по маньчжуроведению в стенах Академии наук не получила должного развития.

Одним из самых ранних видов востоковедческой работы Академии наук наряду с синологией явилось монголоведение. Первоначально дело ограничивалось собиранием монгольских рукописей и ксилографов. Правда, в трудах академика З. Байера (1694—1738) имеются следы того, что он специально занимался монгольской письменностью, но начало серьезному изучению монгольских текстов было положено в XIX в. Я. И. Шмидтом (1779—1847). Его достижения на этом поприще получили всеобщее признание.

Качественно новый этап в развитии монголоведения в Академии наук наступил уже в советское время. Этот этап связан с деятельностью В. Л. Котвича, занимавшегося не только Маньчжурией, и особенно с именем академика В. Я. Владимирцова (1884—1931).

Академик В. Я. Владимирцов был в одинаковой мере и историком и филологом, что позволило ему на богатейшем документальном материале обосновать концепцию возникновения и развития монгольского феодального общества. Его книга об общественном строе монголов, равно как его исследования, посвященные сравнительному исследованию монгольских языков, а также монгольскому эпосу, прочно вошли в золотой фонд научной востоковедческой литературы.

В области изучения монгольского эпоса значительные заслуги принадлежат также академику С. А. Козину (1879—1956).

В разное время советское монголоведение в стенах Академии наук успешно представляли А. Ю. Якубовский (1886—1953), Л. С. Пучковский (1899—1970), С. Д. Дылыков, Н. П. Шастина, Б. И. Панкратов и др.

Нельзя не отметить постоянный тесный контакт советских монголистов с учеными Монгольской Народной Республики, успешное научное сотрудничество Академии наук СССР и Академии наук МНР. Это сотрудничество всегда осуществлялось и продолжает осуществляться не только в области естественных, но и общественных наук, в частности в сфере археологии.

Японоведческие исследования в Академии наук получили широкое развитие в наше время.

Это связано прежде всего с деятельностью акад. Н. И. Конрада (1891—1971), который по праву может быть назван основоположником советского японоведения. Будучи прежде всего филологом, Н. И. Конрад внес большой вклад в исследование многих проблем японской древней и средневековой истории. Значительное место в его трудах заняли вопросы истории культуры стран Дальнего Востока.

Нет возможности перечислить многочисленных учеников Н. И. Конрада, которые работали по различным направлениям востоковедческой науки. В области филологии значительные достижения связаны с именами таких японоведов, как Е. М. Колпакчи и А. Е. Глускина, в области философии — Я. Б. Радуля-Затуловский, в области истории — Д. И. Гольдберг и др.

Следует указать, что в 1930 г. после создания Института востоковедения в Академии наук получило свое начало и изучение Кореи (первоначально в составе японо-корейского кабинета под руководством Н. И. Конрада). Заметный вклад в корееведение был внесен А. А. Холодовичем. Однако эти исследования носили исключительно филологический характер.

Как уже отмечалось, созданием в 1930 г. Института востоковедения, в составе которого действовали также кабинеты, объединявшие специалистов по Дальнему Востоку, было положено начало общей перестройке востоковедческой работы в Академии наук.

Значительно большее внимание стало уделяться изучению экономики и политики зарубежных стран Востока, развития национально-освободительной борьбы народов. В Академии наук происходил интенсивный процесс кристаллизации нового, советского, марксистского востоковедения, которое, продолжая изучение стран Востока на основании первоисточников, в то же время решительно порвало со всякого рода идеалистическими концепциями, свойственными западной, буржуазной ориенталистике.

В 30-е годы происходил количественный и качественный рост научных кадров, занимавшихся в системе Академии наук исследованием зарубежных стран Дальнего Востока. В известной степени этому способствовало учреждение аспирантуры при Институте востоковедения

АН СССР, установление контакта с практическими учреждениями, которые вели работу по Востоку.

В суровые годы Великой Отечественной войны Советского Союза востоковедческая деятельность Академии наук СССР несколько сократилась.

Научный центр академического востоковедения, находившийся в блокированном Ленинграде, фактически перестал функционировать. Были созданы сравнительно небольшие востоковедческие ячейки в Москве и в Средней Азии, куда была эвакуирована часть специалистов.

Условия военного времени стимулировали процесс приближения академического востоковедения к обслуживанию потребностей советского государства. Некоторые ученые были непосредственно вовлечены в практическую работу (так, например, видный специалист в области китайской философии А. А. Петров перешел на дипломатическую службу и был одно время послом СССР в Китае).

Во время войны в Москве был создан небольшой Тихоокеанский институт, переданный в систему Академии наук СССР. В деятельности этого института преобладал аспект изучения истории международных отношений на Дальнем Востоке. В его работе принимали активное участие академики А. А. Губер и Е. М. Жуков, китаеведы Г. Н. Войтинский, Г. В. Астафьев, японовед А. Л. Гальперин и др.

В 1950 г. в связи с решением Советского правительства о переводе Института востоковедения из Ленинграда в Москву (в Ленинграде оставалось отделение этого института) в его состав были переданы также кадры одновременно упраздненного Тихоокеанского института.

Перенесение центра академического востоковедения из Ленинграда в Москву имело огромное значение в смысле дальнейшего приближения востоковедческих исследований к запросам современности.

В Академии наук СССР синологические исследования за последнее двадцатилетие получали непрерывное развитие.

Развитие революционного процесса в Китае, образование Китайской Народной Республики, ее первоначальные успехи и последующие трагические события в этой стране, чреватые серьезными опасностями для перспектив развития Китая по социалистическому пути, требовали и требуют глубокого изучения и постоянного внимания со стороны советских ученых.

Успехи академического китаеведения в СССР тесно связаны с научной и научно-организационной деятельностью членов-корреспондентов АН СССР С. Л. Тихвинского, Н. Т. Федоренко, М. И. Сладковского.

Развитие синологии в Академии наук выразилось как в увеличении числа специалистов по различным аспектам изучения истории, экономики, этнографии, филологии Китая, так и в расширении организационных рамок, в которых это изучение осуществляется.

Наряду с Институтом востоковедения АН СССР обширные синологические исследования ведутся в Институте Дальнего Востока АН СССР, а также в Институте этнографии, в Институте философии, в недавно созданном дальневосточном центре АН СССР, в академиях наук некоторых союзных республик.

В тех же учреждениях ведется успешная работа в области японоведения.

Интенсивное экономическое развитие Японии, превращение ее в одну из ведущих держав капиталистического мира, а также растущие экономические связи между Японией и СССР постоянно повышают требования к советскому японоведению.

Исключительно важное и актуальное значение имеют научные исследования, посвященные истории, экономике и культуре братских социалистических стран Дальнего Востока — Монгольской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики.

В Академии наук СССР за последние годы подготовлено и опубликовано немалое количество трудов, посвященных историческому пути и достижениям социалистического строительства в МНР и КНДР.

Экономические исследования в этой области, помимо названных выше востоковедческих академических учреждений, ведутся также в Институте экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР.

Поскольку страны Дальнего Востока как объект научного исследования представляют собою определенный комплекс проблем международного плана, институты Академии наук, и в первую очередь Институт Дальнего Востока, уделяют особое внимание вопросам истории международных отношений данного региона.

Изучение зарубежных стран Дальнего Востока невозможно оторвать от исследования общих проблем развития национально-освободительной антиимпериалистической борьбы, от анализа межимпериалистических противоречий, от выявления того огромного воздействия, которое оказывает на все мировое развитие содружество социалистических стран и в особенности та активная политика реализации Программы мира, которую последовательно проводит Советский Союз.

Проблемы, связанные с изучением Дальнего Востока, в той или иной степени затрагиваются во многих трудах и журнальных статьях, подготавливаемых самыми различными академическими учреждениями, занимающимися вопросами истории, экономики, права, философии и литературы.

Советский Союз — великая страна, многими путями неразрывно связанная со своими дальневосточными соседями.

К объективному изучению этих соседей издавна было приковано внимание наших передовых ученых. Это получило яркое отражение в деятельности Академии наук, которая на протяжении своей двухсотпятидесятилетней истории постоянно обращалась к исследованиям, посвященным дальневосточным странам, создавала базу для таких исследований.

Изучая многообразные проблемы Дальнего Востока, советские ученые, ныне работающие в системе Академии наук, вооруженные марксистско-ленинской теорией, будут использовать и развивать лучшие традиции старейшего высшего научного центра страны, будут высоко держать знамя передовой общественной науки, служащей делу социального прогресса, мира и дружбы между народами.

Успехи советского японоведения

*С. Л. Тихвинский,
чл.-корр. Академии наук СССР*

За 250 лет существования Академии наук СССР родилась и выросла в общем русле востоковедения и наука японоведения, причем наиболее полное ее развитие, подлинная зрелость приходится на период после Великой Октябрьской революции.

Формирование японоведения в Советском Союзе происходило с учетом того опыта, который был накоплен в дореволюционные годы русской наукой в различных областях истории, экономики, этнографии, географии, филологии и других отраслей знаний, с учетом развития современной японской и мировой науки.

Русско-японские отношения складывались в период самонезависимости правящих кругов Японии от контактов с иностранными государствами, тем не менее они носили мирный характер, существенно отличаясь от отношений других европейских стран с Японией, что нашло свое отражение и в процессе изучения Японии в России.

В 1736 г. в Петербурге при Сенатской конторе открылась школа японского языка; в 1754 г. школа была переведена в Иркутск, а в 1761 г. объединена с «Навигацкой школой» и просуществовала до 1816 года. Это было первое в Европе специальное учебное заведение по обучению японскому языку, где преподавали японцы из числа потерпевших кораблекрушения в северных водах Тихого океана и спасенных русскими.

Опубликованный в 1745 г. «Атлас России» с картами пограничных земель, составленный «по правилам географическим и новейшими наблюдениями старанием и трудами Императорской Академии наук» на основании походов русских землепроходцев и мореплавателей, рассказов японских моряков, потерпевших кораблекрушение, и проведенных экспедиционных исследований, внес крупный вклад в географическое изучение Японии и Дальнего Востока.

В 1734 г. выходит первая русская книга о Японии (составленная на основе переводных материалов Степаном Коровиным-Сибирякиным и Иваном Горлицким). В 1768 г. эта книга вышла вторым изданием под названием «Описание о Японии». В 1773 г. в Москве появилась книга профессора Московского университета И. Рейхеля «История о Японском государстве, из достоверных известий собранных». В 1782 г. в Иркутске Андреем Татариновым был составлен словарь под названием «Лексикон российский-японский».

Первый русский труд о Японии, написанный на основе личных наблюдений, — «Известие о первом российском посольстве в Японию под началом поручика Адама Лаксмана» (1792—1793) — внес большой вклад в изучение острова Хоккайдо и Японии в целом.

Экспедиции В. Беринга, А. К. Лаксмана, И. Ф. Крузенштерна, В. М. Головнина, П. И. Рикорда и многих других русских ученых конца XVIII и первой половины XIX в. обогатили отечественную и мировую

науку ценнейшими материалами о Японии, и прежде всего в таких областях, как география, геология, этнография, ботаника и т. п.

В 1855 г. была издана обстоятельная «История Японии» Н. Горлова, содержащая многие сведения, сообщенные проживавшими в России японцами.

Яркое и красочное описание Японии было оставлено известным русским писателем И. А. Гончаровым — участником экспедиции Е. В. Путятина в Японию в 1853 г. на фрегате «Паллада», в результате которой в 1855 г. был подписан первый русско-японский договор в Симода. Во время пребывания Путятин в Японии русские моряки своими силами построили в Хэда (близ Симода) шхуну, на которой они затем вернулись в Россию; при этом они щедро поделились опытом судостроения с японцами, снабдившими в свою очередь их всеми необходимыми для постройки судна материалами; верфь в Хэда, созданная в 1855 г., вошла в историю как родоначальница современного японского судостроения.

После установления русско-японских отношений открылись возможности для посещения Японии русскими учеными. Проживавший в Японии с 1859 г. по 1864 г. выдающийся русский ботаник К. И. Максимович внес большой вклад в дело изучения флоры Японии, щедро делясь своими знаниями с японскими учеными. Работами академика Л. И. Шренка, известного географа и гидролога, адмирала С. О. Макарова, а также географов М. И. Венюкова, А. И. Воейкова, А. Н. Краснова, Л. И. Мечникова, филолога И. А. Гошкевича и др. русских ученых были существенно расширены знания о природе и населении Японских островов.

И все же к началу XX в. общее состояние научной разработки в России проблем, связанных с изучением Японии того времени, ее экономики, истории, международных отношений, культуры, находилось на низком уровне, что, в частности, в определенной мере обусловило катастрофический для царской России исход русско-японской войны 1904—1905 годов.

Поражение в войне с Японией ничему не научило царское правительство, по-прежнему не уделявшее должного внимания развитию японоведения и не выделявшего для этой цели достаточных средств. Хотя в этот период и начинается научная деятельность ряда видных русских японоведов — Д. Н. Анучина, Л. Я. Штернберга, Д. М. Позднеева, Н. В. Кюнера и др., их труды печатаются крайне ограниченными тиражами, часто за их собственный счет. Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции открылись широкие возможности для комплексного научного изучения Японии в нашей стране.

* * *

Для советских ученых-японоведов огромное, можно сказать, неопределимое значение имеют высказывания В. И. Ленина о Японии.

В. И. Ленин пристально следил за стремительным развитием японского империализма, ярко и точно характеризовал в своих трудах место и роль Японии на том или ином историческом этапе. Высказывания В. И. Ленина о Японии восходят к событиям 60—70-х годов XIX века. В «Опыте сводки данных всемирной истории после 1870 года» В. И. Ленин лаконичной формулой «1868—1871: Япония. (Революция и преобразование)»¹ определил революционную природу этих собы-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 671.

тий, положивших конец феодальной эпохе и открывших капиталистическую эру развития Японии. Хотя революция и носила незавершенный характер, в стране сохранились многочисленные феодальные пережитки в экономике и политической структуре, а мероприятия нового японского правительства носили ограниченный характер, не сняли преград на пути развития новых, капиталистических отношений. В то же время В. И. Ленин отмечал, что создание самостоятельного национального государства в Японии позволило обеспечить этой стране — единственной в Азии — «условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма...»².

Исследуя неравномерность развития стран в эпоху империализма, В. И. Ленин отмечал, что для ряда «новых» стран, к которым он причислял Японию, было характерно «...революционизирующее действие крупной машинной индустрии»³. В. И. Ленин дал в своих трудах глубокую характеристику военно-феодального типа японского империализма, подчеркнув, что существенной чертой японского империализма является его особая агрессивность. В. И. Ленин отмечал огромную роль войны во внешней политике Японии на всех этапах ее развития и обратил особое внимание на колониальную политику Японии. «Это государство — буржуазное, — писал В. И. Ленин о Японии, — а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии...»⁴ В. И. Ленин при этом отметил, что колониальная экспансия западных держав — Англии, Франции, Португалии и Голландии в Азии стимулировала японскую агрессию на Азиатском материке.

В. И. Ленин уделил большое внимание русско-японской войне 1904—1905 гг., роли англо-японского союза в подготовке и ведении этой войны и в особенности причинам победы Японии над царской Россией. «Военное могущество самодержавной России, — писал В. И. Ленин, — оказалось мишурным»⁵. «Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием»⁶. «Перед нами не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия», — писал В. И. Ленин в другой своей работе⁷.

Ленинский прогноз о неизбежности поражения царского самодержавия, основанный на твердом научном фундаменте, на анализе расстановки классовых сил в стране накануне революции 1905 г., полностью подтвердился. Оправдалась и последующая ленинская характеристика японо-американских империалистических противоречий и причин неизбежности войны между Японией и США за господство над Китаем, Кореей и странами Тихого океана, за мировое господство. «...Перед нами, — отмечал В. И. Ленин, — растущий конфликт, растущее столкновение Америки и Японии, — ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его побережий, вся она полна совершенно определенных указаний на то, как это столкновение растет и делает войну между Америкой и Японией неизбежной...»⁸

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 262.

³ Там же, т. 26, стр. 65.

⁴ Там же, т. 25, стр. 262.

⁵ Там же, т. 9, стр. 156.

⁶ Там же, стр. 155.

⁷ Там же, т. 10, стр. 252.

⁸ Там же, т. 42, стр. 94.

При этом Ленин отмечал, что «...наша политика не состоит в натравливании в войну. Мы ничего не сделали такого, что оправдало бы войну, прямо или косвенно, между Японией и Америкой»⁹.

Ленинский анализ внутренней жизни Японии и ее международных отношений, вся совокупность марксистско-ленинского учения о классовой борьбе и диктатуре пролетариата и научная методология, разработанная основоположниками марксизма-ленинизма, легли в основу развития советского японоведения.

Уже в 20-х годах во всю ширь разворачивается научная и педагогическая деятельность крупнейших русских этнографов — академик Д. Н. Анучина и чл.-корр. АН СССР Л. Я. Штернберга, являющихся авторами фундаментальных исследований по этногенезу японского народа и других народов Дальнего Востока.

Ранний период изучения Японии в России хорошо освещен в трудах академиков В. В. Бартольда и Л. С. Берга. Крупную лепту в дело изучения японского языка, политической географии и истории Японии а также истории японской внешней политики на Дальнем Востоке внесли труды профессора Д. М. Позднеева, начавшего свою научную деятельность еще в начале столетия. С именем профессора Н. В. Кюнера связано изучение физической и политической географии и истории Японии в 20—30-х годах, подготовка большого количества кадров японистов.

С марксистских позиций были написаны научно-популярные работы по истории Японии М. Павловича, К. А. Харнского и В. Виленского (Сибирякова). Появляются первые исследования по истории японского рабочего движения Я. Н. Петрова.

Вопросы аграрного движения и истории культуры Японии освещались в работах О. В. Плетнера, одновременно внесшего значительный вклад и в изучение японской литературы. В 20-х годах начинается многогранная и плодотворная научная и научно-педагогическая деятельность академика Н. И. Конрада.

В 1922 г. в журнале «Новый Восток» (№ 4) была опубликована статья Н. И. Конрада «Вопросы японского феодализма», в которой ставились проблемы, связанные с изучением родового строя в Японии и разложением первобытно-общинного строя, с возникновением классового общества Японии. В получившей широкую известность книге «Япония. Народ и государство. Исторический очерк», вышедшей в свет в 1923 г. Н. И. Конрад критически разбирает гипотезы относительно происхождения японского народа, дает материалистическое объяснение процессу образования японских племен, как результату смешения различных этнических групп и ожесточенной борьбы между пришельцами и коренными жителями Японских островов. Книга наносила удар по шовинистическим концепциям японских историков, утверждавших превосходство японцев над остальными народами, писавших об этнической «чистоте» и божественном происхождении японской расы и т. д.

Н. И. Конраду совместно с Е. М. Жуковым и Ф. Месиним принадлежит исторический очерк в статье «Япония» (1931) в т. 65 первого издания Большой Советской Энциклопедии.

В «Очерке японской истории с древнейших времен до „революции Мэйдзи“», опубликованном в 1934 г. в сборнике «Япония», Н. И. Конрад дает характеристику первобытно-общинного строя Японии, особенностей процесса его разложения и зарождения частной собственности и аргументирует положение о том, что в силу определенных историче-

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 99.

ских условий рабовладельческий уклад не получил своего развития в Японии. Много внимания уделено средневековому периоду, генезису, развитию и упадку феодального строя в Японии.

Наиболее полно вопросы становления феодальной формации в Японии Н. И. Конрад рассмотрел в своем докладе «Надельная система в Японии» на сессии Академии наук СССР 20 марта 1935 г., в котором он всесторонне исследовал кодекс Тайхорё 701 года. Этот доклад — образец историко-филологического, комплексного научного метода, столь успешно применявшегося Н. И. Конрадом во всех его трудах. В «Лекциях по истории Японии», прочитанных Н. И. Конрадом в 1936—1937 гг., первая часть которых — «Древняя история (с древнейших времен до переворота Тайка, 645 г.)» — была издана в 1937 г., Н. И. Конрад построил убедительную концепцию происхождения японских племен, развития и разложения первобытно-общинного строя и возникновения государства. Лекции подготовлены на основе тщательного изучения первоисточников, данных археологических раскопок, мифологии, фольклора, свидетельств японских, корейских и китайских исторических сочинений, работ современных японских авторов.

* * *

Создание в 1930 г. по решению Советского правительства Института Востоковедения АН СССР явилось важнейшим этапом в дальнейшем развитии японоведения. Именно здесь отныне были сосредоточены в едином академическом центре лучшие научные силы специалистов по Японии, здесь планомерно велась подготовка новых кадров исследователей по различным проблемам Японии. К этому периоду относится начало научной деятельности целой плеяды советских японоведов, среди которых прежде всего надо отметить академика Е. М. Жукова. Кроме уже упомянутой выше статьи в БСЭ, написанной им совместно с Н. И. Конрадом, Е. М. Жуков подготовил также работу о новейшей истории Японии для сборника «Япония». В 1939 г. вышла его книга «История Японии. Краткий очерк», явившаяся первым современным обобщающим трудом по истории Японии в СССР, научная ценность которого не утрачена и в наши дни. Автор убедительно показал рост японского милитаризма, вскрыл антинародную сущность политики японских монополий — дзайбацу. Ряд работ Е. М. Жукова был посвящен истории социалистического движения в Японии.

В 1946 г. было опубликовано исследование Е. М. Жукова «Политика Хидэёси в отношении крестьянства. Реставрация крепостничества в конце XVI столетия в Японии», выполненное на основе тщательного анализа аграрной политики видного государственного деятеля средневековой Японии.

Два издания (1936 и 1939 гг.) выдержала книга Х. Т. Эйдуса (У. Хаяма) «Япония», в которой содержались ценные сведения о современной японской истории, политике и экономике, коммунистическом и рабочем движении. Написанная популярно, она пользовалась широкой известностью у читателей, равно как и работы автора по профсоюзному и рабочему движению в Японии.

В послевоенный период появляется целый ряд трудов по новейшей истории Японии. Одновременно выделяются такие самостоятельные отрасли японоведения, как, например, история внешней политики и международных отношений и исследования о японском монополистическом капитале, что объясняется возросшим интересом к этой проблематике в свете итогов недавно закончившейся мировой войны, один из очагов

которой был зажжен японской военщиной — послушным орудием японских монополий при активном участии японских реакционных политических деятелей и органов японской внешней политики.

Так, в 1957 г. вышла обобщающая работа Е. М. Жукова, А. Л. Гальперина, А. В. Варшавского и П. П. Топеха «Очерки новейшей истории Японии», в которой был дан всесторонний анализ политической истории Японии, показан антидемократический характер политики правящих классов страны, освещены вопросы рабочего, крестьянского и других демократических движений в стране. В книге вскрыты причины реакционной внутренней и агрессивной внешней политики японского империализма и рассмотрен ряд актуальных вопросов из жизни послевоенной Японии.

Несколько ранее были изданы «Очерки новой и новейшей истории Японии» Х. Т. Эйдуса, рассчитанные на широкий круг читателей и в популярной форме излагающие историю этой страны. Примерно в то же время появилась монография И. А. Латышева «Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане. 1931—1941», сразу же обратившая на себя внимание новизной использованного в ней материала и глубиной обобщений. В 1956 г. И. А. Латышев публикует свою вторую работу, «Государственный строй Японии». Исследование П. П. Топеха «Антинародная политика правых лидеров японской социалистической партии (1945—1951)» было посвящено истории одной из наиболее крупных политических партий послевоенной Японии, руководство которой в те годы шло на поводу у американских оккупационных властей и внутренней японской реакции.

Ценным трудом, подводящим итоги достижениям в области изучения Японии к 1957 г., явился исторический очерк в статье «Япония» (т. 48 второго издания Большой Советской Энциклопедии), написанный Н. И. Конрадом и Е. М. Жуковым.

Наибольшее количество исторических работ, выполненных за последнее время советскими учеными, посвящено периоду новейшей истории Японии и охватывает как внутривнутриполитические проблемы страны, так и проблемы внешней политики, современные международные отношения¹⁰

Систематизация и обобщение материала по новейшей истории Японии были предприняты А. М. Дубинским, Л. Н. Кутаковым, П. А. Лисовским и Г. Н. Севостьяновым — авторами соответствующих разделов в т. IX (1962) и А. М. Дубинским, В. Н. Евстигнеевым, И. В. Кукушкиным, Б. Н. Яковлевым и Н. Н. Яковлевым в т. X (1965) «Всемирной истории». История боевых действий на Тихоокеанском фронте второй мировой войны описана в пятом томе коллективной работы советских военных историков «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945» (1963).

Новейшему периоду истории Японии были посвящены «Очерки новейшей истории Японии. 1918—1963» Л. Н. Кутакова; в этой работе преобладал внешнеполитический материал.

Вопросы новейшей истории Японии были также разработаны в учебниках для вузов: «Новейшая история стран зарубежной Азии и Африки» (ответственные редакторы Г. В. Ефимов и А. Д. Новичев), выпущенной в 1963 г. восточным факультетом Ленинградского университета (авторы глав по Японии Д. И. Гольдберг), и «Новейшая история стран Азии и

¹⁰ В 1967 г. нами был опубликован подробный критический разбор более 100 книг и статей советских авторов по истории Японии (С. Л. Тихвинский. Некоторые вопросы истории Японии в современной советской историографии. — «Вопросы истории», 1967, № 4, стр. 143—156). В настоящей статье мы ограничиваемся рассмотрением лишь некоторых работ, наиболее характерных для современного состояния науки.

Африки», изданном Московским университетом в 1965 г. под редакцией М. Ф. Юрьева (главы по Японии написаны Б. В. Родовым, А. Л. Гальпериним и И. М. Сырицыным).

Ряд монографических исследований советских историков освещает историю современных политических партий и политической жизни Японии. И. А. Латышевым была опубликована серия книг: «Конституционный вопрос в послевоенной Японии», «Правящая либерально-демократическая партия Японии и ее политика», «Японская конституция». И. К. Державин написал интересную работу «Сока Гаккай — Комэйто (Религиозно-политическое движение в послевоенной Японии)».

Истории японского милитаризма и тенденциям его возрождения в современной Японии посвящены такие книги, как И. С. Сергиенко «Возрождение милитаризма в Японии», А. П. Маркова «Япония: курс на вооружение», И. М. Сырицына «Борьба японских трудящихся против войны и фашизма (1935—1937)», и сборник статей Б. Г. Сапожникова, А. С. Савина, А. П. Маркова и С. Т. Мажорова «Японский милитаризм. Военно-историческое исследование» под редакцией и со вступительной статьей Е. М. Жукова. В последней работе исследуется процесс возникновения и развития, японского милитаризма с начала XIX в. до наших дней, подробно рассматриваются экономический, политический и идеологический аспекты милитаризации Японии, а также причины и характерные черты возрождения японского милитаризма в послевоенный период. «У советских людей,— пишет в своей вступительной статье к сборнику Е. М. Жуков,— не могут не вызвать озабоченности факты, которые говорят об усилении милитаристских тенденций в современной Японии».

Советские японоведы внесли существенный вклад в изучение истории японского рабочего и коммунистического движения. В этой области следует в первую очередь назвать труды П. П. Топеха «Вопросы единства профсоюзного движения в современной Японии» и «Рабочее движение в Японии», в которых содержится богатый фактический материал о положении рабочего класса Японии и о его борьбе за свои права. На многочисленных конкретных примерах автор показывает роль и значение классового единства профсоюзных и других организаций рабочего класса. Вопросам истории рабочего движения посвящены также работы В. Хлынова «Положение рабочего класса Японии после второй мировой войны», Д. В. Петрова «Рабочее и демократическое движение в Японии», А. Б. Козоровицкой «Борьба за единство рабочего класса Японии (1924—1928)», А. В. Комарова «Положение рабочего класса Японии», Ж. А. Гамазкова «Из истории распространения марксизма-ленинизма в Японии (1932—1938)».

Сборник статей «Октябрь и Япония» (1968) содержит большой фактический материал о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на развитие марксистской идеологии и революционного движения в Японии, о путях, по которым в Японию проникали сведения о революционных событиях в России; в статьях сборника показано огромное влияние Октябрьской революции на демократическое, социалистическое и рабочее движение Японии. В 1970 г. вышла работа Д. И. Гольдберга «В. И. Ленин и Япония».

Следует отметить успешную разработку истории крестьянского движения и аграрного вопроса в Японии в трудах В. А. Попова «Земельная реформа и аграрные отношения в Японии после второй мировой войны» и «Крестьянское движение в Японии после второй мировой войны».

Среди работ последнего периода по истории Японии в новое время выделяется коллективная монография «Очерки новой истории Японии (1640—1917)» под редакцией А. Л. Гальперина, авторами которой яв-

ляются И. Я. Бедняк, А. Л. Гальперин, А. Д. Гришелева, Г. И. Подпадова, В. А. Попов, П. П. Топеха, Х. Т. Эйбус.

Новая история Японии нашла свое освещение и на страницах учебников для советских вузов: «Новая история стран зарубежной Азии и Африки» (Ленинградский университет, издание второе, 1971, главы по Японии написаны Д. И. Гольдбергом) и «История стран Азии и Африки в новое время» (Московский университет, 1971, главы по Японии принадлежат Е. М. Жукову).

* * *

Как указывалось выше, с течением времени, по мере углубленного изучения истории Японии, выделялись в качестве самостоятельных направлений отдельные разделы, в том числе история международных отношений и внешней политики Японии.

Еще в 1947 г. вышла фундаментальная монография В. Я. Аварина (Аболтина) «Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия» (в 1952 г. книга вышла вторым, существенно переработанным и расширенным изданием с подзаголовком «Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов»). В ней на большом фактическом материале рассматривались причины, которые привели к возникновению тихоокеанского очага второй мировой войны. Позднее была издана книга А. Доброва «Дальневосточная политика США в период русско-японской войны», в которой значительное место было отведено японской политике в отношении России, США, Китая и Кореи. В книге впервые вводились в научный обиход многие документы Архива внешней политики России, обширная зарубежная мемуарная литература. Книга А. Л. Гальперина «Англо-японский союз (1902—1921)», изданная в 1947 г. и написанная на обширной документальной базе, посвящена насыщенному яркими событиями периоду японской дипломатии первых двух десятилетий XX века.

В 1947 г. вышло первое, а позднее второе, исправленное и дополненное издание монографии Б. А. Романова «Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895—1907)» — фундаментального исследования по истории русско-японских отношений конца XIX — начала XX в., выполненного на солидной документальной основе.

Публикация в 1950 г. книги М. Ю. Рагинского и С. Я. Розенблит «Международный процесс главных японских военных преступников», написанной на основании обширной документации суда международного военного трибунала над виновниками японской агрессии, проходившего в Токио после окончания второй мировой войны, внесла ценное дополнение к характеристике внутренней и внешней политики страны накануне и в годы войны.

Выход в свет в 1945 г. II и III томов второго издания «Истории дипломатии» под редакцией академика В. П. Потемкина явился значительным вкладом в исследование внешней политики и международных отношений Японии конца XIX и XX в. (главы и разделы о Японии и японской политике были написаны академиками В. М. Хвостовым и И. И. Минцем).

Фундаментальная работа академика А. Л. Нарочницкого «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895», увидевшая свет в 1956 г., написанная на основе обширной и не вводившейся доселе в научный обиход документации, давала неслыханное черпывающее представление о внешней политике японского капитализма до монополистического периода.

Монографии Б. Родова «Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане, 1938—1941 гг.», Г. Н. Севостьянова «Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке (1931—1933)», Д. В. Петрова «Колониальная экспансия Соединенных Штатов Америки в Японии в середине XIX века», В. П. Нихамина «Японо-американские противоречия на современном этапе» существенно дополнили общую картину японо-американских отношений в XIX—XX вв. В 1956 г. вышло в свет второе, исправленное и дополненное издание книги «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)» под общей редакцией Е. М. Жукова. Этот коллективный труд советских ученых, отразивший высокий уровень советской исторической науки, явился в то же время заметным рубежом в деле изучения новой и новейшей истории Японии.

Большое количество работ по истории японской внешней политики, появившееся за последнее время, свидетельствует о растущем интересе советской общественности к деятельности своего дальневосточного соседа на международной арене.

История внешней политики и международных отношений Японии до второй мировой войны освещена в таких фундаментальных работах, как II том второго издания «Истории дипломатии» (1963), написанный академиком В. М. Хвостовым. В 1973 г. вышли два первых тома фундаментального издания «Международные отношения на Дальнем Востоке». В первом томе (авторы А. Л. Нарочницкий, А. А. Губер, М. И. Сладковский, И. Я. Бурлингас) показана ожесточенная борьба держав с конца XVI в. до 1917 г. за захват территорий и сфер влияния на Дальнем Востоке; во втором томе (авторы Г. В. Ефимов и А. М. Дубинский) исследуется сложный клубок межимпериалистических противоречий на Дальнем Востоке накануне и в годы второй мировой войны, прослеживаются этапы японской агрессии на Дальнем Востоке.

Вопросы внешней политики Японии нашли свое глубокое отражение и в трехтомной работе коллектива ученых Института мировой экономики и международных отношений АН СССР «Международные отношения после второй мировой войны» (1962—1965), написанной под руководством академика Н. Н. Иноземцева (авторы соответствующих глав по Японии Д. В. Петров и Л. Н. Кутаков), и в монографии Н. Н. Иноземцева «Современный капитализм: новые явления и противоречия» (1972).

Отдельные вопросы внешней политики Японии разработаны в трудах Г. Н. Севостьянова «Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны» и «Подготовка войны на Тихом океане (сентябрь 1939 — декабрь 1946)», Д. И. Гольдберга «Внешняя политика Японии в 1941—1945 гг.», Л. М. Дёмина «Японская оккупация Индонезии (1942—1945)», В. Александрова «Япония и развивающиеся страны», Л. Н. Кутакова «Внешняя политика и дипломатия Японии», «Дипломатия агрессоров (Германо-итало-японский фашистский блок, история его возникновения и краха)» (1967 г., совместно с Израэляном) и в книге Л. Н. Кутакова «Японская внешняя политика», вышедшей в США в 1972 г. на английском языке. Интересный материал о внешней политике Японии (автор В. П. Нихамина) содержится в коллективной монографии «Дипломатия современного империализма».

Серьезным исследованием по истории внешней политики Японии в период второй мировой войны явилась монография А. М. Дубинского «Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке (Из истории международных отношений, национально-освободительной борьбы народов Восточной и Юго-Восточной Азии в годы второй миро-

вой войны)» (1960). В переработанном виде книга издана в 1972 г. на английском языке под названием «Дальний Восток в годы второй мировой войны». В книге ярко и убедительно показан крах планов японского монополистического капитала и военщины в создании «сферы процветания Восточной Азии».

На комплексном изучении внешней политики и международных отношений современной Японии специализируется Д. В. Петров, выпустивший в 1965 г. интересную книгу «Внешняя политика Японии после второй мировой войны», а в 1973 г. остро злободневную книгу «Япония в мировой политике». В своей последней книге Д. В. Петров показывает, что наряду с возрастающей ролью Японии в системе современных международных отношений за последние годы растет их влияние на политическую жизнь самой Японии, на решение ее внутренних проблем. В 70-х годах правящие круги Японии оказались вынужденными пойти на пересмотр своей внешнеполитической стратегии. Генеральной линией внешней политики наряду с сохранением и упрочением капиталистического строя в Японии и империалистической системы в целом становится задача приведения политического веса страны на мировой арене в соответствие с ее экономической мощью. Япония добивается укрепления позиций в борьбе с другими центрами межимпериалистического соперничества — Соединенными Штатами и странами Европейского экономического сообщества; усиливается борьба японских монополий за мировые рынки.

Этот пересмотр основного внешнеполитического курса Японии начался на рубеже 60-х и 70-х годов после того, когда стала очевидной пагубность односторонней ориентации японской политики на США, и происходил под воздействием ряда объективных факторов. Книга Д. В. Петрова посвящена всестороннему анализу внешней политики Японии на современном этапе, анализу тех объективных факторов, которые обусловили выдвижение ее правящими кругами новой внешнеполитической доктрины.

Можно в полной мере согласиться с заключительным выводом автора о том, что «путь к повышению роли и влияния Японии в решении мировых проблем, что выдвигается в качестве основной задачи внешней политики страны, лежит в пересмотре отживших предубеждений и предрассудков, в установлении и развитии дружественных добрососедских связей со всеми странами независимо от их социального строя на основах принципа мирного сосуществования».

За последнее время вышло значительное количество работ по внешней политике и международным отношениям Японии, среди которых достаточно четко можно выделить три наиболее крупных направления, — это работы, касающиеся отношений Японии с Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой.

Большой вклад в изучение истории русско-японских отношений¹¹ внесен трудами Э. Я. Фаинберг «Русско-японские отношения в 1867—1875 гг.», В. М. Константинова «Оросиякоку Суймудан» («Сны о России»), Л. Н. Кутакова «Портсмутский мирный договор (Из истории отношений Японии с Россией и СССР, 1905—1945 гг.)», а также В. Н. Горегляда и О. Н. Петровой.

История советско-японских отношений освещена в трудах таких авторов, как С. Григорьевич «Американская и японская интервенция на

¹¹ Подробный разбор работ советских авторов о русско-японских и советско-японских отношениях дан в статье С. Л. Тихвинского «Проблемы русско-японских и советско-японских отношений в новейшей советской историографии». — «Вопросы истории», 1964, № 2, стр. 117—125.

Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918—1922 гг.)», С. Т. Леонидов «Из истории нормализации советско-японских отношений после второй мировой войны», Л. Н. Кутаков «История советско-японских дипломатических отношений», П. М. Никифоров «Записки премьера ДРВ. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке», Х. Т. Эйбус «СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после второй мировой войны». Ценный документальный материал по истории советско-японских дипломатических отношений содержится в опубликованных к настоящему времени Комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР 18 томах «Документов внешней политики СССР» (т. I, относящийся к 1917—1918 гг., вышел в 1957 г., а т. XVIII, содержащий документы за 1935 г., издан в 1973 году. Публикация документов продолжается), а также в сборнике «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (Документы и материалы)», отв. редактор А. А. Громыко (1971).

Вопросы советско-японских отношений рассматриваются также в общих работах по истории второй мировой войны, международных отношений и новейшей истории.

В области исследования истории японо-американских отношений, помимо упомянутых выше книг Д. В. Петрова, Л. Н. Кутакова и других авторов, а также общих работ о внешней политике и международных отношениях Японии, плодотворно трудятся А. И. Динкевич, написавший книгу «Экономическая и военная «помощь» США Японии», Б. М. Бухаров, автор книги «Образование американо-японского военного союза (1945—1952)», Г. К. Меклер, который в своей книге «Окинава» наглядно показывает колониальную политику США в отношении островов Рюкю и использование американцами островов в качестве своей ракетно-ядерной базы на Дальнем Востоке; С. К. Игнатушенко, издавший книгу «Япония и США: партнеры и конкуренты»; А. М. Шарков, автор книги «Япония и США (анализ современных экономических отношений)»; С. И. Вербицкий, опубликовавший обстоятельное исследование «Японо-американский военно-политический союз», в котором излагается история послевоенных японо-американских отношений и показаны выступления демократической общественности Японии против военного союза с США, и др.

Советскими учеными ведется большая работа по изучению японо-китайских отношений, активно развивающихся за последние годы. В 1957 г. вышла монография И. Я. Бедняк «Японская агрессия в Китае и позиция США (1937—1939)», в 1970 и 1971 гг. книги Б. Г. Сапожникова «Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937—1941)» и «Китайский фронт во второй мировой войне». В этих книгах дается глубокий анализ стратегических планов Японии в отношении Китая в период японо-китайской войны 1937—1945 гг., показано место и роль китайского фронта во второй мировой войне, степень его воздействия на ход войны на Тихом океане. В книгах детально проанализированы попытки Японии вывести Китай из войны, использовать его как плацдарм для действий против США и СССР. Автор обрисовывает хищнические черты японской колониальной политики в Китае и связь этой агрессии с общими стратегическими задачами Японии в войне на Тихом океане.

В 1971 г. опубликовано фундаментальное исследование члена-корреспондента АН СССР М. И. Сладковского «Китай и Япония», в котором излагается история японо-китайских отношений в новое и новейшее время, рассматривается ряд актуальных проблем этих отношений в настоящее время.

* * *

Значительная группа советских ученых посвятила себя всестороннему изучению экономических проблем Японии: общей характеристике развития японской экономики и ее отдельных отраслей; исследованию монополистического капитала Японии; состоянию сельского хозяйства страны и т. п. Одновременно изучалась и сфера социальных отношений. история профсоюзного движения, аграрные отношения.

Из работ ученых-«ветеранов», которые занимались и продолжают заниматься исследованиями в этой области, следует прежде всего отметить труды доктора экономических наук, профессора К. М. Попова. Так, например, в 1931 г. вышла его фундаментальная монография «Япония. Очерки географии и экономики», содержащая богатый фактический материал и раскрывавшая основные тенденции развития японского империализма. В 1934 г. издана вторая книга К. М. Попова, «Технико-экономическая база Японии», а в 1936 г. монография «Экономика Японии», в которой особое внимание было уделено проблеме районирования Японии и ее колониальной политике.

В 1949 г. появляется книга К. М. Попова «Минеральные ресурсы Японии», в которой исследуется слабость сырьевой базы страны, а в 1955 г.— работа «Экономика Японии в годы второй мировой войны» (послесловие к переводу книги Г. Треварта «Япония. Физическая и экономическая география»). Его же перу принадлежит экономико-географический очерк в статье «Япония» в т. 49 второго издания Большой Советской Энциклопедии.

В числе научных исследований, опубликованных в 30-х годах, необходимо отметить такие статьи, включенные в сборник «Япония» (1934), как Н. Кюнер «Физико-географический очерк Японии», Л. Знман «Экономика Японии» и др. Ряд остро актуальных статей по японской экономике и рабочему движению в Японии был опубликован в 1930—1937 гг. М. И. Лукьяновой. В 1935 г. «Соцэкгиз» выпустил обстоятельное исследование Н. Вайнцвайга о происхождении и развитии монополистического капитала Японии.

Первое послевоенное десятилетие было ознаменовано выходом нескольких фундаментальных исследований по экономике Японии. В их числе можно назвать вышедшую в 1946 г. монографию Г. И. Болдырева «Финансы Японии (Очерки исторического анализа)», в которой впервые в советской научной литературе детально исследован вопрос о роли финансового капитала в экономике Японии, а также две книги Я. А. Певзнера: «Монополистический капитал Японии («дзайбацу») в годы второй мировой войны и после войны» (1950) и «Экономика Японии после второй мировой войны» (1955). Обе работы были выполнены на основе обширного японского фактического материала, содержали глубокий всесторонний анализ экономической и политической роли монополистического капитала в жизни страны.

В 1953 г. увидела свет работа М. И. Лукьяновой «Японские монополии во время второй мировой войны», содержащая подробную характеристику особенностей экономического развития Японии накануне и во время второй мировой войны. В ней наглядно показано, что империалистические монополии были подлинными хозяевами милитаристской Японии. В книге на большом фактическом материале освещена борьба рабочего класса против войны и наступления монополий.

Затем, в течение последних двух десятилетий, появилась целая серия работ советских ученых-экономистов, в которых на солидной научной основе исследованы многие актуальные проблемы японской экономики. К ним относится работа Я. А. Певзнера «Государственно-монополисти-

ческий капитализм в Японии после второй мировой войны»; исследования А. И. Динкевича «Военные финансы Японии (1937—1945)», «Экономика послевоенной Японии (1945—1955)», «Очерки экономики современной Японии» (1972); труды Е. А. Пигулевской — «Обновление основного капитала японской промышленности и развитие послевоенного цикла», «Монополии и финансовая олигархия в современной Японии»; книги В. А. Власова «Закабаление мелких предприятий японским монополистическим капиталом (1925—1937 гг.)» и «Обрабатывающая промышленность современной Японии», а также многие другие работы советских ученых.

Ряд исследований касается внешнеэкономических связей и внешней торговли Японии: Б. М. Пичугин «Япония. Экономика и внешняя торговля», И. А. Ильина «Японский капитал на азиатских рынках»; С. К. Игнатушенко «Экономическая экспансия японских монополий». Вышел также ряд трудов по отдельным отраслям японской экономики: В. А. Попова «Развитие капитализма в сельском хозяйстве Японии»; Н. М. Брагина «Сельское хозяйство и аграрные проблемы Японии»; В. Б. Рамзес «Мелкие и средние предприятия в послевоенной Японии» и др. Заслуживает также внимания разработка Н. К. Куцобиной проблемы экономических циклов Японии (см. книгу «Современные циклы и кризисы», 1967 г.).

Вопросы японской экономики освещены в фундаментальном труде академика Н. Н. Иноземцева «Современный капитализм: новые явления и противоречия», опубликованном в 1972 г.

Следует особо остановиться на двух крупных обобщающих коллективных работах по японской экономике, вышедших в 1973 году. Это труд коллектива сотрудников Института востоковедения АН СССР «Монополистический капитал Японии и его роль в системе современного капитализма» (отв. редактор М. И. Лукьянова) и коллективная работа японоведов Института мировой экономики и международных отношений АН СССР «Япония» — из 7-томной серии «Экономика и политика стран современного капитала» (отв. редакторы Я. А. Певзнер и Д. В. Петров).

Книга «Япония» построена весьма оригинально и отличается глубиной анализа экономики современной Японии. Авторы исследуют такие малозученные области, как фондоемкость, металлоемкость, вопросы технического обновления промышленности, роста экспортных возможностей и т. д. и т. п. Авторы отвечают на вопросы о причинах японского «экономического чуда», анализируют перспективы будущего развития Японии; обстоятельно разбирается внутренняя и внешняя политика правящих кругов Японии, положение рабочего класса, крестьянства, интеллигенции.

Из других публикаций следует отметить и появление в последнее время содержательной справочной литературы по Японии (например, справочник «Современная Япония», 1968; 1973).

Книга «Япония 1972» — первый выпуск периодического ежегодного издания секции по изучению Японии при Научном совете по востоковедению АН СССР. Издание ежегодника призвано удовлетворить растущий интерес советской общественности к дальневосточному соседу Советского Союза — Японии и дать читателю в концентрированном изложении достоверные сведения по наиболее острым и актуальным проблемам весьма сложной и динамичной жизни Японии. Ежегодник знакомит с результатами научных исследований и мнениями советских японоведов по широкому кругу проблем современной экономической, политической, общественной, культурной и научной жизни Японии.

* * *

Наряду с историей, политическими и экономическими проблемами, значительное место в работах советских японоведов занимают вопросы японской культуры, во всем их многообразии.

За последнее время появился ряд обстоятельных исследований по истории культуры Японии, среди них прежде всего следует упомянуть книгу крупного специалиста по экономике и географии Японии К. М. Попова «Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли» (1964), которая вышла вторым изданием в переводе на английский и в третьем издании на японском языках. Это первая капитальная работа по проблемам развития японской культуры, ее связям с культурами других стран. Книга написана на большом фактическом материале, включающем как советскую, русскую дореволюционную, иностранную литературу, так и собранные лично автором во время его командировок в Японию материалы и наблюдения. Монография К. М. Попова проникнута особым чувством дружбы и уважения к японскому народу; автор объективно показывает тот вклад в мировую цивилизацию, который внес и продолжает вносить японский народ.

К числу работ, значительно расширяющих наши знания о культуре японского народа, следует отнести и книгу Н. И. Конрада «Запад и Восток» (1966; второе издание, исправленное и дополненное, 1972). Книга переведена на английский и японский языки. Исследование содержит ценный материал по истории Японии, ее литературе, истории естествознания. Книга была с интересом встречена в нашей стране и за рубежом.

Значительный вклад в изучение культуры древней Японии внесли работы академиков А. П. Окладникова и Н. И. Конрада, монографическое исследование М. В. Воробьева «Древняя Япония. Историко-археологический очерк», а также исследования Н. Н. Чебоксарова, А. С. Токарева, М. Г. Левина, С. А. Арутюнова, Б. П. Денике и др.

В области изучения культуры средневековой Японии видное место принадлежит А. А. Искандерову, в 1961 г. опубликовавшему исследование «Феодалный город Японии XVI столетия».

Большая исследовательская работа, выполненная за последние годы советскими этнографами-японоведами, нашла свое отражение в фундаментальном коллективном труде «Народы Восточной Азии», в котором раздел «Народы Японии» написан С. А. Арутюновым и Ю. В. Ионовой. Работа удостоена в 1966 г. премии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

Культуре и быту японцев посвящены исследования Г. Е. Комаровского «Пять тысяч будд Энку», С. А. Арутюнова и Г. Е. Светлова «Старые и новые боги Японии», С. А. Арутюнова «Современный быт японцев», Н. С. Николаевой «Декоративное искусство Японии» и др.

В 1966 г. вышла книга чл.-корр. АН СССР Н. Т. Федоренко «Японские записки», а позднее — «Краски времени». В обеих книгах содержится много новых наблюдений и зарисовок автора, ряд лет проведенного в Японии, его рассказы о встречах с деятелями культуры, науки и искусства Японии.

Живой интерес советских людей к такому явлению богатой многовековой культуры Японии, как литература, нашел свое отражение и в многочисленных трудах советских японоведов-филологов. Следует напомнить, что еще в первые годы советской власти А. М. Горький, возглавлявший тогда издательство «Всемирная литература», рекомендовал перевести на русский язык лучшие произведения литературы Японии, в том числе литературные памятники прошлого.

И здесь бесспорная заслуга зачинателя принадлежит Н. И. Конраду. В 1921 г. им был опубликован перевод и филологическое исследование «Исэ-моногатари — лирическая повесть древней Японии», вслед за которой появились его переводы и других произведений японской литературы. В 1927 г. им была издана книга «Японская литература в образцах и очерках», ознакомившая советского читателя с богатым и разным миром японской поэзии и прозы. Н. И. Конраду принадлежит также очерк «Японская литература», вошедший в первое издание Большой Советской Энциклопедии.

Одновременно Н. И. Конрад в 1934 г. выпускает «Краткий очерк грамматики японского разговорного языка», продолжает изучение и переводы японской литературы. В 1935 г. в книге «Восток» помещена его работа «Феодальная литература Китая и Японии», а в 1937 г. выходит его фундаментальный труд «Синтаксис японского национального литературного языка».

В конце 1973 г. посмертно изданы «Очерки японской литературы» Н. И. Конрада, охватывающие период со времен эпохи Нара (начало VIII в.) до XX в. включительно, а в 1974 г. — «Японская литература. От „Кодзики“ до „Токутоми“».

Под руководством маститого ученого и рядом с ним работала большая группа ученых, специалистов в различных областях японской филологии, усилиями которых выпущено в свет громадное количество исследований и переводов японской литературы, начиная с трехтомной антологии VIII в. «Манъёсю» (пер. А. Е. Глускиной), двух томов историко-географического памятника «Фудокки» (пер. К. А. Попова) и др. Благодаря им советские читатели имели возможность познакомиться с лучшими литературными памятниками древней и средневековой Японии, произведениями пролетарской литературы двадцатых—тридцатых годов, а также современной литературой Японии.

Из других работ по японской литературе следует назвать книгу Т. Григорьевой и В. Логуновой «Японская литература» (1964), отдельные литературоведческие и переводческие работы А. Е. Глускиной, В. Н. Марковой, Е. М. Пинус, Г. Д. Ивановой, А. И. Мамонова и пр.

В области японского языкознания следует отметить появление за последние годы коллективных работ «Вопросы японского языка» (сборник статей, 1971) и «Вопросы японской филологии» (1970).

В 1970 г. вышел в свет двухтомный «Большой японо-русский словарь», содержащий свыше 100 тыс. слов современного японского языка, составленный под редакцией Н. И. Конрада, С. В. Неверова, К. А. Попова, Н. А. Сыромятникова, Н. И. Фельдман, М. С. Цын. Редактор и составители словаря были по достоинству отмечены в 1973 г. Государственной премией за свой выдающийся многолетний труд.

В Советском Союзе ведется также большая работа по ознакомлению научной общественности и широких читательских масс с крупными трудами современных японских историков, экономистов, философов, специалистов в области техники и т. п.

В заключение стоит кратко напомнить о научных связях, осуществляемых издавна Академией наук СССР, с японскими научными кругами.

Ряд видных советских ученых-японоведов, в том числе Н. И. Конрад и Н. А. Невский, в течение ряда лет стажировались (по командировке Академии наук) в Японии.

В 1925 г., когда впервые, по существу, было положено начало широкому международному общению советских ученых с научными кругами зарубежных стран, в СССР прибыли японские ученые, чтобы принять

участие в 200-летнем юбилее Академии наук СССР. В составе японской делегации были профессора Фукуда, Ясуги, Мацумура и др.

Особенно активно ведется научное сотрудничество между СССР и Японией после восстановления дипломатических отношений между двумя странами в 1956 г.¹² С тех пор стороны обменялись многочисленными делегациями ученых (в том числе состоялся визит в Японию в 1964 г. представительной делегации советских деятелей науки во главе с президентом АН СССР академиком М. В. Келдышем). Вошли в практику регулярные совместные научные симпозиумы по различным областям знаний: в области техники, экономики, государства и права, философии, литературы и искусства. Японские делегаты приняли участие в Международном конгрессе востоковедов, проведенном в Москве.

Важным стимулом в дальнейшем развитии и укреплении научного сотрудничества явилось взаимное присвоение советским и японским ученым званий почетных академиков, профессоров и т. п.

* * *

Непосредственная близость Советского Союза с Японией, длительная и сложная история взаимоотношений между обеими странами, развитие взаимовыгодных политических, экономических и культурных связей между ними обусловили непрерывно растущий интерес советской общественности к жизни соседнего японского народа, к его материальной и духовной культуре. В 60-х годах XX в. Япония вышла на второе место среди капиталистических стран по объему промышленного производства, превратилась в одну из крупнейших мировых держав, экономические и политические связи которой вышли далеко за пределы Дальнего Востока.

«За последнее время наметился заметный поворот к лучшему в наших отношениях с Японией», — отмечал в своей речи на XV съезде советских профсоюзов Л. И. Брежнев, подчеркнув, что Советский Союз готов «установить и развивать широкое взаимовыгодное сотрудничество с Японией как в экономическом, так и в политическом плане, имея в виду, что такое сотрудничество будет служить делу мира»¹³.

Советское японоведение — научное изучение в Советском Союзе истории японского народа, экономики и культуры Японии, ее международных отношений и внешней политики, различных сторон общественной жизни способствует укреплению и развитию добрососедского сотрудничества между нашими народами, делу упрочения мира на земле.

¹² Об этом см. подробнее: С. Г. Корнеев. Научные связи Академии наук СССР со странами Азии и Африки. М., изд-во «Наука», 1969.

¹³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. М., т. 3, 1972, стр. 493.

Становление и развитие отечественного китаеведения

*В. С. Мясников,
кандидат исторических наук*

Датировать зарождение целого ряда страноведческих дисциплин, в том числе и китаеведения,— задача весьма сложная. Дело в том, что изучению страны специалистами довольно часто предшествует период ее географического открытия и описания, когда создаются предпосылки для непосредственного знакомства с историей, культурой, социально-экономическими отношениями, политической структурой, языком и обычаями того или иного народа и государства. Длительность этого периода зависит от целого ряда факторов и может быть различной. Так, например, одной из особенностей становления отечественного китаеведения как научной дисциплины является то, что его фундамент закладывался на протяжении ста с лишним лет трудами первых русских путешественников и дипломатов в Китае, приложивших немало усилий для установления регулярных политических и торговых сношений России со страной, ставшей в XVII в. ее дальневосточным соседом.]

Другой особенностью становления русской синологии, равно как и мировой, было то, что страна, явившаяся объектом изучения, переживала один из наиболее сложных периодов своей истории: в середине XVII в. Китай пал жертвой захватнической политики маньчжурских феодалов, создавших на его базе последнюю крупную восточную деспотию — империю Цин. Поэтому изучение собственно китайских институтов приходилось вести, преодолевая покров специфики, который наложило на них господство чужеземной династии.

И наконец, как и всякая другая наука, русское китаеведение зародилось из практической потребности. Развитие межгосударственных отношений, формирование различных участков русско-китайской границы, ведение торговых дел требовали специальных знаний и компетентных людей. Исторические этапы отношений России с Цинской империей, присущие каждому из них политические, экономические и культурные факторы, а также общий процесс развития гуманитарных отраслей знания и общественной мысли в дореволюционной России постоянно воздействовали на китаеведение, определяли его характер.

Первыми источниками сведений о Китае в Русском государстве были отчеты посольств и миссий, направлявшихся царским правительством в Пекин для установления дипломатических и торговых отношений с Китаем. Среди них наибольший научный интерес представляли «росписи» Ивана Петлина (1618—1619), «статейные списки» Ф. И. Байкова (1654—1657) и Н. Г. Спафария (1675—1677), дневники Избранта Идеса и Адама Браида (1692—1695)¹. Эти документы, ставшие памятниками дипломатической истории, содержали разнообразную информацию о Ки-

¹ См.: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966; Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. 1608—1683. М., т. I, 1969; Избрант Идес и Адам Брайд. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). Вступительная статья, перевод и комментарии М. И. Казашина. М., 1967.

участие в 200-летнем юбилее Академии наук СССР. В составе японской делегации были профессора Фукуда, Ясуги, Мацумура и др.

Особенно активно ведется научное сотрудничество между СССР и Японией после восстановления дипломатических отношений между двумя странами в 1956 г.¹² С тех пор стороны обменялись многочисленными делегациями ученых (в том числе состоялся визит в Японию в 1964 г. представительной делегации советских деятелей науки во главе с президентом АН СССР академиком М. В. Келдышем). Вошли в практику регулярные совместные научные симпозиумы по различным областям знаний: в области техники, экономики, государства и права, философии, литературы и искусства. Японские делегаты приняли участие в Международном конгрессе востоковедов, проведенном в Москве.

Важным стимулом в дальнейшем развитии и укреплении научного сотрудничества явилось взаимное присвоение советским и японским ученым званий почетных академиков, профессоров и т. п.

* * *

Непосредственная близость Советского Союза с Японией, длительная и сложная история взаимоотношений между обеими странами, развитие взаимовыгодных политических, экономических и культурных связей между ними обусловили непрерывно растущий интерес советской общественности к жизни соседнего японского народа, к его истории, материальной и духовной культуре. В 60-х годах XX в. Япония вышла на второе место среди капиталистических стран по объему промышленного производства, превратилась в одну из крупнейших мировых держав, экономические и политические связи которой вышли далеко за пределы Дальнего Востока.

«За последнее время наметился заметный поворот к лучшему в наших отношениях с Японией», — отмечал в своей речи на XV съезде советских профсоюзов Л. И. Брежнев, подчеркнув, что Советский Союз готов «установить и развивать широкое взаимовыгодное сотрудничество с Японией как в экономическом, так и в политическом плане, имея в виду, что такое сотрудничество будет служить делу мира»¹³.

Советское японоведение — научное изучение в Советском Союзе истории японского народа, экономики и культуры Японии, ее международных отношений и внешней политики, различных сторон общественной жизни способствует укреплению и развитию добрососедского сотрудничества между нашими народами, делу упрочения мира на земле.

¹² Об этом см. подробнее: С. Г. Корнеев. Научные связи Академии наук СССР со странами Азии и Африки. М., изд-во «Наука», 1969.

¹³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. М., т. 3, 1972, стр. 493.

Становление и развитие отечественного китаеведения

*В. С. Мясников,
кандидат исторических наук*

Датировать зарождение целого ряда страноведческих дисциплин, в том числе и китаеведения, — задача весьма сложная. Дело в том, что изучению страны специалистами довольно часто предшествует период ее географического открытия и описания, когда создаются предпосылки для непосредственного знакомства с историей, культурой, социально-экономическими отношениями, политической структурой, языком и обычаями того или иного народа и государства. Длительность этого периода зависит от целого ряда факторов и может быть различной. Так, например, одной из особенностей становления отечественного китаеведения как научной дисциплины является то, что его фундамент закладывался на протяжении ста с лишним лет трудами первых русских путешественников и дипломатов в Китае, приложивших немало усилий для установления регулярных политических и торговых сношений России со страной, ставшей в XVII в. ее дальневосточным соседом.

Другой особенностью становления русской синологии, равно как и мировой, было то, что страна, явившаяся объектом изучения, переживала один из наиболее сложных периодов своей истории: в середине XVII в. Китай пал жертвой захватнической политики маньчжурских феодалов, создавших на его базе последнюю крупную восточную деспотию — империю Цин. Поэтому изучение собственно китайских институтов приходилось вести, преодолевая покров специфики, который наложило на них господство чужеземной династии.

И наконец, как и всякая другая наука, русское китаеведение зародилось из практической потребности. Развитие межгосударственных отношений, формирование различных участков русско-китайской границы, ведение торговых дел требовали специальных знаний и компетентных людей. Исторические этапы отношений России с Цинской империей, присущие каждому из них политические, экономические и культурные факторы, а также общий процесс развития гуманитарных отраслей знания и общественной мысли в дореволюционной России постоянно воздействовали на китаеведение, определяли его характер.

Первыми источниками сведений о Китае в Русском государстве были отчеты посольств и миссий, направлявшихся царским правительством в Пекин для установления дипломатических и торговых отношений с Китаем. Среди них наибольший научный интерес представляли «роспись» Ивана Петлина (1618—1619), «статейные списки» Ф. И. Байкова (1654—1657) и Н. Г. Спафария (1675—1677), дневники Избранта Идеса и Адама Бранда (1692—1695)¹. Эти документы, ставшие памятниками дипломатической истории, содержали разнообразную информацию о Ки-

¹ См.: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966; Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. 1608—1683. М., т. 1, 1969; Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). Вступительная статья, перевод и комментарии М. И. Казакина. М., 1967.

тае и сопредельных странах, о политическом положении Цинской империи. Мировая географическая наука обогатилась открытиями первостепенной важности — были проложены пути из Европы в Китай через Сибирь, Монголию и Маньчжурию². Интерес к этим наиболее ранним русским описаниям Китая и ведущих в него маршрутов был исключительно велик. Уже в XVII в. они неоднократно издавались и переиздавались в большинстве европейских столиц на английском, немецком, французском, латинском языках³.

Вместе с тем именно в этот период для русского правительства выявилась необходимость привлечь на службу сведущих в восточных делах людей, в первую очередь знатоков китайского и маньчжурского языков. Из-за отсутствия переводчиков содержание привозившихся из Пекина «листов» оставалось порой неизвестным в течение десятков лет, а русские послы при переговорах с цинскими дипломатами испытывали неимоверные трудности и вынуждены были для преодоления языкового барьера прибегать к услугам посредников — монгольских толмачей и миссионеров-иезуитов⁴.

В известной мере характерный для XVII в. подход к «китайским делам» сохранялся и в первые десятилетия XVIII в., однако захватившие буквально все стороны русской жизни реформы Петра I коснулись и востоковедения. Они подвели под русское китаеведение прочную научно-организационную основу⁵. Огромную роль в этом сыграл именно указ Петра I от 28 января 1724 г. «Об учреждении Академии...», первым академиком-китаеведом в которой стал приглашенный в 1725 г. из Германии востоковед-филолог Теофил Зигфрид Байер. Т. З. Байер был автором первой в Европе грамматики китайского языка, в Петербурге им был выполнен ряд компилятивных работ по Китаю, однако он «не сделал даже попыток, живя среди русских, изучить русский язык и подготовить себе преемника, хотя Устав Академии наук к этому обязывал всех академиков»⁶.

На формировании русской школы китаеведов огромное влияние оказала Пекинская духовная миссия, деятельность которой была официаль-

² В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 184—196; Д. М. Лебедев, В. А. Есаков. Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 года. М., 1971.

³ Об иностранных изданиях этих отчетов см. соответствующие разделы работ, упомянутых в сноске 1.

⁴ Н. Г. Спафарий писал царю, что хотя он выбрал в Тобольске, Селенгинске и Нерчинске лучших толмачей, «однако же де насилу можем выразумети с китайским боярином, что говорим между себя», потому что толмачи «люди безграмотные и неискусные, да и в твоих, великого государя, делах не бывали ж... И так меж себя больше догадом разумеем, нежели толмачеством их» («Русско-китайские отношения в XVII в.», т. I, стр. 511). Во время Нерчинской конференции официальным языком на переговорах был избран латинский. «Этот ловкий ход, — замечает французский историк Г. Каэн, — дал иезуитам положение незаменимых переводчиков и сделал их хранителями важнейших государственных секретов». — «Some early Russo-Chinese relations by Gaston Cahen». Shanghai, 1939, p. 8.

⁵ См. подготовленное Д. Е. Бертельсом введение к коллективной монографии «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР». М., 1972, стр. 6—7; первым по времени распоряжением русского правительства об обучении русских людей восточным языкам был указ Петра I от 18 июня 1700 г., согласно которому предписывалось отправить в Тобольск «добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научить». В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 196—197; текст указа опубликован в «Полном собрании законов Российской империи», т. IV, № 800; см. также: Г. В. Ефимов. У истоков русского востоковедения. — «Вестник ЛГУ», 1973, № 20.

⁶ П. Е. Скачков. История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв. (краткий очерк). — «Международные связи России в XVII—XVIII вв.», М., 1966, стр. 163.

но обусловлена 5-й статьей Кяхтинского трактата 1727 г. России предоставлялась возможность, помимо лиц духовного звания, для обучения языков направлять в Пекин «четыре мальчика учеников, и два побольшего возраста, которые по-русски и по-латыне знают»⁷.

Около 120 лет, вплоть до 1860 г., Русская духовная миссия в Пекине являлась своеобразным учебным центром практического изучения китайского и маньчжурского языков. За это время в ней побывало более 60 студентов, врачей, художников и около 100 человек священнослужителей⁸. При этом методика изучения языков почти не менялась: основные знания приобретались во время занятий с «сяньшэном» — китайцем или маньчжуром, учебными пособиями служили рукописные китайско-латинские (и лишь в позднейший период китайско- и маньчжуро-русские) словари, «постоянное общение с населением Пекина на улицах, в лавках, на базарах весьма положительно сказывалось на овладении разговорным языком»⁹. Одной из обязанностей миссионеров было преподавание русского языка в открытой цинским правительством в 1725 г. Школе русского языка при Государственной канцелярии («Нэйгэ олосы вэньгуань»).

Маньчжурские сановники — поборники политики изоляции Китая — стремились окружить миссию атмосферой подозрительности, не давать студентам возможности широко и всесторонне познавать Китай. Так, директор упомянутой Русской школы цензор Хэ Цин в 1737 г. подал богдыхану Хун Ли (Цянь Луну) доклад, подчеркнув в нем, что русским «студентам, которые учатся в столице империи, не следует разрешать передвигаться свободно, где им вздумается, ибо это даст им возможность узнать тайны империи. Карты и атласы империи и другие запретные вещи не должны им продаваться»¹⁰.

Однако несмотря на различного рода трудности, именно из стен Пекинской духовной миссии вышли первые русские ученые-китаеведы, крупнейшими среди которых в XVIII в. по праву должны быть названы И. К. Россохин и А. Л. Леонтьев. Вернувшийся в 1740 г. из Пекина И. К. Россохин по указанию Коллегии иностранных дел был направлен в распоряжение Академии наук, в штаты которой и был зачислен 22 марта 1741 г. «для перевода и обучения китайского и маньчжурского языков».

Работая сначала самостоятельно, а затем под руководством академика Г. Ф. Миллера, И. К. Россохин выполнил около 30 переводов с китайского, главным образом исторических сочинений. Сюда относятся три огромных тома «Истории о завоевании китайским ханом Канхнем калкатского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии...»¹¹, «Цзычжи тунцзянь ганму»¹² и ряд других. С именем И. К. Россохина связано и образование китайского фонда библиотеки Академии наук, которая приобрела из его личной библиотеки свыше ста книг¹³.

⁷ «Русско-китайские отношения 1689—1916. Официальные документы». М., 1958, стр. 19—20.

⁸ П. Е. Скачков. История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв. (краткий очерк). — «Международные связи России в XVII—XVIII вв.», М., 1966, стр. 163.

⁹ Там же.

¹⁰ Fu Lo-chu. The Documentary Chronicle of Sino-Western Relations. The University of Arizona Press, Tucson, 1966, Vol. 1, p. 169—170.

¹¹ Н. И. Шасти́на. Перевод И. К. Россохина источника по истории монголов конца XVII века. — «Ученые записки Института востоковедения». М., 1953, т. VI, стр. 200—211.

¹² ГИМ, ф. Уварова, д. 114—118, 202—206, 1328—1332. Всего 2900 стр.

¹³ Л. Н. Меньшиков, Л. И. Чугуевский. Китаеведение. — «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР». М., 1972, стр. 81—82.

В 1757 г. к И. К. Россохину в Академии наук присоединился А. Л. Леонтьев, перу которого принадлежат первые переводы на русский язык двух книг «Сышу» («Четверокнижия») — «Дасюэ» и «Чжунъюн»¹⁴ а также ряда трудов по истории.

Основной работой И. К. Россохина и А. Л. Леонтьева был переведенный ими совместно и опубликованный в 1784 г. «ниждивеннем» Российской Академии наук капитальный труд — 16-томное «Бацци тунчжи» («Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего»). Выбор этого сочинения для перевода не был случаен: русская наука, исследуя источники по истории маньчжуров, пыталась ответить на главный вопрос, волновавший всех, кто познакомился с историей Китая последнего столетия, — как столь малая народность, маньчжуры, смогла подчинить Китай и создать на его основе великую империю?

Пытаясь осветить проблему происхождения маньчжур, И. К. Россохин поместил в «Примечаниях», опубликованных в последнем томе «Обстоятельного описания...»¹⁵, специальную статью, при подготовке которой им были использованы маньчжурские источники о племенном составе маньчжуров. В книге приводится также громадное количество и других исторических материалов, показаны социальные группировки среди маньчжуров в XVII—XVIII вв. В ней содержатся и интересные сведения о некоторых других народах, соседях маньчжуров и китайцев, например в XVI томе есть первое краткое этнографическое описание тибетцев, их материальной и духовной культуры.

Несмотря на несомненную ценность трудов И. К. Россохина и А. Л. Леонтьева, они не привлекли должного внимания последующих исследователей. Даже В. В. Бартольд в своих лекциях по истории изучения Востока не упоминает ни о И. К. Россохине, ни о А. Л. Леонтьеве¹⁶. Только советские исследователи В. П. Таранович, А. В. Стренина и П. Е. Скачков вернули имена И. К. Россохина и А. Л. Леонтьева для русского китаеведения¹⁷.

К середине XVIII в. относится и начало преподавания китайского и маньчжурского языков в России. Первая школа маньчжурского языка открылась в Москве в 1739 г., набор в нее был произведен из слушателей Славяно-греко-латинской академии, а преподавателем стал китаец Чжоу Гэ¹⁸. Эта школа просуществовала всего два года; получив начальную подготовку в маньчжурском языке, ее четыре ученика отправились в Пекин в качестве студентов миссии, среди них был и Алексей Леонтьев. Одновременно с этим в Петербурге при Академии наук открылась просуществовавшая десять лет (1741—1751) школа китайского и маньчжурского языков, которую возглавлял И. К. Россохин. В 1762 г. была сдела-

¹⁴ «Сышу геи», то есть четыре книги с толкованиями. Книга первая философа Конфуциуса. Перевел с китайского и маньчжурского на русский язык надворный советник Алексей Леонтьев». СПб, 1780; «Джун-юн», то есть закон непреложный. Из преданий китайского философа Кун Дзы. Перевел с китайского и маньчжурского на российский язык Коллегии иностранных дел канцелярии советник Алексей Леонтьев». СПб, 1784.

¹⁵ И. К. Россохин, А. Л. Леонтьев. Обстоятельное описание... Примечания на все маньчжурские и китайские слова... (Б. м., б. г.), 323 стр.

¹⁶ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., изд. 2-е. 1925.

¹⁷ В. П. Таранович. Илларион Россохин и его труды по китаеведению. — «Советское востоковедение», 1945, № 3, стр. 225—241; А. В. Стренина. У истоков русского и мирового китаеведения. — «Советская этнография», 1950, № 1, стр. 177; П. Е. Скачков. История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв. (краткий очерк). — «Международные связи России в XVII—XVIII вв.», М., 1966, стр. 164—173.

¹⁸ П. Е. Скачков. Первый преподаватель китайского и маньчжурского языков в России. — «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 198—201.

на новая попытка наладить преподавание китайского и маньчжурского языков: на сей раз руководство школой было поручено А. Л. Леонтьеву.

Свидетельством огромного интереса, который проявлялся в русском обществе к Китаю, являются 120 книг и статей по китайской проблематике, опубликованные в России в течение XVIII века¹⁹.

Таким образом, русское китаеведение, пройдя в XVII — первый четверти XVIII в. стадию накопления сведений о Китае и создания его географических и политических описаний, в 30-х годах XVIII в. после создания Академии наук и заключения Кяхтинского трактата, ознаменовавшего вступление русско-китайских отношений в новую фазу, начало оформляться как научная дисциплина. На базе интенсивной работы по переводу китайских и маньчжурских источников были сделаны попытки исследовать историю, языки и духовную культуру китайцев, маньчжуров и других народов, вошедших в состав Цинской империи.

Новый этап в развитии русского китаеведения начинается в первые десятилетия XIX в. в условиях разложения феодально-крепостнического строя и становления новых, капиталистических отношений в царской России. Социально-экономические сдвиги отразились и на развитии наук. В числе событий, повлиявших в дальнейшем на активизацию китаеведческих исследований, следует упомянуть принятие в 1803 г. нового «Регламента» Академии наук²⁰ и первого устава российских университетов (1804 г.), включившего востоковедение в разряд учебных дисциплин. В том же году в Китай было направлено посольство во главе с Ю. А. Головкиным²¹, в свиту посла была включена и научная экспедиция, среди членов которой находился известный французский китаевед Г. Ю. Клапрот, приглашенный Академией наук.

Как известно, посольство Ю. А. Головкина далее Урги проехать не смогло, цинские власти пропустили в Пекин только очередную смену состава духовной миссии. Во главе ее на этот раз стоял Никита Яковлевич Бичурин (Иакинф), благодаря таланту и трудолюбию которого русское китаеведение, оформившись как научная дисциплина, встало на высшую ступень мировой синологии.

Труды Н. Я. Бичурина рассеяли укоренившееся к началу XIX в. в Европе и в России мнение, которое предельно четко сформулировал в описании своего плавания в китайских водах знаменитый мореплаватель Крузенштерн: «О Китае написано столь много, что весьма трудно уже сказать о нем что-либо новое»²².

Свое 14-летнее пребывание в Пекине Н. Я. Бичурин целиком посвятил изучению Китая, его языка, истории, географии, нравов и обычаев страны. За это время им были написаны все основные труды, впоследствии изданные в России, или подготовлены исчерпывающие материалы для них.

В 1818 г., когда Н. Я. Бичурин находился еще в Пекине, произошло знаменательное событие в истории академического востоковедения: был создан Азиатский музей Академии наук — первое специализированное учреждение, в котором были сосредоточены коллекции, библиотека и научные исследования по Востоку²³.

¹⁹ П. Е. Скачков. История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв. (краткий очерк). — «Международные связи России в XVII—XVIII вв.», М., 1966, стр. 173.

²⁰ «История Академии наук СССР», М.—Л., 1964, т. 2, стр. 663—686.

²¹ «Международные отношения на Дальнем Востоке», М., 1973, т. I, стр. 41—42.

²² И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». СПб., 1810, ч. II, стр. 338.

²³ Подробнее см.: «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР», М., 1972.

Основной целью научной деятельности Н. Я. Бичурин считал создание максимально точной и полной картины современного ему Китая и сопредельных стран Дальнего Востока и Центральной Азии. «Я привык писать одно дельное, высказываться откровенно, и притом в коротких словах», — говорил Н. Я. Бичурин о методе своей работы²⁴. Первый же труд Н. Я. Бичурина стал свидетельством качественно нового этапа в истории отечественного китаеведения. Советский историк-китаевед В. Н. Никифоров справедливо подчеркивает, что «книга Н. Я. Бичурина 1828 г. «Записки о Монголии» — настоящая, даже в современном понимании, научная монография. Проблемы, которые ставил в своих работах Н. Я. Бичурин — происхождение монголов и других народов Центральной Азии, происхождение названия «татары», — обсуждаются до наших дней, и голос Н. Я. Бичурина по-прежнему слышен в этих дискуссиях. Первая же книга Н. Я. Бичурина поставила его в ряды крупнейших синологов мира»²⁵.

Высоко оценила труд Н. Я. Бичурина Академия наук: в год выхода в свет «Записок о Монголии» их автор был избран членом-корреспондентом²⁶. Отвечая Академии наук на получение диплома, Н. Я. Бичурин писал в адрес академика-секретаря Фусса: «... я имел честь получить диплом Российской императорской Академии наук, на звание ее корреспондента. Таковое внимание, обращенное ею на мои занятия в китайской литературе, показало мне цену моих трудов. В сем отношении, приемля ее лестным для меня одобрением, я потщусь деятельным продолжением занятий по сей части показать себя достойным ее сочленом. Приложенный у сего план Пекина (отпечатанный на сих днях) с описанием сей столицы на двух языках — российском и французском — прошу вас, милостивый государь, представить Академии залогом такового моего обета»²⁷.

На протяжении последующих 25 лет Н. Я. Бичурин с честью выполнял свой обет. Он в первую очередь познакомил русскую и европейскую общественность сначала с историей народов и стран, сопредельных с Китаем, выпустив в свет «Историю первых четырех ханов из дома Чингисова» (1829), «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» (1834), «Историю Тибета и Хухунора с 2282 г. до н. э. по 1227 г. н. э.» (1833), «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии с древнейших времен» (1851). А затем перешел к освещению истории и современного состояния собственно Китая, опубликовав «Китай, его нравы, обычаи» (1840); «Статистическое описание Китайской империи» (1842) — результат многолетней работы Н. Я. Бичурина над китайскими источниками; «Земледелие в Китае» (1844); «Китай в гражданском и нравственном состоянии» (1848). Труды

²⁴ «Московитянин», 1848, № 9, стр. 4.

²⁵ В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, стр. 6. Несколько ранее «Записок о Монголии» в 1828 г. был опубликован перевод Н. Я. Бичурина с китайского «Описания Тибета...», снабженный подробными комментариями, но не носящий столь исследовательского характера, как первое собственное сочинение Н. Я. Бичурина.

²⁶ «Класс академических корреспондентов» был установлен в российской Академии наук еще в январе 1759 г. Это почетное звание присуждалось ученым и путешественникам, особенно способствовавшим пополнению коллекций Академии наук.

²⁷ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2, § 96, 1840. «Описание Пекина» представляло перевод с китайского подлинника, изданного в 1788 г. Перевод был тщательно выверен в отношении фактического материала и снабжен планом города, снятым Н. Я. Бичуриным лично. Впервые план Пекина был снят миссионерами-иезуитами в 1705 г. по желанию императора Канси.

Н. Я. Бичурин четырежды отмечались одной из высших наград Академии наук — Демидовской премией²⁸.

Н. Я. Бичурин был первым китаеведом, ставшим заметной фигурой в общественной жизни страны. Его творчество протекало в годы николаевской реакции. Личное положение Н. Я. Бичурин, которому Николай I не разрешил выйти из монашества, усугубляло и без того многочисленных ограничений. И все же Н. Я. Бичурин старается поддерживать общение с передовыми кругами петербургских литераторов и ученых, сотрудничает в прогрессивных журналах, находясь в 30-х годах в Кяхте для создания там училища китайского языка, он поддерживает связь с ссыльными декабристами, в своих трудах отстаивает интересы русской науки, осуждает слепое преклонение перед иностранными учеными, страстно пропагандирует знания о Китае и народах Центральной Азии.

Хорошо известны дружеские отношения Н. Я. Бичурин с А. С. Пушкиным, высоко ценившим «вольнотумца в рясе», «коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на отношения наши с Востоком»²⁹. Воздавал должное трудам Н. Я. Бичурин и другой его великий современник — В. Г. Белинский.

Вместе с тем следуют отметить и известную идеализацию Н. Я. Бичуриным Китая. Так, в работе «Китай в гражданском и нравственном состоянии», представляющий в известном смысле итог «китайского» цикла трудов Н. Я. Бичурин, он писал, обращая внимание читателей на китайские законы: «... они сорок веков проходили сквозь горнило опытов и вылились столь близко к истинным началам народоправления, что даже образованнейшие государства могли бы кое-что заимствовать из них»³⁰. И не случайно В. Г. Белинский, указав, что «книга почтенного отца Иакинфа — истинное сокровище для ученых, по богатству важных фактов», беспощадно разрушал этот образ иллюзорного Китая, в котором народ якобы благоденствовал под сенью совершенных законов: «Но, увы, это только мираж, разлетающийся прежде, чем взглянешься в него! — восклицал великий критик. — Это такой же призрак, как и политическое могущество Китая... Все эти законы и гарантии хороши только на бумаге, а на деле служат только к обогащению берущих взятки и утеснению дающих взятки»³¹.

Имя Н. Я. Бичурин является символом целой эпохи в истории русского китаеведения. Но оно не закрывает от нас целой плеяды выдающихся китаеведов, его современников и учеников. П. Каменский (чл.-корр. Академии наук с 1819 г.), С. В. Липовцев, З. Ф. Леонтьевский, Г. М. Розов внесли существенный вклад в исследования по китайской и маньчжурской филологии, истории Китая и сопредельных стран. Все они были глубокими знатоками Китая, получившими подготовку в Пекинской духовной миссии.

В середине XIX в. в миссии обучались те, кому было суждено приумножить славу отечественного китаеведения, развить в нем все лучшее, что было заложено трудами Н. Я. Бичурин: А. Честной, В. В. Горский, К. А. Скачков, Э. В. Бретшнейдер, П. Кафаров, И. И. Захаров, В. П. Васильев — столь блестящего созвездия ученых, одновременно работавших

²⁸ А. Н. Бернштам. Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». — В кн.: «Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». М.—Л., 1950, т. I, стр. IX.

²⁹ А. С. Пушкин. История Пугачева. — Собр. соч., М., 1949, т. 8, стр. 287.

³⁰ Иакинф Бичурин. Китай в гражданском и нравственном состоянии. СПб, 1848: ч. I, стр. II—III.

³¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Пг, 1917, т. XI, стр. 155, 157.

в различных областях китаеведения³², не знала, пожалуй, ни одна из национальных синологических школ в мире.

Хотя преподавание китаеведческих дисциплин в высших учебных заведениях России было начато в 1837 г. открытием кафедры китайского языка в Казанском университете, однако миссия еще в течение почти четверти века оставалась основной школой подготовки китаеведов, куда направлялись и лица, получившие уже университетское образование.

Само пребывание в миссии было сопряжено с большими трудностями. Будущие китаеведы, в течение многих лет находившиеся в Пекине, были вынуждены жить и работать в исключительно неблагоприятных условиях. «Студенческие комнаты узки и тесны, неудобны для занятий с учителями, зимою опасны для здоровья. Нельзя прислониться ни к одной стене — иначе сырость и холод проникнут во все кости, и ревматизм, здесь столь обыкновенный, неизбежен... В зимнее время ноги постоянно страдают от жару, а плечи и спина — от сырости и холода» — так описывал один из миссионеров студенческий быт³³. Плохое питание и переменчивый климат приводили к частым заболеваниям и большой смертности среди учеников и членов миссии³⁴.

Но трудолюбие и упорство тех, кто посвятил себя китаеведению, помогали им преодолевать невзгоды и добиваться блестящих успехов. Заведывавший делами миссии в конце 30-х годов XIX в. Аввакум Честной так характеризовал в одном из своих рапортов успехи студентов в изучении китайского языка: «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана считается лучшим переводом о. Иакинфа. Но осмеливаюсь уверить Азиатский департамент, что эту книгу, доставившую переводчику литературную славу, каждый из нас мог бы перевести на третьем или по крайней мере на четвертом году нашего пребывания в Пекине, если не лучше, то и не хуже о. Иакинфа»³⁵.

И все же миссия к середине XIX в. исчерпала возможности совершенствования подготовки китаеведческих кадров. Один за другим правительству представляются проекты реорганизации университетского преподавания востоковедческих дисциплин. Наконец, в октябре 1854 г. последовал указ о создании Восточного факультета Петербургского университета, во главе которого встал выдающийся знаток Китая, его истории, общественной мысли, языка и обычаев — Василий Павлович Васильев.

Итак, в первой половине XIX в. хотя еще и сохраняется в основном прежняя система подготовки китаеведов, однако уже появляются обусловленные развитием самого русского общества связи китаеведения с демократическими прогрессивными кругами России, зарождается университетское преподавание китаеведческих дисциплин, русское китаеведение в научном плане достигает уровня мировой синологии.

Те, кто пришел в китаеведение в начале второй половины XIX в., будучи студентами, находились во время своей подготовки в Китае в период великой крестьянской войны тайпинов, первого натиска колониальных держав на Китай. Они ясно увидели гнилость Цинской империи и неспособность маньчжурской верхушки управлять делами страны. Эти непосредственные впечатления способствовали развитию заложенных

³² Об исследованиях русских китаеведов в смежных областях востоковедения см.: М. П. Волкова. Маньчжуроведение; М. И. Воробьева-Десятовская и Л. С. Савицкий. Тибетоведение. — «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР». М., 1972.

³³ К. А. Скачков. Пекин в дни тайпинского восстания. М., 1958, стр. 15.

³⁴ Там же, стр. 16.

³⁵ РО ГБЛ, ф. 273, ед. хр. 13, карт. 25, л. 325.

Н. Я. Бичуриным демократических основ в русском китаеведении, традиции сочувствия китайскому народу, его борьбе против маньчжурского ига и иностранного засилья. Вместе с тем следующий этап в истории отечественного китаеведения относится к тому времени (1860—1895 гг.), когда развитие капитализма в России толкало царизм к проведению вслед за капиталистическими державами Запада колониальной политики на Дальнем Востоке. Резкое расширение международных отношений, возросшая интенсивность дипломатических и торговых связей диктовали необходимость введения новых методов подготовки китаеведов, ставили специфические задачи перед научными исследованиями в области китаеведения.

Среди выдающихся русских китаеведов второй половины XIX в. особое место занимают П. Кафаров, И. И. Захаров, В. П. Васильев, каждый из которых, внося новое в какое-либо из направлений китаеведения, в то же время стоял на вершине всего комплекса знаний о Китае, достигнутых мировой востоковедческой наукой. Именно их работы положили начало дифференциации отечественного китаеведения, появлению таких его направлений, как исследование социально-экономической истории Китая, его идеологии, создание обобщающих филологических трудов.

П. Кафаров находился в Пекине в составе трех миссий, две из которых он возглавлял. Круг его научных интересов необычайно широк. Каждому китаеведу и сегодня известен китайско-русский словарь П. Кафарова, ставший классическим образцом труда по китайской филологии второй половины XIX в. Не менее значительны его исследования по истории Монголии, выполненные на основании глубокого изучения китайских источников³⁶, а также личных наблюдений во время поездок через Монголию в 1847 и 1859 гг.³⁷ П. Кафаров был первым китаеведом, побывавшим в Уссурийском крае и объяснившим историю его древностей³⁸.

Привлекали внимание П. Кафарова и история буддизма и литература китайских мусульман. Существен его вклад и в разработку истории изучения Китая европейцами³⁹. П. Кафаров был инициатором издания первого и единственного в дореволюционной России периодического издания — «Труды» членов духовной миссии⁴⁰, посвященного научному изучению Китая. Причем четвертый том «Трудов» был составлен из работ самого П. Кафарова. Это издание сыграло значительную роль не только в русском, но и в европейском китаеведении, первые два тома уже в 1858 г. были изданы в Берлине на немецком языке.

И. И. Захаров известен главным образом как автор непревзойденных «Полного маньчжурско-русского словаря» и маньчжурской грамматики⁴¹. Но он был и первым в России и Европе китаеведом, проводившим исследования земельной собственности в Китае⁴². Не менее интересна ра-

³⁶ Академик Б. Я. Владимирцов назвал П. Кафарова «тонким и умелым знатоком источников по истории монголов». — Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 9.

³⁷ «Дорожные заметки на пути в Монголию в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия...». СПб, 1892.

³⁸ В. Е. Ларичев. Путешествие в страну восточных иноземцев. Новосибирск, 1973.

³⁹ См.: П. Кафаров. Заметки о путешествии в Китай казака Петлина («ЗВРАО», т. VI, 1892, стр. 305—308) и Комментарий архимандрита Палладия на путешествие Марко Поло по Северному Китаю. — «ИРГО», т. 38, 1902, стр. 1—44.

⁴⁰ «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине». СПб, 1852—1866, т. I—IV; изд. 2-е. Пекин, 1909—1910.

⁴¹ И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб, 1875; изд. 2-е, Пекин, 1939; его же: «Грамматика маньчжурского языка». СПб, 1875.

⁴² И. Захаров. Поземельная собственность в Китае. — «Труды членов Российской духовной миссии», 1853, т. II, стр. 1—96.

бота И. И. Захарова по исторической демографии Китая⁴³. «По существу, И. И. Захаров, — справедливо отмечает В. Н. Никифоров, — впервые в России занялся собственно историей Китая, стал зачинателем монографической разработки коренных социально-экономических проблем»⁴⁴. Многие годы своей жизни И. И. Захаров отдал дипломатической работе в Китае, а также преподаванию маньчжурского языка в Петербургском университете, профессором которого он был.

В 1968 г. советская востоковедная общественность отметила 150-летие со дня рождения академика В. П. Васильева⁴⁵. Выдающийся китаевед был открывателем многих новых направлений не только в синологии, но и в отечественном востоковедении вообще. Его труды, с одной стороны, как бы восполнили те пробелы, которые были в нашей науке о Китае, а с другой — заложили прочный фундамент русской буддологии, истории китайской литературы, источниковедения истории Китая.

Основной этап творческого пути В. П. Васильева⁴⁶ связан с Петербургским университетом, где на протяжении многих лет он был не только профессором, преподававшим ряд востоковедных курсов, но и деканом Восточного факультета. Большая преподавательская нагрузка в известной степени повлияла на работу В. П. Васильева как исследователя, он не успел завершить многие программы, намеченные им вначале.

Тем не менее научное наследие В. П. Васильева огромно. Исключительно глубокие знания китайского, маньчжурского, монгольского, тибетского языков и санскрита определили не только широту диапазона исследований, но и уникальность источниковедческой основы трудов В. П. Васильева.

Характерной чертой творчества В. П. Васильева являлось критическое отношение к источникам, стремление переосмыслить их данные для установления истинности фактов. В своей «Автобиографии» В. П. Васильев отмечал, что еще в студенческие годы в Казанском университете слова профессора О. М. Ковалевского «не преклоняться в отыскивании истины перед авторитетом, подвергать критике *sine ira et studio*, совершившиеся или рассказываемые факты, не предполагая никакого вопроса решенным на век, запали глубоко в мою душу, были руководителями всех моих симпатий и антипатий»⁴⁷.

В конце 50-х — начале 60-х годов В. П. Васильевым был создан ряд учебных пособий по китайскому и маньчжурскому языкам. В выпущенном им первом китайско-русском словаре впервые в мире разработана графическая система китайских иероглифов, принятая впоследствии для многих словарей. В этот же период В. П. Васильев публикует серию фундаментальных исследований в области истории Китая и сопредельных стран, куда вошли «История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII в.» (1859), «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин» (1863), «О движении магометанства в Китае» (1867), «Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии» (1868)⁴⁸.

⁴³ И. Захаров. Историческое обозрение народонаселения Китая. — «Труды членов Российской духовной миссии», 1852, т. 1, стр. 247—360.

⁴⁴ В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, стр. 9.

⁴⁵ См.: «История и культура Китая». М., 1974.

⁴⁶ Биографии и творческому пути В. П. Васильева посвящено более 20 работ (см.: № 18510—18530 в «Библиографии Китая» П. Е. Скачкова, а также статью А. Н. Хохлова в упомянутом сборнике «История и культура Китая». М., 1974).

⁴⁷ С. А. Венгеро в. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. т. IV, отд. II, стр. 150.

⁴⁸ О значении исторических работ В. П. Васильева в русской историографии Китая см.: В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, стр. 11—14.

Опубликованная В. П. Васильевым в 1873 г. книга «Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм» явилась обобщением многочисленных предварительных исследований, которые автор начал еще будучи студентом духовной миссии в Пекине. Следующим обобщающим трудом В. П. Васильева были «Очерки китайской литературы», увидевшие свет в 1880 г. Немаловажную роль в подготовке этой книги сыграл прочитанный В. П. Васильевым впервые в Европе курс лекций по истории китайской и маньчжурской литературы⁴⁹.

Почти полвека интенсивнейшей работы в области китаеведения принесли В. П. Васильеву заслуженное признание не только в отечественном, но и в мировом востоковедении. Когда 20 августа 1876 г. в Петербурге начал работу III Международный конгресс ориенталистов, В. П. Васильев был избран председателем I отдела конгресса, а его выступления на конгрессе привлекли большое внимание⁵⁰. На V Международном конгрессе ориенталистов в Берлине в 1881 г. В. П. Васильев, присутствовавший в составе русской делегации, был избран вице-президентом Дальневосточной секции.

Оценки личности и творчества В. П. Васильева позднейшими исследователями многоплановы и противоречивы⁵¹. Нам представляется, что судьба В. П. Васильева как человека и ученого неразрывно связана с тем общим для русской науки положением, в котором она находилась в царской России, когда расцвет и полная самоотдача таланта были в силу обстоятельств не правилом, а исключением. Вспомним в этой связи полные тревоги и боли слова учившегося у В. П. Васильева В. М. Алексева, с удивительной силой обрисовывающие как само состояние русской синологии, так и трагедию «учителя 45 поколений русских сиологов»: «Все прошлое русского китаеведения сложно и мучительно. Разрушительные силы всегда действовали вернее созидательных, и оглядываться на это больно. Наши вполне самобытные таланты: Иакинф Бичурин, сумевший при скудности средств познания страны дать такое разнообразие ответов на основные вопросы, Палладий Кафаров, В. П. Васильев и его ученики Ивановский и Георгиевский — все эти люди всю жизнь мучились огромными проблемами, не ленились ни минуты, но наша русская действительность сумела загнать их, сломить. Все они были прежде всего настолько бедны, что не могли напечатать свои сочинения на свой счет, а университет находил только крохи средств. Академику Васильеву хватало их только на печатание китайских текстов на отвратительной бумаге отвратительным набором китайских знаков. И это в конце XIX в. Уделом большинства ученых поэтому было писать книги, составлять пособия... только для того, чтобы эти книги затем скупала Академия наук у их вдов и хоронила в Азиатском музее... Васильев, потеряв всякую надежду напечатать свои многотомные и первоклассные материалы по исследованию буддизма, сложил их у себя в кабинете, а прислуга, без ведома его, употребила эти длинные листы на растопку печей. Глупая и страшная трагедия!»⁵²

Самопознание любой науки является одним из признаков ее зрелости. И не случайно на рубеже XIX—XX вв. русские китаеведы проявляют глубокую озабоченность судьбами отечественной синологии, пытаются определить пути ее дальнейшего развития. Первенство в этом принадлежит

⁴⁹ Л. З. Эйфлин. К 90-летию выхода в свет первого очерка истории китайской литературы. — «Страны и народы Востока», М., вып. II, 1970.

⁵⁰ «Труды III съезда ориенталистов», СПб, 1879—1880, т. I, стр. XXIV—XXXV.

⁵¹ Подробнее см.: В. П. Ни к и ф о р о в. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, стр. 14—16.

⁵² В. М. Алексеев. В старом Китае. М., 1958, стр. 287—288.

ученикам В. П. Васильева: С. М. Георгиевскому, С. Ф. Ольденбургу, В. М. Алексееву.

Профессор Восточного факультета Петербургского университета С. М. Георгиевский, известный своими трудами в области древней истории Китая, попытался сформулировать практические цели научного Китаеведения в России. Он подчеркивал, что китаеведы должны помочь обществу выработать новый взгляд на обитателей Китая «многовекового, многомиллионного, связанного с нами узами той дружбы, которую в будущем может обеспечиваться мир всего мира, на благо живущих в нем племен и народов»⁵³.

Между тем состояние как отечественной, так и европейской синологии, по мнению С. М. Георгиевского, явно не отвечало задачам, выдвигавшимся жизнью. «Синология как установившаяся наука еще не существует, — с чисто «васильевским» скептицизмом констатировал он, — в синологии нет еще ни определенных целей, ни утвержденных основ, ни выработанных приемов; синология смешивается еще с простым драгоманством, с умением переводить с китайского языка на тот или другой из языков европейских»⁵⁴. Выход из этого положения С. М. Георгиевский правильно видел в дифференциации Китаеведения. «Под синологией (ныне понятием весьма туманным), — писал он, — должна разумеаться не одна какая-либо наука, а совокупность многих наук»⁵⁵.

Заключительный этап (1895—1917) в развитии дореволюционного Китаеведения падает на те годы, когда царское правительство присоединяется к империалистической политике держав в Китае и в условиях обострения борьбы за раздел Китая царизм терпит поражение в русско-японской войне. Восстание ихэтуаней и Синьхайская революция, падение Цинской империи привлекли пристальное внимание всего мира, заставили по-новому взглянуть на Китай. Революционная буря, пронесшаяся в 1905 г. над Россией, оказала огромное влияние на национально-освободительную борьбу в странах Востока, и в частности в Китае.

Эти факторы, с одной стороны, вызвали резкое расширение стоявших перед Китаеведением задач, а с другой — обусловили появление качественно новых работ по Китаю: китайская действительность стала объектом исследования марксистско-ленинской науки об обществе.

Для удовлетворения практических потребностей в специалистах по Дальнему Востоку в 1899 г. во Владивостоке был открыт Восточный институт, в котором было широко поставлено изучение китайского, японского, корейского, монгольского и маньчжурского языков. Институт возглавил А. М. Позднеев, известный монголовед, для преподавания Китаеведческих дисциплин были приглашены П. П. Шмидт, А. В. Гребенщиков и А. В. Рудаков. Позднее в нем преподавали Г. Цыбников и Н. В. Кюнер.

В Восточном институте велась и исследовательская работа по Китаю развивавшаяся главным образом в двух направлениях: исследования по Маньчжурии и создание литературы, дававшей практические знания о современном Китае. П. П. Шмидтом были опубликованы пособия по китайскому и маньчжурскому языкам, среди которых, несомненно, заслуживает внимания грамматика китайского языка⁵⁶. Среди многочислен-

⁵³ С. М. Георгиевский. Важность изучения Китая. СПб, 1890, стр. 271.

⁵⁴ С. М. Георгиевский. Граф Л. Толстой и «Принципы жизни Китая». СПб, 1889, стр. 6.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ П. Шмидт. Опыт мандаринской грамматики с текстом для упражнений. Пособие к изучению разговорного китайского языка пекинского наречия. Владивосток, 1902 изд. 2-е, Владивосток, 1915.

ных работ А. В. Рудакова следует выделить «Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции» (1909), а также «Общество И-хэ-туань, его значение в последних событиях на Дальнем Востоке» (1901). Исключительно плодотворно работал во Владивостоке Н. В. Кюнер, подготовивший пособия по древней и средневековой истории Китая, географии стран Дальнего Востока, истории отношений Китая со странами Запада. Его капитальный труд «Описание Тибета»⁵⁷ явился сводом накопленных наукой данных об этой части Центральной Азии.

В первое десятилетие XX в. на Восточном факультете Петербургского университета успешно работали П. С. Попов, А. И. Иванов, А. Е. Любимов, В. Л. Котвич, начал свой творческий путь В. М. Алексеев. В этот же период русская наука вносит огромный вклад в изучение географии, этнографии и археологии Китая и окраинных территорий Цинской империи. Экспедиции Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, П. К. Козлова, В. И. Робровского, Д. А. Клеменца открыли науке огромный центральноазиатский мир во всем величии его истории и трагизме современного состояния.

И все же ни расширение сферы китаеведения, ни мировые открытия в географии и археологии не могли преодолеть того внутреннего кризиса в русской синологии, который наметился еще в XIX в., ибо его причины лежали не столько в самой науке, сколько в общем кризисе, охватившем русское общество. Дыхание революции чувствовалось и в России и в Китае. «Скоро наступит переоценка всех ценностей. Слышны удары прибоя, прибоя новой жизни!» — восклицает В. М. Алексеев в дневнике 1907 г.⁵⁸ Но это было чисто эмоциональное восприятие действительности, отраженное в трудах профессиональных китаеведов не более как в виде либерально-прогрессивных взглядов.

Между тем именно в России марксистская мысль заложила основы методологии качественно нового китаеведения, которое отвечало на коренные вопросы развития китайского общества. Грядущее русское китаеведение было поставлено в исключительно благоприятные условия уже тем, что оно брало свое начало в трудах В. И. Ленина. Из общего количества (более 80 работ), в которых В. И. Ленин касался непосредственно Китая, свыше 50 написаны в предреволюционный период.

Такие работы В. И. Ленина, как «Китайская война», «Горячий материал в мировой политике», «Демократия и народничество в Китае», «Крупный успех Китайской республики», «Отсталая Европа и передовая Азия», «Пробуждение Азии», закрепили империалистическую политику капиталистических держав и царизма в Китае, показали взаимосвязь национально-освободительного движения китайского народа с революционной борьбой российского и мирового пролетариата, осветили узловые проблемы социально-экономического развития Китая⁵⁹.

Таким образом, еще в канун революции выявилась неспособность классического китаеведения, базировавшегося главным образом на филологических исследованиях и анализе исторических памятников, стать комплексной наукой о Китае, которая могла бы раскрыть характер процессов, происходящих в стране, сформулировать закономерности раз-

⁵⁷ Н. В. Кюнер. Описание Тибета. Владивосток, 1907, ч. I; 1908, ч. II.

⁵⁸ В. М. Алексеев. В старом Китае. М., 1958, стр. 192.

⁵⁹ См.: «Ленин и проблемы современного Китая». М., 1971; В. Н. Никифоров. Проблемы Китая в трудах В. И. Ленина. — «Советские историки о проблемах Китая». М., стр. 46—64; его же: «Вопросы истории Китая в произведениях В. И. Ленина». — «Вопросы истории», 1970, № 12.

вития китайского общества, применить огромный запас знаний, накопленных о Китае, к практике сегодняшнего дня. Но уже в этот период зародилось новое марксистско-ленинское китаеведение, развитие которого пока что шло параллельно с экстенсивным ростом старого китаеведения.

Ликвидировать этот разрыв смогла лишь Великая Октябрьская социалистическая революция, после свершения которой отечественное китаеведение становится составной частью советской науки.

* * *

Советское китаеведение, как китаеведение принципиально нового типа, прошло в своем развитии несколько этапов⁶⁰. Первый этап — до середины 20-х годов — протекал под знаком становления марксистско-ленинского китаеведения, формирования его научных кадров. Следует отметить, что подавляющее большинство старых востоковедов, будучи патриотами своей страны, лояльно отнеслись к Советской власти⁶¹. На поиски ими путей к новому китаеведению, несомненно, влияло знание всех недостатков старого русского китаеведения. Мы уже приводили по этому поводу точку зрения В. М. Алексеева. Отметим, что ее полностью разделял и С. Ф. Ольденбург, который, оценивая состояние дореволюционного русского востоковедения, писал в 1918 г.: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России: смелые начинания, глубокие мысли, редкие таланты, блестящие умы, даже кропотливый и упорный труд, все это встречаешь с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды «первых» томов, «первых» выпусков, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полузаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний»⁶². Поэтому хотя на первых порах представители старого китаеведения все еще продолжали уделять основное внимание классическому Китаю, применяя старые методологические принципы, однако весь опыт развития русской синологии диктовал им необходимость принять активное участие в создании советской китаеведческой школы.

Зачинателями же новых исследований по Китаю стали те, кого сама жизнь, революционная практика обратили к проблемам освободительного движения народов Востока, к проблемам китайской революции, — партийные журналисты, кадровые работники партии, которым пришлось вести дальневосточную дипломатию молодой Советской республики, политработники восточного фронта гражданской войны. Огромную роль в становлении учебных центров и исследовательской работы по Китаю сыграло постоянное внимание, уделявшееся этим проблемам В. И. Лениным.

Уже в 1920 г. по указанию В. И. Ленина в Петрограде и Москве приступили к занятиям востоковедные институты. В. И. Ленин видел необходимость организации научно-исследовательской работы по Востоку, и

⁶⁰ Периодизация истории развития советского китаеведения выработана в статье Р. В. Вяткина и Л. И. Думана «Синология» (СИЭ, М., 1969, т. 12, стр. 889—890) и в книге В. Н. Никифорова «Советские историки о проблемах Китая». Некоторые расхождения в хронологии первого периода развития советского китаеведения в этих работах унифицированы в последней работе Р. В. Вяткина «Синология», рукописью которой с любезного разрешения автора я мог воспользоваться, за что и приношу ему сердечную благодарность. — Прим. авт.

⁶¹ В. Н. Никифоров. Указ. соч., стр. 76—77.

⁶² С. Ф. Ольденбург. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. 1818—1918. — «ИРАН», 1918, стр. 531.

в частности по Китаю, в масштабах всей страны. Этой цели, по замыслу В. И. Ленина, должна была служить созданная в 1921 г. Всероссийская научная ассоциация востоковедов. Большую практическую работу в ассоциации вели М. П. Павлович и В. А. Гурко-Кряжин.

Результаты организаторской деятельности партии в области востоковедения не замедлили сказаться. Оживилась востоковедческая пресса: выходят журналы «Новый Восток» (в Москве) и «Новый Дальний Восток» (во Владивостоке), «Восток» (в Ленинграде), появляются первые исследования по Китаю, основанные на марксистской методологии: «Китай и Советская Россия» (1919), «Политические группировки в Китае» (1922) В. Д. Виленского-Сибирякова, «Мировой империализм и Китай» (1922) А. Е. Ходорова, ряд статей Г. Н. Войтинского. Важную роль в ознакомлении широких масс с Китаем играли справочные издания: «Китай, экономическое описание» (1925) Н. М. Попова-Тативы, «Китай, страна, население, история» (1924) В. С. Колоколова и И. К. Мамаева.

Одной из отличительных черт нового советского востоковедения и китаеведения как его части, было то, что оно несло идеи слияния освободительной борьбы колониальных и зависимых стран с движением за социалистические революции рабочего класса развитых государств, служило интернациональному воспитанию и сближению трудящихся России и Востока. Такие документы Советского государства, как «Декрет о мире», обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», «Обращение правительства РСФСР к народу и правительствам Северного и Южного Китая», явились ярким свидетельством принципиально новой политики Страны Советов на Востоке, нашли широчайший отклик в Азии. «Восточные народы сознают все с большей ясностью, что Советская Россия есть бескорыстный друг, безусловно симпатизирующий их стремлениям к укреплению и развитию своей самостоятельной политической и экономической жизни», — подчеркивал в ноябре 1921 г. Г. В. Чичерин⁶³. Не только на страницах печатных изданий, но и практической работой в дипломатических органах Советской власти, а также в качестве представителей Коминтерна в Китае и советников при правительстве Сунь Ят-сена советские китаеведы выполняли свой интернациональный долг, способствуя освободительной борьбе китайского народа.

Следующий этап развития советского китаеведения охватывает вторую половину 20-х — начало 40-х годов, до Великой Отечественной войны. Весь период насыщен крупными событиями как в жизни нашей страны, так и Китая. Неуклонный рост и укрепление первого в мире социалистического государства, осуществление грандиозных планов преобразования народного хозяйства, культурная революция в СССР, активная и неуклонная борьба Советского Союза за сохранение мира — все эти факторы определяли расцвет советской науки, положительно сказывались на развитии китаеведческих исследований. Вместе с тем рост и развитие КПК, появление марксистских работ по Китаю, подготовленных китайскими авторами, революция 1925—1927 гг. в Китае предьявляли новые все более сложные требования к работам советских китаеведов.

В 1925 г., во время празднования 200-летнего юбилея АН СССР, китаеведение было представлено выставкой Азиатского музея в области истории китайской книги, организованной чл.-корр. АН СССР В. М. Алексеевым. В том же году в Москве открывается Университет им. Сунь Ят-сена (позже Коммунистический университет трудящихся Китая имени Сунь Ят-сена — КУТК). На базе Кабинета по китаеведению этого уни-

⁶³ Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики, М., 1961, стр. 203.

верситета три года спустя организуется научно-исследовательский Институт по Китаю, превратившийся в один из основных центров советского китаеведения⁶⁴.

Проблемы китайской революции, истории и экономики Китая, его социального строя широко освещаются на страницах таких изданий, как «Материалы по китайскому вопросу» (с 1925 г.), «Проблемы Китая» (с 1929 по 1935 г.), «Революционный Восток» (с 1927 г.), «Материалы по национально-колониальным проблемам». Укрепление марксистской методологии советского китаеведения проходило в условиях активного и бескомпромиссного обмена мнениями в среде партийной и научной общественности по актуальным проблемам китайской революции. Были подвергнуты широкому обсуждению классовая сущность суньятсенизма и чэньдусюизма, характер тайпинского движения, узловые проблемы общественного строя Китая и «азиатский способ производства»⁶⁵. Это было время «больших дискуссий», в результате которых марксистско-ленинское учение об общественных формациях легло в основу дальнейших китаеведческих исследований⁶⁶.

Активную роль в китаеведении в этот период играют М. Волин, Л. И. Мадьяр, А. Ивин, П. А. Миф, М. Д. Кокин, Г. К. Папаян, В. Н. Кучумов, Г. С. Кара-Мурза. В 1930 г. в Ленинграде был организован Институт востоковедения АН СССР, руководителем Китайского отделения стал только что отметивший 25-летие научной деятельности и избранный действительным членом Академии наук СССР В. М. Алексеев⁶⁷. Это время характерно появлением большого количества монографических исследований, главным образом в области новейшей истории Китая⁶⁸.

В предвоенный период в советском китаеведении наметилась тенденция к комплексному изучению Китая, его многовековой истории, культуры, внешних связей, филологии. Работы В. М. Алексеева, Н. И. Конрада, Ю. К. Щуцкого, А. А. Штукина, В. М. Штейна, О. С. Тарханова, Е. С. Иолка, А. Я. Канторовича, Н. А. Невского, А. А. Петрова, К. К. Флуга, П. Е. Скачкова и многих других составили золотой фонд советского китаеведения, упрочили позиции советской науки в мировой синологии. Продолжая лучшие традиции отечественного востоковедения, советские китаеведы уделяли большое внимание странам и народам, которые исторически были соседями китайцев. Мировое значение, например, имели фундаментальные исследования Н. А. Невского в области тангутской филологии, за которые автор посмертно в 1962 г. был удостоен Ленинской премии.

Своеобразным итогом работы в области китаеведения явился сборник «Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость», вышедший в 1940 г. под редакцией В. М. Алексеева, Л. И. Думана, А. А. Петрова. В. М. Алексеев назвал эту книгу «первым учебником на русском языке по современному и историческому Китаю». Этот объемистый труд, явившийся энциклопедией различных отраслей китаеведения, свидетельствовал не только о высокой квалификации

⁶⁴ См.: В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, стр. 126—127.

⁶⁵ Там же, стр. 126—270.

⁶⁶ Там же, стр. 268.

⁶⁷ «Некоторые даты жизни и деятельности В. М. Алексеева, отмеченные им самим». — «Литература и культура Китая. Сборник статей к 90-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева». М., 1972, стр. 156.

⁶⁸ См. соответствующие разделы «Библиографии Китая» П. Е. Скачкова (М., 1960). первое издание которой было подготовлено также в начале 30-х годов и опубликовано в 1932 г.

каждого из его авторов, но и о возможности решать совместными усилиями большого творческого коллектива крупные задачи, встававшие перед китаеведением, которые были не по плечу отдельным исследователям.

Фашистское вторжение нанесло значительный урон советскому китаеведению. На фронтах Отечественной войны, во время блокады Ленинграда, при разгроме милитаристской Японии погибли Ю. В. Бунаков, А. В. Гребенщиков, Г. С. Кара-Мурза, К. Н. Разумовский, Л. Г. Рудов, К. К. Флуг. Учебная и исследовательская работа в эти годы велась в Военном институте иностранных языков Красной Армии. Часть ведущих ученых старшего поколения работала в эвакуации. «1941—1944 гг. В эвакуации подготовил к докладам и статьям, — отмечает в своей автобиографической анкете В. М. Алексеев, — до ста работ, основанных на художественных и точных (в одно и то же время) переводах ряда китайских антологий шедевров художественной прозы и такой же поэзии (Вэньсюань, Гувэнь гуань чжи, Гувэнь чжэнь бао, Тан ши сюань и т. д.). С докладами, статьями, переводами выступал уже в 1942 году (и далее — в 1943, 1944 и след. годах)»⁶⁹.

Фундамент, заложенный в предвоенные годы, а также непрерывность учебной и научной работы во время войны позволили советскому китаеведению сравнительно быстро восстановить силы и развернуть широкий фронт исследований в послевоенный период его развития. Гигантский размах созидательной работы советского народа на всех участках социалистического строительства, преодоление партейей последствий культа личности, курс КПСС и Советского правительства на укрепление дружбы и сотрудничества со странами Азии, Африки и Латинской Америки оказали благотворное влияние на рост китаеведческих кадров, расширение их практической деятельности и научно-исследовательской работы. Коренные изменения в Азии, крах колониальной системы империализма, образование Китайской Народной Республики неизмеримо расширили поле деятельности специалистов-китаеведов, поставили перед китаеведением принципиально новые задачи.

И советская востоковедческая наука, мобилизовав все силы, решает эти задачи. Если с 1917 по 1949 г. было опубликовано около ста различных книг по Китаю, то лишь за восемь лет, с 1950 по 1957 г., это число достигает 447 книг, изданных тиражом 23 млн. экземпляров, а за два последующих года это количество увеличилось еще на 242 книги⁷⁰. На русский язык были переведены многие крупные произведения китайской литературы, изданные затем на 28 языках народов СССР тиражом более 20 млн. экземпляров⁷¹.

В этот период выходят в свет «Очерки по новой и новейшей истории Китая» Г. В. Ефимова (1951), «Экономический строй Китайской Народной Республики» В. А. Масленникова (1958), «Интервенция США в Китае и ее поражение» Г. В. Астафьева (1958), «Очерки истории Китая в новейшее время» под редакцией А. С. Перевертайло, В. И. Глунина, К. В. Кукушкина и В. Н. Никифорова (1959), «Китайская литература» Н. Т. Федоренко (1958), «Движение за реформы в Китае и Кан Ю-вэй» С. Л. Тихвинского (1959), «Советско-китайские отношения» М. С. Капицы (1958), «Китайско-русский словарь» под редакцией И. М. Ошанина (1952, 1955), «Очерки экономических отношений СССР с Китаем»

⁶⁹ «Некоторые даты жизни и деятельности В. М. Алексеева, отмеченные им самим». — «Литература и культура Китая. Сборник статей к 90-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева. М., 1972, стр. 158.

⁷⁰ Р. В. Вяткин. Синология, стр. 20 (рукопись).

⁷¹ Р. В. Вяткин, Л. И. Думан. Синология. СИЭ. М., 1969, т. 12, стр. 890.

М. И. Сладковского (1957), второе издание «Библиографии Китая» П. Е. Скачкова (1960).

Было великолепно перензано «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» Н. Я. Бичурина, т. I, II (1950), т. III (1953).

Расширился прием на китайское отделение Московского института востоковедения, а также на соответствующие факультеты Московского и Ленинградского университетов, преподавание китаеведческих дисциплин ведется в Ташкентском университете и ряде ведомственных институтов. Научно-исследовательская работа развивается в Институте востоковедения в Ленинграде, Тихоокеанском институте в Москве, в Институте востоковедения в Москве, в Институте китаеведения в Москве. Выходит специализированный журнал «Советское китаеведение» (1958), много места Китаю уделяют и другие академические журналы, в первую очередь «Проблемы востоковедения». Синологические кафедры, группы, отделения, секторы были созданы в академиях наук многих союзных республик.

Советское китаеведение, знакомя советскую и мировую общественность с духовной и материальной культурой китайского народа, широко пропагандирует успехи социалистического строительства, развернувшегося в Китае, способствует укреплению позиций нового Китая на международной арене. Неизменно выполняя свой интернациональный долг, многие китаеведы принимали непосредственное участие в реализации ленинской политики КПСС и Советского государства в отношении Китая на различных участках научного, политического и экономического сотрудничества с КНР.

Вместе с тем в исследованиях и публицистических работах по Китаю этого периода намечились и некоторые неверные тенденции. «Главным пороком в нашей многочисленной исторической, политической и другой литературе, — отмечает М. И. Сладковский, — было то, что она не критически оценивала исторический опыт китайской революции, зачастую следуя за китайской официальной историографией, способствовала популяризации культа личности Мао Цзэ-дуна, не объективно освещала многие исторические события, замалчивала факты, иллюстрировавшие противоречивые процессы, происходившие в КПК, в китайском революционном движении»⁷².

С конца 50-х годов намечились отход китайского руководства от согласованной линии международного коммунистического и рабочего движения и осложнение по вине китайской стороны советско-китайских отношений, скатывание пекинских лидеров на позиции прямой борьбы против социалистического содружества⁷³. Массовые политические и идеологические кампании, проведенные маоистами, пресловутая «культурная революция» и последовавшие за ней новые пароксизмы внутренней борьбы в руководстве КНР, сопровождаемые очередными приступами антисоветизма, — таков ход внутреннего развития Китая в 60-х — начале 70-х годов. Политический переворот, совершенный маоистской группировкой в сфере общественных наук привел к отбрасыванию всего, что выработала марксистская мысль в Китае к рубежу 60-х годов, фактическому запрещению общественных наук в годы «культурной революции», замене духовного богатства классического и современного Китая маоистской иде

⁷² М. И. Сладковский. Современное состояние и задачи советского китаеведения. — «Проблемы советского китаеведения». М., 1973, стр. 9.

⁷³ Подробно см.: О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения 1945—1970. М., 1971; М. С. Капица. КНР: два десятилетия — две политики. М., 1969.

ологией, маоистскими поделками в области культуры. Отличительной чертой всей идеологической продукции нынешнего Китая является оголтелый антисоветизм, беспардонная фальсификация всемирной истории, отрицание мировой культуры, фальсификация истории Китая и истории его взаимоотношений с соседними странами, искажение истории китайской революции, истории Коммунистической партии Китая, истории взаимоотношений нашей страны с Китаем.

В этих условиях перед советским китаеведением встали задачи и проблемы, как никогда ранее сложные и ответственные. В основу всей работы в области китаеведения легли соответствующие решения съездов нашей партии и пленумов ЦК КПСС. Происходит дальнейшее организационное укрепление китаеведческих учреждений: возобновляется подготовка китаеведов в Дальневосточном государственном университете, во вновь организованном Институте восточных языков при МГУ, в Читинском областном пединституте, создается научно-исследовательский Институт Дальнего Востока АН СССР, проблемы Китая исследуются в Институте востоковедения АН СССР и его Ленинградском отделении, в Институте мировой социалистической системы АН СССР, Институте научной информации по общественным наукам АН СССР, в Институте международного рабочего движения АН СССР, Институте этнографии АН СССР, Институте мировой литературы АН СССР, в академических центрах Новосибирска и Владивостока, во Фрунзе, Алма-Ате и Ташкенте. Существенный вклад в научное изучение Китая вносят коллективы китаеведов, работающие в МГУ и ЛГУ.

На этом этапе его развития в советском китаеведении активно ведут исследовательскую работу академик Н. И. Конрад (до 1970 г.), члены-корреспонденты АН СССР Н. Т. Федоренко, С. Л. Тихвинский, М. И. Сладковский, выдающиеся знатоки Китая профессора В. С. Колоколов и Б. И. Панкратов, около пятидесяти докторов и несколько сот кандидатов наук. Советское китаеведение является наиболее крупным отрядом ученых-марксистов, занимающихся проблемами Китая и отстаивающих марксистские позиции в китаеведении от атак империалистической и маоистской идеологии. Принципиально новым фактором на данном этапе развития отечественной синологии становится сотрудничество советских китаеведов с китаеведами братских социалистических стран.

В эти годы в СССР неуклонно расширяется выпуск китаеведческой литературы, лишь в 1960—1965 гг. число книг по Китаю увеличилось еще на 325 названий⁷⁴. Крупные разделы о Китае публикуются в обобщающих и энциклопедических трудах — «Всеобщая история», «История философии», «Большая советская энциклопедия», «Литературная энциклопедия», «Советская историческая энциклопедия», «Народы Восточной Азии».

Преодолевая известные недостатки работ предшествовавшего периода, советские китаеведы сумели выработать научные концепции развития современного Китая. При этом они руководствовались принципиальным указанием партии, сформулированным тов. Л. И. Брежневым в выступлении на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г., где Генеральный секретарь ЦК КПСС подчеркнул: «Мы не отождествляем выступления и действия нынешнего китайского руководства ни с чаяниями и стремлениями, ни с подлинными интересами Коммунистической партии Китая, всего китайского народа. Мы глубоко убеждены, что не на путях борьбы против СССР и других

⁷⁴ Р. В. Вяткин. Синология, стр. 20 (рукопись).

стран социализма, против всего коммунистического движения, а на путях союза и братского сотрудничества с ними может быть достигнуто подлинное национальное возрождение Китая, обеспечено его социалистическое развитие»⁷⁵.

Большое значение для китаеведческих исследований имело принятое в 1967 г. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», поставившее конкретные задачи в борьбе против маоистской идеологии. Обсуждению актуальных проблем советского китаеведения, координации дальнейшей работы по изучению Китая в масштабах всей страны была посвящена первая Всесоюзная научная конференция китаеведов, состоявшаяся в Москве 29 ноября — 1 декабря 1971 г.

Важнейшей задачей советского китаеведения является глубокое изучение внутренней и внешней политики Китая, с тем чтобы оказывать максимальную помощь нашей партии и государству в деле установления взаимопонимания и добрососедства между советским и китайским народами. Выполнение этой задачи невозможно без широкого комплексного развития всех китаеведческих дисциплин.

И советское китаеведение, достигнутое высокой степени дифференциации исследований, в настоящее время превратилось в многоотраслевую научную дисциплину, в которой успешно работают историки, экономисты, филологи, философы, литературоведы, специалисты в области международных отношений, этнографы, археологи, представители юридических наук. Причем, как правило, в пределах каждой из этих отраслей для продвижения вперед необходима еще более узкая специализация. Китаеведы широко используют методiku исследования и достижения многих общественных дисциплин, в первую очередь истории КПСС и международного рабочего и коммунистического движения, истории СССР, всеобщей истории, политэкономии социализма, советского литературоведения, марксистской теории государства и права. В свою очередь китаеведческие исследования вносят существенный вклад в разработку проблем всемирной истории, истории национально-освободительного движения в странах Востока, мировой литературы, международных отношений, одним словом, всех отраслей знания, касающихся проблем не только Востока, но и общих для человечества в целом. Советские китаеведы активно выступают как против европоцентристского, так и против китаецентристского подхода при рассмотрении такого рода проблем.

Несомненные успехи достигнуты в последние годы советскими китаеведами в области изучения истории Китая. Исследованию подвергнуты все, без исключения, периоды существования самой «историчной» страны мира. Монографические разработки имеются по большинству узловых проблем китайской древности, средневековья, новой и новейшей истории, подготовлен ряд учебных пособий и обобщающих трудов по целым историческим периодам, много внимания уделено переводу и публикации источников западной, китайской и советской историографии⁷⁶. И хотя еще достаточно велик перечень проблем, ожидающих решения, а

⁷⁵ «Международное совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы. М., 1969, стр. 73.

⁷⁶ См.: С. Л. Тихвинский, Л. П. Делюсин. Некоторые проблемы изучения истории Китая; Л. С. Переломов. Изучение проблем древнего Китая; Л. В. Симонюк. Изучение проблем средневекового Китая в СССР; Г. Я. Смоленский. Исследование проблем средневекового Китая; В. И. Никифоров. Нерешенные проблемы новейшей истории Китая; Т. Н. Акатова. Проблемы изучения истории рабочего движения в Китае и советская историческая наука. — «Проблемы советского китаеведения», М., 1973.

по целому ряду вопросов имеются значительные расхождения точек зрения, однако несомненно, что появление крупных коллективных трудов («Новой истории Китая» и «Новейшей истории Китая», вышедших в 1972 г., учебного пособия «История Китая с древнейших времен до наших дней», 1974 г.) свидетельствует о творческой зрелости большого отряда историков-китаеведов.

В самостоятельное направление выделился в последние годы анализ истории и нынешнего состояния внешней политики Китая⁷⁷. И здесь такие коллективные труды, как «Китай и соседи» (1970), «Международные отношения на Дальнем Востоке» (1973), «Внешняя политика и международные отношения Китайской Народной Республики» (1974), воссоздают реальную картину международных отношений Китая за весь период его существования, разоблачают маоистские спекулятивные построения и подвергают критике буржуазные концепции.

Именно советские китаеведы в последние годы внесли существенный и по объему и по уровню вклад в изучение истории общественно-политической мысли Китая и его философии⁷⁸. Диапазон исследований в этой области необычайно широк — от переводов древних трактатов до глубоко аналитической критики теоретических концепций Мао Цзэ-дуна. Уже имеющиеся ценные монографии предстоит дополнить как исследованиями отдельных проблем, так и сводными трудами.

Первостепенное значение имеют труды советских китаеведов, посвященные изучению экономического базиса китайского общества на разных этапах его развития, а также экономической мысли Китая⁷⁹. Главное внимание здесь уделено исследованию особенностей развития экономики КНР и ущерба, причиненного ей маоистскими экспериментами в периоды «большого скачка», «урегулирования», «культурной революции». Одновременно с этим в последние годы опубликован ряд монографических исследований, рассматривающих различные аспекты аграрных отношений в Китае в XIX — первой половине XX в.

Одни из наиболее многочисленных и квалифицированных отрядов советского китаеведения представляют ученые, изучающие культуру Китая, его язык и литературу. Основные направления и принципы исследования в этой области были заложены в фундаментальных трудах академика В. М. Алексеева. В последние годы китаеведение обогатилось переводами классических памятников и произведений современных китайских писателей, монографиями по истории и теории китайской литературы различных периодов, высокопрофессиональными исследованиями китайской прозы, драматургии и поэзии. Проведена исключительно трудоемкая работа по археографическому описанию коллекций ксилографов. Советские китаеведы активно выступают против маоистских извращений

⁷⁷ См.: Г. В. Астафьев, А. Г. Яковлев. Изучение проблем внешней политики и международных отношений КНР; В. С. Мясников. Проблемы и задачи изучения истории русско-китайских отношений; Р. А. Мировицкая. Изучение истории советско-китайских отношений в СССР в 60-е годы. — «Проблемы советского китаеведения». М., 1973.

⁷⁸ В. Г. Буров, В. А. Кривцов. Изучение общественно-политической мысли Китая нового и новейшего времени; Н. Г. Сенин. Изучение китайской философии в СССР. — «Проблемы советского китаеведения». М., 1973.

⁷⁹ Г. В. Астафьев. Об общем направлении исследований экономических исследований; Е. А. Коновалов. К изучению проблем народонаселения КНР; Г. Д. Сухарчук. К вопросу об изучении экономической истории Китая в СССР до образования КНР; М. М. Никольский. Изучение проблем формирования и развития экономического базиса КНР; В. И. Акимов, В. И. Орехов. Изучение проблем развития производительных сил КНР; Л. Кодрашева. Изучение изменений в теории и практике индустриализации КНР. — «Проблемы советского китаеведения». М., 1973.

в области художественного творчества, в защиту национального культурного достояния китайского народа⁸⁰.

Знание китайского языка всегда было и остается основой китаеведческой подготовки. Труды советских китаеведов-лингвистов в области китайского языкознания, в создании словарей и учебных пособий стоят на уровне мировой науки⁸¹. Большая работа в этой области проводится как в академических институтах, так и на кафедрах университетов и других высших учебных заведений.

Советское китаеведение пользуется признанием и уважением в международных научных кругах. Возрастает количество переводов произведений советских ученых-китаеведов на западные языки, большой интерес к ним проявляется в Японии. На английском и японском языках с 1974 г. выходит широко освещающий современное положение в Китае журнал «Проблемы Дальнего Востока». На международных встречах, симпозиумах и конгрессах голос советских китаеведов звучит в защиту социализма в Китае, выступления советских делегатов противостоят атакам на марксистско-ленинское учение, которые ведутся и «путем опоры» на идеи Мао Цзэ-дуна» и под прикрытием «объективных» концепций буржуазной синологии⁸².

Активно участвуя в работе Общества советско-китайской дружбы, советские китаеведы бережно хранят память о выдающихся деятелях китайской культуры, чтут имена героев, отдавших жизни делу китайской революции, марксистов-интернационалистов, борющихся за освобождение китайского народа. Глубоким уважением пользуются советские ветераны, участвовавшие в национально-освободительной борьбе в Китае в 20—30-е годы, публикация их воспоминаний — неотъемлемая часть советской китаеведческой литературы.

В дни 250-летия Академии наук СССР, подводя итоги проделанной работы и определяя перспективы развития, коллектив советских китаеведов в свете решений исторического XXIV съезда КПСС четко видит цели познания процессов и явлений, присущих прошлому и современному Китаю. Эти цели высоки и благородны — защита чистоты принципов марксизма-ленинизма от псевдореволюционных, субъективистских построений маоистов и всемерное содействие нормализации отношений между СССР и КНР, восстановлению добрососедства и дружбы между народами Советского Союза и Китая.

⁸⁰ Н. Т. Федоренко. Проблемы и задачи изучения китайской литературы; Л. Н. Меньшиков. Об изучении китайских письменных памятников; Л. З. Эйшлин. Вопросы изучения литературы средневекового Китая; В. Ф. Сорокин. Изучение современной китайской культуры. Результаты и проблемы; С. А. Торопцев. Об изучении китайского кино. — «Проблемы советского китаеведения», М., 1973.

⁸¹ В. М. Солнцев. Некоторые вопросы изучения китайского языка в СССР. — «Проблемы советского китаеведения», М., 1973.

⁸² См.: М. И. Сладковский, XXIX Конгресс востоковедов: дискуссия о современном Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», М., 1973, № 4, стр. 60—66.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

50 лет советско-китайских отношений

С. Г. Юрков

31 мая 1924 г. было подписано соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китаем. Одновременно между двумя странами устанавливались дипломатические отношения.

Полвека — срок немалый. Если попытаться ретроспективно взглянуть на советско-китайские отношения, то совершенно четко можно выделить две главные особенности:

Октябрьская революция в России явилась началом освобождения Китая. И в ходе революции в Китае и в социалистическом строительстве Советский Союз всегда был последовательным, надежным другом и союзником китайского народа;

За 50 лет в Китае часто менялись правительства; когда руководители Китая во главу угла ставили интересы освобождения и защиты страны, ее социально-экономического прогресса, они проводили курс на сотрудничество с СССР; когда же они переходили на контрреволюционные, шовинистические позиции, пренебрегая насущными потребностями своей страны, они поворачивали против Советского Союза, блокировались с империализмом.

* * *

Более 6 лет понадобилось, чтобы наладить дипломатические отношения между Страной Советов и Китаем. Этому предшествовала сложная борьба, кропотливая работа советской дипломатии, активные выступления прогрессивных сил в Китае, изменение отношения западных держав к Советскому государству.

Уже вскоре после своего образования Советское правительство пыталось вступить в переговоры с миссией Китая в Петрограде об установлении дружественных отношений между двумя странами на основе полного равенства. Оно предложило аннулировать русско-китайский договор 1896 г., Пекинский протокол 1901 г. и все соглашения России с Японией с 1907 по 1916 г., касавшиеся Китая. В соответствии с этими договорами царской России были предоставлены концессии и привилегии на строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), включая полосу отчуждения, выплачивалась компенсация в связи с восстанием «Ихэтуань» в 1901 г., были разграничены сферы влияния Японии и России в Китае. Вместо этих договоров предлагалось выработать общий договор между Советской Россией и Китаем. Комиссия под председательством В. Р. Менжинского разработала предложения

о выводе русских войск из полосы отчуждения, эксплуатации КВЖД на взаимовыгодных началах.

Советские предложения привлекли внимание пекинского правительства. Но оно не верило в долговечность Советской власти в России, не решалось пойти на установление отношений с новой Россией до того, как это сделают великие державы. Когда же великие державы отозвали своих послов из России и начали против нее вооруженную интервенцию, Китай в марте 1918 г. отозвал своего посланника Лю Цзин-жэня и прекратил переговоры с Советским правительством. Больше того, пекинские власти заключили в марте—мае 1918 г. соглашение с Японией о военном сотрудничестве против Советской России и вместе с другими тринадцатью государствами совершили разбойничье нападение на нашу страну, приняли участие в империалистической интервенции. Северо-Восток Китая превратился в убежище русской контрреволюции, там создавались белогвардейские части, оттуда совершались набеги на советские земли.

Передовые представители китайского народа приветствовали Октябрьскую революцию. Одним из самых больших друзей Страны Советов был Сунь Ят-сен, которого В. И. Ленин называл революционным демократом, полным благородства и героизма¹. Беседуя весной 1918 г. с японскими и индийскими журналистами, Сунь Ят-сен высказался за признание Советской России государствами Азии, за пропаганду в печати этих стран завоеваний Октябрьской революции². Выдающимся пропагандистом завоеваний Великого Октября стал профессор Ли Да-чжао, впоследствии один из организаторов Коммунистической партии Китая. «Русская революция 1917 г., — отмечал он, — знаменует собой не только изменение в сознании русского народа, но и изменение в сознании всего человечества XX века. Как первый тунговый лист, упавший с ветки, говорит о приближении осени, так и революция в России предвещает новые великие события. Хотя большевизм создан русскими, однако его дух есть дух всеобщего пробуждения в сердцах человечества XX в.»³. «Русская революция 1917 г. является сигналом к мировой революции XX в.»⁴.

Первым откликом в Китае на Октябрьскую революцию было «движение 4 мая». Это было движение против господства в стране феодальных сил и засилья иностранных империалистов. Оно ускорило распространение идей коммунизма в Китае и создание Коммунистической партии Китая. Под мощным народным нажимом пекинское правительство отказалось подписать Версальский мирный договор, содержащий кабальные постановления в отношении Китая.

Разгром летом 1919 г. Красной Армией войск Колчака, начало изгнания армий белогвардейцев и интервентов из Сибири открывали возможность установления прямых контактов с Китаем. 25 июля 1919 г. Советское правительство обратилось к народу и правительствам Северного и Южного Китая со специальной декларацией. В ней указывалось: «Советская Россия и советская Красная Армия после двухлетней войны, после невероятных усилий, идут на Восток через Урал не для насилия, не для порабощения, не для завоеваний... Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат порабощенные народы Востока и в

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 402.

² См.: С. Л. Тихвинский. Сунь Ят-сен. М., 1964, стр. 222.

³ «Синь циннянь», 1918, № 5, стр. 448.

⁴ Там же, стр. 438.

числе их в первую очередь китайский народ. Мы несем помощь не только нашим трудящимся классам, но и китайскому народу»⁵.

Советское правительство возобновило предложения, сделанные миссии Китая сразу же после революции, относительно ликвидации ряда договоров и вступления в переговоры с целью выработки нового дружественного договора.

27 сентября 1920 г. миссии Чжан Сы-линя, присланной из Пекина, был передан меморандум Советского правительства. В развитие обращения от 25 июля 1919 г. Советское правительство предлагало заключить соглашение между двумя странами и даже установить дружеские отношения между обоими республиками⁶.

Укрепление международного престижа СССР, признание его Англией и рядом других капиталистических государств, с одной стороны, всевозрастающие требования общественности Китая установить дружественные отношения с СССР, усилившиеся антиимпериалистические выступления в Китае, с другой стороны, в конце концов заставили пекинское правительство пойти на нормализацию отношений с СССР. 31 мая 1924 г. было подписано соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китаем⁷. Несколько позже, 20 сентября 1924 г., пришлось подписать в Мукдене соглашение с властями, осуществлявшими фактический контроль в Северо-Восточном Китае, которое стало частью пекинского соглашения⁸.

Советский Союз и Китай договорились об установлении дипломатических отношений между двумя странами. Таким образом, было наконец исправлено то ненормальное положение, когда между двумя большими соседними странами не было дипломатических отношений. Советский Союз был первым государством, назначившим в Китай представителя в ранге посла, а не посланника.

Правительства Советского Союза и Китая согласились аннулировать неравноправные конвенции, договоры, соглашения, протоколы, контракты и т. д., заключенные между правительством Китая и царским правительством (речь шла о договоре 1896 г., положениях в других договорах и соглашениях, в соответствии с которыми России предоставлялось право консульской юрисдикции, экстерриториальности), и заменить их новыми договорами, соглашениями и т. д. на основе равенства, взаимности и справедливости и в духе деклараций Советского правительства 1919 и 1920 гг. СССР отказался от специальных прав и привилегий, касающихся всех концессий в какой бы то ни было части Китая, приобретенных царским правительством.

Правительство СССР в соответствии с его политикой и с декларациями 1919 и 1920 гг. объявило не имеющими силы все договоры, соглашения и т. д., затрагивающие суверенные права или интересы Китая, заключенные между бывшим царским правительством и какой-либо третьей стороной или сторонами. В соответствии с этими постановлениями теряли силу права и привилегии России, вытекавшие из Протокола 1901 г., русско-японских соглашений 1907 г., 1910 г. и 1916 г. и других соглашений царской России с империалистическими державами, которые ущемляли суверенитет Китая.

Пекинское и мукденское соглашения содержали постановления о советско-китайской границе. Граница между двумя странами сложилась

⁵ «Документы внешней политики СССР». М., 1958, т. II, стр. 221.

⁶ «Документы внешней политики СССР», т. III, стр. 213—216.

⁷ «Советско-китайские отношения 1917—1957». М., 1959, стр. 82—85.

⁸ Там же, стр. 94—98.

лась исторически, она была определена рядом договорных документов. Соглашения предусматривали проведение редемаркации границы.

Заключение соглашений между СССР и Китаем, построенных на основе полного равенства, давало большой толчок развитию освободительного движения в Китае. Сунь Ят-сен выступил со специальным манифестом, в котором писал, что «китайский народ полон благодарности России за это проявление справедливости и дружбы. Многие десятилетия Китай принуждался к заключению договоров с иностранными державами, по которым он терял свои суверенные права и соглашался на унижительные условия... Китайско-русское соглашение полностью отвечает принципам равенства и взаимного уважения к суверенитету обоих государств»⁹. Впоследствии китайские руководители неоднократно подчеркивали, что все то, что было неравноправного в отношении царской России с Китаем, было ликвидировано Советским Союзом. Мао Цзэ-дун говорил на VII съезде КПК в 1945 г., что Советское правительство первым отказалось от неравноправных договоров и заключило с Китаем новые, равноправные договоры.

* * *

Поскольку в Пекине правительство одной милитаристской клики сменяло ставленников другой группировки, ориентированной то на США и Англию, то на Японию, отношения между двумя странами не получили значительного развития. Больше того, 6 апреля 1927 г. был совершен налет вооруженного отряда полиции на территорию полпредства СССР, что привело к отзыву персонала полпредства из Пекина. Зато все активнее становились отношения между СССР и революционными силами, поднимавшимися на юге страны. В Национально-революционной армии работала большая группа советских военных специалистов во главе с В. К. Блюхером, они помогали обучать войска, готовили офицерские кадры, разрабатывали тактические и стратегические планы, многие из них непосредственно участвовали в боях. Большим уважением руководителей революции пользовался политический советник М. И. Бородин. Советский Союз поставлял оружие, боеприпасы и экипировку для Национально-революционной армии, горючее, медикаменты, продовольствие. Трудящиеся СССР проводили мощные кампании солидарности с китайской революцией.

Измена Чан Кай-ши делу революции в апреле 1927 г. и образование буржуазно-помещичьего нанкинского правительства, все усиливавшаяся ориентировка новых властей Китая на империалистические державы, прежде всего на США, сопровождалась быстрым ухудшением отношений с СССР. Совершались налеты на консульства СССР, а в Кантоне даже была учинена зверская расправа с пятью советскими товарищами. В декабре 1927 г. были закрыты все советские консульства и отделения торгпредства на территории, которую контролировало нанкинское правительство. В дальнейшем, когда маньчжурский милитарист Чжан Сюэ-лян признал власть нанкинского правительства, усилились провокации на Китайско-Восточной железной дороге, а затем начались налеты на советскую территорию. Это вызвало полный разрыв 17 июля 1929 г. дипломатических отношений. Советскому Союзу пришлось принять военные меры, чтобы обуздать китайских милитаристов. Части Особой Дальневосточной армии отбросили их войска от границы, преследовали на китайской территории и раз-

⁹ С. Л. Тихвинский. Цит. соч., стр. 323.

громил. 22 декабря Хабаровским протоколом конфликт был урегулирован, однако прошло три года, прежде чем были восстановлены 12 декабря 1932 г. дипломатические и консульские отношения между СССР и Китаем.

Захват Японией Маньчжурии в 1931 г. показал, что ослаблением позиций Китая в связи с разрывом с СССР незамедлительно воспользовалась Япония. Было видно, что Япония не ограничится оккупацией Северо-Восточных провинций Китая. Западные державы, по существу, поощряли японскую экспансию. В этих условиях руководители Китая пришли к заключению о необходимости нормализации отношений с СССР, чтобы упрочить позиции Китая в борьбе против агрессии Японии. В Москве исходили из того, что советско-китайское сближение явилось бы серьезным барьером на пути японской экспансии. Между СССР и Китаем по инициативе советской стороны начались переговоры о заключении договора о ненападении, соглашения о торговле, имел место обмен мнениями даже о подписании договора о взаимной помощи. Советское правительство также рекомендовало китайскому правительству выступить с идеей заключения регионального пакта взаимопомощи тихоокеанских держав (СССР, Китай, США, Япония, Англия, Франция). Чан Кай-ши, однако, вел двойную игру, он еще рассчитывал договориться с Японией и опасался вызвать раздражение у нее. Только после нападения 7 июля 1937 г. Японии на Китай были подписаны договор о ненападении между СССР и Китаем и торговое соглашение.

СССР всячески содействовал созданию в Китае единого антияпонского фронта. Советский Союз решительно осудил японскую агрессию, он был единственной страной, которая пришла на помощь Китаю. Были предоставлены кредиты, китайская армия получала из СССР самолеты, танки, орудия, стрелковое оружие. Против японских агрессоров сражались отряды советских летчиков-добровольцев. В войне принимала участие большая группа советских военных советников во главе с В. И. Чуйковым. Эти меры Советского Союза помогли Китаю устоять перед лицом сильного противника. Хотя Япония оккупировала важные районы страны, она не смогла заставить Китай капитулировать. Это создало благоприятные условия для развития революции в Китае: в последние годы войны КПК значительно расширила свои базы.

На отношения к СССР накладывала отпечаток внутренняя борьба в Китае. Поскольку СССР симпатизировал революционным силам, выступал против вмешательства США в дела Китая, то по мере обострения борьбы в стране китайское правительство все чаще прибегало к антисоветским акциям. Отношения испортились особенно в 1946—1949 гг., когда накинское правительство развернуло гражданскую войну против революционных сил и потворствовало превращению Китая в антисоветский плацдарм США.

После разгрома империалистической Японии и освобождения Советской Армией Маньчжурии расширились связи между СССР и революционными силами Китая. Северо-Восточные провинции стали главной базой революции. Имея за спиной советскую границу, окрепнув с помощью СССР, революционные силы Китая перешли летом 1948 г. в генеральное наступление. Гоминьдановский режим рухнул. Советский народ горячо приветствовал победу революции. СССР первым признал Китайскую Народную Республику и установил с ней дипломатические отношения.

Уместно в связи с этим напомнить, что не кто иной, как Мао Цзэ-дун, заявил в 1949 г., что если бы не существовало Советского Союза, если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, если бы — что особенно важно для китайской революции — японский империализм не был разгромлен, если бы не было поддержки со стороны социалистических государств и революционных сил в других странах, то невозможна была бы победа китайской революции¹⁰.

* * *

В Советском Союзе с удовлетворением был воспринят курс политики Китайской Народной Республики, который был определен в Общей программе Народного политического консультативного совета Китая. В программе указывалось, что КНР объединяется с миролюбивыми и свободолюбивыми государствами и народами мира, прежде всего с СССР, странами народной демократии и угнетенными нациями; народный Китай находится в лагере международного социализма мира и демократии и в целях гарантии длительного мира борется совместно с ним против империалистической агрессии.

В декларации Народного политического консультативного совета Китая от 30 сентября 1949 г. отмечалось: правительство КНР, объединившись с миролюбивыми и свободолюбивыми государствами, нациями и народами, и в первую очередь с Советским Союзом и странами народной демократии, как со своими союзниками в совместной борьбе против империалистических заговоров, направленных на провоцирование войны, будет вести борьбу за длительный мир во всем мире.

Эти документы давали основание считать, что курс, намеченный молодой народной республикой, является правильным, что она твердо встанет в ряд социалистических государств и будет вместе с ними вести борьбу за социализм и мир.

Преобладающая часть Компартии Китая, трудящиеся Китая видели в дружбе с СССР инструмент обеспечения безопасности КНР, социалистического переустройства общества. Мао Цзэ-дун и его сторонники, как теперь стало ясно, руководствовались националистическими соображениями, они рассматривали союз с СССР как тактический ход временного характера, рассчитывали при помощи сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами ускорить развитие Китая, превратить его в мощную державу, чтобы затем выступить с открытым забралом и предъявить свои гегемонистские претензии.

В процессе переговоров руководителей двух стран в Москве в декабре 1949 — феврале 1950 г. были рассмотрены многие вопросы международной обстановки и советско-китайских отношений, выработан ряд документов, определены меры по развитию сотрудничества двух государств и по обеспечению безопасности КНР.

14 февраля 1950 г. были подписаны Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи (сроком на 30 лет), соглашения о Китайско-Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, о предоставлении КНР долгосрочного экономического кредита и другие.

КНР и СССР обязались совместно предпринимать меры, чтобы не допустить повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объеди-

¹⁰ Мао Цзэ-дун. О диктатуре народной демократии. М. Госполитиздат, 1949, стр. 9.

нилось бы с ней в агрессивных актах. В случае нападения Японии или ее союзников на одну из сторон другая немедленно окажет ей военную и иную помощь всеми имеющимися у нее средствами. Обе стороны взяли обязательство участвовать в духе искреннего сотрудничества во всех международных действиях, имеющих целью укрепление мира и безопасности. Они договорились консультироваться друг с другом по важным внешнеполитическим вопросам, затрагивающим их общие интересы. Договор предусматривал и всемерное расширение экономических и культурных связей между СССР и Китаем. Их сотрудничество должно было строиться на принципах равноправия, взаимной выгоды, а также уважения суверенитета и территориальной целостности, равно как и невмешательства в дела другой стороны.

В отдельном документе оба правительства констатировали полную обеспеченность независимости Монгольской Народной Республики.

Результаты договора сказались сразу же. Практически осуществляя договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, СССР в соответствии с соглашением, достигнутым во время московских переговоров, направил в Китай ряд авиационных дивизий. Советские летчики пресекли налеты чанкайшистской авиации на Шанхай и другие районы, обеспечили безопасность всего восточного побережья КНР. В дальнейшем в ходе войны в Корее 19 советских авиационных дивизий, дислоцированных в Китае, прикрывали от налетов американской авиации Северо-Восточный Китай и все восточное побережье страны.

Между КПСС и КПК, между правительствами и различными ведомствами двух стран наладились тесные контакты, осуществлялся регулярный обмен мнениями и опытом. СССР и КНР согласовывали свои внешнеполитические действия, в созвездии других братских стран действовали плечом к плечу в борьбе против империализма, за мир и международную безопасность. Широкий размах приняло экономическое, научно-техническое, культурное сотрудничество.

Важными вехами в развитии советско-китайской дружбы стали декларации от 12 октября 1954 г. и 18 января 1957 г., коммюнике о встрече 31 июля—3 августа 1958 г. руководителей СССР и КНР. В них заявлялось о полном единстве взглядов по всем вопросам.

Наличие советско-китайского союза явилось важнейшим фактором, помешавшим милитаристским кругам США перебросить огонь войны на КНР. Тогдашний президент Г. Трумэн писал по этому поводу: «Если бы мы решили распространить войну на Китай, то должны были ожидать возмездия. Бэйпин и Москва как идеологически, так и в соответствии с договором являлись союзниками. Если бы мы начали атаковать коммунистический Китай, мы должны были ожидать русское вмешательство»¹¹.

В Китае высоко оценили поддержку со стороны Советского Союза во время кризиса в Тайваньском проливе осенью 1958 г. В письме ЦК КПК Мао Цзэ-дун 15 октября 1958 г. отмечал: «Мы глубоко тронуты вашей безграничной преданностью принципам марксизма-ленинизма и интернационализма. Я от имени всех товарищей—членов Коммунистической партии Китая выражаю вам сердечную благодарность... в нашей борьбе с американцами мы сейчас получили уже мощную поддержку со стороны Советского Союза»¹².

¹¹ "Memoirs by Harry S. Truman", p. 382.

¹² М. С. Капица. КНР: два десятилетия — две политики. М. Политиздат, 1969, стр. 174—175.

Китайская Народная Республика в свою очередь участвовала в действиях, предпринимавшихся СССР и другими братскими странами в целях обеспечения безопасности и мира. КНР приветствовала Варшавский Договор восьми стран как необходимую основу для сохранения безопасности всех миролюбивых народов. Китайский наблюдатель, министр обороны Пын Дэ-хуай на совещании социалистических стран в Варшаве говорил: «Если мир в Европе будет нарушен, если империалистические агрессоры развяжут войну против европейских миролюбивых стран, то наше правительство и наш шестисотмиллионный героический народ будут совместно с правительствами и народами наших братских стран вести борьбу против агрессии вплоть до окончательной победы».

СССР и другие братские страны — члены ООН решительно защищали и защищают права Народного Китая на международной арене. Уже в 1950 г. СССР заявил, что не признает правомочной чанкайшистскую делегацию, и потребовал пригласить в ООН представителей КНР. На каждой сессии Генеральной Ассамблеи советские представители настаивали на изгнании чанкайшистов и восстановлении прав Китая в этом международном форуме.

Советский Союз, выполняя соглашение от 14 февраля 1950 г., к концу 1952 г. передал свою долю КВЖД в полную собственность Китая. На дороге был подготовлен большой отряд китайских железнодорожников. В связи с войной в Корее пребывание советских войск в Порт-Артуре было продлено по просьбе правительства КНР. По инициативе СССР части Советской Армии и Военно-Морского флота были выведены с базы в мае 1955 г., а все сооружения в этом районе были безвозмездно переданы китайскому народу.

Советско-китайское сотрудничество явилось важным фактором в деле развития народного хозяйства. Быстро рос товарообмен между двумя странами. Динамика товарооборота между СССР и КНР в этот период видна из следующих данных:

	1950 г.	1959 г.
<i>Товарооборот (млн. руб.)</i>	519	1849
Экспорт	350	859
ИМТ	158	362
ГУЭ	192	497
Импорт	169	990

Из Советского Союза поставлялись в Китай в значительных количествах машины и оборудование, запасные части, черные и цветные металлы, химпродукты, нефть и нефтепродукты и многие другие товары, необходимые для развития китайской экономики. В свою очередь Советский Союз получал из Китая также в больших объемах такие нужные для нашего народного хозяйства товары, как руды и концентраты цветных металлов, химтовары, текстильное сырье и полуфабрикаты, сырье растительного и животного происхождения, продовольственные товары, промышленные товары народного потребления.

Экономическая помощь СССР осуществлялась путем поставок в КНР на условиях льготных кредитов комплектного оборудования и материалов для строящихся и реконструировавшихся в КНР при тех-

ническом содействии СССР предприятий, обучения в СССР китайских специалистов и посылки в КНР советских специалистов.

В общей сложности Советский Союз предоставил Китаю долгосрочных кредитов на сумму свыше 1818 млн. руб., из которых китайской стороной было использовано около 1816 млн. руб. В связи с тем, что по специальному соглашению китайской стороне была предоставлена скидка в сумме 209,5 млн. руб., сумма кредитов, подлежащих погашению, с учетом процентов, составила 1737,7 млн. руб. Наивысшая ставка по ним составляла 2% годовых, в то время как в мировой практике того времени кредиты выдавались преимущественно на уровне свыше 4%. Значительная часть советских кредитов была предоставлена на условиях 1% годовых или без начисления процентов. Льготность советских кредитов выражалась также и в том, что их погашение производилось за счет поставок товаров обычного китайского экспорта.

За десятилетие (1954—1963) Советский Союз передал Китаю более 24 тыс. комплектов научно-технической документации, в том числе проекты на 1400 крупных современных предприятий, лицензии на изготовление большого числа промышленных изделий, материалов и машин. Использование советского научно-технического опыта позволило Китаю в короткий срок и на высоком техническом уровне осуществить подъем многих отраслей экономики и заложить основы социалистической индустриализации. В свою очередь использование китайского опыта в некоторых областях народного хозяйства было полезным и для Советского Союза, хотя объем переданной документации был невелик (за 1954—1963 гг. СССР получил от КНР около 2 тыс. комплектов технической документации).

В течение 1951—1962 гг. в СССР прошли обучение, научную подготовку и практику около 11 тыс. китайских инженеров, техников и квалифицированных рабочих, около 1 тыс. ученых. Более 11 тыс. китайских студентов и аспирантов закончили советские высшие учебные заведения (при этом Советское правительство взяло на себя 50% расходов по их обучению).

По просьбе китайского правительства за период 1950—1960 гг. в Китай было направлено более 10 тыс. советских специалистов. Работа советских специалистов в КНР — это славная страница истории братского отношения советского народа, КПСС к народу Китая. Эта была не коммерческая сделка, как у стран капиталистического мира, а проявление бескорыстной помощи китайскому народу в деле передачи богатого опыта социалистического строительства в СССР.

Экономическое сотрудничество помогло Китаю создать целые отрасли промышленности — авиационную, автомобильную, тракторную, радиотехническую, тяжелое и точное машиностроение, приборостроение, различные отрасли химического производства, а также модернизировать и развить энергетическую, угольную, нефтяную и нефтеперерабатывающую, целлюлозно-бумажную, легкую и пищевую промышленность и транспорт.

В 1958—1959 гг. появились первые явные признаки того, что Мао и его группа меняют политику. Возникали отдельные проблемы в отношениях между двумя странами, бывали расхождения по некоторым вопросам и раньше, но стороны без труда приходили к соглашению. Теперь же Мао Цзэ-дун и его сторонники стали вести себя все более капризно, усилились попытки навязать свои решения.

Китайские руководители игнорировали советы правительства СССР в связи с конфликтом между Китаем и Индией в Гималаях. Больше

того, они выразили в острой форме недовольство тем, что Советское правительство в заявлении ТАСС от 8 сентября 1959 г. призвало обе стороны урегулировать спор в духе традиционной дружбы между двумя государствами.

Чем дальше, тем больше действия Мао Цзэ-дуна и его группы противоречили идеям пролетарского интернационализма, принципам, которые были положены в основу советско-китайских отношений.

Начав с критики КПСС и Советского Союза в завуалированной форме, маоисты дошли до того, что сделали антисоветизм стержнем всей своей политики, а Советский Союз объявляется врагом № 1. Мао Цзэ-дун утверждал в 1963 г., что если полемика будет продолжаться, то «...небо не обвалится, деревья будут расти по-прежнему, рыба плавать в воде, а женщина рожать детей». Открытая полемика — это, дескать, сражение при помощи перьев, кисточек и бумаги, от нее никто не умирал. Увы! Политика Мао Цзэ-дуна привела к выстрелам на Даманском и гибели людей с обеих сторон. «Через 10—15 лет,— говорил Мао Цзэ-дун в феврале 1965 г.,— когда империалисты поднимут руку на вас или на нас, мы будем вместе. Война нас сразу объединит. Мы сойдемся потому, что живем в условиях мира». Ныне маоисты все более заискивают перед империалистами, блокируются с ними в борьбе против СССР.

Перечеркнув в одностороннем порядке десятки соглашений и контрактов, сведя к нулю экономическое и культурное сотрудничество, китайские руководители нарушили обязательства, которые предусматривали всемерное развитие и укрепление экономических и культурных связей. Да, Советское правительство отозвало своих специалистов из Китая в 1960 г., но это было сделано потому, что китайские власти стали плохо с ними обращаться, навязывали им маоистские концепции. Но после этого Советское правительство неоднократно выражало готовность командировать специалистов в Китай, если будут созданы нормальные условия для их работы. В 1960 г. китайская сторона сначала сократила, а потом и вовсе отказалась от поставок комплектного промышленного оборудования в СССР и резко уменьшила вывоз в СССР нужных для нашего хозяйства материалов. Советское правительство несколько раз предлагало, в последний раз это было сделано в сентябре 1969 г. договориться о долгосрочном сотрудничестве при разработке новых пятилетних планов. Результатов это не дало.

Лидеры КНР попрали принципы равенства, уважения государственного суверенитета и территориальной целостности, зафиксированные во многих советско-китайских документах. Они выступили с претензиями на советские территории. Мао Цзэ-дун, беседуя с группой японских социалистов 10 июля 1964 г., грозил представить счет на значительные советские территории. Начиная с 1962 г. все более обострялась обстановка на границе, Китайская сторона явно искала повода для конфликтов, хотела спровоцировать выстрелы с советской стороны, чтобы потом использовать для отравления сознания китайского народа. Не сумев спровоцировать советских пограничников на вооруженное столкновение на границе, Мао Цзэ-дун приказал китайским пограничникам открыть огонь. Это привело к столкновениям на Даманском в марте и на западном участке границы в августе 1969 г., закончившимся полным разгромом китайских провокаторов.

И в последние годы ЦК КПСС, Советское правительство неоднократно выступали с инициативой, имеющей целью вернуть советско-китайские отношения на путь добрососедства.

11 сентября 1969 г. по предложению Советского правительства в Пекине состоялась встреча Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и Премьера Государственного совета КНР Чжоу Эньлая. В ходе этой беседы советская сторона предложила обменяться послами, не допускать конфликтов на границе, провести переговоры об уточнении линии границы и для этой цели назначить правительственные делегации, расширить торговлю, разработать планы экономического сотрудничества, возобновить обмен информацией и политические консультации.

Стороны вскоре назначили послов, несколько расширилась торговля, в Пекине начались переговоры по пограничным вопросам. Дальше, однако дело не пошло, поскольку китайские руководители продолжали нагнетать в стране атмосферу антисоветизма и явно демонстрировали нежелание осуществить поворот в направлении нормализации отношений.

Переговоры об уточнении линии границы, начавшиеся в октябре 1969 г., до сих пор являются бесплодными, китайская сторона выдвигает такие требования (об одностороннем переносе в ряде мест границы в глубь территории СССР, о выводе советских войск с участков территории, принадлежащих СССР), которые не могло бы принять ни одно суверенное государство.

Китайские руководители раздувают военный психоз, пытаются убедить население в возможности «внезапного нападения» со стороны СССР. В то же время они отвергают предлагаемые советской стороной меры, которые должны повести к разрядке, к укреплению взаимного доверия. «Китайские руководители, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев 21 декабря 1972 г., — якобы опасаются какой-то угрозы со стороны СССР. Если эти заявления не лицемерны, то невозможно понять, почему же Китай в таком случае оставил без ответа неоднократно выдвигавшееся нами, начиная с 1969 г., предложение взять ясные, твердые и постоянные обязательства, исключаящие нападение одной страны на другую?»¹³

Еще в сентябре 1969 г. Советское правительство предложило оформить такие обязательства самостоятельным межгосударственным актом на высоком уровне. Летом 1970 г. Советское правительство выступило с инициативой, высказавшись за подписание договора или, если это по какой-то причине не подходит для Китая, за опубликование совместно заявления с четким изложением обязательств о неприменении силы. Реакция Пекина на советское предложение известна: он уклонился даже от ответа.

15 января 1971 г. Советское правительство поставило вопрос о незамедлительном заключении между СССР и КНР договора о неприменении силы или угрозы силой. Китайскому правительству был передан проект договора. В нем, в частности, имеется такой текст: «Стороны берут на себя обязательство не применять в своих взаимных отношениях при решении спорных вопросов силу в какой бы то ни было форме и не угрожать ее применением. Они обязуются разрешать все свои споры исключительно мирными средствами — путем переговоров и консультаций; стороны не будут применять друг против друга вооруженные силы с использованием любых видов оружия, включая: а) обычное, б) ракетное, в) ядерное».

¹³ «Правда», 22.XII. 1972.

Может ли кто-нибудь возразить против положений договора, заявить, что они разработаны с каким-то тайным умыслом? Нет, не может, если только, конечно, не преследовать при этом цели сознательного искажения смысла договора, нежелания брать на себя вытекающие из него обязательства.

Без всяких мотивов китайская сторона отклонила предложение о подписании отдельного договора о неприменении силы и предложила включить соответствующие положения в текст промежуточного соглашения о сохранении статус-кво на границе. Идея навстречу Пекину, советская сторона дала согласие. Казалось, что вопрос решен, но Пекин блокировал решение и этого вопроса, выдвинув условия, которые тормозят заключение промежуточного соглашения, а следовательно, и вступление в силу обязательств о неприменении силы.

Когда официальные китайские представители, посчитав невозможным идти на большее в отношениях с социалистическим государством, стали заявлять, что отношения между СССР и Китаем должны строиться на основе принципов мирного сосуществования, то Советским Союзом была выражена готовность строить их и на такой основе. И об этом было четко заявлено на высшем уровне, например в речи Л. И. Брежнев на XV съезде советских профсоюзов в марте 1972 года.

Готовность СССР была не только провозглашена, но и переведена на язык вполне конкретных и конструктивных предложений — об урегулировании пограничных вопросов, об улучшении отношений на взаимовыгодной основе. 14 июля 1973 г. Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Советское правительство официально предложили китайскому руководству заключить договор о ненападении между СССР и КНР. В его текст включены обязательства сторон не совершать нападения друг на друга с применением любых видов оружия, на море и в воздухе, а также не угрожать таким нападениями.

Китайское руководство даже не соизволило ответить на это совершенно конкретное предложение Советского Союза.

Какой же смысл имеют тогда заявления Пекина о нормализации отношений с СССР на основе пяти принципов мирного сосуществования, если даже один из них — принцип взаимного ненападения — лидеры Пекина не хотят воплотить в реальное, осязаемое соглашение?

На X съезде КПК, состоявшемся в конце августа 1973 г., то есть через два с лишним месяца после выдвижения нового советского предложения, было вновь повторено заявление о нормализации китайско-советских отношений на принципах мирного сосуществования. Естественно было ожидать, что такой форум, каковым должен был быть съезд правящей партии, выступит с чем-то конструктивным в такой сложной области внешней политики Китая, как советско-китайские отношения. Однако пекинское руководство даже скрыло от съезда, от китайского народа те конкретные предложения, которые вносились Советским Союзом за период между IX и X съездами КПК, в том числе и предложение о заключении договора о ненападении. Зато Чжоу Энь-лай в докладе X съезду пытался внушить абсурдную и дикую мысль, будто Советский Союз требует от Китая за нормализацию отношений ни много ни мало, как отдать Советскому Союзу китайскую территорию вплоть до Великой китайской стены.

Чем можно объяснить упорный отказ китайской стороны от заключения с СССР договора о неприменении силы или договора о ненападении с одновременно усиливающейся эксплуатацией ею тезиса о

«опасности внезапного нападения»? Ответ может быть только один: непрекращающиеся разговоры о наличии «угрозы» нужны китайским руководителям прежде всего для того, чтобы держать китайский народ в постоянном напряжении и отвлекать его внимание от внутренних трудностей.

Итак, вследствие политики китайских властей, отношения между СССР и КНР вновь (какой уже раз за 50 лет) переживают трудный период. Как и в прошлом, нынешние антисоветские дела руководителей Китая наносят ущерб интересам прежде всего Китая. Поворот в сторону вражды к СССР, разрыв с социалистическими странами резко замедлили экономический и научно-технический прогресс Китая, вызвали постоянные драки в руководящей верхушке и политическую стагнацию, подорвали международные позиции КНР. Неужели в Китае не видят, что, кроме крайней реакции, никто не хочет идти на широкие соглашения с Пекином на базе антисоветизма, негативизма и авантюризма?

Что касается Советского Союза, то, как отмечал Л. И. Брежнев 15 августа 1973 г., он «хочет добрых отношений и с Китайской Народной Республикой... Надо прямо сказать, что перелом к лучшему в отношениях КНР с Советским Союзом и другими социалистическими странами возможен только в том случае, если китайское руководство будет соблюдать принципы взаимного уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела, откажется от посягательств на интересы социалистических государств»¹⁴.

---

¹⁴ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речь на статье. М., Политиздат, 1973, стр. 572.

Вопреки интересам развивающихся стран

А. М. Петренко

В системе внешнеэкономических связей Китайской Народной Республики особое место занимают ее взаимоотношения с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки. Руководство КНР уделяет большое внимание вопросам укрепления торгово-экономических связей с этими странами, что обусловлено как политическими, так и экономическими факторами.

Деятельность Пекина по налаживанию отношений с этими странами особенно активизировалась в последние годы, когда КНР приступил к восстановлению своих позиций на международной арене, пошатнувшихся в годы «культурной революции».

Цель китайского руководства в развитии внешнеэкономических взаимоотношений с развивающимися странами заключается в стремлении подчинить своему влиянию процессы мирового национально-освободительного движения, завоевать лидирующее положение среди этих стран, чтобы добиться признания КНР центром мировой революции. Грубая тактика навязывания «опыта» китайской революции как единственного приемлемого для развивающихся стран, тактика широкой поддержки различных экстремистских сил и создания сети промаоистски настроенных организаций, то есть тактика прямого вмешательства во внутренние дела этих стран, привела к падению престижа и утрате Китаем позиций в странах «третьего мира», разрыву отношений между КНР и рядом развивающихся государств. Однако, изменив в последние годы тактические приемы, Китай, как и прежде, претендует на роль лидера развивающихся стран, и его гегемонистские, великодержавные притязания по-прежнему определяют характер всего комплекса отношений с афро-азиатскими и латиноамериканскими странами. Проводя политику яркого антисоветизма, проповедуя пресловутую теорию «двух сверхдержав», маоисты по существу, стремятся к тому, чтобы занять позицию «суперсверхдержавы» и подчинить развивающиеся страны своему безраздельному влиянию.

После принятия КНР в ООН китайское руководство упорно твердит о том, что Китай — развивающаяся страна, пытается выступать в роли друга афро-азиатских народов и «единственного защитника» их интересов. Этот тезис акцентировался во многих выступлениях и заявлениях лидеров Пекина, в том числе в беседе Мао Цзэ-дуна с премьер-министром Мали М. Траоре (июнь 1973 г.), в речах Чжоу Энь-лая на приеме в честь президента Народной Республики Конго М. Нгуабни (июль 1973 г.), в честь президента Камеруна А. Ахиджо (март 1973 г.) и т. д. «Мы все — развивающиеся страны, — заявил, например, Чжоу Энь-лай на приеме в честь делегации Замбии в марте 1973 г., — и мы принадлежим к третьему миру. Поэтому мы должны теснее сплотиться для борьбы против империализма великих держав и неокolonизма».

Для вытеснения конкурентов с рынков развивающихся стран и создания в них пропекинских блоков и группировок маоисты используют различного рода торгово-политические средства, направленные на форсирование китайского экспорта. Характерно, что как внешняя торговля, так и экономическая помощь, оказываемая Китаем развивающимся странам, носят конъюнктурный, неустойчивый характер и во многих случаях зависят от состава правительства данной страны, военно-политических и других аналогичных факторов.

Китай поддерживает торговые отношения примерно с 50 развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки, причем подавляющая часть товарооборота с этой группой стран (до 75%) приходится на долю 12—14 государств, которые располагают товарами, в закупках которых заинтересован Китай. К ним относятся: Малайзия, Сингапур, Шри Ланка, экспортирующие в КНР натуральный каучук; Пакистан, АРЕ, Судан, Танзания, Сирия — хлопок; Марокко, Кувейт — фосфаты, Замбия, Чили — медь и т. д.

Таким образом, внешняя торговля КНР с развивающимися странами, несмотря на предпринимаемые китайским руководством в течение ряда лет усилия, все же не получила существенного развития.

Динамика внешней торговли КНР с развивающимися странами
(млн. ам. долл.)*

Объем внешней торговли	Год					
	1960	1966	1970	1971	1972	1973 (предварительная оценка)
Оборот	452	856	789	930	1148	1694
Экспорт	243	514	550	624	728	949
Импорт	209	342	239	306	420	745
Сальдо в пользу КНР	34	172	311	318	308	204

* По данным таможенных статистик стран-партнеров КНР.

В структуре китайского экспорта в развивающиеся страны за последние годы не произошло каких-либо существенных изменений, что свидетельствует об отсутствии сдвигов и в структуре экономики КНР.

Вследствие экономической отсталости самого Китая, он не может предложить развивающимся странам остро необходимые им товары производственного назначения. Оборудование, металло изделия, стройматериалы для объектов, сооружаемых с помощью КНР, занимают всего 20% китайского экспорта в страны «третьего мира». Остальные же товары, поставляемые Китаем, — это различные потребительские товары: ткани, одежда, обувь, посуда, канцелярские товары, велосипеды, рис, чай, сахар, мясопродукты и т. п. Поскольку во многих развивающихся странах процесс становления самостоятельной экономики связан на первых порах с развитием отраслей легкой и пищевой промышленности, наводнение китайскими товарами внутреннего рынка создает серьезную угрозу развитию собственной промышленности этих государств.

Импорт Китая из развивающихся стран, напротив, представлен на 90% товарами производственного назначения — натуральным каучуком, цветными металлами, хлопком, фосфатами, в поставках которых очень нуждается экономика КНР. Следует отметить, что Китай не закупает

многие другие товары традиционного экспорта развивающихся стран (сизаль, пряности, кофе, какао, арахис, овощи, фрукты и т. д.), а также товары широкого потребления, выпускаемые молодой национальной промышленностью этих стран. Поэтому торговля КНР с рядом развивающихся стран увеличивается фактически лишь за счет роста китайского экспорта (Сенегал, Мали, Эфиопия, Сьерра-Леоне, Того, Мавритания, Камерун, Чад и др.).

Анализируя товарную структуру торговли Китая с развивающимися странами, можно с уверенностью сказать, что вопреки провозглашенному Пекинском тезису о взаимовыгодности торговли она, по существу, служит Китаю средством сбыта его продукции и источником получения ценного сырья и свободно конвертируемой валюты.

Из таблицы видно устойчивое превышение китайского экспорта над импортом. Подобный неуклонный рост внешнеторгового сальдо в пользу Китая дает возможность получать от торговли с развивающимися странами значительные платежные средства в свободно конвертируемой валюте для покрытия острого дефицита внешнеторгового баланса Китая с развитыми капиталистическими странами и выделять часть этих средств для оказания помощи тем же развивающимся странам, то есть за их же собственный счет.

Так, сальдо в пользу Китая в торговле со странами «третьего мира» и колониями, расположенными на территории Китая — Гонконгом и Макао, — увеличилось с 877 млн. ам. долл. в 1971 г. до 1070 млн. ам. долл. в 1972 г. и до 962 млн. ам. долл. в 1973 г. Дефицит же в торговле Китая с развитыми капиталистическими странами за эти годы составил соответственно 464, 320 и 1165 млн. ам. долл., а обязательства по экономической помощи Китая странам «третьего мира» — 220, 674 и около 500 млн. ам. долл. соответственно.

Руководство КНР прилагает немало усилий для сохранения активного торгового баланса с развивающимися странами. Оно стремится увеличить экспорт китайских товаров гораздо более высокими темпами, чем импорт в КНР. Так, если экспорт КНР в развивающиеся страны возрос за последние 12 лет в 3 раза, то импорт увеличился за тот же период только в 2 раза, а среднегодовые темпы роста составили соответственно 9,6 и 6%.

Одним из средств увеличения китайского экспорта потребительских товаров в развивающиеся страны является обязательное условие, которое китайская сторона ставит при подписании соглашений о предоставлении им экономической помощи. Это условие заключается в том, что страны — получатели китайской помощи должны использовать значительную часть получаемых кредитов (обычно 50%) для импорта из Китая различных потребительских товаров, средства от реализации которых направляются на покрытие расходов в местной валюте при строительстве объектов, осуществляемом с китайской помощью. Такое условие содержится, например, в соглашениях об экономическом сотрудничестве КНР с Танзанией, Замбией, Сьерра-Леоне, Народной Республикой Конго, Гайяной и т. д. Так, в Сьерра-Леоне по соглашению от 9 октября 1972 г. будут сооружаться с китайской помощью два моста и стадионы на средства, получаемые от продажи импортируемых из Китая товаров. Замбия и Танзания по условиям кредитного соглашения от 11 июля 1970 г. обязаны ежегодно ввозить китайские потребительские товары на сумму примерно по 20 млн. ам. долл. каждая на покрытие местных расходов на строительство железной дороги «Танзам»¹.

¹ "Financial Times", 27.X. 1970.

Для того чтобы реализовать такой товарный кредит, этим странам приходится переориентировать почти половину своего импорта товаров широкого потребления с традиционных западных рынков на рынок КНР, что вызывает отрицательную реакцию со стороны национальных торгово-промышленных кругов, которые не желают порывать установившиеся традиционные деловые связи со старыми контрагентами. Такая реакция замбийских бизнесменов привела к значительной задержке реализации китайского товарного кредита, в результате чего замбийское правительство по требованию Китая, пригрозившего сократить свою помощь Замбии, было вынуждено 4 апреля 1973 г. официально объявить об отмене всех ограничений на ввоз в страну китайских товаров и о запрете импорта из третьих стран потребительских товаров, которые можно закупить в КНР.

Однако главным отрицательным фактором обязательного импорта в развивающиеся страны китайских потребительских товаров является то, что их возрастающий поток подрывает основы молодой национальной промышленности этих стран, особенно текстильной и пищевой, и создает реальную угрозу ее становлению и развитию.

Это неизбежно вынуждает некоторые страны принимать меры против бесконтрольного импорта из КНР. Так, в 1971 г. правительство Малайзии приняло решение о запрещении импорта китайских товаров через посреднические фирмы Гонконга и Сингапура и осуществлении импортных операций из КНР только через государственную торговую фирму «Пернас». Однако вопреки этому широко разрекламированному решению Китай по-прежнему предпочитает экспортировать свои товары по традиционным каналам. Так, по заявлению директора фирмы «Пернас» Ван Абдул Хамида, на осенней Гуанчжоуской ярмарке 1972 г. из всех сделок, заключенных между КНР и Малайзией на сумму в 25 млн. малайзийск. долл., фирма «Пернас» закупила китайских товаров только на 220 тыс. Остальная сумма приходится на частных импортеров-посредников в основном китайского происхождения².

Представители деловых кругов развивающихся стран выступают в печати с резкой критикой сотрудничества с КНР. Так, представитель Торговой палаты Замбии летом 1972 г. заявил на страницах газеты «Таймс оф Замбия»: «Какой смысл строить железную дорогу, если из-за этого мы должны свертывать целые отрасли национальной промышленности!» 8 июня 1972 г. та же газета поместила статью на ту же тему под заголовком: «Правительство ведет нас к экономической катастрофе». Газета «Замбия Дейли Мейл» в статье: «Китай: курс на роль мировой державы» писала летом 1972 г.: «...Китайцы пытаются завоевать симпатии народов развивающихся стран путем расширения внешней торговли с ними и утверждения своих позиций в мире за счет других держав, в особенности за счет Советского Союза».

В целях укрепления своих позиций на рынках развивающихся стран и привязки их к китайскому рынку КНР проводит довольно гибкую политику цен, не останавливаясь даже перед демпингом и закупками товаров в развивающихся странах по умышленно завышенным ценам. Так, Непалу китайская продукция продается по ценам вдвое ниже аналогичных индийских товаров. Китай поставляет в Сингапур и Малайзию ткани, одежду, посуду, консервы, сахар, цемент и медикаменты по ценам, которые на 30—50% ниже мировых цен³.

² «Берита Харпан», 15.XI. 1972.

³ «Опасный курс», вып. I. М., 1969, стр. 237.

Аналогичная картина наблюдается и на других рынках потребителей товаров развивающихся стран, особенно на рынке готовых изделий из текстиля, а также предметов домашнего обихода, велосипедов, часов, фотоаппаратов и т. д.

Китай несет определенные потери от демпингового экспорта, который по зарубежным данным, составляют ежегодно свыше 100 млн. ам. долл.⁴ Но эти потери, очевидно, окупаются теми выгодами, которые КНР получает в результате внедрения на рынок той или иной страны. Характерно, что в последнее время Китай значительно повысил цены на свои товары широкого потребления, поставляемые, например, в Сомали, рынок которой прежде также был объектом китайского демпингового экспорта. КНР, очевидно, считает завершенным период внедрения на местные рынки таких стран и переходит от демпинга к торговле на общепринятых условиях. Следовательно, продавая развивающимся странам товары по низким ценам, Пекин руководствуется отнюдь не интересами этих стран, как пытается представить это китайская пропаганда, а своими собственными политическими и коммерческими целями, достигнув которые махисты тут же забывают взятую на себя роль «защитника» народов страны «третьего мира».

Не следует думать, что китайские товары дешево продаются потребителям в развивающихся странах. Продавая эти товары по обычным внутренним ценам данной страны, фирмы-импортеры, которые представлены, например, в странах Юго-Восточной Азии в основном богатыми китайскими эмигрантами, эту разницу в ценах кладут себе в карман.

Серьезную озабоченность ряда государств Юго-Восточной Азии вызывают легальные и нелегальные переводы китайскими эмигрантами крупных денежных средств в китайские банки.

Китайские эмигранты наносят серьезный ущерб экономике стран этого района, занимаясь контрабандой и саботируя экономические мероприятия национальных правительств⁵. Например, ежегодно в Таиланд поступают китайские контрабандные товары на сумму около 25 млн. ам. долл., которые продаются в китайских магазинах Бангкока и других городов⁶. Ежегодно происходит утечка капиталов из Юго-Восточной Азии в КНР на сумму примерно 200 млн. долл.⁷ Эти средства могли бы быть использованы непосредственно для подъема национальной экономики стран этого района.

Пекин проводит сознательную целенаправленную политику увеличения ничем не компенсируемых валютных и товарных переводов китайских эмигрантов в КНР и, таким образом, активно участвует в эксплуатации народов Юго-Восточной Азии через местную китайскую буржуазию.

В арсенале китайской внешнеэкономической политики, проводимой в отношении развивающихся стран, внешней торговле, несмотря на все ее значение для Китая, отводится подчиненное место по сравнению с оказанием экономической помощи этим странам.

Преследуя свои гегемонистские цели, нынешнее руководство КНР не только стремится представить себя выразителем интересов стран «третьего мира», но и тщетно пытается опорочить экономическое сотрудничество между социалистическими и развивающимися странами, посеять недоверие к Советскому Союзу и другим социалистическим государствам.

⁴ Там же.

⁵ "Far Eastern Economic Review", 1971, № 41.

⁶ "Asia". Hong Kong, 6—12.II. 1972.

⁷ М. А. Андреев. Зарубежная китайская буржуазия — орудие Пекина в Юго-Восточной Азии. М., 1973, стр. 142.

отождествляя их с империалистическими странами. Таким образом, маоисты полностью порывают с классовым подходом к определению капиталистической и социалистической систем. Между тем экономическая помощь КНР по своему содержанию резко отличается от помощи социалистических стран. Помощь КНР приносит весьма сомнительные выгоды странам «третьего мира» и по своим конечным целям схожа с «помощью» развитых капиталистических государств, то есть консервирует экономическую отсталость и ставит эти страны в зависимость от империалистических и маоистских «благодетелей».

Цель политики китайского руководства в вопросах предоставления помощи развивающимся странам заключается в том, чтобы путем сравнительно небольших финансовых затрат добиться максимального влияния в странах, получающих эту помощь.

Стремясь усилить свое влияние на возможно большее число стран, Китай выступает с предложениями о помощи при каждом удобном случае и подчас принимает на себя обязательства по строительству объектов, признанных другими странами экономически невыгодными для стран — получателей помощи.

Какова же в действительности китайская экономическая помощь развивающимся странам и какую пользу приносит она странам «третьего мира»?

По оценке, на начало 1973 г. КНР имела обязательства по строительству в развивающихся странах 353 объектов, из которых 282 объекта, или 80% всех намеченных к строительству предприятий, относятся к отрасли легкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи и бытовых услуг. Структура этой помощи не оказывает существенного влияния на изменение экономической структуры развивающихся стран, на создание современных отраслей промышленности и практически не ведет к укреплению экономической независимости.

Кроме того, у Китая нет материальных и технических возможностей для создания в развивающихся странах крупных, современных предприятий со сложными технологическими процессами в таких отраслях, как электроэнергетика, металлургия, машиностроение и т. п. Это обстоятельство признают и сами китайские лидеры. Так, в беседе с министром внешней торговли и промышленности Японии Я. Накасоне в январе 1973 г. Чжоу Энь-лай заявил, что китайская помощь не может конкурировать с японской помощью странам Африки и Юго-Восточной Азии, которая направляется в тяжелую промышленность⁸. Из этого заявления видно, что пекинское руководство не только собирается продолжить свой курс, но и пытается толкнуть империалистические круги Японии на проникновение в тяжелую промышленность развивающихся стран, то есть в ту отрасль, которая прежде всего должна быть ограждена от вмешательства и господства иностранного монополистического капитала.

Следуя принципу строительства небольших объектов, не требующих значительных капиталовложений, Пекин механически переносит в развивающиеся страны свой ошибочный внутривнутриполитический курс, направленный на строительство мелких и средних предприятий, и протаскивает в эти страны собственные обанкротившиеся экономические установки (сельское хозяйство — основа экономики, сельское хозяйство и легкая промышленность — источники накопления для развития тяжелой промышленности и т. д.). Тем самым КНР вынуждает эти страны следовать по китайскому пути развития экономики, консервируя их экономическую отсталость.

⁸ «Асахи», 11.1. 1973.

Удельный вес предприятий тяжелой промышленности в общей сумме обязательств КНР перед развивающимися странами составляет всего 20%, причем это в основном мелкие и средние предприятия по производству оборудования для пищевой промышленности, сельскохозяйственных орудий, инвентаря, строительных материалов, небольшие электростанции и т. д.

Пекин стремится строить предприятия, массовая продукция которых с яркой китайской этикеткой бросалась бы в глаза местному населению (сигареты, спички, дешевая обувь и др.) и оказывала бы на него соответствующее пропагандистское влияние (сигаретная и спичечная фабрики в Мали, сигаретно-спичечная фабрика в Гвинеи, кожевенно-обувная фабрика в Замбии и др.). При этом пекинское руководство старается не строить такие предприятия легкой промышленности, продукция которых могла бы конкурировать с потребительскими товарами китайского экспорта в эти страны (готовая одежда, термосы, посуда, шелковые ткани и другие изделия). Китайцы охотно вкладывают свои капиталы в строительство больниц, учебных заведений, магазинов, культурно-бытовых и транспортных объектов, то есть предприятий, с которыми непосредственно сталкивается население страны, получающей помощь. Такие объекты не играют сколько-нибудь заметной роли в экономическом развитии стран «третьего мира», они лишь содействуют усилению влияния Китая и отвечают цели китайского руководства показать «щедрость и выгодность» китайской экономической помощи.

Руководители многих развивающихся стран правильно оценивают низкую экономическую эффективность китайской помощи странам «третьего мира». Например, специальный помощник президента АРЕ М. Риад дал отрицательный ответ на вопрос о том, может ли КНР предоставить арабам эффективную помощь. «Китай, — сказал он, — не располагает излишней промышленной продукцией, которую он мог бы дать арабам. Китай не может помочь нам и в военной области»⁹.

В сенегальском журнале «Монитор африкэн» от 24 февраля 1972 г. была дана оценка сущности китайской помощи: несмотря на заявления китайских руководителей о своем бескорыстии, оказываемая помощь на деле преследует свои цели, не только экономические, но и политические, в частности стремление не столько помочь развивающимся странам, сколько восстановить их против Советского Союза и стран социалистического содружества.

Если сравнивать китайскую помощь с экономической помощью, оказываемой развивающимся странам Советским Союзом и другими социалистическими странами, то это сравнение будет явно не в пользу Пекина.

Объем советской экономической и технической помощи развивающимся странам только за последние 10—12 лет более чем утроился. В 44 развивающихся странах с помощью СССР построено более 400 объектов и находится в стадии строительства около 450 объектов народного хозяйственного значения, из которых 76,6% относится к промышленности и энергетике, 7,6 — транспорту и связи, 5,4 — геологоразведочным работам, 5,9 — сельскому хозяйству и 4,5% — сфере просвещения, культуры, здравоохранения и др.¹⁰

Таким образом, примерно 90% средств, предусмотренных соглашениями об экономическом и техническом сотрудничестве Советского Союза с развивающимися странами, направляется на развитие отраслей производственной сферы, в том числе более трех четвертей — в промышлен-

⁹ «Аль-Ахрам», 28.II. 1972.

¹⁰ «Коммунист», 1973, № 12, стр. 43, 45; «Партийная жизнь», 1973, № 16, стр. 11.

ность и энергетику. При этом свыше половины всех средств предназначено для содействия строительству предприятий тяжелой промышленности.

Эта помощь создает благоприятные условия для ослабления зависимости молодых государств от мирового капитала и для завоевания ими экономической независимости. Предприятия, построенные при экономическом и техническом содействии СССР, являются полной национальной собственностью соответствующих государств.

Объекты, сооружаемые при помощи Советского Союза, занимают центральное место в числе предприятий, строительству которых придается ключевое значение в национальных программах перспективного развития молодых государств.

Особенно важным для развивающихся стран является то, что затраты советских организаций погашаются традиционными экспортными товарами этих стран либо продукцией предприятий, построенных при советской помощи, а не дефицитной конвертируемой валютой, которой оплачиваются займы и кредиты империалистических государств. Условия расчетов за советские кредиты, предоставляемые на льготных условиях, обеспечивают молодым государствам стабильный внешний рынок для экспортных сырьевых и промышленных товаров.

Об эффективности помощи Советского Союза и других социалистических стран красноречиво говорит пример самого Китая, получавшего эту помощь до конца 50-х годов в период жестокой дискриминации КНР со стороны большинства капиталистических стран, в период экономической блокады и эмбарго на торговлю с Китаем, которые проводились под нажимом США.

Даже по китайским данным, около 44% капиталовложений в промышленность в период первой пятилетки в Китае приходилось на сооружение предприятий, строившихся с помощью Советского Союза¹¹. При техническом содействии стран социализма в Китае было построено и введено в эксплуатацию в общей сложности около 350 крупных современных промышленных предприятий и почти 200 отдельных цехов и установок, большинство из которых относится к отраслям тяжелой промышленности. Так, из 250 объектов, построенных в Китае с помощью СССР, 245 предприятий, или 98%, приходилось на тяжелую промышленность¹².

Эта помощь действительно сыграла решающую роль в создании фундамента индустриализации Китая, о чем в свое время неоднократно заявляли пекинские лидеры и о чем теперь они так упорно умалчивают.

Как ни старается маоистская пропаганда рекламировать китайскую помощь развивающимся странам, однако низкая эффективность этой помощи стала уже общепризнанным фактом. Темпы ее реализации на протяжении всего периода с 1956 г. остаются крайне низкими.

К середине 1968 г. Китай реализовал всего лишь около 28% всех обязательств странам Азии и Африки¹³. К этому времени КНР имела соглашения со странами Африки о предоставлении им помощи на общую сумму 852 млн. долл., причем около половины этой помощи им было обещано еще до 1965 г. Однако к середине 1968 г. африканские страны получили в общей сложности лишь около 200 млн. долл., то есть 20% обещанного¹⁴, в том числе: Мавритания получила 12,5% от сумм китайских

¹¹ «Дружба», 1957, № 6.

¹² О. Б. Борисов и Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения 1945—1970. М., 1971, стр. 180.

¹³ «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 1, стр. 43.

¹⁴ «Внешняя политика КНР». М., 1971, стр. 94.

обязательств, Конго (Браззавиль) — 20, ОАР — 15, Сомали — 17, Уганда — 20, Гвинея — 25%¹⁵.

По оценочным данным на начало 1973 г., в развивающихся странах был построен с помощью КНР 91 объект из 353 по обязательствам, в 23%, в том числе: 27 предприятий легкой и пищевой промышленности, 13 мелких и средних предприятий тяжелой промышленности, 12 сельскохозяйственных и ирригационных объектов и 39 транспортных и бытовых сооружений¹⁶. Взяв на себя значительные обязательства по оказанию помощи странам Азии, Африки и Латинской Америки в 1971—1973 г. маоистское руководство сейчас снова, как и в 60-е годы, идет на попятный, ссылаясь на экономические трудности, затягивает сроки реализации этой помощи.

Весьма характерным является тот факт, что выполнение обязательств неизбежно сопровождается политическим давлением Китая. Реализация соглашений осуществляется выборочно в зависимости от поддержки лидерами той или иной страны китайской политики. Ухудшение политических отношений КНР с какой-либо из стран — получателей китайской помощи сразу же влияет на выполнение китайской стороной своих обязательств, а зачастую ведет к прекращению экономической помощи этой стране. Так было с Бирмой, когда в 1967 г. ее правительство заявило, что не потерпит китайского диктата и вмешательства во внутренние дела Бирмы. Пекинское руководство в ответ на это прекратило всякую помощь этой стране. Было прервано строительство пяти объектов — текстильной фабрики, сахарного завода, бумажной фабрики и двух мостов. Для их завершения бирманское правительство было вынуждено объявить международные торги.

Так было с Непалом после того, как провалились попытки маоистов устроить «культурную революцию» в этой стране в июле 1967 года.

Проявившему «непослушание» Цейлону в апреле 1971 г. руководство КНР пригрозило прекратить жизненно важные для него обменные операции «рис—каучук», всякую безвозмездную помощь и поставки в счет товарных кредитов.

После высылки из Бурунди, Дагомеи и ЦАР пекинских дипломатов за участие в подготовке государственных переворотов в этих странах в 1965—1966 гг. Китай полностью прекратил оказание им экономической помощи. Та же участь постигла Гану после падения президента Нкрумы 24 февраля 1966 г., находившегося в этот момент с официальным визитом в Пекине.

Этот список стран, «пострадавших» из-за своих политических убеждений и не прислушавшихся к окрику из Пекина, можно было бы продолжить. Действия этих стран, не пожелавших прощать пекинских методов грубого шантажа, угроз и политического давления, заставили китайское руководство изменить свою тактику, сделать ее более гибкой, с тем чтобы восстановить утраченное влияние. Однако политика Пекина осталась на деле прежней. Кредо китайского руководства в этом вопросе вполне ясно было высказано в заявлении временного поверенного Китайской Народной Республики в Танзании Ши Хуана, сделанном на одной из конференций дипломатов и специалистов КНР в Дар-эс-Саламе в период «культурной революции»: «Китай намерен оказывать конкретную помощь лишь тем, у кого хватит мужества осуществить революцию».

¹⁵ "Moniteur africain du commerce et de l'industrie", 1970, № 447, p. 10; "Afrique Nouvelle", 1969, № 1161, p. 26.

¹⁶ Рассчитано по данным зарубежной прессы.

в Африке»¹⁷. Разумеется, имеется в виду революция маоистского образца.

Подрывная деятельность КНР в странах «третьего мира» не прекращается и в настоящее время. Примером могут служить действия различных группировок промаоистского толка в Бангладеш, члены которых провозглашают себя «верными последователями Мао», совершают убийства из-за угла, грабят банки, прикрываясь псевдореволюционными лозунгами, и, по существу, толкают страну к контрреволюции¹⁸.

Из материалов иностранной печати видно, что многие предприятия, построенные с помощью Китая, нерентабельны и ложатся бременем на государственные бюджеты стран. Так, нерентабельными оказались фабрика в Камбодже и чаеразвесочная фабрика в Гвинее, не имеет сбыта продукция обувной фабрики в Непале, потерпели неудачу проекты создания рисоводческого хозяйства в Гвинее и хлопководческого хозяйства в Народной Республике Конго (Браззавиль)¹⁹.

По вине китайских специалистов было сорвано начавшееся строительство четырех горнорудных предприятий в Непале, металлургического предприятия в Камбодже и бумажной фабрики в Гвинее.

Построенному китайцами текстильному комбинату в Браззавиле, в который вложено 4 млн. долл., из-за устаревшего оборудования, импортированного из Шанхая, требуется намного больше рабочей силы, чем любой такой же фабрике в развитой стране. В настоящее время заработная плата рабочих на этом комбинате поглощает не только все прибыли, но и дополнительные государственные субсидии, что создает ежегодный дефицит в размере одного миллиона долларов²⁰.

Экономически не эффективны разработанные китайцами проекты сигаретной и спичечной фабрик в Мали. Сигаретная фабрика «Джолиба» работает со значительно меньшей нагрузкой, чем предусмотрено проектом, в виду ограниченного спроса на сигареты и нехватки сырья. Табака и бумаги для этой фабрики в Мали не хватает, и правительство вынуждено закупать их в Китае²¹. Проектная мощность спичечной фабрики «Эклер» составляет 45 млн. коробок спичек в год, однако годовая потребность не превышает 15 млн. коробок, с такой нагрузкой фабрика и работает²².

Построенная китайцами в Гвинее сигаретно-спичечная фабрика также не обеспечена источниками сырья и существует за счет импорта табака и бумаги из Китая²³.

Кожевенно-обувная фабрика на Занзибаре испытывает острую нехватку сырья, и из-за низкого качества ее продукции трудно конкурировать с обувью европейского производства²⁴.

Строительство железной дороги «Танзам», крупнейшего объекта китайской помощи развивающимся странам, образно называют «муравьиным нашествием из Китая»²⁵. Многие танзанийцы считают «Танзам» «тройским конем китайского вторжения», поскольку совершенно ясно, что Пекин не просто строит «престижную дорогу», но и создает там дол-

¹⁷ "New Africa". 1968, № 3-4, p. 5.

¹⁸ «Экста», 14.I. 1974; «Правда», 15.I. 1974.

¹⁹ "Afrique Nouvelle", 1969, № 1161; "Supplement Africa Contemporary Record, LTD", 1970.

²⁰ "Africa Report", 1971, № 3.

²¹ "Afrique", 1966, № 54, p. 16--17.

²² "L'Essor", 3. VII. 1968.

²³ Т. Л. Д е й ч. Маоизм — угроза Африке. М., 1972, стр. 74.

²⁴ Там же, стр. 75.

²⁵ "Daily Telegraph", 2.III. 1971.

современные политический и военный плацдармы²⁶. Военное присутствие китайцев в Танзании усиливается с каждым днем и уже давно тревожит как танзанийцев, так и их африканских соседей. Кроме того, почти все китайские «специалисты», работающие на строительстве дороги, по сути дела, являются бойцами НОАК, взятыми из железнодорожных и инженерных частей и прошедшими курс боевой подготовки²⁷.

А лондонский журнал «Майнинг джорнэл» неспроста писал в этой связи: «от дороги сильно пахнет медью, в закупках которой в Замбии очень заинтересован Китай».

Президент Ньерере ответил на опасения своих соотечественников в одной из своих речей: «Танзанийцы — люди упрямые. Народный Китай поймет, что если он захочет взять нас в свои руки, то у него будут неприятности»²⁸. Однако у китайцев вошло в привычку задерживаться в странах даже после окончания всех строительных работ. Так, например, военнотрудовые строившие автостраду между Катманду и Лхасой сдали ее в эксплуатацию еще в 1967 г., однако они до сих пор находятся в Непале, где и будут оставаться в течение 10 лет якобы для поддержания в надлежащем состоянии непальского сектора дороги протяженностью 72 мили²⁹.

Участились случаи недовольства правительств стран Азии и Африки низким уровнем квалификации китайских специалистов, направляемых Китаем для оказания технической помощи по сравнению со специалистами из социалистических стран. Так, по данным африканской прессы эксперты из КНР разработали для Занзибара трехлетний план развития, который не удалось выполнить из-за его нереальности³⁰. Низкая квалификация китайских врачей, работавших в госпитале им. Ленина в Занзибаре, вынудила правительство Замбии в 1969 г. отклонить предложение КНР о присылке в страну новой партии китайских врачей.

Даже из этих немногочисленных приведенных фактов становится ясным, почему Пекин с его броскими лозунгами и громкими призывами не находит поддержки у большинства развивающихся стран.

Совершенно очевидно, что структура экономической помощи Китаем развивающимся странам, медленные темпы ее реализации, нарушение сроков использования кредитов, поставок оборудования и строительства объектов, а также низкий технический уровень китайской промышленности, поставляющей развивающимся странам несовершенное, устаревшее оборудование, приводят к тому, что экономическое сотрудничество с Китаем не может внести существенного вклада в развитие национальных экономик развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, в дело индустриализации этих стран и зачастую консервирует их экономическую отсталость.

²⁶ "The Sunday Telegraph", 25.IV. 1971.

²⁷ Там же.

²⁸ "France-Soir", 1—4. VII. 1970.

²⁹ "The Sunday Telegraph", 25.IV. 1971.

³⁰ "Afrique Nouvelle", p. 25—30.

Великоханьский шовинизм Пекина в национальном вопросе

Т. Р. Рахимов, Н. А. Тешилов

Победа китайской революции в 1949 г. явилась важной вехой в жизни неханьских народов Китая. Провозглашение равноправия всех национальностей, запрещение национальной дискриминации, признание необходимости борьбы с великоханьским шовинизмом, принятие в начале 50-х годов государством целого ряда законодательных актов, регулировавших важные аспекты социально-политического, экономического и культурного строительства в национальных районах КНР — все это открывало перед неханьскими народами хорошие перспективы национального возрождения и развития.

Активное сотрудничество с СССР, использование опыта советских республик в построении социализма, непосредственная помощь советских специалистов национальным районам КНР способствовали нахождению правильных путей в решении многих сложных национальных проблем Китая. Марксистско-ленинские силы в руководстве КПК активно боролись за разработку и реализацию широкой и эффективной программы строительства национальных районов страны, программы, учитывавшей реальные интересы всех неханьских народов.

Шовинистические силы в руководстве КНР в те годы не решались выступать открыто. Тем не менее их действия отразились как на характере законодательных актов по национальному строительству, так и — в значительно большей мере — на методах осуществления национальной политики.

Как известно, «Общая программа Народного политического консультативного совета Китая», принятая накануне образования КНР, указала на необходимость осуществления национальной районной автономии в местах компактного проживания неханьских народов, однако вопрос о праве этих народов на самоопределение в данном документе был обойден¹. Исключение из этой программы лозунга о праве наций на самоопределение было явной уступкой вековым традициям ханьской великодержавности.

Согласно официальной китайской версии, изменение позиции КПК в отношении принципа национального самоопределения произошло «во времена III гражданской революционной войны»² (с конца 1945 г.). До этого времени КПК «с самого своего основания вплоть до периода анти-японской войны основывалась на марксистско-ленинских принципах решения национального вопроса и в своей программе выдвигала лозунг национального самоопределения и федерации»³.

¹ См. «Законодательные акты Китайской Народной Республики». М., 1952, стр. 63—64.

² Чжа и Чжи - и. Лекции по национальному вопросу в китайской революции и национальной политике. Пекин, 1956, стр. 25 (на кит. яз.).

³ Там же.

Действительно, уже программа-минимум, принятая на II съезде КПК (1922 г.), известная как Декларация II съезда КПК, предусматривала будущее федеративное устройство Китая, а также «борьбу за право на самоопределение» для монголов, тибетцев, народов Синьцзяна⁴. Право народов, населяющих окраины Китая, на самоопределение было признано также на III съезде КПК (1923 г.). В политической резолюции VI съезда КПК (1928 г.) право на самоопределение признавалось уже за «каждой нацией»⁵.

В документах и решениях I и II Всекитайских съездов представителей советских районов Китая (соответственно 1931 и 1934 гг.) вопрос о национальном самоопределении также нашел свое место. В резолюции I съезда по национальному вопросу отмечалось, в частности, что «...Китайская советская республика категорически и безусловно признает право всех наций на самоопределение» и что в районах, «в которых большинство населения принадлежит к иной, не китайской, национальности, трудящиеся массы этих национальностей имеют право сами определять: желают ли они выйти из Китайской советской республики и создать свое независимое государство, или же они желают войти в союз советских республик, или образовать автономную область в Китайской советской республике»⁶.

Большую роль в разработке политики КПК по национальному вопросу, и в частности по вопросу о национальном самоопределении, сыграли в те годы решения Коминтерна, который через делегации КПК в ИККИ и своих представителей в Китае оказывал ценную помощь китайским коммунистам в решении важнейших проблем китайской революции с позиций марксизма-ленинизма. Выдвижение КПК лозунга о праве наций на самоопределение сыграло свою положительную роль в деле воспитания кадров партии в интернационалистском духе. Это, безусловно, могло лишь способствовать сплочению всех сил страны, борющихся с империализмом и внутренней реакцией.

В дальнейшем, однако, — уже во второй половине 30-х годов — Мао Цзэ-дун навязывает КПК свою позицию в отношении принципа национального самоопределения. Так, выдвигая на VI расширенном пленуме ЦК в ноябре 1938 г. основные положения программы партии по национальному вопросу, Мао Цзэ-дун вообще обошел вопрос о праве ханьских народов Китая на самоопределение. В качестве первого пункта этой программы он указал лишь на необходимость «обещать всем национальностям... равные права с ханьцами ...право самим управлять собственными делами и в то же время образовать совместно с ханьцами единое государство»⁷.

В докладе VII съезду КПК (1945 г.) Мао Цзэ-дун формально выразил «полное согласие» с суньятсеновской формулировкой, в которой признавалось право на самоопределение «за всеми национальностями, населяющими Китай» (в докладе приводилась цитата из Манифеста I конгресса гоминьдана)⁸. Однако в том же докладе, говоря о конкретных программных требованиях КПК, Мао Цзэ-дун ограничился указанием на необходимость «предоставить всем национальным меньшинствам право на национальную автономию»⁹.

⁴ П. М и ф. 15 лет героической борьбы. К 15-летию Коммунистической партии Китая. М., 1936, стр. 22.

⁵ «Программные документы коммунистических партий Востока». Л., 1934, стр. 17.

⁶ «Советы в Китае». М., 1933, стр. 440.

⁷ «Жэньминь жибао», 9.IX. 1953.

⁸ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. М., 1953, т. 4, стр. 550.

⁹ Там же.

Двойственность и противоречивость высказываний Мао Цзэ-дуна по поводу будущей политики КПК в национальном вопросе должна была, по всей видимости, «затемнить» существо дела, замаскировать отход от основного принципа марксистско-ленинской теории в национальном вопросе. Этой же причиной можно объяснить и сохранение в некоторых партийных документах 40-х годов упоминаний о федеративном устройстве Китая. Не случайно, что для многих членов партии, находившихся в национальных районах страны в первое время после образования КНР, новая позиция руководства партии в отношении принципа самоопределения оказалась неожиданной. ЦК КПК был вынужден в связи с этим направлять на места специальные указания, в которых разъяснялась новая политика руководства партии «относительно вопроса о «праве на самоопределение» национальных меньшинств». «В прошлом, в период гражданской войны, — подчеркивалось в одной из инструкций, разосланных на места в конце 1949 г., — наша партия с целью завоевания национальных меньшинств и противодействия гоминьдановскому реакционному господству... делала упор на этом лозунге; в то время это было совершенно правильно». В новой же обстановке, как отмечалось далее в той же инструкции, когда гоминьдановцы в основном уже разгромлены, «не следует снова акцентировать вопрос о «праве на самоопределение» национальных меньшинств», поскольку этим лозунгом могут-де воспользоваться в своих целях «империалисты и реакционные элементы из среды национальных меньшинств внутри страны».

В 50-е годы маонисты стали выставлять доводы иного плана — неприемлемость принципа самоопределения ввиду «особых условий» решения национального вопроса в Китае.

Маонистские «теоретики», например, утверждают, что-де Китай давно уже представляет собой «единое централизованное государство, в котором ханьцы составляют основу», а «подавляющее большинство национальных меньшинств... проживает смешанно с ханьцами, образуя большие районы со смешанным населением, в которых ханьцы составляют основу». Малые народы, как утверждалось, компактно проживают лишь в «небольших районах»¹⁰.

Правда, некоторые китайские авторы признавали, что в Синьцзяне и Тибете «степень компактности национальных меньшинств сравнительно высока», но тут же делалась оговорка, что «с точки зрения политики, экономики и культуры» народы этих районов, подобно другим «национальным меньшинствам» Китая, «не обладают условиями для отделения»¹¹. Другие авторы утверждали, что «в Китае вообще нет ни одной [неханьской] национальности, живущей на своей определенной территории»¹².

Один из широко распространенных «доводов», приводившихся сторонниками маонистского курса решения национальных проблем, состоял в том, что в обстановке, когда все народы Китая «требуют создания единого государства», выдвигать лозунг о самоопределении нецелесообразно, так как, мол, «тот, кто захочет снова выступить с таким лозунгом, сможет лишь обречь себя на изоляцию»¹³.

¹⁰ В а н Ф э н. Великие победы национальной политики в нашей стране. — «Непрерывно развивать великое единство всех национальностей нашей страны». Пекин, 1960, стр. 15 (на кит. яз.).

¹¹ Ч ж а н Ч ж и - н. Лекции по национальному вопросу в Китайской революции и национальной политике. Пекин, 1956, стр. 27—28.

¹² Л я н М и н ь. Критика теории национального сепаратизма. Урумчи, 1958, стр. 21 (на уйгурск. яз.).

¹³ Ч ж а н Ч ж и - н. Лекции по национальному вопросу в Китайской революции и национальной политике. Пекин, 1956, стр. 26.

Мы привели лишь некоторые наиболее типичные высказывания защитников маоистской позиции отрицания за неханьскими народами Китая права на самоопределение. Полнейшая несостоятельность маоистской аргументации в данном вопросе совершенно очевидна. Эта аргументация противоречит действительному положению в стране и марксистскому подходу к проблеме самоопределения наций.

Свои «доводы» маоисты нередко пытаются подкрепить ссылками на некоторые высказывания В. И. Ленина. Так, для оправдания ссылок на специфику Китая и, следовательно, чтобы «доказать» правомерность «особого пути», маоисты обычно прикрываются высказываниями В. И. Ленина относительно общеметодологических требований конкретного подхода к разбору или иного социального явления¹⁴. Однако подобные приемы лишь подчеркивают всю шаткость позиции маоистских «теоретиков».

Наконец, маоисты не останавливаются перед искажением марксистско-ленинского понимания лозунга о праве наций на самоопределение. Так, например, в работе Чжан Чжи-и высказывания В. И. Ленина специально подбираются таким образом, чтобы скрыть от читателей истинный смысл лозунга о самоопределении наций и внушить мысль, будто данный лозунг в условиях Китая не только бесполезен, но и вреден, тем более что-де равноправие и так признается за всеми национальностями КНР¹⁵.

В. И. Ленин, как известно, в свое время показал полную несостоятельность подобных взглядов. Критикуя позицию Розы Люксембург, которая считала ненужным лозунг о праве на самоопределение, В. И. Ленин писал: «Мы видели, что одним из главных своих «козырей» в борьбе против программы российских марксистов Роза Люксембург считает такой довод: признание права на самоопределение равносильно поддержке буржуазного национализма угнетенных наций. С другой стороны, говорит Роза Люксембург, если понимать под этим правом только борьбу против всякого насилия по отношению к нациям, то особый пункт программы не нужен, ибо с.-д. вообще против всякого национального насилия и неравноправия»¹⁶. По поводу последнего утверждения Розы Люксембург В. И. Ленин писал: «Второй довод есть, в сущности, боязливое уклонение от вопроса: включает ли или не включает признание национального равноправия признание права на отделение? Если да, то, значит, Роза Люксембург признает принципиальную правильность § 9-го нашей программы. Если нет, значит, она не признает национального равноправия»¹⁷.

Совершенно очевидно, что отказ неханьским народам в праве на самоопределение находится в вопиющем противоречии с заявлениями маоистов о «равных правах» всех народов Китая и фактически лишает неханьские народы полного политического равноправия с ханьцами. Привилегией иметь свою национальную государственность располагает в Китае только ханьское большинство.

Говоря о поддержке марксистами принципа национального самоопределения, В. И. Ленин всегда подчеркивал, что речь идет прежде всего о признании права на самоопределение. Как указывал В. И. Ленин, «признание этого права несколько не исключает ни пропаганды и агитации против отделения, ни разоблачения буржуазной

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 263—264.

¹⁵ Чжан Чжи-и. Лекции по национальному вопросу в Китайской революции и национальной политике. Пекин, 1956, стр. 26—27.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 278.

¹⁷ Там же.

национализма»¹⁸. В. И. Ленин подчеркивал, что, несмотря на всю «непрактичность» такой постановки вопроса (с точки зрения буржуазии), для пролетариата лозунг национального самоопределения имеет огромную принципиальную важность, поскольку он воспитывает массы «в духе отрицания *государственных* привилегий какой бы то ни было нации»¹⁹.

Учитывая, что неханьские народы Китая веками подвергались национальному гнету, что великодержавный шовинизм ханьцев превратился в стойкую традицию китайского общества, вопрос о признании права неханьских народов на самоопределение стоял особенно остро. Тем более что ряд неханьских народов Китая (уйгуры, монголы, тибетцы и ряд др.) обладали в прошлом своей национальной государственностью.

Неханьские народы Китая были далеко не безразличны к вопросу о восстановлении своей утраченной государственности. Они активно выступали за признание своих прав, причем, как правило, речь вовсе не шла об отделении от Китая. В Синьцзяне, например, уйгуры высказывались за возрождение своей государственности в той же форме, как это было осуществлено в советских республиках Средней Азии и Казахстане, входящих в СССР. Однако законное стремление неханьских народов Китая добиться права на самоопределение, всякое высказывание в защиту этого принципа маонисты объявляли «антисоциалистическими», «сепаратистскими» и «антипартийными». Маонисты прямо заявляли, что «осуществление какого-то там... «национального самоопределения» подрывает единство всех национальностей родины»²⁰. Характер подобных заявлений свидетельствует о социал-шовинистическом подходе маонистов к решению вопроса о равноправии наций.

Отказ неханьским народам в праве на самоопределение затруднил интернационалистское воспитание китайских трудящихся, осложнил налаживание отношений между ханьцами и неханьскими народами.

Нормативный документ, определяющий принципы осуществления автономии в национальных районах Китая («Основные принципы осуществления местной национальной автономии в КНР»), был утвержден Центральным народным правительственным советом 8 августа 1952 г. Этот документ регулировал такие важные вопросы, как национальный состав автономных единиц, порядок установления границ автономных районов и целый ряд других не менее важных моментов. Нельзя не отметить, однако, что некоторые статьи данного документа допускали возможность практических действий, противоречащих интересам неханьского населения. Так, статьей 4-й «Основных принципов» предусматривалось создание автономных районов не только с какой-либо одной компактно проживающей национальностью, но и с несколькими значительными компактными группами населения различных национальностей²¹.

Положения статьи 5-й открывали еще больший простор для игнорирования интересов неханьских народов: «...в соответствии с экономическими, политическими и другими требованиями данной местности и с учетом их исторического прошлого,— говорится в статье,— в национальные автономные районы может включаться часть районов и горо-

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 228.

¹⁹ Там же, т. 25, стр. 277.

²⁰ «Нэймэнгу жибао», 14.XI. 1957.

²¹ «Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики». М., 1955, стр. 97.

дов с китайским населением»²². Границы автономных районов устанавливались в соответствии с положениями указанных статей.

Очевидно, что данные принципы допускают весьма произвольное их толкование («историческое прошлое», «политические требования» и др.) и фактически сводят на нет основополагающее положение «Ошей программы» о создании автономий «в районах компактного проживания национальных меньшинств» (позднее это положение вошло и в Конституцию КНР).

«Основные принципы» не предусматривали участия неханьского населения при определении границ и национального состава автономных единиц. И это не случайно, ибо китайская администрация при образовании автономий, по существу, пренебрегала мнением и интересами неханьского населения. Так, в «Итоговом докладе о важнейшем опыте работы партии среди нацменьшинств за прошедшие годы» (13 сентября 1956 г.) признавалось, что в практике создания автономных районов «все еще имеет место множество таких фактов, когда нацменьшинства абсолютно ничего не знают о создании автономного района там, где они проживают».

Это был существенный отход от принципов, на важность учета которых не раз обращалось серьезное внимание в работах В. И. Ленина. В. И. Ленин, например, указывал, что определение границ автономных областей должно осуществляться «на основании учета самым местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.»²³. В. И. Ленин отмечал также, что «местное население одно только может вполне точно «учесть» все эти условия...»²⁴. Что касается национального размежевания, подчеркивал В. И. Ленин «...крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым, национальным составом...»²⁵.

Особое значение, как указывал В. И. Ленин, имеют вопросы административного деления, которое должно обеспечить единство национального состава населения в новых территориальных единицах²⁶.

В первые годы после победы революции при определении границ автономных районов Китая учитывался фактор единства национального состава населения. В дальнейшем китайское руководство стало прибегать к изменению ранее установленных границ автономных районов. Так, например, образованный в декабре 1952 г. Западногуансийский Чжуанский автономный район (позже—округ) охватывал основные территории компактного расселения чжуанцев в провинции Гуанси. Чжуанское население составляло в нем 70%, 8% приходилось на другие неханьские народности, 22% составляли ханьцы²⁷. Позднее, в 1958 г. китайское руководство вопреки желанию чжуанского народа создаст Гуанси-Чжуанский автономный район в рамках старых границ провинции Гуанси. В результате в новом автономном районе чжуанское население составило лишь 36,9%²⁸. Известны и другие факты подобного рода. Например, присоединение в 50-х годах к Внутренней Монголии

²² «Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики». М., 1955, стр. 97.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 58.

²⁴ Там же, стр. 149.

²⁵ Там же, стр. 148.

²⁶ См. там же, стр. 147; т. 25, стр. 307.

²⁷ См.: Хуан Сянь-фань. Краткая история чжуанцев Гуанси. Наньнин, 1957, стр. 100 (на кит. яз.).

²⁸ См.: «Об образовании Гуанси-Чжуанского автономного района». Наньнин, 1958, стр. 11 (на чжуанск. яз.).

густонаселенных ханьских областей, после чего монгольское население в автономном районе оказалось в абсолютном меньшинстве²⁹.

Подобные акты китайского руководства мотивировались желанием «помочь» неханьским народам прежде всего в развитии их экономики, способствовать «сплочению» всех национальностей. Но неханьские народы выступали против политики произвольного изменения границ автономных районов, отстаивали принцип размежевания национальностей в автономных районах. Известно, например, что монголы Внутренней Монголии предлагали выделить в рамках автономного района зоны с монгольским населением, со смешанным монголо-ханьским населением и чисто ханьские зоны. Такое размежевание должно было бы, как надеялось местное коренное население, оградить его национальные интересы. Маоисты, однако, встретили эти предложения в штыки, объявив всех тех, кто с ними выступал, «сепаратистами», «националистами», «правыми элементами»³⁰.

Примерно то же самое имело место и в Гуанси. Настояв на сохранении старых провинциальных границ Гуанси и отказавшись предоставить статус автономного района Западногуансийскому Чжуанскому автономному округу, маоисты в качестве обоснования этого решения выставили прежде всего довод о том, что-де «Гуанси вот уже около 1000 лет является единым административным районом»³¹.

Произвол маоистов в отношении установления границ автономных районов продолжался и в последующие годы. Совсем недавно маоисты осуществили беспрецедентный передел территории Внутренней Монголии, в результате которого площадь этого старейшего автономного района страны была сокращена более чем втрое³², а отторгнутые земли с монгольским населением включены в состав нескольких соседних провинций (в то же время районы с чисто ханьским населением оставлены в составе Внутренней Монголии). В итоге большинство монголов в Китае оказалось к настоящему времени за пределами Внутренней Монголии, причем монгольское население отторгнутых от автономного района областей лишено даже номинально собственной автономии.

Другой характерной особенностью маоистской политики автономизации является практика создания нескольких автономных единиц, населенных преимущественно одной и той же национальностью, в зонах, которые при правильном подходе могли бы составить единый национальный район. Иначе говоря, маоисты расчленяют единые этнические области той или иной народности на несколько искусственных «автономий», препятствуя тем самым национальной консолидации неханьских народов. Яркий пример тому — многочисленные тибетские «автономии» за пределами Тибетского автономного района.

²⁹ Численность населения Автономного района Внутренняя Монголия в прежних (расширенных) границах составляла, по китайским данным, примерно 8,7 млн. человек. Из них монголов насчитывалось лишь около одного млн. человек. — См.: «Синь чжиши цядянь». Шанхай, 1958, стр. 238. В настоящее время в результате передела территории Внутренней Монголии монгольское население в ней еще более сократилось. По данным китайского «Атласа мира» («Шиньзе диту цзи». Пекин, 1972), монгольское население в автономном районе насчитывает несколько более 300 тыс. человек (при общей численности населения в 6,24 млн. человек). Это означает, что процент монголов во Внутренней Монголии сократился до 4,8.

³⁰ «Нэймэнгу жибао», 14.XI. 1957.

³¹ См.: «Об образовании Гуанси-Чжуанского автономного района». Наньнин, 1958 (на чжуанск. яз.), стр. 16.

³² Согласно данным китайского «Атласа мира» («Шиньзе диту цзи». Пекин, 1972), площадь автономного района Внутренняя Монголия в настоящее время превышает 400 тыс. кв. км. До передела площадь района равнялась 1400 тыс. кв. км. — «Синь чжиши цядянь». Шанхай, 1958, стр. 238.

Одним из важных звеньев политики национальной автономии является обеспечение самоуправления неханьских народов. Можно поэтому полностью согласиться с тем, что «превращение органов самоуправления в национальные органы,— как отмечала в свое время «Жэньминь жибао»,— действительно представляет собой центральный вопрос политики районной автономии»³³. Ход событий в Китае, однако, показал, что этот «центральный вопрос» так и не нашел в КНР своего решения.

Для реализации системы самоуправления необходимо было прежде всего формировать органы народной власти национальных автономных районов «в основном из представителей национальности, осуществляющей районную автономию», как это и определялось 12-й статьей «Основных принципов».

Китайские коммунисты-интернационалисты стремились добросовестно и честно выполнять намеченную программу превращения органов власти в автономных районах в подлинно национальные органы самоуправления, но им упорно сопротивлялись националистические силы КПК. В результате фактического отказа Мао Цзэ-дуна и его сторонников от серьезной и систематической борьбы с проявлением великоханьского шовинизма повсеместным явлением стала «подмена кадровыми работниками ханьской национальности кадровых работников и числа национальных меньшинств», которые, по признанию китайской прессы того времени, «имели должности, но не имели прав»³⁴. Повсеместно также распространены такие случаи,— указывалось в «Итоговом докладе»,— когда кадровых работников из национальных меньшинств всячески третируют и даже затирают.

Если указанные проявления великоханьского шовинизма касались в основном взаимоотношений кадровых работников — ханьцев с представителями национальных кадров, то произвол ханьских кадровых работников в отношении простого неханьского населения нередко принимал форму откровенного шовинистического разгула. Как признавалось в указанном докладе, «некоторые кадровые работники по своему произволу арестовывали людей, фабриковали ложные обвинения, учиняя депрессии под пытками, заставляли людей давать вынужденные показания, губили человеческие жизни. Например, в Хайнаньском Ли-Мяоском автономном районе (после принятия конституции этот район был преобразован в автономный округ.— Т. Р., Н. Т.) дважды проводились большие облавы на «ведьм»... Во время одной из таких облав по инициативе исполняющего обязанности председателя районного правительственного третьего района уезда Баотин Фу Фу-цюаня было арестовано и избито 127 женщин народности ли, пятеро из которых были вынуждены покончить с собой».

Естественно, подобные действия ханьских кадровых работников вызвали глубокое возмущение неханьских народов. В ряде национальных районов возникли серьезные беспорядки. Недовольство неханьского населения произволом китайских кадровых работников приняло настолько угрожающий характер, что «Жэньминь жибао» 10 октября 1953 г. была вынуждена признать, что «великоханьский шовинизм превратился в настоящее время в главную опасность для национальных отношений и национальной работы»³⁵. Но принятые меры, по-видимому, оказались недостаточными. Три года спустя, на VIII съезде КПК, снова указывалось на проявления великоханьского шовинизма среди хань-

³³ «Жэньминь жибао», 9.IX. 1953.

³⁴ Там же.

³⁵ «Жэньминь жибао», 10.X. 1953.

ских кадровых работников в национальных районах, отмечалось, что необходимо «полностью гарантировать национальное равноправие и право на районную автономию компактно проживающих национальных меньшинств» и «уделять серьезное внимание работе по превращению органов национального самоуправления в подлинные национальные органы...»³⁶.

Однако маоцзедуновская группировка не считала нужным выполнять решения и рекомендации VIII съезда КПК. Вскоре же после VIII съезда маоисты отказались от решительной борьбы против великоханьского шовинизма и перенесли центр тяжести своей пропаганды на борьбу с «местным национализмом». «Раньше мы делали упор на борьбу среди ханьских кадровых работников против уклона великоханьского шовинизма», — говорилось, например, в докладе Дэн Сяо-пина на III пленуме ЦК КПК в октябре 1957 г. — Это совершенно необходимо. Мы и в дальнейшем будем решительно выступать против великоханьского шовинизма. Однако в настоящее время также необходимо среди кадровых работников национальных меньшинств сделать упор на борьбу против местного национализма»³⁷. На деле «смещение акцентов» фактически вылилось в отвратительную волну репрессий против кадровых работников неханьских национальностей, которым в подавляющем большинстве случаев безосновательно предъявлялись стандартные обвинения в «сепаратизме», «национализме», «правом уклоне» и т. п. В итоге продолжительных «чисток» национальная автономия была окончательно превращена, говоря словами самих представителей национальных районов Китая, в «чистую проформу». По меткому замечанию одного из монголов, подвергшихся «чистке», во Внутренней Монголии сложилась такая обстановка, когда «монголы ведут дела в своем доме, но не являются в нем хозяевами»³⁸.

Несмотря на то, что задача «укомплектования органов национальной автономии национальными кадрами» так и не была надлежащим образом выполнена, в 1958 г. маоисты перешли к новому курсу в кадровой политике. Было объявлено, что данная задача якобы «в основном решена». Заместитель председателя Комиссии по делам национальностей Лю Чунь в то время заявил, что «продолжать подчеркивать необходимость укомплектования органов национальной автономии национальными кадрами не представляется целесообразным»³⁹, и тут же пояснил, что китайское руководство считает вполне «целесообразным» выдвигать в органы национальной автономии не только представителей национальных меньшинств, но и представителей ханьской национальности»⁴⁰.

Эти новые моменты в политике маоистов по отношению к национальным кадрам практически свели на нет прежнюю установку, согласно которой органы самоуправления автономных единиц должны были формироваться из национальных кадров и стать подлинно национальными органами.

Отказ маоистов руководствоваться разработанными ранее принципами осуществления национальной автономии был закреплен событиями «культурной революции». Как известно, в ходе этой «революции» конституционные органы власти в национальных районах были полностью ликвидированы, а национальные кадры подверглись новым реп-

³⁶ «Материалы VIII Всекитайского съезда КПК». М., 1956, стр. 55, 233—234, 480.

³⁷ «Правда», 24.X. 1957.

³⁸ «Нэймэнгу жибао», 14.XI. 1957.

³⁹ «Мишэцу туаньцзе», 1958, № 2, стр. 1.

⁴⁰ Там же, стр. 2.

рессиям и гонениям. Перестало существовать даже прежнее подобие автономии. Вся власть в национальных районах (названия которых, впрочем, были сохранены) перешла к органам военно-бюрократической диктатуры маоистов — «реэкомам», в которых господствующее положение заняли военные-ханьцы.

Значительное обострение отношений между ханьцами и неханьскими народами в период «культурной революции» сильно осложнило обстановку в национальных районах КНР. Не желая идти на риск дальнейшего обострения этих отношений и учитывая стратегическое положение большинства национальных районов страны, китайское руководство с начала 70-х годов было вынуждено постепенно перейти «новой» тактике в национальной политике. Отмежевываясь от открытой дискриминации и массовых репрессий в отношении неханьских народов, китайское руководство перешло к более гибким и умеренным действиям в национальных районах КНР.

В 1972—1973 гг. практика уступок и «ослаблений» в национальной политике приняла очертания уже вполне определенной тактической линии. В чем же конкретно проявляются «новые» тактические моменты в национальной политике Пекина?

Прежде всего эти перемены касаются отношения к национальным кадрам. Возобновилась подготовка кадровых работников из числа неханьских национальностей. Национальные кадры вновь стали допускаться к различным участкам работы, в том числе и к руководящим (правда, главным образом в низовых звеньях). Прекратилось открытое отрицание национальной культуры, искусства и языков малых народов. Раздаются призывы «изучать» потребности неханьского населения, «уважать» его права. Принимаются некоторые меры по налаживанию школьного обучения, медицинского обслуживания и т. д.

Однако нынешний курс национальной политики Пекина отнюдь не является восстановлением той политической линии, за проведение которой боролись китайские коммунисты-интернационалисты в первые годы после образования КНР. Наоборот, он противопоставляется ей. Так, превращение административных органов национальных районов в органы национального самоуправления считается «ревизионистским принципом».

Китайское руководство, допуская произвольное отторжение с автономных районов территорий с неханьским населением, продолжает попираť конституционное положение о создании автономных районов в местах компактного проживания неханьских народов.

Если в соответствии с проводившимся ранее курсом национальной политики государство брало на себя определенные (хотя и весьма ограниченные) обязательства по оказанию экономической и другой помощи районам с неханьским населением, то теперь китайское руководство усиленно проводит политику «опоры на собственные силы». Оказание помощи этим районам расценивается теперь как одно из проявлений «ревизионизма» в национальном вопросе. Как подчеркивается в китайской прессе, оказание помощи отсталым национальным районам «сильно давило на дух борьбы людей», сковывало развитие производства⁴¹.

Если в 50-х годах в КНР началось осуществление широкой программы по созданию письменностей для бесписьменных народов Китая, то в 60-х годах эта программа была полностью отброшена и вплоть до настоящего времени не возобновляется.

⁴¹ «Жэньминь жибао», 5.X. 1973.

Как и прежде, Пекин продолжает массовое переселение ханьцев в национальные районы. Так, если к моменту образования КНР ханьцы в Синьцзяне составляли примерно 3% населения, то в настоящее время, согласно данным «Жэньминь жибао» от 6 октября 1973 г., процент ханьцев возрос почти до 40. Процесс этот сопровождается дальнейшим ущемлением интересов и прав коренного населения, искусственной китаизацией национальных языков, наступлением, правда теперь в более «осторожной» форме, на национальные традиции и обычаи неханьских народов⁴² и т. д.

Вынужденные тактические перемены не изменили, таким образом, шовинистической сущности национальной политики маоистов. Новая тактика — это лишь камуфляж, под прикрытием которого Пекин форсирует насильственную ассимиляцию неханьских народов. В планах маоистов по китаизации неханьского населения страны немало места отводится пропаганде идей «слияния национальностей». В данном вопросе особенно ярко проявляется волюнтаристский, антимарксистский подход китайского руководства к решению национальных проблем. Маоисты, игнорируя положения марксистско-ленинской теории, всеми силами пытаются форсировать «слияние национальностей» в Китае. Под «слиянием» маоисты понимают отнюдь не процесс интернационализации, а «растворение» неханьских народов в китайской нации. В зависимости от обстановки эти идеи преподносятся то в откровенно грубой форме, то более завуалированно. Так, журнал «Синьцзян хунци» в 1960 г. писал, что «при слиянии национальностей китайцы должны стать основным костяком... Особенности китайской нации превратятся в общие национальные особенности национальных меньшинств». «Это слияние,— поясняла «Синьцзян жибао»,— является марксистской и коммунистической ассимиляцией... Кто выступает против такой ассимиляции, тот выступает против социализма и коммунизма, против исторического материализма»⁴³.

Сейчас, во время очередного раунда «зангрываний» с неханьскими народами, Пекин действует более осторожно, старается придать этим «идеям» большую наукообразность, с тем чтобы доказать их историческую обусловленность. Так, Го Мо-жо, комментируя стихи некоего Каньмара, уйгура, жившего в начале IX в., усматривает в них свидетельство наличия у уйгуров еще в те отдаленные времена «чувства слияния национальностей»⁴⁴.

Китайское руководство отказывается от серьезного обсуждения национального вопроса в КНР. Национальные проблемы были обойдены молчанием как на IX съезде КПК в 1969 г., так и на состоявшихся в 1971 г. съездах КПК пяти автономных районов. Не внес принципиальных изменений в политическую линию Пекина в национальном вопросе и X съезд КПК. Он продолжил линию IX съезда.

После опубликования материалов X съезда в китайской печати с особой силой стало подчеркиваться значение военных мероприятий в национальных районах и прежде всего в районах, граничащих с СССР и МНР. Если и до X съезда пекинская пропаганда твердила об «угрозе с севера», о необходимости «готовиться к войне», то после X съезда репертуар подобных лозунгов еще более расширился.

Милитаризация национальных районов Китая и расширение контроля армии над всеми сторонами жизни неханьских народов исполь-

⁴² «Жэньминь жибао», 25.IX. 1971; «Гуанмин жибао», 2.X. 1971.

⁴³ «Синьцзян жибао», 21.III. 1960.

⁴⁴ «Гуанмин жибао», 21.III. 1972.

зуются китайским руководством как средство для дальнейшего усиления господства ханьцев в национальных районах. Нагнетание военного психоза помогает Пекину отвлекать внимание неханьских народов от внутренних трудностей. Факты о бедственном положении неханьского населения национальных районов не может скрыть даже централизованная китайская печать. «Гуанмин жибао», например, недавно привела весьма показательные данные о жизненном уровне населения в Гуанчжуанском автономном районе. В ходе обследования положения в Гуанси было выделено три категории производственных бригад: бригады со «сравнительно высоким», средним и «сравнительно низким» жизненным уровнем своих членов. Как признает газета, самый низкий жизненный уровень наблюдается именно в тех зонах Гуанси, где проживает неханьское население⁴⁵.

Методы военного контроля маоисты пытаются распространить не только на национальные районы, которые относятся к категории «границных», но и на районы с неханьским населением во внутренних провинциях Китая, чтобы с помощью армии укрепить там свое господство и сохранить, выражаясь языком маоистской пропаганды, «хорошую революционную и производственную обстановку». То, что Пекин ориентируется сегодня преимущественно на применение военной силы в районах национальной «автономии», лишний раз доказывает несостоятельность политического курса Пекина и его программы «национального строительства».

Пример Китая подтверждает, что судьба революции и социализма в этой стране самым теснейшим образом влияла на процессы ее внутренних международных отношений. Общеполитический курс КНР, потрясения, в которые ввергла Китай группа Мао Цзэ-дуна, неизбежно отразились и отражаются на путях и методах решения национального вопроса в этой многонациональной стране. Антисоциалистический антиленинский курс маоистов в национальном вопросе не имеет ничего общего с подлинными интересами неханьских народов и поэтому дальнейшее его проведение будет способствовать сохранению напряженности в районах проживания неханьских народов Китая.

⁴⁵ «Гуанмин жибао», 29.VI. 1973.

Модернизация сельского хозяйства Китая

*З. А. Муромцева,
кандидат экономических наук*

В сельскохозяйственном производстве КНР затрачивается гигантское количество живого труда. Однако громадное напряжение китайских крестьян в течение максимально возможного рабочего времени не соответствует результатам, получаемым в процессе производства. Это естественно, так как материально-техническая оснащённость сельскохозяйственного производства в Китае находится на очень низком уровне.

Технически невооруженный мускульный труд крестьян составляет примерно 90% затрат труда в сельском хозяйстве КНР. Производительность сельского хозяйства в Китае чрезвычайно низка: один человек, занятый в сельском хозяйстве, кроме себя, едва прокармливает еще двух человек. Поэтому модернизация сельского хозяйства является одной из самых неотложных задач всего народного хозяйства Китая.

Со времени образования КНР в 1949 г. и примерно до окончания первой пятилетки государство вкладывало значительную долю средств в промышленность для осуществления программы индустриализации, а также выделило сельскому хозяйству в виде кредитов около 10 млрд. юаней. В этот период за счет государства осуществлялись такие крупные мероприятия, как водохозяйственное строительство, строительство дорог, создание госхозов, машинно-тракторных станций, культурно-бытовое строительство, безвозмездная помощь крестьянам при стихийных бедствиях. Основные фонды сельского хозяйства с 1950 г. по 1957 г. увеличились примерно в два раза и составили в 1957 г. 7,95 млрд. юаней. Благодаря всем этим мерам сельское хозяйство уже к концу первой пятилетки достигло наивысшего в истории Китая уровня производства.

Политика «большого скачка» (1958—1960), в основу которой было положено стремление маоистского руководства с помощью волюнтаристских методов «ускорить» развитие экономики страны, нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству. Из сельских районов для работы в промышленности были направлены десятки миллионов крестьян. Осуществление таких экспериментов в сельском хозяйстве, как «глубокая вспашка», массовое строительство мелких и мельчайших ирригационных сооружений без соблюдения элементарных инженерно-технических правил, привело к резкому нарушению естественного плодородия почвы, что в сочетании с курсом пекинских руководителей на сокращение посевных площадей¹ привело к резкому спаду сельскохозяйственного производ-

¹ Речь идет о внедрении системы так называемых «трех третей», в соответствии с которой китайские крестьяне должны были сократить пахотную площадь до одной трети по сравнению с существующей (в 1957 г. — 112 млн. га), а две трети отвести под посевы трав, лесопосадки, водосмы и т. д.

ства. Основные производственные фонды сельского хозяйства за год «большого скачка» были разрушены примерно на одну четверть.

Провозглашенный в период так называемого «урегулирования» (1961—1965) курс «сельское хозяйство — основа» явился вынужденной мерой китайского руководства, следствием кризиса в сельском хозяйстве, вызванного политикой «большого скачка». Этот курс способствовал восстановлению и некоторому укреплению материально-технической базы сельского хозяйства. В 1961—1964 гг. увеличились поставки государства сельскому хозяйству химических удобрений, ядохимикатов, а также сельскохозяйственного инвентаря, орудий, инструментов, сложных машин и механизмов.

Однако уже в 1964 г. по указанию Мао Цзэ-дуна был выдвинут новый лозунг «В сельском хозяйстве — учиться у Дачжая»².

«Дачжайский путь» означал создание замкнутых самообеспечивающихся хозяйственных единиц полунатурального типа, в которых товарно-денежные отношения фактически были сведены на нет. Основная цель такой социально-экономической организации — при минимальных затратах со стороны государства («не просить у государства зерна, денег и материалов») обеспечивать максимум сдачи государству сельскохозяйственной продукции за счет изъятия всего прибавочного продукта и даже части необходимого. Высокая степень интенсификации физического труда крестьян, отказ от принципов материальной заинтересованности в результатах производства, минимальные затраты на социальные, культурные и бытовые нужды — таковы основные черты Дачжая, который и поныне пропагандируется как «китайский путь» развития социализма в деревне.

На I сессии ВСНП третьего созыва в декабре 1964 г. особо подчеркивалась важность и необходимость «опоры на коллективные усилия самих народных коммун». Государство устранилось от выполнения основных мероприятий, направленных на укрепление экономики коллективных хозяйств (строительство водохозяйственных объектов, грунтовых дорог, ремонт и производство сельскохозяйственного инвентаря и сложные механизмы для сельского хозяйства, а также частично производство удобрений). Все эти виды работ должны были теперь проводиться силами самих крестьян.

В годы «культурной революции» (1966—1968) и в последующий период государственная помощь сельскому хозяйству, по существу, была сведена до минимума. Провозглашение лозунга «готовиться к войне к стихийным бедствиям» означало на практике стремление пекинского руководства переложить на плечи крестьян и местной промышленности даже ту скромную часть расходов по финансированию сельского хозяйства, которую государство брало на себя в первой половине 60-х годов.

В конце 60-х — начале 70-х годов стал очевиден крах маоистских установок на подъем сельского хозяйства исключительно с помощью административных мер и армии. Пекинские руководители были вынуждены прибегнуть к использованию определенных экономических рычагов* для стимулирования роста сельскохозяйственного производства. О положительных результатах воздействия этих рычагов на развитие

² Дачжайская большая производственная бригада уезда Сиян провинции Шаньси включает 83 крестьянских двора, которые имеют 55 га пахотной земли и 150 трудоспособных крестьян.

* В 1970—1972 гг. принимались меры по налаживанию системы управления и планирования в сельском хозяйстве, осуществлялся частичный возврат к принципам материальной заинтересованности и распределения по труду, допускалось развитие личного подсобного хозяйства крестьян и коллективных подсобных промыслов и т. д.

производительных сил в сельском хозяйстве говорить еще рано: они носят половинчатый, непоследовательный характер и противоречат сущности маоистских установок развития экономики.

Прогрессивное развитие земледелия немыслимо без широкой механизации сельскохозяйственных работ, повышения плодородия почвы, проведения мелноративных работ на высоком инженерно-техническом уровне, без внедрения достижений агрохимии и рационального использования удобрений, без научно организованного семеноводства, применения современной агротехники, а также без широкого использования биологических, химических и других средств защиты растений от сельскохозяйственных вредителей.

Модернизация сельского хозяйства Китая, несомненно, требует проведения современного ирригационного строительства и борьбы с наводнениями. Почти четвертая часть пашни Китая подвержена наводнениям и затоплению. Наряду с этим значительная часть пахотных площадей (особенно в рисопроизводящих районах) нуждается в искусственном орошении. Превращение суходольных полей в заливные является одним из важных резервов роста урожайности сельскохозяйственных культур.

В первой половине 50-х годов в КНР были составлены перспективные планы водохозяйственного строительства. В соответствии с 12-летним планом развития сельского хозяйства площадь орошаемых земель в Китае к 1968 г. должна была составить около 60 млн. га. Для достижения этой цели намечалось развернуть крупное комплексное ирригационное строительство. К примеру, планом использования Хуанхэ предусматривалось строительство 38 электростанций общей мощностью 23 млн. квт и орошение 8 млн. га пахотных земель. Однако эти планы были отброшены маоистским руководством. Китайскому крестьянству был навязан курс строительства мелких ирригационных сооружений силами народных коммун. В настоящее время с помощью крупных ирригационных систем орошается лишь 10% площади орошаемых земель. Остальные 90% приходится на малые и средние оросительные системы, большая часть которых не обеспечена стабильными источниками электроэнергии. Обширные территории пахотных земель Китая по-прежнему, как и 25 лет назад, орошаются при помощи водяных колес, приводимых в движение мускульной силой человека, с помощью рабочего скота или силой движения потока воды. Затраты живого труда на ирригационных работах (подача воды на поля, земляные и каменные работы) составляют около 90—95%. По данным 1957 г., работы по сооружению крупных гидротехнических систем обходились государству в 480 юаней на 1 га, средних — 255 юаней, а мелких при массовом использовании труда крестьян — 10,3 юаня. Это сравнение дает ответ на вопрос, почему нынешнее китайское руководство стремится вести ирригационное строительство исключительно методом «опоры на собственные силы». Количество работников, направляемых ежегодно на ирригационные работы зимой, в среднем составляет 30—40% рабочей силы в деревне. При этом их тяжелый труд оказывается малоэффективным. Так, например, по сообщению агентства Синьхуа, с зимы 1970 по октябрь 1971 г. в ирригационном строительстве было выполнено 5 млрд. куб. м земляных и каменных работ, в которых участвовало до 90 млн. крестьян. Если исходить из предположения, что ирригационные работы производились в этот период примерно в течение 180 дней при ежедневном участии 30 млн. человек и средней стоимости отработанного человеко-дня 0,6 юаня, то капитальные вложения за счет труда крестьян составили свыше 3 млрд. юаней. Однако эффект от такого колоссального труда явно невелик: агентство Синьхуа сообщило, что за 1970—1971 гг. пло-

щадь земель, с которых снимаются гарантированные урожан, увеличилась лишь на два с лишним млн. га³.

По данным китайской печати, после 1949 г. в стране установлено насосное оборудование мощностью 20 млн. л. с. В соответствии с нормой орошения 0,19 га на каждую лошадиную силу насосного оборудования площади механизированного орошения составят 3,8 млн. га, т. е. есть лишь десятую часть орошаемых полей Китая.

Практика показывает, что одна из самых актуальных проблем модернизации сельского хозяйства Китая — ирригационное строительство — может быть успешно решена только путем планомерного создания комплексной ирригационной системы в масштабах всей страны. Разумеется, это требует не только упорного труда крестьян, но и огромных капиталовложений. Нынешнее руководство Китая отнюдь не намерено идти на такие расходы и тем самым ограничивает потенциальные возможности увеличения производства сельскохозяйственной продукции.

Другой, не менее важной проблемой модернизации сельского хозяйства Китая является химизация. Сельское хозяйство Китая испытывает огромную потребность как в минеральных удобрениях, так и в химических средствах защиты растений.

Известно, что более двух третей обрабатываемых земель в Китае истощены и требуют внесения значительного количества удобрений. Для ведения сельскохозяйственного производства на современной основе традиционные методы использования органических удобрений должны дополняться соответствующим увеличением норм внесения неорганических удобрений. Несмотря на рост потребления минеральных удобрений в последнее десятилетие (как за счет расширения их производства внутри страны, так и за счет большого импорта), уровень внесения минеральных удобрений в настоящее время не соответствует потребностям китайского земледелия. Норма внесения минеральных удобрений на единицу посевной площади по крайней мере в 10—14 раз ниже, чем в Японии и большинстве стран Европы.

Начиная с 1965 г. производство химических удобрений расширяется в основном за счет мелких и средних предприятий. Если в 1965 г. удельный вес местной промышленности в общем производстве химических удобрений составлял 40% (при удельном весе мелких предприятий — 12%), то в настоящее время на долю местной промышленности приходится 60% валовой продукции химических удобрений, причем на мелкие предприятия приходится примерно 40% выпуска⁴. Китайская печать призывает «всемерно» создавать туковые заводы на средства провинций, уездов и народных коммун, так как крупные предприятия «не в силах удовлетворить огромную нужду в химических удобрениях». По мнению специалистов, эффективность химических удобрений местного производства в 3 раза ниже эффективности удобрений, выпускаемых крупными промышленными предприятиями центрального подчинения. На страницах журнала «Хунци» высказывалось беспокойство по поводу низкого качества промышленных изделий, в частности химических удобрений и ядохимикатов, поставляемых сельскому хозяйству.

Ассортимент производства химических удобрений на предприятиях местной промышленности невелик. На крупных предприятиях производится примерно 20 различных видов химических удобрений. Сложные высококонцентрированные удобрения в Китае практически не производятся. Например, азотные удобрения, которые составляют основную мас-

³ «Жэньминь жибао», 1.1. 1972.

⁴ «Peking Review», 1972, № 2, p. 8.

су производимых в Китае химических удобрений, имеют концентрацию азота до 20%. Высококонцентрированные азотные удобрения, такие, как мочевины (46% азота), нитрат аммония (34% азота), производятся в небольшом количестве. Сложные химические удобрения — аммофос, диаммофос, нитрофоска и т. д. — лишь осваиваются китайскими предприятиями химической промышленности.

Если исходить из нормы внесения 50 цзиней химических удобрений на один му посевной площади⁵ (задача, которую ставят в Пекине в качестве ближайшей перспективы), то потребности сельского хозяйства Китая составят свыше 60 млн. т.

Экономически слабые коллективные хозяйства — коммуны, большие производственные бригады — в ряде случаев вообще не используют минеральных удобрений и ядохимикатов промышленного производства из-за их высокой стоимости. Так, цена одной тонны химических удобрений, производимых на местных предприятиях, эквивалентна цене 2 т риса, а цена одной тонны химических удобрений крупных предприятий центрального подчинения еще выше. Государственными поставками химических удобрений регулярно обеспечиваются лишь районы гарантированных урожаев. Коллективные хозяйства, не имеющие возможности покупать химические удобрения промышленного производства, как правило, изготавливают и используют различные компосты и смеси из органических удобрений с добавлением золы, известняка и т. д.

На очень низком уровне находится производство химических средств борьбы с сельскохозяйственными вредителями. Производство гербицидов вообще только налаживается. Поэтому неудивительно, что только для борьбы с сорняками привлекается почти одна треть рабочей силы, занятой на полевых работах.

Механизация сельского хозяйства Китая осуществляется чрезвычайно медленными темпами. В настоящее время с помощью машин обрабатывается лишь около 15% пахотных земель. Механизация сельского хозяйства на современном уровне в настоящее время вообще даже не ставится на повестку дня.

Механизация сельского хозяйства Китая на настоящем этапе, как подчеркивает китайская печать, ограничивается задачами механизации перевозок грузов, традиционно доставлявшихся вручную, дорожного строительства, использования несложных механизмов в мелноративном строительстве, а также обмолота и первичной переработки сельскохозяйственной продукции.

Отказ маоистского руководства от программы социалистической индустриализации препятствует осуществлению механизации сельского хозяйства Китая. Гражданские отрасли тяжелой промышленности не в состоянии удовлетворить потребности сельского хозяйства в технике. Многие сельские районы не имеют в достаточном количестве не только электроэнергии, но и таких видов топлива, как уголь, керосин, бензин и т. д.

Политика китайского руководства, его нежелание пойти на крупные капиталовложения в сельское хозяйство, поскольку все усилия направлены на то, чтобы любой ценой в кратчайшие сроки создать мощный военно-экономический потенциал, тормозят проведение механизации сельского хозяйства. Никого не может ввести в заблуждение тот факт,

⁵ Один цзинь=0,5 кг, один му=0,067 га, то есть 375 кг на гектар (без пересчета на 100% питательного вещества). В настоящее время, по данным японского журнала «Кагаку Кэйдзай» (1973, т. 20, № 7), в 1 га посевных площадей в Китае вносится 120 кг химических удобрений, или примерно 24 кг в пересчете на 100% питательного вещества.

что в КНР лишь на словах проявляется рвение ускорить механизацию. бесконечно цитируется указание Мао Цзэ-дуна о том, что «в механизации заключается коренной выход для сельского хозяйства». Но ведь в деле основным курсом объявлено распространение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, а также мероприятия по полумеханизации. «В основе продукции сельскохозяйственного машиностроения, — указывается в газете «Жэньминь жибао», — должен быть выпуск средних и мелких сельскохозяйственных орудий, базой их производства должна стать местная промышленность, а приобретаться они должны главным образом коллективными хозяйствами»⁶.

Коммуны и производственные бригады в своей массе настолько экономически слабы, что не в состоянии приобретать в необходимом количестве сельскохозяйственную технику. О низкой производительности сельскохозяйственного труда вследствие отсутствия механизации свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1973 г. для создания одного гектара террасированного поля требовалось минимум 200 человеко-дней⁷.

Стремление переложить всю тяжесть механизации на плечи самих крестьян маскируется заявлениями о том, что «покупка сельскохозяйственных орудий на средства коллективных хозяйств содействует осуществлению дела механизации сельского хозяйства по принципу «больше, быстрее, лучше и экономнее»⁸. Лишь в исключительных случаях государство предоставляет народным коммунам и большим производственным бригадам очень небольшие суммы кредитов с оговоркой, что такими кредитами пользуются лишь хозяйства, «отстающие в производстве и с «плохими природными условиями».

Мероприятия, проводившиеся с 1969 г. в целях укрепления технической оснащённости сельского хозяйства КНР, основывались главным образом на использовании местных ресурсов. Мелкая местная промышленность рассматривается не только как база для ремонта сельскохозяйственного инвентаря, но и как производитель сельскохозяйственных машин, орудий и механизмов. Эта промышленность поставила сельскому хозяйству в 1970 г. примерно 80% сельскохозяйственных орудий против 67% в 1966 г. Развитие местной промышленности в соответствии с концепцией китайского руководства должно базироваться на принципе «опоры на собственные силы». А это значит, что финансовые ассигнования, производственное оборудование, технические кадры — все должно изыскиваться внутри данной местности.

По некоторым сообщениям, в настоящее время в ряде провинций составлены 10-летние планы механизации сельского хозяйства, в соответствии с которыми на крестьян ложится главное бремя расходов, связанных с технической реконструкцией сельскохозяйственного производства.

Уровень технического оснащения предприятий местной промышленности очень низок, особенно на предприятиях уездного подчинения и ниже. Они выпускают главным образом самые несложные виды сельскохозяйственного инвентаря.

Китайская печать, призывая налаживать и расширять производство малогабаритных тракторов, пытается доказать, что в таких типах машин больше всего заинтересовано сельское хозяйство, поэтому и производство их необходимо организовывать на предприятиях местной промышленности. «Крупные тракторные заводы, — говорится в одном из

⁶ «Жэньминь жибао», 17.IX. 1971.

⁷ «Хунци», 1973, № 2.

⁸ «Жэньминь жибао», 7.IX. 1971.

сообщений агентства Синьхуа, — могут выпускать только некоторые типы тракторов, отвечающих условиям земледелия в большинстве районов страны, а специфические нужды отдельных районов страны в сельхозмашинах может удовлетворить только местная промышленность».

Действительно, малогабаритные тракторы с ручным управлением и прицепными орудиями важны в условиях Китая: около 40% обрабатываемой площади приходится на районы холмистого и горного рельефа. Если в Северо-Восточном, Северном и других равнинных районах Китая можно использовать тяжелые и средние тракторы, то на юге, особенно на заливных полях, могут успешно применяться малогабаритные машины. Выпуск качественных машин такого рода в массовых масштабах возможен только на современных, хорошо оснащенных предприятиях, а не на предприятиях местного значения с их примитивной техникой.

За призывами китайской пропаганды сосредоточить производство малогабаритных машин на предприятиях местного значения скрывается не забота пекинского руководства об улучшении условий труда крестьян и повышении его производительности, а стремление избежать расходов, связанных с налаживанием производства малогабаритных машин для сельского хозяйства.

Другой важной проблемой механизации сельского хозяйства остается организация ремонта имеющихся в распоряжении коммун и производственных бригад сельскохозяйственных орудий и машин. Китайская печать настойчиво призывает к формированию в сельских районах ремонтной сети трех ступеней — на уровне уезда, народной коммуны и большой производственной бригады. Считается, что на уровне уезда должен производиться капитальный, в коммунах средний, а в бригадах мелкий ремонт сельскохозяйственной техники. Несмотря на сообщения о том, что более 96% уездов страны имеют заводы и мастерские, изготавливающие и производящие ремонт сельскохозяйственных орудий, анализ приводимых в печати данных с мест показывает, что даже в образцовых хозяйствах много трудностей с организацией ремонта, не говоря о производстве сельскохозяйственного инвентаря и инструментов «собственными силами». Дело в том, что техническая база таких мастерских очень слаба, квалифицированных кадров нет, испытывается острая нехватка запасных частей.

Следует отметить высокую стоимость сельскохозяйственной техники вообще, а в частности машин и механизмов, производимых местной промышленностью. Например, малогабаритный трактор с ручным управлением лишь наполовину дешевле гусеничного трактора типа ДТ-54. Его цена эквивалентна цене 20 т риса. Далеко не каждая коммуна, и тем более бригада, имеет возможность приобрести даже такую несложную сельскохозяйственную машину.

В начале 70-х годов газета «Жэньминь жибао» писала, что «надо обратить пристальное внимание на производство лопат, котлов, серпов, мотыг и других мелких сельскохозяйственных орудий»⁹.

Поэтому не вызывает сомнения тот факт, что механизация сельского хозяйства КНР и в наши дни все еще находится на самом низком уровне. Работающий трактор в поле — редкое для Китая явление.

Согласно подсчетам китайских экономистов, использование тракторов и других механизмов в сельском хозяйстве Китая требует 20—30 юаней капиталовложений на каждый му земли¹⁰, то есть 300—450 юаней на каждый гектар пашни, или 32—48 млрд. юаней в расчете на 107 млн. га

⁹ «Жэньминь жибао», 17.IX. 1971.

¹⁰ «Чжунго нунбао», 1960, № 2.

пахотной площади. Если же учесть, что китайское руководство стремится избавиться от каких-либо расходов, связанных с капиталовложениями в сельское хозяйство, то становится очевидной отдаленность перспективы не только полной, но и частичной механизации сельского хозяйства. В этой связи является весьма характерным следующее заявление газет «Жэньминь жибао»: «Если на данном этапе пока нельзя осуществить механизацию, то осуществление полумеханизации тоже неплохо. Если и этого нельзя сделать, надо бороться за повсеместное использование усовершенствованных сельскохозяйственных орудий»¹¹.

Большую роль в деле повышения производительности труда и улучшения условий быта крестьян Китая могла бы сыграть электрификация. Однако она осуществляется силами коллективных хозяйств, существу, без помощи государства. 26 декабря 1973 г. агентство Синьхуа сообщило, что в Китае насчитывается 50 тыс. сельских гидроэлектростанций, а их мощность выросла в 8 раз по сравнению с 1965 г. Фактическое потребление электроэнергии в сельском хозяйстве Китая на основе этих данных определить трудно. Около двух третей мощности сельских электростанций было получено за счет сооруженных за последние 5—10 лет. Только в 1970 г. силами крестьян, как отмечала китайская печать, было построено более 10 тыс. мелких и средних гидроэлектростанций. Казалось бы, размах такого строительства должен оказать заметное влияние на состояние энергетических мощностей сельского хозяйства. Однако чрезвычайно низкий технический уровень сельских гидроэлектростанций заставляет подойти к этим данным критически. Строительство сельских ГЭС осуществляется в основном за счет местных средств. Так, в 1969—1970 гг. было построено на средства уездов, коммун и производственных бригад в провинции Чжэцзян — 85, в провинции Фуцзянь — 80, в провинции Хэнань — 50% гидроэлектростанций и т. д. Генераторы для сельских ГЭС предлагается производить по примеру Цзянсийского электромеханического завода, который, как сообщает китайская печать, не использует при их производстве ни электротехнической стали, ни медного провода, ни подшипников.

Сельские гидроэлектростанции, построенные наспех, без надлежащих технических знаний, нередко выходят из строя сразу же после начала эксплуатации. Мощности таких станций насчитывают в лучшем случае несколько десятков квт. Поэтому данные китайской печати о размахе строительства сельских гидроэлектростанций далеко не соответствуют действительным данным о введении в строй электроэнергетических мощностей.

Электрификация сельского хозяйства Китая должна была бы решить и проблему мелиорации земель, так как три четверти электроэнергии, используемой в сельском хозяйстве, применяется для дренажа и орошения. Однако масштабы использования электроэнергии в сельском хозяйстве Китая по-прежнему ограничены. Этой крупнейшей отраслью народного хозяйства, дающей свыше 40% национального дохода страны, потребляется менее 10% электроэнергии, вырабатываемой в Китае.

Препятствия на пути модернизации сельского хозяйства Китая особенно наглядно видны в связи с усилиями по улучшению агротехники.

Китайская печать в последние годы уделяет внимание возделыванию земли научным способом, внедрению высококачественных и гибридных семян. Например, агентство Синьхуа сообщало о том, что в 1971 г. гибридными семенами гаоляна было засеяно 1,5 млн. га (20% посевных площадей под этой культурой), а гибридными семенами кукурузы

¹¹ «Жэньминь жибао», 25.V. 1973.

4,5 млн. га (около 30% площади под кукурузой). В 1973 г. более 80% рисовых полей было засеяно улучшенными семенами, урожайность которых на 10% выше обычных.

Выведением гибридных и сортовых семян занимаются наряду с научно-исследовательскими учреждениями многочисленные крестьянские кружки. Поэтому в разряд сортовых и элитных семян часто попадают улучшенные сорта местного производства. Кроме того, из-за отсутствия у крестьян необходимых знаний использование сортовых семян не всегда дает ожидаемые результаты.

Опыт показывает, что внедрение высокоурожайных семян может привести к положительным результатам в конечном итоге лишь при наличии необходимых средств защиты от наводнений и регулировании водного режима.

Оценивая мероприятия по укреплению материально-технической базы сельского хозяйства Китая, следует отметить, что процесс модернизации этой отрасли идет очень медленно. Любые высказывания о том, что в сельском хозяйстве «экономия достигла предела», что «все скрытые резервы исчерпаны», что «обращение за помощью к государству» оправдано, объявляются «ошибочными» и резко критикуются в печати. Показательных хозяйств, которые на основе укрепления материально-технической базы добивались гарантированных урожаев, насчитывается немного. Уровень механизации даже в такой образцовой бригаде, как Дачжайская, по признанию китайской печати, низок. Лишь к 1980 г. она планирует «осуществить в основном механизацию сельского хозяйства»¹².

В журнале «Китай на стройке» прямо указывалось, что в настоящее время уровень сельскохозяйственного производства, «вообще говоря, еще не так высок», «еще не осуществлена механизация», «слабы возможности преодоления стихийных бедствий», «товарное зерно и различное промышленное сырье, поставляемое деревней, еще не могут удовлетворить нужды развития легкой и тяжелой промышленности»¹³.

Обращает на себя внимание тот факт, что газета «Жэньминь жибао» призвала даже госхозы к работе на принципах опоры «на собственные силы». В статье «Используя дух Дачжая, создавать госхозы» газета рекламировала опыт госхоза «Ханьгу» в провинции Хэбэй, который «покончил с таким положением, когда государство снабжало его сельскохозяйственными машинами, удобрениями и химкатами»¹⁴.

«Восемь агротехнических мероприятий» — улучшение почвы, внесение удобрений, орошение, применение сортовых семян, загущенный посев, защита растений, уход за посевами, внедрение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, — которые постоянно пропагандирует китайская печать, казалось бы, должны решить насущные проблемы развития сельского хозяйства Китая на современном этапе. Но если учесть, что селекционную работу, например, рекомендуется проводить в соответствии с указанием Мао: «при наличии лучших сортов семян можно повышать урожайность без прибавления рабочей силы и удобрений», то становится очевидной бесплодность пропаганды этих мероприятий.

Интенсификация сельскохозяйственного производства на базе механизации, электрификации и химизации продолжает оставаться для Китая проблемой неопределенного будущего. Блуждание маоистского руководства в стороне от пути строительства социализма затрудняет выработку эффективных мер по укреплению технической оснащенности и внедрению передовых методов ведения сельского хозяйства.

¹² «Жэньминь жибао», 11.IX. 1971.

¹³ «Китай на стройке», 1973, № 7, стр. 30.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 4.II. 1972.

Япония и энергетический кризис

Ю. К. Сергеев

Уже в течение значительного времени внимание мировой прессы привлекает энергетический кризис, охвативший капиталистические страны. Кризис заметно отразился на экономической и политической ситуации в Соединенных Штатах, государствах Западной Европы и особенно в Японии.

Объясняя причины этого события, буржуазная печать, как правило сводит дело к известным мерам в области поставок нефти, которые вынуждены были предпринять арабские страны после «октябрьской войны» 1973 года.

Между тем серьезный анализ обстоятельств, приведших к энергетическому кризису в развитых капиталистических государствах, свидетельствует о более глубоких его корнях. В действительности он явился лишь одним из наглядных проявлений органических противоречий капиталистического способа производства, звеном общего кризиса капитализма наряду с затянувшимся валютным хаосом, безудержной инфляцией и т. п.

Энергетический кризис, еще раз показавший неспособность буржуазных правительств использовать в плановом, целенаправленном порядке имеющиеся естественные ресурсы для нужд общественного производства на благо человечества, уже привел к усилению социальных конфликтов внутри капиталистических стран и к обострению конкурентной борьбы во внешнеполитической сфере.

Это хорошо видно на примере Японии, оказавшейся наиболее уязвимой под ударами энергетического кризиса.

Не располагая сколько-нибудь значительными залежами нефти на своей территории, Япония всегда импортировала нефть и нефтепродукты из других стран. До второй мировой войны в среднем $\frac{3}{4}$ японского импорта этого важнейшего для страны продукта приходилось на долю США¹.

В канун войны на Тихом океане нефть в японо-американских отношениях превратилась в предмет большой экономической и военной политики. Достаточно напомнить, что в 1939 г. Соединенные Штаты денонсировали японо-американский договор о торговле, заключенный в 1911 г. Его срок истекал 26 января 1940 г., и он не был заменен новым, что, несомненно, явилось отражением обострения экономических противоречий между двумя развитыми капиталистическими странами, расположенными по обе стороны Тихого океана. Это привело в дальнейшем к серьезным политическим последствиям. 2 июля 1940 г. президент США Рузвельт

¹ Б. Родов в книге «Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны в Тихом океане» (Госполитиздат, 1951) пишет, что до 1936 г. «США снабжали Японию нефтью в пределах почти 100% ее потребности» (стр. 69). После 1936 г. Япония проявила стремление диверсифицировать свои рынки закупок нефти, что привело к сокращению доли США в ее импорте этого продукта.

вельт своим декретом установил систему лицензий на экспорт военных материалов за границу, которая затронула поставки нефтепродуктов в Японию.

В июне 1941 г. в связи с нападением германской подводной лодки на американское судно Рузвельт отдал распоряжение о наложении секвестра на фонды держав «оси», а в августе того же года США объявили о введении эмбарго на экспорт в Японию нефти и нефтепродуктов. Однако правящие круги Японии посчитали, что накопленных запасов нефти достаточно для того, чтобы начать большую войну на Тихом океане. 7 декабря 1941 г. японцы совершили нападение на Пирл-Харбор...

Нефтяная проблема в послевоенный период

Сейчас, когда капиталистический мир столкнулся с новым для себя явлением, получившим название «мирового энергетического кризиса», и когда арабские страны в целях защиты своей независимости и территориальной целостности прибегли к сокращению поставок нефти союзникам напавшего на них Израиля, уместно вспомнить эти факты истории. Они свидетельствуют о том, что нефть всегда использовалась в качестве политического оружия и что для Японии проблема ее поставок всегда очень тесно переплеталась с большим комплексом международных отношений.

За время, прошедшее с 1951 г., когда Япония восстановила свой довоенный промышленный потенциал, ее валовой национальный продукт возрос почти в 7 раз. Это сопровождалось ускоренными по сравнению с другими развитыми капиталистическими странами темпами роста потребления нефти. Японский пример бурного развития экономики показывает, каким важным источником ускорения промышленного прогресса является использование нефти в качестве источника получения энергии и сырья для химической промышленности.

Если в 1955 г. в топливном балансе страны (1020 тыс. баррелей нефти в сутки в условных единицах топлива) нефть занимала 20,2%, то в 1970 г. этот показатель достиг 70,8% (соответственно весь баланс — 5680 тыс. баррелей нефти)². По прогнозам японского министерства внешней торговли и промышленности (МИТИ), к 1975 г. доля нефти и нефтепродуктов в топливном балансе страны составит 73%, а к 1985 г. — 67,8—69,1% при значительном росте объемов потребления. Некоторое сокращение доли нефти может произойти лишь за счет более активного использования в качестве энергосырья атомной энергии и природного газа. Публикуя эти прогнозы³, министерство внешней торговли и промышленности Японии, видимо, исходило из того, что гидроресурсы страны не могут дать значительного вклада в энергобаланс страны, поскольку на Японских островах практически завершено освоение рек как источников электроэнергии. Не приходится рассчитывать и на резкое увеличение добычи угля в стране. Это означает, что внутренние энергетические ресурсы в Японии крайне незначительны и ей придется столкнуться с необходимостью увеличения импорта нефти, сырья для атомных электростанций, природного газа и угля, что в еще большей степени усилит зависимость страны от импорта из-за границы.

² «Джэпэн петролеум ункли», XI. 1971.

³ Там же.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что министерство не планирует приступить к прямому импорту электроэнергии из соседних с Японией стран по подводному кабелю, хотя ряд японских фирм считает такие проекты технически выполнимыми и работает над их реализацией.

Темпы роста потребления нефти в Японии за последние годы значительно превышали средний показатель для всего капиталистического мира, который в 1960—1969 гг. составил 8,1%. Для США он был равен 5%, для ФРГ — 11,6, Франции — 11,1, Англии — 7,6, а для Японии — 17,4%⁴. Если в 1960 г. для японской промышленности понадобилось 29,5 млн. килолитров нефти, то в 1970 г. ей уже требовалось 185,5 млн. килолитров, а в 1972 г. она импортировала 243 млн. килолитров нефти⁵. В условиях Японии импорт нефти до сих пор практически был равен объему потребления. Из всей ввозимой Японией нефти в среднем 15,5% используется для производства промышленной продукции, 22,5% — для производства транспортного горючего. Основная же часть (62%) идет в качестве топлива для электростанций.

По прогнозам японских экономистов, составленным в начале 1973 г., потребление нефти в Японии и во всем мире должно было расти следующим образом (в млн. килолитров)⁶:

Район	1971 г.	1980 г.	1985 г.
США	857 (26,3)	1305 (47,6)	1502 (56,8)
Западная Европа	764 (100)	1276 (86,1)	1583 (84,1)
Япония	214 (100)	450 (100)	606 (100)
Другие страны	994 (32,7)	1787 (29,4)	2500 (32,5)

Примечание. В скобках указан процент зависимости от импортных поставок.

С 1967 г. Япония устойчиво занимает второе место в капиталистическом мире по объему импорта и потребления нефти. Из приведенных данных можно видеть, что при населении, составляющем 3% населения земного шара, Япония ежегодно потребляет 9—10% мировой добычи нефти.

Вследствие того, что основным экспортером нефти в Японии с момента создания в ней нефтеперерабатывающей промышленности были Соединенные Штаты Америки, эта отрасль промышленности возникла при техническом содействии и участии американского капитала. Некоторые американские нефтяные компании, ныне действующие на территории Японии, обосновались здесь еще с довоенного времени. Среди смешанных компаний того времени наиболее связанной с американским капиталом была нефтяная компания «Мицубиси сэкию» концерна «Мицубиси».

Поражение Японии в войне было использовано для проникновения и упрочения позиций американского капитала на нефтяном рынке Японии. Именно в этот период американцам удалось обеспечить себе господствующие позиции в нефтяном бизнесе Японии. Провозглашенная

⁴ «Сигэн мондай-но тэмбо», изд. МИТИ, 1971 г.

⁵ За 1972 г. приводятся предварительные данные, опубликованные МИТИ в январе 1973 года.

⁶ Спецвыпуск еженедельника «Тоё кэйдзай» за 1973 г.

17 декабря 1948 г. по поручению государственного департамента США генералом Макартуром «Программа стабилизации экономики страны» и последовавшая за ней через месяц «Программа привлечения иностранного капитала» были тем инструментом, который помог американским нефтяным монополиям достичь своих целей.

До 1949 г. американцы своими силами осуществляли снабжение японской экономики нефтью и нефтепродуктами. Они запретили японцам восстановление национальной нефтеперерабатывающей промышленности, а к тому времени, когда этот запрет был снят, американский нефтяной капитал уже имел в стране такие позиции, которые позволяли ему бесконтрольно диктовать японцам цены и скупать акции японских компаний. Так, в 1949 г. американская «Калтекс» благодаря скупке акций получила право в течение 10 лет монопольно управлять деятельностью компании «Нихон сэкию»⁷. В 1950 г. японским парламентом был принят закон об иностранных инвестициях, который поставил определенный барьер беспрепятственному проникновению американского нефтяного капитала в страну. Тем не менее, помимо упомянутой «Нихон сэкию», в течение последующих двух лет японские компании «Коа сэкию» и «Сёва сэкию» передали 50% своих акций американским и английским нефтяным монополиям⁸.

В последнее время, уступая требованиям США либерализовать иностранные инвестиции в экономику Японии, ее правительство согласилось предоставить иностранным компаниям право иметь долю (50%) во вновь создаваемых на территории Японии фирмах. Тем не менее по-прежнему сдерживается проникновение иностранного капитала в нефтеперерабатывающую промышленность, в сферу распределения нефти и нефтепродуктов внутри страны. Последний случай крупного успеха американского нефтяного капитала в Японии относится к июню 1963 г., когда фирме «Мобил» удалось на равных условиях участия капитала с японским концерном «Мицубиси» создать на территории Японии компанию «Кёкуто петролеум индастриз», обладающую мощностью по переработке нефти в 100 тыс. баррелей в сутки.

На конец 1972 г. мощности японской нефтесперерабатывающей промышленности составляли 4,89 млн. баррелей в сутки, что равно 7,4% мировых мощностей⁹. К 1975 г. планировалось их увеличение до 6,2 млн. баррелей в сутки. Сейчас нефтепереработку в Японии производит 31 компания, в ведении которых находится 46 нефтеперерабатывающих заводов¹⁰. Крупнейшими из этих компаний являются «Идэмицу косан» (11,4% всей переработки нефти в стране), «Ниппон петролеум рифайнинг» (9,2%), «Тоа неирё когё» (8,8%), «Марудзэн сэкию» (5,8%), «Мицубиси сэкию» (5,6%). 84% всех мощностей по нефтепереработке сосредоточено в промышленном поясе страны, обращенном в сторону побережья Тихого океана.

Из названных пяти ведущих компаний по переработке нефти в трех иностранный капитал составляет 50%. Это «Ниппон петролеум рифайнинг» («Калтекс»), «Тоа неирё когё» (25% — «Эксон», 25% — «Мобил»), «Мицубиси сэкию» («Джетти ойл»). В компании «Марудзэн сэкию»

⁷ Я. А. Певзнер. Монополистический капитал Японии. М. — Л., изд-во АН СССР, 1950, стр. 429, 440.

⁸ С. К. Игнатущенко. Япония и США. Партнеры и конкуренты. М., 1970, стр. 218—225.

⁹ «Джэпэн петролеум уикли», 1973, № 4.

¹⁰ По данным английских и американских специализированных журналов, к началу 1973 г. в Японии насчитывалось 43 нефтеперерабатывающих завода с суммарной годовой мощностью 216 млн. т.

20% капитала принадлежит американской компании «Юнокс». В итоге в этих ведущих 14 компаниях Японии на долю иностранного капитала приходится 25,5% их суммарной мощности по нефтепереработке. Во всей же нефтеперерабатывающей промышленности Японии иностранцам принадлежит 54% суммарного оплаченного капитала этой отрасли промышленности и 49,1% общих мощностей по нефтепереработке.

На долю иностранного капитала приходится 55,2% общих внутренних продаж нефти и нефтепродуктов.

Для более полной картины деятельности иностранного нефтяного капитала в Японии следует отметить, что он в качестве рычага воздействия на нефтяной бизнес Японии использует предоставление займов. При этом большая часть их поступает тем компаниям, которые наиболее тесно связаны с международным нефтяным капиталом. По данным «Токио петролеум ньюс», в период с 1952 по 1971 г. нефтяным компаниям в Японии были предоставлены иностранные займы на сумму 848 млн. ам. долл.¹¹ Предоставление займов национальным японским компаниям всегда оговаривалось такими условиями, которые ставили их в определенную зависимость от международных нефтяных монополий¹².

Контроль иностранцев, и прежде всего нефтяного капитала США над поставками нефти и над нефтеперерабатывающей промышленностью и нефтесбытовой сетью Японии, вызывает недовольство японского национального капитала, который постоянно требует от своего правительства принятия соответствующих ограничительных мер против иностранных конкурентов. Кроме уже упомянутого закона об иностранных инвестициях, следует также назвать принятый парламентом Японии в мае 1962 г. закон о нефтяной промышленности, который предоставил министерству внешней торговли и промышленности контрольные функции в регулировании объемов производства нефтепродуктов в стране, их сбыта и импорта. Согласно этому закону, без санкции правительства не могут быть произведены иностранные капиталовложения в предприятия по нефтепереработке и сбыту нефтепродуктов. Принятие закона вызвало протесты со стороны посольств США и Англии.

Ограничение деятельности иностранных нефтяных монополий в стране было предметом неоднократных дискуссий на ежегодных заседаниях японо-американского комитета по торговле и экономике. Международные нефтяные монополии для борьбы с национальным японским капиталом и правительством используют Федерацию нефтеперерабатывающих компаний Японии, которая выступает как национальная организация промышленников, а по своей сути является проводником политики иностранцев, так как подавляющее число голосов в ней принадлежит компаниям с иностранным капиталом.

В целях создания противовеса влиянию иностранных нефтяных компаний в 1965 г. под эгидой МИТИ было создано национальное объединение шести небольших нефтяных компаний страны, получившее название «Кёдо сэкию». К сентябрю 1968 г. этому объединению уже принадлежало 3,6 тыс. бензозаправочных станций, что составляло около 10% их общего количества в стране¹³.

Известный в Японии как правительственный орган стимулирования развития национальных отраслей производства Банк развития представляет этому объединению, а также другим нефтяным компаниям,

¹¹ «Токио петролеум ньюс», 1973, № 82.

¹² С. К. Игнатушенко. Япония и США. Партнеры и конкуренты. М., 1970. стр. 212—213.

¹³ «Дайямондо», 16.XII. 1968.

признанным национальными (таким, как «Идэмицу косан», «Марудзэн сэкию», «Кансай сэкию», «Фудзи косан» и другим), займы на льготных условиях. Начиная с 1965 г. общая сумма этих займов составила 100 млрд. иен.

Тем не менее зависимость Японии от иностранного нефтяного капитала до сих пор очень значительна, так как поставки нефти в страну на 80% осуществляются по контрактам с международными нефтяными монополиями или из источников, ими контролируемых. На долю американских компаний приходится более 50% всей закупаемой японцами нефти.

Импорт нефти: потребности, возможности, трудности

Начиная с 1967 г. Япония устойчиво занимает второе место в капиталистическом мире по потреблению нефти. В 1973 г. потребление нефти и нефтепродуктов в стране в среднем составило около 5 млн. баррелей в сутки, то есть около 800 тыс. т. Вся эта масса нефтепродуктов доводится до конечного потребителя через внутрисбытовую систему, во главе которой стоят 7 крупнейших оптовых компаний. Поступает эта нефть из многих районов мира.

Таблица

Географическое распределение импорта нефти Японии в 1972 г.* (в млн килолитров)

Район	Всего	В том числе для нефтепереработки	Доля в импорте (в %)
Средний Восток			
Иран	91,5	87,1	37,5
Саудовская Аравия	39,9	36,9	16,4
Кувейт	20,8	20,7	8,6
Центральная зона	21,2	20,0	8,7
Дубай	1,2	1,0	0,5
Абу Даби	21,7	19,6	8,9
Ирак	0,3	0,3	0,1
Итого	196,8	188,6	80,7
Индонезия	33,5	26,4	13,8
Бруней	6,1	4,0	2,5
Итого	39,7	30,4	16,3
СССР	0,4	0,39	0,2
Страны Африки	5,9	4,6	2,4
Латинская Америка	0,6	0,6	0,3
Австралия	0,2	0,2	0,1
Всего с учетом прочих	243,8	225,0	100

* Данные МНТИ.

Из таблицы видно, что нефть поступает в Японию главным образом из района Персидского залива. Вторым источником поступления нефти для Японии стала Индонезия. Общая стоимость всей импортированной в 1972 г. нефти равнялась 3934 млн. ам. долл., что составляло 17% общей стоимости японского импорта. В связи с ростом цен на нефть и

увеличением потребностей высказывается предположение, что в 1974 г. Япония должна будет израсходовать на закупки нефти и нефтепродуктов 10—15 млрд. долл.¹⁴.

До 60% всей потребляемой нефти Япония завозит на своих судах. Для транспортировки нефти Япония располагает танкерным флотом общим дедвейтом 19 млн. т, из них более половины приходится на крупные танкеры дедвейтом от 150 тыс. т и выше. Перевозка одной тонны нефти из Персидского залива обходится Японии в среднем 1200 пен за тонну. Срок поставки от отгрузки до выгрузки — в среднем 20 дней, если судно идет через Малаккский пролив¹⁵.

Правительство и деловые круги Японии по мере превращения страны во вторую экономическую державу капиталистического мира все более осознавали необходимость гарантированной обеспеченности своей промышленности и транспорта стабильными источниками нефти. А этого можно было достигнуть прежде всего постепенным высвобождением от уз международных нефтяных монополий. Крушение колониальной системы, укрепление независимости многих стран «третьего мира» — поставщиков нефти, а также обострение межимпериалистических противоречий создавали для Японии некоторые благоприятные условия.

Официальным провозглашением курса на самостоятельность и независимость страны в снабжении ее нефтью следует считать решение Совета по энергетике при МИТИ от 21 февраля 1967 г. В нем выдвигалась задача обеспечения к 1985 г. поставок 30% потребности нефти за счет таких источников, в разработке которых в той или иной форме участвует японский капитал.

Конец 60-х и начало 70-х годов ознаменовались активным обсуждением вопросов энергополитики Японии. Инициатива в этом принадлежала деловым кругам: председателю Федерации экономических организаций Японии («Кэйданрэн») Уэмура, президенту торгово-промышленной палаты Нагано, руководителю влиятельной организации бизнесменов «Кэйдай дою-кай» Кикаваде.

На заседание Совета постоянных членов «Кэйданрэн», состоявшееся 26 декабря 1972 г., был приглашен премьер-министр Танака. Открывая заседание, Уэмура сказал: «Величайшей проблемой для японской экономики... является проблема энергии. Для нашей страны, которая бедна сырьевыми ресурсами, необходимо приложить все возможные усилия, чтобы добиться гарантий поставок энергосырья»¹⁶. Участниками заседания был принят документ относительно основных принципов политики в области энергетике, который был адресован правительству, правящей и оппозиционным партиям; именно этот документ лег в основу проводимой сейчас Японией энергополитики¹⁷.

По рекомендации «Кэйданрэн» в июле 1973 г. в составе МИТИ было создано новое управление энергоресурсов, а все промышленно-финансовые группы страны к этому времени создали в своем составе специальные компании («сэкию кайхацу кайся»), которые призваны финансировать разведку и добычу нефти за границей. Сейчас существует 20 таких компаний¹⁸. Количество японских компаний, непосредственно ве-

¹⁴ «Нью-Йорк таймс», 17.11.1974.

¹⁵ «Майнити симбун», 21.11.1973. По данным журнала «Фар истери экономик ревью» от 17.XII.1973 г., японский флот танкеров насчитывал 189 судов общей грузоподъемностью 21 832 тыс. т. дедвейта.

¹⁶ «Кэйданрэн гэнпо», 1973, № 1.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Дзайкай», I.XI.1973, стр. 94—97.

душих поиски и добычу нефти за границей, увеличилось с 22 в 1971 до 51 в 1973 г. Вступило в силу одобренное парламентом соглашение о предоставлении Индонезии займа в 300 млн. долл. на разведку и увеличение добычи нефти с последующей ее поставкой в Японию. В феврале 1973 г. состоялась образование новой компании — «Джэпэн сэкию кайхацу», которая стала совладельцем 22,5% акций англо-французской компании «Абу-Даби марин эриа», купленных благодаря объединенным усилиям японского правительства и деловых кругов у «Бритиш петролеум» за 780 млн. долл.¹⁹

Указанные события происходили до того, как в октябре 1973 г. разразился арабо-израильский вооруженный конфликт и арабы прибегли к эмбарго на нефть в качестве политического оружия. Это свидетельствует, что для Японии проблема гарантированных поставок нефти была весьма острой уже давно и обострилась она не столько из-за арабо-израильского конфликта, сколько из-за явления, получившего название «мировой энергетический кризис». Поэтому по меньшей мере странными выглядят сейчас утверждения тех, кто все нефтяные невзгоды Японии приписывает действиям арабов.

Затруднения Японии с нефтью пытается использовать пекинское руководство. Хотя добыча нефти в Китае находится на уровне трех литров на одного жителя, а потребление нефти в Японии составляет около 3 т на человека²⁰, китайские внешнеторговые организации пошли на то, чтобы выделить для экспорта в Японию 1 млн. т дацинской нефти, обещав в будущем увеличить свои поставки до 5 млн. т в год. Японская печать отмечает, что этот шаг пекинское руководство предприняло для того, чтобы побудить правительство Японии воздержаться от развития японо-советских экономических связей, в частности от участия в совместной с СССР разработке природных ресурсов Сибири²¹. Видимо, антисоветизм и вмешательство во взаимоотношения третьих стран являются нормой внешней политики, проводимой Пекином.

За определенные политические уступки Пекин предлагает свою нефть Таиланду, Сингапуру, Филиппинам, Малайзии, Пакистану и некоторым африканским странам. Пекин спешит извлечь максимальную выгоду для своей внешней политики из той ситуации, которая сложилась в мире с нефтью, не заботясь о том, что это отрицательно сказывается на его собственной экономике.

Не возлагая особо больших надежд на Китай, Япония усиленно ищет новых возможностей в районе Юго-Восточной Азии. Крупным центром по переработке и перевалке нефти и нефтепродуктов является Сингапур. Он уже стоит на первом месте в японском импорте мазута²². Можно ожидать увеличения добычи и мощностей по переработке нефти в крупнейшем нефтедобывающем государстве этого района — Индонезии. Японцев индонезийская нефть привлекает не только потому, что это ближайшие от них богатые нефтью территории, но и потому, что индонезийская нефть малосернистая. Она используется для подмешивания к

¹⁹ «Санкэй симбун», I, II, 1973.

²⁰ По данным японских и американских специалистов, Китай ежегодно добывает 25—30 млн. т нефти. Пекинские руководители в частных беседах с иностранцами утверждали, что их добыча нефти в 1973 г. возросла до 50 млн. т, но официальных данных по этому вопросу китайская печать не публикует.

²¹ «Сюкап бунсю», XII, 1973.

²² 4 млн. килолитров на сумму 56,2 млн. долл. в 1970 г. — «Цусё хакусё», изд. МИТН за 1971 г.

средневозточной сернистой нефти с тем, чтобы уменьшить загрязнение окружающей среды в Японии.

Японская печать внимательно следит за сообщениями о возможностях добычи нефти в прибрежном шельфе Корейского пролива, в Токинском и Бохайском заливах, у берегов Таиланда. Однако надо иметь в виду, что техника морского бурения только еще начинает создаваться и себестоимость нефти, добытой со дна моря, значительно выше той, которая добыта на суше.

Тем не менее Япония стремится «застолбить» для себя нефтяные участки во всех названных районах. Ее фирмы ведут переговоры о возможности участия в разведке нефти на шельфе с ДРВ, Таиландом, КНР и Южной Кореей. Однако взаимные претензии на острова Сэнкаку со стороны Японии, Китая и Южной Кореи, а также вооруженное столкновение между южновьетнамскими войсками и войсками КНР на Парасельских островах свидетельствуют о том, что разработку нефтяного шельфа Юго-Восточной Азии могут серьезно осложнить подобные территориальные споры.

Япония не ограничивается приобретением стабильных источников нефти только в районах Юго-Восточной Азии. Согласно распространенной сейчас в стране теории диверсификации рынков закупки сырой нефти следует приобретать везде, где это только возможно. При этом обязательным условием является участие в добыче нефти японского капитала²³.

И все же сейчас основным районом приложения усилий японского нефтяного капитала является Средний и Ближний Восток: сюда направляется более 50% всех японских ассигнований на разведку нефти и 80% ассигнований на обустройство районов добычи нефти за рубежом. Решающего технического консультанта японских компаний по вопросам разведки и добычи нефти выполняет государственная «Джэпэн петролеум дивелопмент корпорейшн» (ДПДК), которая имеет также свою компанию по разработке нефти за границей — «Джапекс»; 65% ее акций принадлежит ДПДК. Финансирование нефтегазодобычи за счет государства на льготных условиях осуществляется через Фонд внешнеэкономического сотрудничества.

Большую активность проявляет здесь и непосредственно правительство. Вице-премьер Японии Т. Мики в конце 1973 г. посетил арабские страны, где пообещал экономическую и техническую помощь странам этого района в обмен на получение здесь нефти. Вслед за этим министр Я. Накасонэ в начале 1974 г. вел переговоры об участии Японии в разработке нефтяных месторождений, посетив страны Ближнего и Среднего Востока.

Следует отметить, что во время возникновения вооруженного конфликта на Арабском Востоке в октябре 1973 г. японское правительство пыталось было занять позицию политического нейтралитета в отношении воюющих сторон, что справедливо было расценено арабами как молчаливая поддержка агрессора. Арабские страны потребовали от Японии изменить ее позицию, угрожая в противном случае не только введением эмбарго на нефть, но и разрывом дипломатических отношений.

²³ Японцы практикуют получение концессий, создание смешанных компаний с местным капиталом и капиталом третьих стран, предоставление капитала в форме технической помощи, долгосрочных кредитов на закупку оборудования и т. п. Подробно по этому вопросу см. статью П. Долгорукова «Новые тенденции в экспорте капитала из Японии» в приложении к Бюллетеню иностранной коммерческой информации, 1972, № 5.

Япония оказалась перед дилеммой: либо остаться верной союзу с США и выступить против арабов, что означало сохранение, а возможно, и усиление зависимости страны от американского нефтяного капитала, либо, вызывая недовольство американского правительства, стать на сторону арабов. В этом случае для японцев открывались новые возможности диверсификации рынков закупки нефти и высвобождения от тесных уз международного нефтяного капитала. Японцы перефразировали слова арабов, сказанные во время введения ими нефтяного эмбарго в 1967 г. Они заявили американцам, что японская промышленность не может не пить нефть, и провозгласили свою «новую ближневосточную политику», целью которой является активное проникновение японского капитала на Арабский Восток.

* * *

«Новая ближневосточная политика» Японии была встречена арабскими странами как проявление определенной самостоятельности японской внешней политики, однако они не могли не обратить внимания на те методы действий, какими пользуется японский капитал за границей. Общеизвестно, что эти методы вызывают резкие протесты в странах Юго-Восточной Азии, что особенно проявилось во время январского визита 1974 г. премьер-министра Танаки в этот район (бурные демонстрации протеста в Таиланде, Индонезии). Не могли не заметить арабы и того, что визит Мики в Вашингтон имел целью согласование японо-американской политики на Ближнем Востоке.

Однако, как и следовало ожидать, основным удар по Японии в ходе «мирового энергетического кризиса» был нанесен международными нефтяными монополиями. Воспользовавшись введением арабами частичного эмбарго на нефть, эти монополии не только преднамеренно взвинтили цены на нефть и нефтепродукты, но и дезорганизовали путем спекуляций и недопоставки нефти внутренний рынок страны. Впрочем, Япония не была в этом исключением. Многие страны Западной Европы да и в какой-то степени население США оказались жертвами спекуляций международного нефтяного капитала. В свою очередь и японские монополии стремятся «ловить рыбу в мутной воде», спекулируя на нехватке нефти.

«Международный энергетический кризис» захватил только капиталистический мир, доказав, что этот кризис собственно и не является международным. Он лишь одно из проявлений недугов капиталистической системы хозяйства, результат неравномерности развития входящих в нее стран и растущих межимпериалистических противоречий. Идет схватка за самое дешевое (до последнего времени!) энергосырье в мире — арабскую нефть — между Японией, Западной Европой и США.

В интервью газете «Майнити симбун» видный представитель деловых кругов Японии Имадзато, которому нельзя отказать в понимании политических аспектов нефтяной проблемы, говорил: «В прошлом (1972) году потребление нефти в Японии составило 230 млн. килолитров. США потребовали 750 млн. килолитров. Из них импортное количество составило 230 млн. килолитров. Иначе говоря, США импортируют столько же нефти, сколько Япония потребляет. В дальнейшем импорт нефти Америки будет все более и более увеличиваться. В 1980 г. 50—58% своих потребностей в нефти США будут покрывать за счет импорта. Америка обгонит по этому показателю Японию и станет крупнейшим в мире

импортером нефти. Уже только поэтому можно ожидать обострения конкуренции между Японией и США по импорту нефти»²⁴.

Планы Соединенных Штатов Америки закупить на Ближнем Востоке такое количество нефти, которое ныне ежегодно потребляет вся японская экономика, явились определенной неожиданностью для Западной Европы и Японии; фактически они создали кризисную ситуацию, поскольку и Япония и Западная Европа считают Ближний Восток «своим» главным источником поступления нефти, с этим районом они связывают свои планы дальнейшего экономического развития. В этом заключается смысл высказывания Имадзато.

Оценивая в этой ситуации действия США, заведующий одним из отделов МИД Японии Оя писал в своей статье «Положение с нефтью в мире и путь, по которому должна пойти Япония»: «Правительство США приходит к мысли, что оно само должно взяться за дело. Целью американского правительства является формирование новых порядков в мире вокруг нефти, причем в таких формах, которые бы соответствовали положению Соединенных Штатов, не только как крупнейшего мирового потребителя, но и импортера нефти. США претендуют на роль лидерских стран — потребителей нефти с тем, чтобы в соответствии со складывающимся положением осуществлять контакты с нефтедобывающими странами»²⁵. По мнению Оя, в такое время нельзя сидеть сложа руки!

Именно поэтому правительство Японии и японские деловые круги изыскивают срочные меры, чтобы как-то выйти из создавшегося трудного положения с наименьшими потерями.

Между тем потери грозят быть ощутительными. Как указывает осведомленный журнал «Фар истери экономик ревью», уже в самое ближайшее время вследствие нехватки нефтепродуктов общее сокращение объема продукции в Японии может оказаться весьма существенным.

Так, если исходить из наиболее оптимистичных прогнозов и допустить, что потребление нефти в стране до сентября 1974 г. сократится всего на 10%, в этом случае, по подсчетам Бюро экономического планирования Японии, производство бумажной массы уменьшится на 7,7%, стали — на 7,7, легковых машин — на 5,4% и т. п. Тяжелый урон понесут строительная и машиностроительная отрасли промышленности, а также энергетика. В связи с этим экспорт не только не вырастет, но сократится, возможно, на 5%²⁶.

Следует далее иметь в виду и такое немаловажное обстоятельство, что резкое повышение цен на нефтепродукты неизбежно приведет к соответствующему вздорожанию японских товаров и это немедленно отразится на жизненном уровне населения.

Итак, несмотря на то что арабские страны в принципе согласились отменить нефтяное эмбарго в отношении Японии, положение в японской экономике отнюдь не нормализовано. Кризисные явления продолжают лихорадить страну. Свирепствует невиданная инфляция, резко растут оптовые и потребительские цены, в беспрецедентных масштабах идет банкротство мелких и средних предприятий. Все это приводит к обострению социальных конфликтов: народные массы решительно борются против понижения жизненного уровня и стремления монополий не только переложить все трудности на плечи трудящихся, но даже извлечь из кризисной ситуации новые, спекулятивные сверхприбыли.

²⁴ «Майнити симбун», 20 и 21.II. 1973. Имадзато приводит округленные, не совсем точные цифры.

²⁵ «Сэкай кэйдзай хёрон», 1973, № 3.

²⁶ "Far Eastern Economic Review", 17.II. 1973.

Сайгон игнорирует интересы и волю народа

И. И. Ивков

Прошло более года после подписания Парижского соглашения о восстановлении мира во Вьетнаме, которое заложило основу для политического урегулирования южновьетнамской проблемы. Соглашение, как известно, предусматривает предоставление южновьетнамскому населению права на самоопределение. Это означает, что народ Южного Вьетнама должен сам определить свое политическое будущее без иностранного вмешательства, то есть без навязывания ему какой-либо определенной политической тенденции и неугодных ему политических и государственных деятелей.

В соглашении особо подчеркивается, что две южновьетнамские стороны — Временное революционное правительство и сайгонская администрация должны добиться национального примирения и согласия, покончить с ненавистью и враждой и обеспечить народу основные демократические свободы — свободу личности, свободу слова и печати, свободу собраний и организаций, свободу вероисповедания и политической деятельности.

Имелось в виду, что после прекращения огня две южновьетнамские стороны проведут консультации и создадут национальный совет национального примирения и согласия, состоящий из трех равных частей — представителей ВРП РЮВ, Сайгона и сторонников нейтралитетской оппозиции, которую принято называть «третьей силой». В основу деятельности совета Парижским соглашением заложен принцип единогласия. Национальный совет национального примирения и согласия после его создания призван организовать свободные и демократические выборы под международным наблюдением и организовать новые институты власти, а также решить вопрос о южновьетнамских вооруженных силах в духе примирения и равенства.

В соответствии с подписанными в Париже документами на определенном этапе должно произойти объединение Севера и Юга Вьетнама в единое государство. В ходе парижских переговоров стороны пришли к согласию, что достижение этой общенациональной цели будет происходить постепенно, путем мирной эволюции, на основе консультаций и соглашений между двумя частями разделенной страны.

За время, прошедшее после подписания Парижского соглашения, некоторые его важные положения были выполнены. США прекратили свою непосредственную вооруженную агрессию против вьетнамского народа и вывели свои экспедиционные войска из Южного Вьетнама. Они сняли морскую блокаду ДРВ и произвели разминирование северовьетнамских портов. Это был крупный успех вьетнамских патриотов, поскольку им

удалось положить конец оккупации своей родины иностранными агрессорами.

Однако после подписания соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме обстановка на юге страны продолжает оставаться напряженной, а временами принимает открыто конфликтный характер. Правители Сайгона нагло игнорируют волю вьетнамского народа и мировой общественности, нашедшую выражение в Парижском соглашении, и ведут дело к срыву этого соглашения. Тревожные сообщения, поступающие из Вьетнама, свидетельствуют о том, что на юге не утихают военные действия и гибнут десятки тысяч людей. По данным американского агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл, общее число убитых за последние 13 месяцев после подписания соглашения составляет 125 тыс. человек.

Нет никакого сдвига и в решении внутривьетнамских проблем Южного Вьетнама. Двусторонние консультации, которые ведутся во дворце Сель-Сен-Клу, не дали пока никаких результатов. Эмиссары Сайгона открыто саботируют эти переговоры, выдвигая заведомо неприемлемые предложения, идущие вразрез с основными положениями Парижского соглашения. Сайгон продолжает чинить препятствия работе совместной двусторонней военной комиссии и игнорирует деятельность международной комиссии по контролю и наблюдению за выполнением Парижского соглашения. В тюрьмах Сайгона продолжают томиться десятки тысяч политзаключенных, которые содержатся в нечеловеческих условиях. В районах, контролируемых сайгонской администрацией, проводится политика массового и варварского уничтожения прогрессивно мыслящих людей, ведется систематическое истребление патриотически настроенной части населения.

Бессилие сторонников силы

Кто же должен нести ответственность за столь откровенный саботаж Парижского соглашения, за то, что основные проблемы Южного Вьетнама до сих пор не нашли своего положительного решения? Ответ на этот вопрос дает сама южновьетнамская действительность. Основной деструктивной силой, тормозящей политическое урегулирование в Южном Вьетнаме, является клика сайгонских милитаристов, во главе которой стоит так называемый президент Южного Вьетнама генерал Нгуен Ван Тхиеу. Правители Сайгона, живущие за счет войны, боятся восстановления мира и спокойствия в Южном Вьетнаме. Не имея политической опоры среди населения, сайгонские временщики знают, что прекращение военных действий неизбежно приведет к краху их надежд на ликвидацию освобожденной зоны, к развалу всего режима.

Поставив перед собой задачу ликвидировать освобожденные районы, сайгонская военщина взяла курс на дальнейшее обострение обстановки на Юге Вьетнама. Глава военной хунты генерал Тхиеу заявил, что «в Южном Вьетнаме не будет никаких выборов и никакого коалиционного правительства» и что «война будет продолжаться». Он призвал свое воинство «сражаться в зонах, находящихся под контролем Национального фронта освобождения», и развернул против освобожденной зоны крупные наземные и воздушные операции с использованием всех видов современного оружия.

Только с 11 по 20 января 1974 г. сайгонские войска совершили 4109 нарушений условий прекращения огня, в том числе 432 операции по за-

хвату территорий освобожденных районов, 3326 карательных операций по «умиротворению» населения, произвели 135 артиллерийских обстрелов и 216 воздушных бомбардировок и разведывательных полетов. Общее же число нарушений условий прекращения огня, совершенных за год (с 28 января 1973 по 28 января 1974 г.), достигло почти 320 тыс.

По сообщению представителей МИД ВРП РЮВ, за первые пять дней апреля 1974 г. сайгонская сторона более 3000 раз нарушила условия прекращения огня с целью захвата освобожденных территорий и проведения операций по «умиротворению» в зоне контроля сайгонской администрации.

Сообщается, что в начале февраля 1974 г. сайгонские власти бросили 18-ю и 25-ю дивизии на проведение операций по «умиротворению» и захвату освобожденных территорий северо-западнее Сайгона. Кроме того, 38 батальонов пехоты и 13 танковых дивизионов были использованы для развязывания вооруженных столкновений на Центральном плато. Корреспондент агентства ЮПИ в Сайгоне сообщал, что особенно тяжелые бои велись в районе Фукуонг, в 50 милях к северу от Сайгона. В этих боях, продолжавшихся в течение двух недель, ежедневно погибало до 200 человек. В ходе этой операции сайгонские войска сожгли 95 домов и здания двух школ, убили много местных жителей и увезли с собой награбленное имущество.

Сайгонская авиация все чаще подвергает бомбардировкам освобожденные районы, прибегает к распылению химических веществ, в результате чего гибнут мирные жители, наносится большой ущерб посевам, лесным угодьям и имуществу населения.

Заместитель министра национальной обороны ДРВ генерал Нгуен Дон, выступая на сессии Национального собрания, заявил, что в течение прошлого года сайгонская администрация неоднократно использовала до 70 дивизий для ударов по районам, находящимся под контролем Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам.

Не считаясь с Парижским соглашением, сайгонская администрация чинит всяческие препятствия работе Международной комиссии по контролю и наблюдению и даже подвергает опасности жизнь ее персонала. Мировая общественность была возмущена воздушным нападением сайгонских самолетов, совершенным 11 января 1974 г. на отделение МККН в населенном пункте Дюк Ко и на один из лагерей по обмену военнопленными. В результате налетов несколько сотрудников комиссии получили серьезные ранения, а многие военнопленные были убиты.

В связи с тем, что операции сайгонских войск против освобожденной зоны приняли столь широкий характер, командование Народными вооруженными силами освобождения Южного Вьетнама отдало приказ регулярной армии, милиции, партизанским отрядам и силам безопасности давать решительный отпор сайгонским налетчикам, всеми средствами защищать освобожденную зону, жизнь и имущество ее населения, отстаивать революционные завоевания народа.

Как показывают события, бандитские налеты на освобожденные районы не дают сайгонским властям военного и политического выигрыша. Эти атаки отбиваются народными силами освобождения с большими потерями для захватчиков. Со дня подписания Парижского соглашения армия генерала Тхиеу потеряла до 20% личного состава. Как сообщает министерство обороны ДРВ, Сайгон потерял за этот период 160 тыс. солдат и офицеров.

Стремясь восполнить потери, сайгонские генералы проводят тотальную мобилизацию, загоняя в армию и вспомогательные войска всех мужчин, способных носить оружие. В настоящее время Сайгон поставил

под ружье более одного миллиона солдат и офицеров. Кроме того, в распоряжении диктатора Тхиеу находятся 200 тыс. полицейских. И это для страны, точнее для зоны, население которой едва превышает 10 млн. человек.

По признанию иностранных военных экспертов, сайгонская армия не являет собой столь надежную силу, которая была бы в состоянии осуществить амбициозные планы диктатора Тхиеу — утвердить власть своего режима на всей территории Южного Вьетнама. В сайгонских войсках все более широкое распространение получают антивоенные настроения, все чаще солдаты переходят на сторону Республики Южный Вьетнам или дезертируют из армии. Общее количество дезертиров превысило 100 тыс. человек.

Анализируя обстановку в зоне Сайгона, газета «Нью-Йорк таймс» приводит высказывание одного дипломата, который считает, что «самым уязвимым местом Сайгона является моральное состояние его 1,1 млн. человек, находящихся под ружьем. Плохо оплачиваемые, уставшие от бесконечной войны, многие солдаты обнаруживают признаки недисциплинированности и грубого поведения в отношении населения, которое они призваны защищать»¹.

Конечно, сайгонская военная машина не могла бы вести столь широкие боевые действия, если бы за ее спиной не стоял Пентагон, который взял на себя неблагоприятную роль поставщика боевой техники и различного военного имущества марионеточной армии генерала Тхиеу. Многочисленные сообщения, поступающие со всех концов мира, в том числе и из Соединенных Штатов, свидетельствуют о том, что США увеличивают свою помощь хунте Нгуен Ван Тхиеу, незаконно перебрасывают в Южный Вьетнам сотни тысяч тонн оружия, боеприпасов и военных средств, оставили и продолжают направлять в Сайгон многие тысячи военнослужащих под видом гражданских лиц, создали военные командования, чтобы руководить всеми видами вооруженных сил администрации генерала Тхиеу.

По данным военного представителя ВРП РЮВ в двусторонней военной комиссии полковника Во Донг Зианга, Соединенные Штаты после подписания Парижского соглашения незаконно перебросили в Южный Вьетнам 720 тыс. т вооружений, 500 самолетов, 900 танков и броневиков, 200 единиц плавучих средств, 600 тяжелых артиллерийских орудий.

В 1973/74 финансовом году США предоставили сайгонскому режиму помощь на сумму один миллиард долларов. Как сообщает газета «Нью-Йорк таймс», администрация США собирается потребовать у конгресса более миллиарда долларов в качестве дополнительной военной помощи Сайгону на 1974 г. В зоне, контролируемой сайгонскими властями, находится свыше 20 тыс. американских военнослужащих, которые фактически руководят военными операциями сайгонских войск от багальона и выше.

Американская газета «Крисчен сайенс монитор» поместила статью Даниэля Сазерленда под названием «Миссия США в Сайгоне окружена завесой секретности», в которой признается, что «американское присутствие в Южном Вьетнаме остается довольно значительным», и добавляется, что «никакого серьезного сокращения» официальной миссии США в этой стране «не предвидится». Газета указывает, что лишь немногие

¹ "New York Times", 2.II. 1974.

из американских сотрудников носят военную форму, основная масса числится гражданскими служащими министерства обороны, хотя многие из них «явно бывшие военные»².

Больше всего американских «технических специалистов» содержат в Южном Вьетнаме компании «Лир Зиглер», «Пейдж комьюникешнс энджиниингс», «Дайналэктрон корпорейшн», «Пасифик аркитекс энд энджиниингс». «Гражданские специалисты» этих компаний, по признанию газеты, «заняты обучением южновьетнамских военно-воздушных сил работе по обслуживанию военной техники, обучают тысячи южновьетнамских военнослужащих, чтобы Сайгон мог сам обслуживать объекты более чем на 50 бывших американских базах, руководят использованием дорожно-строительной техники, дают «советы» и помогают в деле инженерного искусства и управления»³.

Еще более разительные сведения сообщает французский журнал «Африкази». По его данным, 3500 американцев приданы сайгонскому министерству обороны, более 9000 — сайгонским пехотным частям, 6000 — частям ВВС, 1500 — полиции, 800 — пресловутым частям «умиротворения».

Итальянский журнал «Темпо» также утверждает, что «официально американцы ушли, но на самом деле тысячи американцев ограничились тем, что сменили военный мундир на штатский костюм».

Если ко всему этому добавить, что американские самолеты-разведчики около 40 раз нарушали воздушное пространство ДРВ, а из Вашингтона постоянно раздаются угрозы возобновить воздушные бомбардировки, то станет совершенно ясно, кто должен нести ответственность за нынешнее тревожное положение, создавшееся на Юге Вьетнама.

В заявлении правительства Демократической Республики Вьетнам по случаю первой годовщины подписания Парижского соглашения указывается, что «главной причиной нынешнего тяжелого положения в Южном Вьетнаме является отказ Соединенных Штатов полностью прекратить свое военное вмешательство во внутренние дела Южного Вьетнама вопреки своему обязательству и стремление Соединенных Штатов укрепить сайгонскую администрацию в качестве орудия продолжения войны в попытке постепенно зачеркнуть факт существования двух администраций, двух армий, двух зон контроля и трех политических сил в Южном Вьетнаме. Утверждения, что Соединенные Штаты прекратили вмешательство и что нынешний вооруженный конфликт представляет собой лишь «гражданскую войну», никого не могут ввести в заблуждение».

Однако, несмотря на огромную помощь, оказываемую Пентагоном сайгонским войскам, по мнению многих военных специалистов зарубежных стран, армия генерала Тхнеу оказалась значительно ослабленной по сравнению с тем периодом, когда она опиралась на американский экспедиционный корпус и на военно-воздушную и военно-морскую поддержку США. Сайгонские войска, несмотря на массированную поддержку с воздуха, быстро обращались в бегство во время их операций по захвату территорий в Кыатвьете, Тьонге, Тхандыке, Фьоквиле, Батьме, Быдонге, Дакшанге и других местах. Революционным силам, выступающим за мир и независимость на Юге, удалось в целом удержать освобожденную зону в Южном Вьетнаме такой, какой она была до 28 января 1973 года.

² "Christian Science Monitor", 29.I. 1974.

³ Там же.

Подводя итоги событий со времени подписания Парижского соглашения, газета «Нью-Йорк таймс» указывала, что «существует общее мнение, что по истечении года «мира» коммунисты, вероятно, так же сильны, как и перед наступлением 1972 года»⁴.

Касаясь перспектив выполнения Парижского соглашения, член Политбюро ЦК ПТВ т. Ле Дык Тхо заявил, что Соединенные Штаты и сайгонская администрация стоят перед выбором: либо строго выполнять соглашение и совместное коммюнике, и только тогда будут достигнуты мир и национальное согласие в Южном Вьетнаме, нормализованы отношения между Соединенными Штатами и ДРВ, либо продолжать нарушение соглашения, то есть продолжать войну. В этом случае они зайдут в тупик и непременно потерпят полное поражение. Какой бы путь ни выбрали США, подчеркнул Ле Дык Тхо, мы готовы к тому и к другому.

Мировая демократическая общественность, обеспокоенная опасным развитием событий на Юге Вьетнама, требует прекратить саботаж Сайгоном Парижского соглашения, положить конец подстрекательству клики Тхиеу военно-промышленным комплексом США, восстановить справедливый и демократический мир на всем Индокитайском полуострове.

Режим террора, голода и нищеты

Провал попыток генерала Тхиеу ликвидировать или хотя бы сократить размеры освобожденных районов, контролируемых ВРП РЮВ, ведет к усилению противоречий внутри правящей сайгонской верхушки, подрывает экономику и стабильность режима, вдохновляет патриотические элементы на развертывание борьбы за политическое урегулирование южновьетнамской проблемы в соответствии с требованиями Парижского соглашения. Однако сайгонская военщина, ослепленная ненавистью к народу, стремящемуся к установлению прочного мира и достижению национального согласия, встала на путь массовых репрессий против патриотических сил, выступающих за строгое осуществление Парижского соглашения.

Сайгонская администрация превратила свою зону в сплошной концентрационный лагерь. Она держит в заключении 200 тыс. политических заключенных, подлежащих освобождению. При этом в сайгонских застенках, в «тигровых клетках» и в лагерях различного назначения вместе с открытыми противниками военно-полицейского режима томятся тысячи представителей либерально настроенных кругов, единственная вина которых состоит в том, что они хотят мира для доведенного до отчаяния народа. Реакционеры делают ставку на террор и подавление демократических свобод в Южном Вьетнаме с расчетом затянуть как можно дольше формирование новых органов власти на широкой основе.

В зоне, контролируемой Сайгоном, проводятся непрерывные кампании по «чистке» и «умиротворению», в результате которых около миллиона жителей загнано в концлагеря и живет за колючей проволокой. Изданный генералом Тхиеу декрет 020 позволяет без суда и следствия поместить в концлагерь любого патриота, заподозренного в нелояльности к режиму. Тайная полиция и жандармерия прибегают к самым зверским формам пыток и физического уничтожения политзаключенных.

⁴ "New York Times", 2.II. 1974.

Как свидетельствуют сайгонские газеты, в сентябре и октябре 1973 г. в реках Южного Вьетнама местные жители видели десятки трупов с отрубленными головами и конечностями. Сайгонцы практикуют также сбрасывание с вертолетов в море политических заключенных, цинично называя эти бесчеловечные формы расправы с инакомыслящими «освобождением». После подписания Парижского соглашения свыше 20 тыс. политзаключенных было «освобождено» по-сайгонски, то есть физически уничтожено.

Официальные власти Сайгона пытаются отрицать наличие в Южном Вьетнаме политических заключенных, то есть людей, брошенных в тюрьмы лишь за их оппозицию политике генерала Тхиеу. Однако лица, которым удалось вырваться из ада сайгонских мест заключения, поведали миру страшную картину пыток и издевательств, которым подвергаются политзаключенные в тюремных застенках.

Вот некоторые факты, взятые из помещенного во французском журнале «Темуаньяж кретьен» рассказа видного священника Тхить Вьен Хао, который принимал участие в движении буддийской оппозиции. «Сотня полицейских и солдат, — говорит он, — ворвались в мою пагоду и перерыли ее сверху донизу. Меня привезли в тюрьму, поместили в секретную камеру, где двое полицейских избивали меня до крови в течение 24 часов. Потом меня потащили в штаб сайгонской национальной полиции, где я вытерпел все виды самых бесчеловечных пыток (пытки электрическим током, питье мыльной воды и воды с перцем и т. п.). Затем меня вместе с 40 другими заключенными на самолете, пилотируемом американцами, перевезли в военную тюрьму Фукуок. Уже на аэродроме нас провели сквозь строй полицейских, которые избивали нас палками и дубинками. В Фукуоке пытки были ежедневными. У меня до сих пор остались следы от них. Я был свидетелем того, как пытали других. Я видел «тигровые клетки» и знаю многих заключенных, которые были казнены. Однажды охранники открыли огонь по толпе заключенных, а некоторых они жгли горячими углями. Мы отказывались приветствовать сайгонский флаг, и каждый раз это стоило нам пыток».

Не менее драматичны и свидетельства г-жи Ле Тхи До. «Я была арестована, — рассказывает она, — вместе с тремя женщинами и 12-летней девочкой. Меня заперли в зале пыток, где надо мной глумилось два десятка полицейских, вооруженных длинными дубинками. Они мне загоняли гвозди под ногти, чтобы заставить говорить. Меня допрашивали также американцы, которые сделали мне несколько уколов. После 45 дней заключения и пыток в отделе допросов меня без всякого суда отправили в тюрьму в Нячанге, где я провела три года с уголовными преступниками. Нас было 160 человек в небольшой камере. Затем меня перевели в тюрьму для женщин, где у нас не было ни медикаментов, ни медицинского обслуживания. Когда заключенные стали протестовать, охранники убили трех женщин, а нас пытали. Многие заболели туберкулезом или стали психически больными. Две заключенные умерли в тюрьме. Время от времени охранники приходили ночью, чтобы увести одну или несколько заключенных в неизвестном направлении. Их увозили, чтобы убить».

Среди заключенных было много детей. В Тхудуке мы их насчитали 300. Ле Тунгу, маленькому мальчику, было четыре года, когда его арестовали. Он провел три года в тюрьме и был освобожден вместе с нами. Сейчас он находится на излечении в больнице в освобожденной зоне. Он страдает умственной отсталостью, являющейся следствием побоев»⁵.

⁵ «Темуаньяж кретьен», 19.VI. 1973.

«Все сообщения, которые доходят до нас из лагерей и тюрем Южного Вьетнама, — говорит генеральный секретарь Международного общества Красного Креста Ж. Лопретер, — вызывают сильное беспокойство. Они подтверждают, что план истребления политических узников не только разработан, но и уже осуществляется»⁶.

Недавно группа американских общественных деятелей совершила поездку в Сайгон. Вот что они пишут в своем письме, направленном государственному секретарю США: «Мы воочию убедились в том, что Южный Вьетнам остается полицейским государством, в котором многие политические заключенные брошены в тюрьмы без суда, содержатся там в невыносимых условиях и подвергаются пыткам»⁷.

Задерживая передачу Временному революционному правительству РЮВ арестованных гражданских лиц и осуществляя тайную ликвидацию 200 тыс. политических заключенных — противников режима Тхieu, сайгонские правители надеются таким способом ослабить позиции демократических сил в Южном Вьетнаме, ликвидировать легальную оппозицию и не допустить создания коалиционных органов власти на трехсторонней основе.

Однако никакой террор не может заглушить неодолимого стремления южновьетнамских патриотов, в том числе представителей «третьей силы», к построению свободного и демократического государства на Юге Вьетнама на принципах, заложенных в Парижском соглашении. Вместе с прогрессивными силами легальная оппозиция активизирует свои действия. Сейчас в Южном Вьетнаме и за его пределами существует около 40 организаций, относящих себя к «третьей силе». Это — Союз национальных, демократических и миролюбивых сил, Народный фронт борьбы за мир, Комитет борьбы за права народа, Движение женщины за жизненные права, многочисленная зарубежная эмиграция, патриотическая настроенная часть духовенства, значительное количество бывших военнослужащих, изгнанных из армии по причине политической неблагонадежности, и т. п.

Массовые репрессии, развернутые против представителей нейтралистской оппозиции, не дают ей пока проявить себя в качестве организованной политической силы, но это временное явление. Патриотически настроенные организации нейтралистского направления, выступающие за мирное демократическое развитие страны, призваны сыграть и непременно сыграют важную роль в политическом урегулировании в Южном Вьетнаме.

Весьма показательным в этом отношении является создание 20 января 1974 г. в Сайгоне Союза борьбы за свободу, демократию и мир. Объявив о создании Союза, 55 членов сайгонского парламента опубликовали заявление, в котором осуждается сайгонский парламент за принятие поправок к «конституции» 1967 г., которые, по их мнению, являются «антиконституционными и антидемократическими». Оппозиционные парламентарии разоблачили мошенничество режима Тхieu, допущенное при подсчете голосов, и заявили о своей решимости бороться за развитие страны по пути мира, свободы и демократии.

Чтобы не допустить развития оздоровления обстановки на Юге Вьетнама, сайгонские власти отменили существовавший ранее порядок выборов, запретили легальную деятельность оппозиционных настроенных политических партий и организаций. Все органы печати поставлены под строгий контроль. В ходе осуществляемой ныне административной ре-

⁶ «Правда», 17.III. 1973.

⁷ «Известия», 9.III. 1974.

формы проводится милитаризация всего государственного аппарата, перетряхивается весь личный состав, находящийся на государственной службе. Многие неугодные Тхиеу деятели, включая министров, освобождаются от занимаемых должностей и заменяются представителями военной клики.

Теперь власть не только в центре, но и на местах сосредоточена в руках военщины. Страна разделена на четыре района. Во главе каждого стоит генерал, олицетворяющий высшую гражданскую и военную власть. Районы разделены на 47 провинций, а провинции на несколько уездов: во главе одних стоят полковники, во главе других — капитаны, действующие как полные хозяева в своих вотчинах. Даже на должностях деревенских старост сидят ставленники Тхиеу в военных погонах.

И все же есть достаточно оснований утверждать, что позиции режима Тхиеу не столь прочны, как это пытается изобразить сайгонская пропаганда. После заключения Парижского соглашения, подтвердившего наличие на Юге Вьетнама двух политических сил, положение правящей верхушки Сайгона оказалось смертельно подорванным. Глава режима уже не вправе выступать от имени всего Южного Вьетнама, не может распоряжаться всеми материальными и людскими ресурсами страны.

Ахиллесовой пятой марионеточного режима является все ухудшающееся экономическое положение в зоне. Уход американских войск лишил марионеточные власти важного источника получения иностранной валюты. Приток долларов по этим каналам сократился в 1973 г. до 125 млн. долл., а в 1974 г. уменьшится до 60 млн. Значительное количество населения, которое было занято в сфере обслуживания американских войск, потеряло работу. Общее количество безработных уже превысило 2 млн. человек. Военные расходы, пожирающие более половины бюджета, порождают жестокую инфляцию и вызывают стремительный рост цен.

Бюджет сайгонского режима идет в значительной мере на содержание военного аппарата и аппарата подавления. Огромная сумма расходуется на жалованье и пособия личному составу армии, полиции и государственным служащим, а другая часть бюджета идет на военное строительство, на содержание тюрем и лагерей заключения, на программу «умиротворения» и машину психологической войны.

В течение 1973 г. власти Сайгона вынуждены были 11 раз проводить девальвацию пиастра. Газета «Дай зан ток» 30 августа 1973 г. писала, что покупательная способность сайгонского пиастра к середине 1973 г. упала до $\frac{1}{14}$ его прежней покупательной способности. С 1955 г. масса денег, находящихся в обращении, увеличилась с 7 млрд. пиастров до 195 млрд. пиастров в прошлом году.

Английская газета «Гардиан» указывает, что «главный противник Тхиеу, очевидно, не коммунисты, а тонущая экономика Южного Вьетнама»⁸.

Даже сайгонские газеты вынуждены признать, что экономика зоны переживает небывалые трудности. По заявлению газеты «Зуан лун», в настоящее время парализовано от 30 до 80% сельскохозяйственного производства. Крестьяне во многих районах вынуждены сокращать на одну треть площадь обрабатываемых земель из-за безудержного роста цен на удобрения и топливо. 80% рыболовецких катеров не могут продолжать лов рыбы, так как у их владельцев нет достаточно денег на покупку топлива и на уплату налогов. 30% рыбаков бросили свое дело совсем. Многие компании и предприятия сократили операции на 40—

⁸ "Guardian", 3.III. 1974.

68%. Из-за отсутствия хлопка большинство ткацких фабрик работает по 18—20 часов в неделю.

По утверждению западногерманского журнала «Шпигель», в Южном Вьетнаме сегодня нет ни одного значительного промышленного комплекса, кроме японской электростанции, нескольких цементных фабрик, нескольких мастерских, прядилен и ткацких фабрик; в стране фактически нет промышленности. Южный Вьетнам, который когда-то был крупным экспортером каучука, сейчас вывозит совсем незначительное количество этого ценного сырья. С 1950 г. экспорт каучука уменьшился в 10 раз. Такое же положение сложилось и с рисом. Еще не так давно Южный Вьетнам считался рисовой житницей Юго-Восточной Азии, однако сегодня он сам вынужден ввозить рис. Сайгонская зона ощущает острую нехватку продовольствия.

Сайгонская газета «Диеп тиеп» 26 августа 1973 г. писала, что Тхнеу необходимо иметь запасы продовольствия в размере около 260 тыс. т риса для армии и 340 тыс. т для концентрационных лагерей или в общей сложности 600 тыс. т. Это нелегкая задача, поскольку у Сайгона нет иностранной валюты. «Рисовая лихорадка» охватила почти все районы, контролируемые Сайгоном. В некоторых районах народу грозит настоящий голод.

Трудящиеся сайгонской зоны подвергаются жестокой эксплуатации. Рабочих заставляют все время повышать производительность труда и работать без перерыва по 10—12 часов в день. Нередко рабочие теряют сознание около своих станков. Растет число несчастных случаев на производстве и количество профессиональных заболеваний. Наряду с экономической эксплуатацией проводится широкая военная мобилизация. Многим семьям грозит голод, потому что их кормильцев забрали в армию. Чтобы сдержать недовольство рабочих, сайгонская клика проводит политику жестоких репрессий. Закон 10/68 запрещает забастовки; рабочим на военных заводах запрещено уходить после работы. В особенно тяжелом положении находятся женщины-работницы. Им платят лишь половину заработной платы мужчин, и, как только они выходят замуж или стареют, их увольняют с работы.

Бедность, нищета, разгул инфляции, непрерывный рост цен, взяточничество, коррупция, подавление элементарных демократических свобод, невыносимый военно-полицейский гнет — таковы наиболее характерные черты, бросающиеся в глаза любому иностранцу, прибывающему в Сайгон.

Итальянский журналист Пассони назвал Сайгон «тяжело больным городом на грани галлюцинации». «В Сайгоне, — пишет он, — продолжают умирать. Людей расстреливают прямо на улице; здесь умирают от пыток в тюрьме Тн-хоа; здесь умирают от голода (совершают самоубийство). Зрелище, которое являет собой этот город, не поддается описанию. Повсюду солдаты-роботы и полицейские, вооруженные автоматами: на улицах, перед государственными учреждениями, на каждом углу — везде полиция, в том числе в штатском, молодые и старые, и все с винтовками в руках. Со временем к этому привыкаешь, тем более что их можно обнаружить даже в номерах гостиниц. Но к одному невозможно привыкнуть — к зрелищу бедняков, к которым принадлежит почти все население Южного Вьетнама»⁹. Такова обстановка не только в столице, но и во всей зоне, контролируемой сайгонским режимом.

⁹ «Tempo», 18.XI. 1973.

Население Южного Вьетнама ненавидит сайгонскую клику продажных генералов и все активнее поднимается на борьбу за свои права и интересы, за предоставление населению зоны основных демократических прав и свобод, за объединение обеих зон в единое демократическое южновьетнамское государство. Приветствуя подписание Парижского соглашения, южновьетнамские трудящиеся организовали тысячи выступлений, требуя улучшения жизни. Они протестуют против приказов о введении комендантского часа и требуют предоставления демократических свобод, особенно свободы передвижения. За истекший год в сайгонской зоне имели место мощные выступления трудящихся против военно-строительных работ, против сооружения «дорог реконструкции» и т. п.

Газета «Нян зан» сообщает, например, что в первые 10 дней февраля 1974 г. свыше 4000 жителей провинции Чавинь восстали и свергли власть сайгонского режима в 62 «стратегических деревнях» и что еще 11 постов, незаконно созданных сайгонскими войсками в Кантхо, были эвакуированы с применением силы.

Выступления трудящихся в районах, которые до сих пор находятся под контролем сайгонской администрации, явились важным вкладом в общенародную борьбу против военно-фашистской диктатуры генерала Тхьеу.

Обструкционистская политика Сайгона в отношении Парижского соглашения, непрерывные военные провокации, осуществляемые сайгонской военщиной, поставили режим Тхьеу в положение международной изоляции. Это вынуждает сайгонскую верхушку прибегать к различного рода маневрам, рассчитанным на обман мирового общественного мнения. Недавно, например, Сайгон в чисто демагогических целях предложил провести всеобщие выборы. Однако всем ясно, что в существующих условиях эти выборы были бы простым фарсом, который уже не раз разыгрывался в прошлом.

Претендуя на представительство всего южновьетнамского народа, генерал Нгуен Ван Тхьеу пытается придать своему «правительству» демократический фасад. То он разыгрывает фарс «выборов» в парламент, то заменяет одних министров другими, обвиняя их в коррупции и отсутствии чувства «патриотического долга». В августе 1973 г. он провел «выборы» в сенат, протаскив в него своих людей и изгнав всех тех, кто пытался играть в оппозицию к режиму. Спустя несколько месяцев он одновременно вывел из правительства пять министров, показавшихся ему недостаточно лояльными. И наконец, в феврале 1974 г. диктатор произвел новую перетасовку в «правительстве», уволив в отставку всех министров, оказавшихся замешанными в коррупции, хотя всему миру известно, что казнокрадство и взяточничество давно стали нормой жизни сайгонского режима.

Министерская чехарда, по мнению политических наблюдателей, является отражением того тупика, в который зашел режим Тхьеу, является попыткой главаря хунты приспособиться к новой обстановке, которая складывается в Южном Вьетнаме не в его пользу под воздействием процессов, развивающихся в мире, на Индокитайском полуострове и в самом Южном Вьетнаме. Особое беспокойство генерала Тхьеу вызывает тот факт, что население потеряло всякое доверие к его режиму, открыто игнорирует его жестокие приказы, все решительнее поворачивается в сторону Временного революционного правительства РЮВ, являющегося подлинным выразителем интересов и чаяний всего южновьетнамского народа.

Справедливое дело патриотов восторжествует

В противоположность сайгонским правителям Временное революционное правительство исходит из того, что содержание Парижского соглашения отвечает коренным интересам вьетнамского народа, отвечает тенденциям современного мирового развития. Оно видит в документе, подписанном в Париже, единственно реальный путь урегулирования вьетнамской проблемы, действенное средство в борьбе за построение мирного, независимого, единого и процветающего Вьетнама.

Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам неоднократно заявляло о своей готовности сотрудничать со всеми деятелями, независимо от их прошлого, которые выступают за мир, демократию, национальное согласие, с тем чтобы, преодолев взаимную ненависть, взяться за построение новой жизни. Оно призывало и продолжает призывать сайгонскую администрацию ради будущего родины удовлетворить чаяния всех слоев населения Южного Вьетнама, быстро создать национальный совет национального примирения из трех составных частей и провести действительно свободные выборы.

Для того чтобы народ Южного Вьетнама мог жить в условиях мира и свободы, ВРП РЮВ предложило сайгонской администрации гарантировать населению обеих зон основные демократические свободы. Делегация Временного революционного правительства на переговорах в Сель-Сен-Клу еще 25 апреля 1973 г. внесла по этому вопросу конкретные предложения из шести пунктов, которые затем были уточнены и дополнены в выступлении главы делегации ВРП Нгуен Ван Хиеу 28 июня того же года.

Суть этих предложений сводилась к тому, чтобы обе южновьетнамские стороны издали в своих зонах законодательные документы об основных положениях по гарантированию южновьетнамскому населению демократических свобод. В предложениях делегации ВРП РЮВ указывалось, что обе стороны должны законодательным порядком закрепить положение о том, что все граждане, независимо от их политических и религиозных убеждений, их социального происхождения и времени проживания в стране, а также все политические, религиозные, культурные и общественные организации равны и пользуются одинаковыми гарантиями в отношении демократических свобод. Ни один человек, ни одна организация не должны пользоваться какими бы то ни было привилегиями или страдать от каких бы то ни было ограничений в области демократических свобод. Делегация ВРП РЮВ настаивала на том, чтобы в законодательстве, которое было бы принято в обеих зонах, гарантировалась неприкосновенность личности; строго запрещались любые акты насилия; предусматривалась свобода местожительства и свобода передвижения как внутри одной зоны, так и между двумя зонами; обеспечивалось право на труд и свободный выбор профессии, а также право на забастовки; гарантировалась свобода печати, собраний, митингов и демонстраций, свобода создания политических партий, профсоюзов, женских, крестьянских и других общественных организаций; охранялись законом свобода предпринимательства и право граждан на частную собственность.

Однако эта широкая программа гарантий демократических свобод была отвергнута сайгонскими представителями на двусторонних консультациях, проходящих в парижском пригороде Сель-Сен-Клу. Сайгонская правящая верхушка боится предоставления южновьетнамскому населению основных прав и демократических свобод, так как демократизация общественной жизни страны, установление прочного мира и достижение

национального согласия угрожают самой основе диктаторского режима Тхиеу, который держится исключительно на военных штыках и жестоких полицейских репрессиях.

За время, прошедшее со времени подписания Парижского соглашения, патриоты Южного Вьетнама добились больших успехов не только в отражении наскоков сайгонской военщины, но и в строительстве новой жизни. Обширные освобожденные районы простираются от 17 параллели до мыса Камау, охватывают большие пространства на Центральном плато, в дельте реки Меконг и провинциях Локинъ, Фьюклонг, Тайнинъ и в других местах. На этих территориях народ стал полным хозяином своей судьбы. Миллионы крестьян получили землю из рук народного правительства. Всюду идет восстановление разрушенного хозяйства, возводятся новые дома, сооружаются промышленные объекты, создаются культурно-просветительные центры, налаживается служба здравоохранения. Освобожденные районы богаты различными полезными ископаемыми и обширными плантациями технических культур.

Жители провинции Куангчи, например, успешно провели посадку риса на всей обрабатываемой площади. Впервые за всю историю этой древней земли на рисовых полях использовались сотни насосных механизмов и много другой сельскохозяйственной техники.

В Контуме площадь обрабатываемых земель увеличилась на 30% по сравнению с 1972 г., а выпуск продукции возрос на 40%. Общее поголовье домашнего скота увеличилось на 20%. Служба народного здравоохранения построила 42 новых медицинских пункта и 50 родильных домов. В деревнях организовано 118 медицинских бригад и 37 комитетов охраны матери и ребенка. Провинциальные органы просвещения открыли много новых школ, организовали свыше 100 классов для взрослого неграмотного населения.

В провинции Кантхо жители собрали высокий урожай. В январе 1974 г. они сдали в фонд революции почти 1200 т риса и внесли 600 тыс. пиастров.

Вот как описывает жизнь в провинции Куангчи, находящейся в освобожденной зоне, корреспондент японской газеты «Асахи» К. Хонда. «Прошло немного времени, — пишет он, — но около половины площади обрабатываемой земли провинции Куангчи, ранее заброшенной, восстановлено. По всей провинции открылось 12 рынков. Можно сказать, что в области сельского хозяйства экономическая политика успешно претворяется в жизнь. То, что крестьянин выращивает на своей собственной земле, принадлежит ему. Он имеет право по-своему использовать избыточные продукты. Крестьяне организуют группы трудовой взаимопомощи для совместной производственной деятельности. Такие же явления я заметил и в тех освобожденных районах долины реки Меконг, которые я посетил»¹⁰.

Об уверенности в своих силах, о радости одержанной победы и высокой организованности населения освобожденной зоны пишет французский корреспондент газеты «Монд дипломатик». «Жители производят на нас впечатление, что они гордятся тем, что могли сопротивляться сильному врагу, которого знают все, — это американский империализм. Они производят впечатление спокойствия и приветливости — каждый в отдельности и все вместе. Они производят впечатление железной воли. Когда они говорят, то можно верить, что их слова не будут пустыми... Здесь высокоорганизованное общество — общество, в котором политиче-

¹⁰ «Асахи», 17.VI. 1973.

ские деятели, простой народ и солдаты армии тесно сплочены. Они полны решимости, они твердо уверены, что победа непременно будет за ними».

Это спокойствие, уверенность и веру в окончательную победу дает южновьетнамским патриотам новый общественный строй, который носит подлинно демократический и народный характер.

«Благодаря нашему замечательному политическому строю, усилению всего народа и огромному экономическому потенциалу, — говорил председатель президиума ЦК НФОЮВ, председатель национального консультативного совета РЮВ доктор Нгуен Хыу Тхо, — наши освобожденные районы, несомненно, будут построены прекрасными и богатыми».

В то время как сайгонская администрация теряет свои позиции внутри страны и на международной арене, патриотические силы, во главе которых стоят Национальный фронт освобождения и Временное революционное правительство, набирают силу, растет их вес и авторитет на всех континентах. Они твердо и последовательно борются за точное и неукоснительное выполнение Парижского соглашения, являющегося орудием большого политического и юридического значения в руках вьетнамских патриотов.

Борьба южновьетнамских патриотов находится на стадии народной национально-демократической революции. На данном этапе они не ставят перед собой задачу осуществления социалистических преобразований. Основное направление национально-освободительной борьбы — это достижение национальной независимости, освобождение страны от иезуитского господства, ликвидация феодальных устоев и пережитков, устранение от власти антинародной военно-бюрократической и компрадорской верхушки, проведение широких социально-экономических реформ в интересах народа.

В программе Национального фронта освобождения предусматривается осуществление целого ряда прогрессивных демократических преобразований, направленных на обеспечение прав различных категорий трудящихся — рабочих, крестьян, служащих, интеллигенции. В то же время в программе учитываются интересы национальной буржуазии и патриотически настроенных помещиков, провозглашается защита прав собственности на средства производства и на другое имущество граждан, а также свобода предпринимательства. Программа исходит из принципа уважения свободы вероисповедания, обеспечения права земельной собственности церковью, пагод и храмов различных религиозных сект.

Выдвигая задачу укрепления единства и национального согласия, НФОЮВ добивается привлечения на свою сторону тех, кто находится в лагере противника, и гарантирует свободу и равенство военнослужащим и чиновникам сайгонского режима, которые сочувствуют освободительной борьбе и отказываются выполнять приказы марионеточных властей.

Избранное народом Временное революционное правительство РЮВ превыше всего ставит задачу служить народу, защищать и отстаивать его интересы. Оно имеет свои органы власти сверху донизу, свою администрацию и мощные вооруженные силы, стоящие на защите национального суверенитета и независимости республики, твердо отстаивающие революционные завоевания народа.

Власть ВРП РЮВ распространяется не только на освобожденную зону. Его голос звучит над всем Южным Вьетнамом. Этот голос справедливости поднимает на борьбу население порабощенной зоны и вселяет страх в души сайгонских временщиков.

Голос Временного революционного правительства звучит с трибун международных конференций. ВРП РЮВ является неизменным участником конференций неприсоединившихся стран, пользуется поддержкой 80 стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Временное революционное правительство РЮВ имеет свое специальное представительство в Демократической Республике Вьетнам, являющейся прочным тылом южновьетнамских патриотов в их борьбе за точное выполнение Парижского соглашения. Оно установило дипломатические отношения с 37 странами. Временное революционное правительство и Национальный фронт освобождения поддерживают дружественные отношения со 102 организациями, политическими партиями и фронтами на всех континентах.

Тот факт, что Временное революционное правительство было одним из участников парижского совещания и подписания Парижского соглашения по Вьетнаму, принимало участие в Международной конференции по Вьетнаму и поставило свою подпись под ее документом наравне с 11 другими государствами-участниками, говорит о международно-правовом признании Временного революционного правительства, его высоком авторитете на международной арене.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в мире существуют влиятельные силы, которые пытаются затормозить дальнейший процесс признания Временного революционного правительства РЮВ в качестве законного представителя южновьетнамского народа. Эти попытки недругов ВРП РЮВ отчетливо проявились в связи с проходившей недавно в Женеве конференцией по вопросам укрепления и развития международного гуманитарного права в применении к вооруженным конфликтам.

Временное революционное правительство РЮВ заявило о своем присоединении к четырем Женевским конвенциям 1949 г. о защите жертв войны в соответствии с существующей процедурой.

Швейцарское правительство приняло к сведению присоединение ВРП РЮВ к указанным конвенциям. Тем не менее представители США, поддержанные их приспешниками, в нарушение целей и процедуры конференции выступили против участия делегации Временного революционного правительства в Женевской конференции и с помощью политического давления перевесом в один голос закрыли дорогу представителям ВРП РЮВ к участию в работе конференции.

Такая позиция США не случайна. Делегация США боялась оказаться в роли обвиняемого в связи с теми многочисленными варварскими преступлениями, которые совершила американская военщина на вьетнамской земле. Действия американской делегации представляли серьезное нарушение Парижского соглашения, которое подписано представителями США, признавшими реальность существования в Южном Вьетнаме двух административных и двух зон контроля.

Мировая демократическая общественность осуждает эти произвольные действия Вашингтона не только как акт, направленный против вьетнамского народа, понесшего большие жертвы в ходе сопротивления империалистической агрессии, но и как выпад против всех национально-освободительных движений народов, борющихся за свою свободу и независимость, против тирании иноземных колонизаторов. Люди доброй воли на всех континентах требуют предоставления Временному революционному правительству права на присоединение к четырем Женевским конвенциям о защите жертв войны и настаивают на том, чтобы представителям ВРП РЮВ была обеспечена возможность равноправного участия во всех международных форумах и конференциях в качестве законного представителя южновьетнамского народа.

Важной политической акцией Временного революционного правительства явилась новая инициатива патриотических сил, направленная на быстрое достижение политического урегулирования в Южном Вьетнаме. 22 марта с. г. ВРП РЮВ сделало заявление, в котором предлагается, чтобы две южновьетнамские стороны осуществили совместные усилия в целях обеспечения действительного прекращения огня, освобождения всех содержащихся под стражей военных и гражданских лиц, предоставления населению демократических прав, создания национального совета национального примирения и согласия, организации подлинно свободных выборов.

Выдвинутый Временным революционным правительством комплекс взаимосвязанных мер, в основе которых лежат принципиальные положения Парижского соглашения, с большим удовлетворением встречены мировой демократической общественностью как конструктивная программа, отвечающая задачам политического урегулирования в Южном Вьетнаме и делу мира во всем мире.

Однако сайгонский режим, поддерживаемый США, отверг эти новые предложения южновьетнамских патриотов и продолжает демонстрировать свое нежелание считаться с Парижским соглашением. Последние действия сайгонской верхушки показывают, что она намерена и дальше проводить политику вооруженных провокаций и репрессий. Об этом свидетельствует проведение Сайгоном после опубликования новых предложений ряда крупных операций против патриотических сил в районе Центрального плато, в долине реки Меконг и в других пунктах.

Советский Союз, другие социалистические страны, все прогрессивное человечество решительно требуют, чтобы сайгонская администрация проявила реализм и со всей серьезностью отнеслась к новым предложениям ВРП РЮВ.

Международное движение солидарности, получившее невиданный размах и ставшее постоянным элементом мировой политики, решительно борется за строгое и неукоснительное выполнение Парижского соглашения и других документов по Вьетнаму, как отвечающих национальным интересам всего вьетнамского народа. Южновьетнамские патриоты опираются сегодня не только на свои собственные силы, но и на мощную поддержку со стороны международного движения солидарности, охватившего миллионы и миллионы людей доброй воли во всех уголках земного шара. В настоящее время почти во всех странах мира действуют различные организации дружбы и солидарности с вьетнамским народом. Стало правилом на многочисленных международных форумах, проводимых различными политическими силами, выступающими за мир, в повестку дня ставить вопрос об оказании материальной помощи и морально-политической поддержки вьетнамскому народу и другим народам Индокитая.

Особое место в этой кампании солидарности занимают международные конференции в поддержку борьбы вьетнамского народа, состоявшиеся в Версале (1972), Риме (1973), Стокгольме (март 1974 г.). Это были крупные международные форумы миролюбивых сил, сыгравшие важную роль в мобилизации мировой общественности на борьбу против империалистической агрессии во Вьетнаме, за строгое выполнение Парижского соглашения во всех его аспектах.

Национальный фронт освобождения и Временное революционное правительство РЮВ высоко ценят международную поддержку и соли-

дарность как важный фактор в борьбе за мир, за осуществление коренных национальных прав народа Южного Вьетнама.

Важное значение для повышения авторитета Временного революционного правительства РЮВ имели состоявшиеся в конце 1973 г. визиты делегации Республики Южный Вьетнам во главе с доктором Нгуен Хыу Тхо в десять социалистических и неприсоединившихся стран Азии и Африки, где посланцам южновьетнамского народа был оказан подлинно братский прием. Эти визиты были весьма плодотворными, поскольку они были завершены подписанием соглашений об оказании Временному революционному правительству безвозмездной экономической помощи. Дружеские государства и народы заверили представителей героического Вьетнама, что они и впредь будут твердо стоять на стороне южновьетнамских патриотов, оказывать им всю необходимую помощь и морально-политическую поддержку.

Успеху борьбы вьетнамского народа в немалой степени способствуют благоприятные процессы, происходящие в мире, общее ослабление международной напряженности, утверждение принципов мирного сосуществования в качестве нормы взаимоотношений между государствами с различным социальным строем. Общее изменение баланса политических сил на мировой арене в пользу мира и социализма и в ущерб сторонникам «холодной войны» и любителям военных авантур открывает новые возможности для успешного продвижения политического урегулирования вьетнамской проблемы.

Немаловажное значение для сохранения и упрочения мира во Вьетнаме имеют успехи, достигнутые в мирном урегулировании в Лаосе. Благоприятное для патриотических сил развитие событий в соседней Камбодже, где режим Лон Нола переживает глубокий политический кризис, не может не воздействовать на общую обстановку и в Южном Вьетнаме. Крах диктатуры военной клики в Таиланде, которая оказывала активную поддержку режиму Тхиеу в подавлении национально-освободительного движения, и выход на арену широкого спектра политических сил, требующих проведения социально-экономических реформ, ставят перед сайгонской кликой много трудных вопросов. Нельзя исключать того, что события в Таиланде могут в той или иной форме проявиться и в Южном Вьетнаме.

События последнего времени свидетельствуют о том, что три революционных потока продолжают развиваться и набирать силу. Импералистические государства, переживающие глубокий кризис и раздираемые внутренними противоречиями, вынуждены маневрировать и все чаще склоняться к мирному урегулированию спорных вопросов на основе взаимного учета интересов сторон.

Последовательная линия Советского Союза и других социалистических стран, направленная на разрядку напряженности, отвечает коренным интересам всех народов и находит растущую поддержку с их стороны. Советский Союз, внесший свой вклад в отражение империалистической агрессии во Вьетнаме, проводит твердый курс на защиту завоеваний вьетнамских патриотов, на строгое и полное осуществление Парижского соглашения. Вместе со всеми миролюбивыми и прогрессивными силами мира Советский Союз готов и впредь оказывать необходимое содействие в упрочении справедливого и демократического мира во Вьетнаме. Эта позиция Советского Союза была вновь подтверждена в совместном коммюнике, подписанном в связи с визитом в СССР делегации Республики Южный Вьетнам в декабре 1973 года. «Советский Союз, — подчеркивалось в коммюнике, — решительно осуждает грубые и систе-

матические нарушения Парижского соглашения сайгонским режимом, опирающимся на поддержку США, и требует их немедленного прекращения, считая неукоснительное выполнение всех положений этого соглашения главным условием для установления прочного и справедливого мира во Вьетнаме»¹¹.

Вместе с Советским Союзом и другими социалистическими странами за развитием обстановки во Вьетнаме внимательно следят все миролюбивые и прогрессивные силы мира. Они преисполнены решимости давать своевременный и мощный отпор любым попыткам нарушить мир, завоеванный героическим вьетнамским народом в тяжелой и длительной борьбе против империалистической агрессии. И хотя вьетнамским патриотам еще предстоит преодолеть немало трудностей, связанных с политическим урегулированием на Юге, и пройти долгий путь в направлении объединения разделенной родины, нет сомнения в том, что их справедливая борьба, выражающая общенациональные чаяния вьетнамского народа и отвечающая тенденциям современной эпохи, увенчается полной победой.

---

¹¹ «Правда», 25.XII. 1973.

ИДЕОЛОГИЯ

О политической кампании

«критики Конфуция и Линь Бяо»

*Л. С. Переломов,
доктор исторических наук*

В последнее время в Китае развернулась широкая политическая кампания под флагом критики древнекитайского философа Конфуция и его учения, восхваления легистских методов управления народом, основанных на законе верховного правителя и на насилии. Причем эту критику связывают с «разоблачением Линь Бяо» и других «резизионистов», которые не согласны с маоистским курсом. Новая политическая кампания, получившая название «критики Конфуция и Линь Бяо», является выражением углубляющегося экономического, политического и идеологического кризиса маоистского режима.

Для современной политической жизни КНР стало характерным вести некоторые актуальные дискуссии в завуалированной форме, обращаясь к истории, культуре, идеологии древнего или средневекового Китая. В условиях господства военно-бюрократической группы Мао Цзэ-дуна обращение к традициям стало единственно возможной формой одностороннего обсуждения на страницах открытой партийной печати насущных проблем политической жизни.

Развертывая кампанию «критики Конфуция» и конфуцианства, сплошного восхваления легизма, маоисты отнюдь не стремились к объективной, принципиальной оценке этих сложных явлений. Организаторы кампании преследуют сугубо практические, политические цели. За критикой Конфуция и восхвалением легистов скрываются растущие противоречия в маоистском руководстве — между так называемыми «прагматиками», или «умеренными», и «левыми», которые поднялись к власти в центре на волне «культурной революции». «Критика Конфуция» не что иное, как замаскированные нападки на «прагматиков».

Известно, что X съезд КПК, состоявшийся в августе 1973 г., провозгласил курс на продолжение «культурной революции», которая, по мнению маоистов, должна повторяться через определенные промежутки времени. «Критика Конфуция», а заодно и всех противников Мао, в частности Линь Бяо, — один из признаков стремления маоистов развязать в стране кампанию наподобие «культурной революции». В Китае уже появились первые «дацзыбао» с критикой Конфуция и Линь Бяо, проводятся массовые манифестации, произошла перестановка командующих округами, часть которых в свое время выступила против хунвэйбинов. На нынешнем, более высоком витке «культурной революции» Мао ищет опоры для своей власти на национальной почве и пытается представить всех не согласных с его курсом «национальными предателями». Вот почему он начал переоценку Конфуция, раннего конфуцианства, легизма, императора Цинь Ши-хуана, спроецировав ситуацию эпохи Чуньцю-Чжаньго-Цинь (VII—III вв. до н. э.), когда шла острая борьба между кон-

фуцианцами и легистами, на современный Китай. Уводя дискуссию в шаткую историческую почву, Мао получает возможность произвольного истолкования конфуцианства и легизма.

В этой кампании маонисты выдают себя за легистов, а всех противников за конфуцианцев. Конфуцианцы — сторонники древности, легисты — современности и реформ. В центре антиконфуцианской критики стоит проблема «борьбы против возвращения к древности»¹. Под «древностью» которую осуждают маонисты, имеется в виду практика и теория строительства социализма до «культурной революции». «Современность» и «реформы», по мнению маонистов, — это «культурная революция», то есть курс Мао. Избрав такой завуалированный метод борьбы со своими противниками, «левые» и сам Мао пытаются не только оправдать в глазах народа свои деяния в период «культурной революции», но и доказать неизбежность «борьбы двух линий».

Критика конфуцианства и восхваление легизма, начавшиеся в конце 1972 г. как проба сил противоборствующих группировок в верхнем руководстве страны накануне X съезда КПК, переросли затем в массовую многоплановую политическую кампанию, охватившую в 1973—1974 гг. все социальные слои общества и возрастные категории, включая и школьников. Конфуция критикуют студенты и военные, крестьяне, интеллигенция, рабочие, кадровые работники.

«Дело» Конфуция тесно связывают с «критикой Линь Бяо, упорядочением стиля» — кампанией, направленной на дальнейшее разжигание внутренней борьбы и ликвидацию антимаоистской оппозиции, как в настоящее время, так и в будущем. В печати, на митингах, собраниях и в «дацзыбао» неоднократно подчеркивается мысль, что критика Линь Бяо — это «критика Конфуция», а разоблачение Конфуция — разоблачение группы Линь Бяо и «главарей» оппортунистических линий внутри страны, а также противников маоизма за рубежом. В наиболее концентрированном виде политическое значение этой кампании было раскрыто в передовой статье «Жэньминь жибао» «Довести до конца борьбу-критику Линь Бяо и Конфуция» от 2 февраля 1974 г.: «Буржуазный карьерист, интриган, двурушник, предатель и изменник родины Линь Бяо был стопроцентным поклонником Конфуция. Как и идущие к гибели реакционеры всех времен, он почитал Конфуция, выступал против легистов, обрушивался с нападка на императора Цинь Ши-хуана (259—210 гг. до н. э. — Л. П.) и использовал учение Конфуция — Мэн-цзы в качестве реакционного идейного оружия в своих темных попытках узурпировать руководство партии, захватить власть и реставрировать капитализм. Глубоко и основательно вскрыть ультраправую сущность контрреволюционной ревизионистской линии Линь Бяо, можно лишь подвергнув критике пропагандуемое им учение Конфуция — Мэн-цзы. Это имеет огромное актуальное значение и глубокое историческое значение для усиления воспитательной работы в духе идейной и политической линии, для отстаивания и претворения в жизнь революционной линии председателя Мао Цзэ-дуна, для закрепления и умножения огромных завоеваний великой пролетарской культурной революции, для упрочения диктатуры пролетариата и предотвращения реставрации капитализма... Все руководители должны идти в первых рядах борьбы, обсуждать и братья за критику Линь Бяо и Конфуция как за дело первостепенной важности»². В этой же статье впервые со времени начала кампании открыто объявлено, что

¹ В ходе кампании возник и утвердился в прессе новый политический термин «фугу чжуи». Дословно — «учение о возвращении к древности».

² «Жэньминь жибао», 2.II. 1974.

«критика Конфуция — Линь Бяо» развернута самим Мао и что председатель лично руководит ходом кампании.

Китайская печать и официальные лица неоднократно подчеркивали долговременность этой политической кампании. По словам С. Сульбергера, посетившего Китай в конце 1973 г., Шэнь Го-сян — редактор ежедневной газеты в Шанхае, разъясняя ему смысл кампании, заявил: «Мы считаем, что буржуазные агенты в нашей партии будут использовать конфуцианство в борьбе против нашей идеологии, и поэтому мы будем продолжать его критиковать... идеологическая борьба будет долгой и длительной. Такой же долгой и длительной будет критика Конфуция»³. Одновременно указывается, что кампания «критики Конфуция» является «новым идейным оружием для строительства нового Китая»⁴. В новогодней передовой статье газеты «Жэньминь жибао», журнала «Хунци» и газеты «Цзефанцзюнь бао» от 1 января 1974 г. этой политической кампании уделено значительное внимание: «Нужно дальше критиковать идеи почитания конфуцианства и борьбы против легистов и в ходе этой критики выковыпать ряды теоретиков-марксистов. Составной частью критики Линь Бяо является критика конфуцианства, которое почитают как реакционеры в стране и за рубежом, так и главаря оппортунистических линий»⁵.

Такова программа действий на весь 1974 г. Следует отметить, что в последнее время эта кампания, разрастающаяся как снежный ком, приобретает антисоветский характер. Опубликованы уже десятки статей лишь в одной центральной печати (многие из них занимают по полторы газетных страницы), спешно издаются разнообразные тематические сборники с «критикой Конфуция — Линь Бяо», распространяются в больших тиражах ценой в 3 фэня⁶ популярные брошюры, представляющие упрощенный комментарий к отдельным изречениям Конфуция и легистов.

Нет нужды пересказывать статьи — целесообразнее проанализировать основные аргументы организаторов этой массовой кампании, тем более что именно в процессе ее осуществления будут выковыпаться новые «ряды теоретиков-марксистов». Кампания началась серией статей проф. Ян Юн-го, опубликованных в «Хунци» и «Жэньминь жибао»: «Борьба двух линий в идеологии периода «Чуньцю — Чжаньго» («О социальных сдвигах периода Чуньцю — Чжаньго на основании полемички конфуцианцев с легистами») ⁷; «Конфуций — идеолог, упорно стоявший за рабовладельческий строй»⁸; «Борьба материализма против идеализма и априоризма в период обеих Хань»⁹. Именно в этих статьях, особенно в первой, были сформулированы основные теоретические обоснования кампании и намечены главные направления, по которым стала развиваться в дальнейшем вся дискуссия.

Сам выбор исторической эпохи, Чуньцю — Чжаньго — Ранняя и Поздняя династии Хань, не обошелся без участия Мао. Именно в период Чуньцю — Чжаньго шли дискуссии о методах управления народом и государством, поисках пути упрочения государства и власти правителя, проблемах взаимоотношения и дележа власти между царем, аристократией и нарождающимся чиновничеством, методах борьбы центрального

³ «Нью-Йорк таймс», 21.X. 1973.

⁴ «Асахи», 22.XII. 1973.

⁵ «Жэньминь жибао», 1.I. 1974.

⁶ 1 фэнь равен 0,5 копейки.

⁷ «Хунци», 1972, № 12, стр. 45—54.

⁸ «Жэньминь жибао», 7.VIII. 1973.

⁹ «Жэньминь жибао», 13.VIII. 1973.

аппарата с проявлениями местничества и т. п. Различные школы выражали диаметрально противоположные взгляды. Обращение к подобному историческому и идеологическому фону весьма удобно для подкрепления различных политических спекуляций, особенно если первым выступает тот, кто разбирается в древнекитайской политической мысли.

Почему был выбран именно Конфуций и избран в качестве объекта жесткой, непримиримой критики, как будто сам философ и его идеи живы и действуют в сегодняшнем Китае? Для того чтобы яснее представить сущность полемики (полемики односторонней), разыгравшейся на страницах открытой партийной печати в канун X съезда КПК, необходимо хотя бы вкратце осветить проблему конфуцианства, его роль в истории Китая, значение некоторых конфуцианских концепций после VIII съезда КПК, их искусственное оживление накануне «культурной революции».

Конфуцианство, являвшееся, начиная с эпохи Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.) и вплоть до начала XX в. (буржуазно-демократической революции 1911 г.), официальной идеологией императорского Китая, несомненно, заслуживает самой суровой критики. Однако при этом всегда следует помнить, что конфуцианство в своем развитии прошло через несколько этапов — раннее, доханьское конфуцианство существенно отличается от ханьского, интерпретированного Дун Чжун-шу, так же как ханьское в свою очередь отличается от сунского (X—XII вв.). Учение самого Конфуция, запечатленное в трактате «Луньюй» («Беседы и рассуждения»), также эклектично, может быть, и потому, что трактат записывался разными людьми и прошел ряд редактур. Именно поэтому спешивали до сих пор спорят как о содержании «Луньюя», так и о существовании конфуцианства. Конфуцианство не может быть оценено однозначно — только отрицательно либо сугубо положительно. Это учение, где реакционные концепции тесно переплетены с целым рядом рациональных идей, особенно если ориентироваться на первоисточник — «Луньюй». При оценке конфуцианства необходимо учитывать, что это учение оказало огромное влияние не только на историю страны, но и на духовную жизнь народа, формирование мышления и национального характера китайцев. В конце XIX (движение за реформы 1895—1898 гг.) — начале XX в. (движение за новую культуру в 1919 г.) ни одно общенациональное прогрессивное движение не проходило без критики и переоценки конфуцианства. Весьма знаменательно, что даже в период резкой и вполне обоснованной критики конфуцианства передовые мыслители Китая подходили с дифференцированной оценкой Конфуция и конфуцианства. Уместно напомнить высказывание известного коммуниста-интернационалиста Ли Да-чжао, одного из основателей КПК: «Конфуций действительно был стержнем общества, в котором он жил, был мудрым гением своей эпохи... Отвергая Конфуция, я обрушиваюсь не на него лично, а на авторитет идола, вылепленного из Конфуция монархами. Я посягаю не на Конфуция, а на саму суть деспотизма, на его душу»¹⁰. Победа народной революции в 1949 г. неминуемо влекла за собой иное отношение к духовному наследию прошлого, ибо воспитание сознательных строителей истинного социализма немыслимо без публичного разоблачения таких концепций и стереотипов поведения, как слепое подчинение власти, отчужденность от нее, бездумное почитание правителя и т. п. Поэтому вполне закономерно, что в первые годы образования КНР в стране велись самые широкие дискуссии о Конфуции и существовании конфуцианства, достаточно напомнить о дискуссиях 1957—1961 годов. Высказывались самые разно-

¹⁰ См.: Ли Да-чжао. Естественно-этические взгляды и Конфуций. — «Избранные статьи и речи». М., 1965, стр. 54—55.

Раннее до-
ханьское
конфуцианство
сунское

речивые мнения. Некоторые участники, модернизируя систему взглядов Конфуция, утверждали, что в его взглядах якобы нет каких-либо различий с отдельными теоретическими положениями марксизма-ленинизма¹¹. Это, конечно, была явная идеализация взглядов Конфуция. В то время многие известные ученые (Ван Чжун-ло, Тун Шу-е и др.) доказывали прогрессивное значение взглядов Конфуция¹². Они как бы развивали выводы президента АН КНР Го Мо-жо, к которым он пришел в 1954 г., отмечая, что учение Конфуция «было проникнуто революционным духом»¹³. Тогда Го Мо-жо утверждал, что Конфуций «выступал как представитель народных интересов и активно стремился к использованию культуры на благо народа»¹⁴. В период дискуссии 1957—1961 гг. лишь немногие, и прежде всего Ян Юн-го, выступили с критикой самого Конфуция. 27 октября 1961 г. Ян Юн-го в докладе «Изучение взглядов Конфуция» доказывал, что он отражал идеологию рабовладельческого общества¹⁵. По существу, дискуссия оставалась открытой, видимо, к ней собирались вернуться вновь, но последующие события наложили свой отпечаток. Споры об идеологическом наследии стали приобретать все большую политическую значимость. Противники усилившейся маоистской группировки обращались к некоторым конфуцианским понятиям и стереотипам поведения для скрытой критики линии Мао — явление вполне традиционное для общественной жизни страны. Глухие упоминания отдельных ученых (Лю Цзэ) о том, что «... и в наше время наше общество нуждается в конфуцианской гуманности (жэнь)»¹⁶, наталкивались на резкое противодействие маоистов. Особенно яростным нападкам подвергся У Хань за свои исторические пьесы 1959—1961 гг. о конфуцианском чиновнике Хай Жуе, жившем в эпоху Мин около 400 лет назад. Намеки о конфликте между гуманным конфуцианским чиновником и оторвавшимся от народа императором, одобрительно воспринимаемые зрителем, были столь очевидны, что вызвали гнев Мао Цзэ-дуна. На рабочем совещании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в октябре 1965 г. Мао потребовал развернуть политическую кампанию против У Ханя; призыв этот не был поддержан, ибо оппоненты понимали, что он означал массированный поход против руководящих органов партии. Удалившись в Шанхай, Мао продиктовал Яо Вэнь-юаню (ныне член Политбюро ЦК КПК) текст критической статьи «О новой исторической драме «Разжалование Хай Жуя», явившейся прологом «культурной революции». Видимо, Мао запомнил удар, нанесенный противниками в традиционной китайской манере, поэтому решил упредить возможные в дальнейшем выпады и монополизировать конфуцианство и Конфуция, дав собственную оценку философа и интерпретацию его учения. Уже в августе 1971 г. в китайской печати промелькнул призыв использовать «учение Конфуция — Мэн-цзы» для критики «черной книги» «О самовоспитании коммуниста» (ее автор Лю Шао-ци). Однако развернутая оценка учения Конфуция, точнее, не всего учения, а лишь отдельных выборочных концепций и положений, была дана лишь в конце 1972 г. в первой статье Ян Юн-го. Кстати, Ян появился на политической арене не случайно — именно он еще в конце 50-х годов

¹¹ См.: «Дискуссия о Конфуции и проблема отношения к идеологическому наследию». — «Синьцзяншэ», 1963, № 1; Ф. С. Быков. Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М., 1966, стр. 17.

¹² См.: «Гуанмин жибао», 3, 17.XI. 1961.

¹³ См.: Го Мо-жо. Философы древнего Китая. М., 1961, стр. 110.

¹⁴ Там же, стр. 117.

¹⁵ См.: «Гуанмин жибао», 4.XI. 1961.

¹⁶ Лю Цзэ. Теория всеобщей любви Мо Цзы и ее утилитаризм. — «Сюешу яньцзю», 1963, № 1, стр. 6.

обрушивался с критикой на Конфуция исходя из узкоклассовой оценки. По-видимому, Мао выбрал не только автора, но и указал ему (может быть, через редакцию «Хунци» и «Женьминь жибао») основное направление критики.

Итак, о статье первой.

Статья начинается с исторического экскурса, где говорится о борьбе двух формаций: старой — рабовладельческой и новой, прогрессивной — феодальной. Исходя из концепции Го Мо-жо, признанной ныне в качестве ортодоксальной¹⁷, Ян Юн-го доказывает, что в период Чунью — Чжаньго в Китае произошел переход от рабовладения к феодализму. Процесс этот сопровождался не только острой социальной борьбой (восстания рабов), но и ожесточенной борьбой на идеологическом фронте. «В те времена, — пишет Ян Юн-го, — идеологическими представителями обреченного класса рабовладельцев была группировка конфуцианской школы — Конфуций, Цзы Сы и Мэн-цзы. А идеологическими представителями нового класса помещиков была легистская школа в лице Шан Яна, Хань Фэйя и других... На примере идеологической борьбы конфуцианцев и легистов можно увидеть грандиозные социальные реформы того времени. Можно увидеть, кто способствовал развитию нового строя, а кто стремился защитить старый строй; чье учение соответствовало историческому развитию, служило новому классу, а чье тянуло его назад»¹⁸. «Идеологическая борьба конфуцианцев и легистов, — утверждает Ян Юн-го, — отражала в то время борьбу двух классов, это была борьба двух линий («лу сянь»)»¹⁹. Закрепив каждое из учений за определенным классом и показав отрицательное отношение Конфуция к вводимым в его время законодательным системам, Ян Юн-го переходит к главному, к тому, ради чего была заказана статья. Он обрушивается с резкой критикой на конфуцианство и всячески восхваляет легистов (как теоретиков, так и практиков легизма). Объектом критики избраны конфуцианские концепции «жэнь» («человеколюбие», «гуманность»), «сяо» («почитание родителей»), «ди» («братская любовь», «любовь к старшим братьям»), «и» («справедливость»). «Пропагандировавшиеся конфуцианцами, — пишет Ян Юн-го, — так называемые концепции «жэнь и» («гуманность и долг»), «сяо ди» («почитание родителей и старших братьев»), «чэн синь» («искренность и верность»), а также изучение «Шцзина» («Книга песен») и «Шуцзина» («Книга истории») сводились к защите господства рабовладельческой знати»²⁰.

«В то время, — утверждает Ян, — и «гуманность» («жэнь» — «человеколюбие») и «справедливость» («и»), о которых говорил Мэн-цзы, также имели классовое содержание. Он считал, что «относиться к родственникам по-родственному — это гуманность», «уважать старших — это справедливость», «гуманность и справедливость» у него сводились, следовательно, к тому, чтобы «относиться к родственникам по-родственному и уважать старших». С помощью того и другого он рассчитывал укрепить положение правящих родов, укрепить господство родовой аристократии.

И «гуманность» и «справедливость» были направлены на защиту правивших родов, и из того факта, что Шан Ян выступал против гуманности и справедливости, против «отношения к родственникам по-родственному и любви к ближнему», также можно заметить, что он разглядел реакци-

¹⁷ Анализ этой концепции см.: Л. С. Переломов. Проблема периодизации древней и средневековой истории Китая в китайской историографии. — «Историческая наука в КНР». М., 1971, стр. 76—80.

¹⁸ «Хунци», 1972, № 12, стр. 46.

¹⁹ См. там же, стр. 47.

²⁰ См. там же, стр. 49.

онный характер «гуманности» и «справедливости», за который ратовали тогда конфуцианцы»²¹.

Я умышленно привел пространную выдержку, дабы продемонстрировать логику Ян Юн-го. Итак, поскольку перечисленные выше концепции и книги, по замыслу автора статьи, связаны с интересами рабовладельческой аристократии, то отныне они объявляются реакционными²².

Легисты же, и прежде всего Шан Ян, выступавшие с резкой критикой отмеченных конфуцианских концепций, отстаивали, по мнению Ян Юн-го, интересы растущего феодального класса, связанного с развитием новых производительных сил и новых форм собственности, прежде всего частной собственности на землю.

Он особенно хвалит Шан Яна за тесную связь с практикой: «Шан Ян исходил из практики борьбы, поэтому он воспевал земледелие и войну, и это отвечало социальным преобразованиям эпохи»²³.

Перебросив мостик от Шан Яна к императору Цинь Ши-хуану (любимому герою Мао Цзэ-дуна) через Сюнь-цзы и Хань Фэйя, Ян Юн-го заключает, что политика первого китайского императора в отношении конфуцианцев и гуманитарной литературы («Шицзина» и «Шуцзина») была абсолютно правильной. Цинь Ши-хуан, приказавший заживо закопать 460 конфуцианцев и публично сжечь гуманитарную литературу, осуществлял, по словам Яна, курс «больше внимания современности и меньше древности» («хуоцзинь богу» — один из маоистских лозунгов) — «... его деяния соответствовали требованию эпохи, он шел вперед по пути, проложенному легистами»²⁴. Этой фразой обрывается статья.

Вторая статья Ян Юн-го («Конфуций — идеолог, упорно стоящий за рабовладельческий строй») в значительной части повторяет аргументы первой, но, по-видимому, споры накануне X съезда КПК о путях и методах государственного строительства, судьбе партийных кадров, пострадавших в период «культурной революции», были столь остры, что организаторы дискуссии решили более четко выразить свою позицию. Особенно волновала их реабилитация пострадавших кадровых работников, и вот как они с этим боролись.

«В эпоху Чуньцю в разное время уничтожено 52 рабовладельческих государства, и рабовладение с каждым днем быстро двигалось к полному краху. И в такое-то время Конфуций выдвигает следующие лозунги: «возродить погибшие государства, продолжить оборвавшиеся роды, выдвинуть на чиновничьи должности живущих отшельниками» («Луььюй», кн. XX). Это значило: возродить уничтоженные рабовладельческие государства, восстановить права и власть рабовладельческой аристократии и дать возможность уже павшим рабовладельцам снова прийти к власти. Таков был насквозь прогнивший политический лозунг, звавший к реставрации старой реакции. Конфуций же хотел видеть в нем задачу своей жизни. Он решил за него умереть. Народным массам того времени он был отвратителен. Один из привратников обругал его, обвиняя в непонимании современных задач: «Зная, что это не пройдет, он все же делает это» (Луььюй, кн. XIV), и назвал его реакционером, идущим против эпохи. Конфуций и его ученики проповедовали свое учение повсюду, причем в некоторых местах массы их окружали и нападали на них, при этом они пугались так, что бежали «как псы, потерявшие дом». Такова была заслуженная кара Конфуцию, стоявшему на реакционной платформе»²⁵.

²¹ «Хунци», 1972, № 12, стр. 51.

²² См. там же, стр. 47—49, 51, 53.

²³ См. там же, стр. 51.

²⁴ См.: «Хунци», 1972, № 12, стр. 54.

²⁵ См.: «Жэньминь жибао», 7.VIII. 1973.

В приведенном отрывке перед нами во всей красе раскрывается полный набор маонстской политической терминологии. Это и «насквозь пронизанный реакционный лозунг», и «реакционер, идущий против эпохи» «псы, потерявшие дом» и т. п. Критикуют Конфуция, конечно, народные массы, не только прекрасно разобравшиеся в политических взглядах философа, но и ясно представляющие политические задачи, стоявшие перед китайским обществом в VI в. до н. э. Я специально сверил с источником материал, приведенный Ян Юн-го из «Луньюй» кн. 14 (цзюань 17, раздел 14), где содержится высказывание привратника в адрес Конфуция. В «Луньюй» весь приведенный отрывок выглядит следующим образом: «Как-то ночью Цзы Лу проходил через ворота Шимынь. Стражник спросил его: «От кого Вы следуете?» (Цзы Лу) ответил: «От человека по фамилии Кун» (то есть Конфуция). Стражник сказал: «Зная, что это не пройдет, он все же делает это». Этой фразой заканчивается повествование, и далее следует другое, о том, как Конфуций играл на музыкальном инструменте и что произошло в связи с этим²⁶.

Итак, мы сталкиваемся с явным искажением источника. Во-первых, в тексте «Луньюй» не говорится о причине недовольства стражника Конфуцием. Поэтому он никак не мог «обвинить Конфуция в непонимании современных задач». Более того, в тексте нет и намека на то, будто стражник назвал Конфуция «...реакционером, идущим против эпохи». Думается, что, нападая на искусственно вылепленный ими образ Конфуция, левые не имели в виду какое-нибудь конкретное лицо. Скорее в этом образе объединены черты всех протестующих, несогласных или сомневающихся в «правильности» линии Мао Цзэ-дуна. Причем, в разряд активных или потенциальных противников Мао включены не только рядовые члены, но и руководящие кадры КПК. На эту мысль наталкивает сам метод подачи основной идеи второй статьи Ян Юн-го — изображение конфликта, якобы происшедшего между Шао-чжэн Мао и Конфуцием. Шао-чжэн Мао и Конфуций действуют в одно и то же время, в одном и том же царстве — Лу. Оба выступают с проповедями, и оба набирают учеников. Шао-чжэн Мао — человек прогрессивный, поскольку он выражает интересы «появившихся ремесленников и купцов», он возглавляет «группировку реформаторов». Конфуций, естественно, реакционер. Весьма любопытно, что в данной статье политическая линия Конфуция уже обозначается термином «дао» («путь»), а линия «реформаторов» иероглифом «лу» («линия»). Читающему эту статью в «Жэньминь жибао» такая трактовка сразу бросается в глаза, ибо «лу» он видит на каждом лозунге, где прославляется «генеральная линия» («цзун лусянь») Мао. И еще одна любопытная деталь — хотя у Шао-чжэн Мао иероглиф Мао отличается от фамильного знака («Мао») Мао Цзэ-дуна, однако звучат они одинаково, поэтому читателю нетрудно догадаться, что под образом Шао-чжэн Мао подразумевается Мао Цзэ-дун. В чем же провинился такой прогрессивный деятель, как Шао-чжэн Мао, перед Конфуцием? Ян Юн-го утверждает, будто «Конфуций инкриминировал Шао-чжэн Мао, что последний упорствует в следовании неправедными путями», за что фактически и приказал казнить Шао-чжэн Мао. В изложении Ян Юн-го, Конфуций перед казнь выдвинул следующие обвинения Шао-чжэн Мао:

1. Концентрация вокруг себя масс и создание группировок.
2. Проповедь порочного учения.
3. Хаотичное смешение истины и лжи».

²⁶ См.: «Чжунцзычичен». — «Собрание сочинений древнекитайских философов». Пекин, 1956, т. I, «Луньюй», гл. 17, раздел 14, стр. 325.

«Шао-чжэн Мао, — пишет Ян Юн-го, — стоял за новшества, которые соответствовали историческому развитию и чаяниям народных масс того времени.

Создается впечатление, что левые умышленно раздували неприязнь между Мао Цзэ-дуном и теми, кто олицетворял Конфуция. Инцидент с казнью Шао-чжэн Мао был вытасен на страницы массовой печати также не случайно — ведь в то время велось массовое обсуждение «дела Линь Бяо». Левые пугали Мао Цзэ-дуна смертью Шао-чжэн Мао, и это могло «сработать», ибо в памяти председателя были еще свежи воспоминания о «трех покушениях, организованных Линь Бяо».

Третья статья Ян Юн-го появилась через семь дней после второй («Борьба материализма против идеализма и априоризма в период обеих Хань». — «Жэньминь жибао», 13. VIII. 1973). До официального открытия X съезда КПК оставалось всего 11 дней, а споры все еще не утихали. В центре этой статьи полемика материалиста Ван Чуна против идеалиста-конфуцианца Дун Чжун-шу. Последователь Конфуция, многое сделавший в развитии раннего конфуцианства, обвиняется в целом ряде грехов. Прежде всего в том, что подразделяет людей на три различных категории, из которых две высшие способны управлять, а низшие, то есть рабы, обречены извечно на тяжкий труд. Они могут лишь воспринимать господство (власть) людей одаренных. То есть ощущается стремление как бы отделить народ, массы от административных кадров, противопоставить одних другим.

Статья несколько противоречива — Дун Чжун-шу осуждают за идеализм, за его веру в небесного правителя («шанди»), в неизменность доктрин («дао», «ли»); стремление к возврату к старому, привычному. Если под этим кроются призывы к возврату к линии решений VIII съезда КПК, а, скорее всего, так и было, то критика левыми Дун Чжун-шу понятна.

Ван Чун предстает как мыслитель, призывающий не следовать древности («в древности люди не носили одежду, сейчас же все одеваются»), а идти вперед, так как все развивается. То есть звучат призывы к постоянным переменам — к тем многократным революциям, о которых говорилось уже на самом X съезде.

Какие же выводы можно сделать из статей Ян Юн-го, статей, претендующих на теоретические обоснования всей дальнейшей политической кампании?

Прежде всего следует отметить, что они написаны на низком профессиональном уровне. Ян Юн-го упрощает и конфуцианство и легизм, рассматривая эти учения с позиций примитивного социологизма. Объясняя конфуцианские и легистские доктрины лишь узкоклассовым происхождением, что в корне неверно, Ян Юн-го даже здесь допускает передержки. Концепция Ян Юн-го о реакционности конфуцианства и прогрессивности легизма строится на том, что конфуцианство выражало интересы рабочей-владельческой аристократии, а легисты — нового, феодального класса. В качестве главного и единственного аргумента приводится текст реформы Шан Яна из «Исторических записок» Сыма Цяня: «Большие и малые — те, кто, усиленно трудясь (на ниве) основного занятия, пашут, ткут и производят много зерна — «фу ци шэн»²⁷. Вся соль в трактовке словосочетания «фу ци шэн». Ян Юн-го переводит его как «освобождение от рабства»²⁸. Однако он не может не знать, что в действительности «фу ци шэн» — это «освобождение от трудовых повинностей». И это мнение

²⁷ «Хунци», 1972, № 12, стр. 49.

²⁸ См. там же.

разделяли многие историки КНР²⁹. Вместе с тем Ян Юн-го «забывает» сказать читателю о второй части цитированного выше текста реформы: «Извлекающие выгоду из второстепенных занятий (торговля и ремесло — Л. П.), а также бедные из-за (собственной) лени должны быть превращены в рабов»³⁰. Эту реформу провел все тот же «выразитель интересов класса феодалов» — Шан Ян. Государство в лице Шан Яна впервые в истории Китая издает эдикт о массовом порабощении десятков тысяч людей; реформа способствовала развитию рабовладения, поэтому ни о каком распространении феодальных отношений не может быть и речи. Во времена Конфуция и Шан Яна наблюдалось лишь начало процесса становления рабовладельческих отношений. Рабство, как ведущая форма эксплуатации (особенно в ремеслах и торговле), получило широкое распространение гораздо позже: в III—II вв. до н. э. — I—II вв. н. э. Поэтому Конфуций при всем своем желании никак не мог «выражать интересы отмирающего класса рабовладельцев». Итак основной аргумент зачинателей дискуссии о Конфуции повисает в воздухе.

За Ян Юн-го последовала серия статей, авторы которых не являются специалистами в области древней истории или философии. Обрушиваясь на Конфуция, они в основном исходили из аргументации зачинателя дискуссии. В качестве иллюстрации приведем выдержку из статьи Тан Сяо-вэня «Были ли Конфуций «наставником всего народа»?»: «Видя свою задачу в том, чтобы реставрировать рабовладельческий строй эпохи Западного Чжоу, Конфуций выдвинул целую систему реакционных политических и этических воззрений, в основе которых лежало представление о гуманности, распространялся о необходимости возрождения уже отмершего государства рабовладельцев — аристократов с тем, чтобы и впредь сохранить наследственные привилегии рабовладельцев и аристократии, пытался помочь уже сошедшим со сцены рабовладельцам и аристократии вновь прийти к власти и заставить рабов во всей стране покорно склонить голову перед неизбежным»³¹.

Когда Тан Сяо-вэнь и ему подобные пытаются доказать реакционность принципа «жэнь» («гуманность») ссылаясь на классовую принадлежность Конфуция — это еще можно понять. Печально, что в дискуссии принял участие и такой известный философ, как Фэн Ю-лань. «В прошлом, — пишет Фэн Ю-лань, — кое-кто, и я в их числе, говоря о «человеколюбии» в изложении Конфуция, утверждал, что и у Конфуция были идеи о равенстве, братстве и тому подобном, что Конфуций открыл «человека», как такового. По этой версии выходило, что якобы отдельный философ мог, отвлекаясь от производственных отношений своего общества, чисто умозрительно выработать какие-то понятия. Но это абсолютно невозможно, это не материализм, а идеализм. В конце эпохи Чуньцю рабовладельческое общество уже стояло на краю гибели. К этому времени рабовладельцы, конечно же, представляли из себя гибнущий класс; идеология, которую так усердно пропагандировал Конфуций и которую мы изложили выше, разумеется, служила гибнущему классу рабовладельцев. Так что Конфуций, несомненно, был философом отмирающего рабовладельческого общества... В свое время я толковал выражение Конфуция «любить людей» как любовь ко всем людям. На самом же деле, если принять

²⁹ См.: Шан Юэ. Очерки истории Китая. М., 1959, стр. 51; Чжан Инь-лин. Очерки истории Китая. Пекин, 1962, стр. 107.

³⁰ См.: Сыма Цянь. Исторические записки. — «Исторические записки с собранием комментариев, исследованием и подтверждениями». Сост. и комм. Такикава Камэтаро. Шанхай, 1955, гл. 68, стр. 8 (3404).

³¹ См.: Тан Сяо-вэнь. Были ли Конфуций «наставником всего народа»? — «Жэньминь жибао», 23.IX. 1973.

во внимание сказанное мною выше, такая любовь «благородного мужа» ко всем людям, о которой якобы говорил Конфуций, просто невозможна. Ведь и сам Конфуций любил фактически лишь горстку рабовладельческой аристократии»³².

Действительно ли в понимании самого Конфуция «человеколюбие», «почитание родителей», «справедливость» и т. п. концепции, подвергающиеся критике со стороны Ян Юн-го, Фэн Ю-ланя и многих других участников происходящей ныне в КНР политической кампании, были созданы для защиты рабовладельческого строя? Отнюдь нет. Названные понятия и концепции имели этический смысл и не были в то время тесно связаны с какими-то определенными классами.

Конфуций использовал их для выработки определенной системы отношений между людьми. «Если при жизни отца, — наставлял Конфуций, — следовать его воле, а после его смерти следовать его поступкам и в течение трех лет не изменять порядков, заведенных отцом, то это можно назвать сыновней почтительностью»³³. А вот как понимал он свой основной принцип «человеколюбие»: «Вне своего дома относись к людям так, словно принимаешь дорогих гостей... Не делай людям того, чего не желаешь себе, и тогда и в государстве и в семье к тебе не будут чувствовать вражды»³⁴. Размеры статьи не позволяют продолжить цитирование, но таких высказываний немало. Однако и так ясно, что подобные положения вряд ли можно трактовать как «защиту рабовладельческого способа производства». Зачем же организаторам кампании понадобилось осуждать именно эти концепции? Случайно ли это? Нет, не случайно. Почтительность к родителям, уважение к старшим по возрасту стали одной из лучших черт национального характера китайцев, интересы семьи всегда ставились выше личных стремлений. И в этом немалая заслуга Конфуция. В период императорской системы правления (221 г. до н. э. — 1911 г. н. э.) семья или патронимия («цзун цзу» — объединение родственных семей) являлась той низшей социальной организацией, которая сохраняла известную автономию от властей и сохраняла свободу внутренней духовной жизни, следуя давно сложившимся традициям. В условиях маоистского режима, стремящегося порвать традиционные семейные связи, нормы отношений и подчинить духовно человека только одному вождю, такие традиционные стереотипы поведения, как почитание родителей и уважение к старшим по возрасту, мешают «воспитанию» нужного поколения. В период «культурной революции» донос на родителей официально объявлялся делом весьма похвальным, так маоисты формировали новую мораль. Например, газета «Бэйцзин гунжэнь» напечатала 21 января 1969 г. материал, рассказывающий о «передовом опыте» одного из революционных комитетов, суть которого сводилась к тому, что с помощью работника комитета старший сын «контрреволюционного элемента Лю» выступил с разоблачением против отца и тот «перестал упорствовать»³⁵. По-видимому, доносы на родителей не превратились в норму жизни, иначе маоисты не стали бы вновь тревожить тень Конфуция.

Мао является давним и принципиальным противником гуманизма. Еще в 1942 г. в «Выступлении на совещании по литературе и искусству

³² См.: Фэн Ю-лань. Критика Конфуция и моя самокритика преклонения перед идеями конфуцианства в прошлом. — «Гуаньмин жибао», 3.XII. 1973.

³³ См.: «Луныюй», гл. 1. Цит. по: «Древнекитайская философия». М., т. 1, 1972, стр. 142.

³⁴ См. там же, стр. 160.

³⁵ См.: Э. Я. Баталов. Маоизм — это антигуманизм. — «Критика теоретических основ маоизма». М., 1973, стр. 249.

в Яньани» он утверждал, что «подлинная любовь к человеку возможна, но лишь после того, как во всем мире будут уничтожены классы»³⁶. Это явно антимарксистская концепция, ибо подлинный социализм невозможен без гуманизма. Опыт Советского Союза и других социалистических стран показывает, что именно социалистическое общество создает в условиях сохранения классов наиболее благоприятные возможности для всестороннего развития человека, для высвобождения его творческих сил и способностей на базе научно-технической революции. Гуманизм несоместим с продолжающейся ныне линией «культурной революции», военно-бюрократической системой правления. Именно поэтому маоисты и обрушились на конфуцианское «человеколюбие». Жесткость по отношению к Конфуцию, а ведь он — неотъемлемая часть национальной культуры, в масштабы кампании свидетельствуют в то же время о наличии противостоящих сил, черпающих аргументацию в борьбе против группы Мао у того же Конфуция и его последователей.

Маоистов давно уже тревожило чрезмерное усиление командующих военными округами, десятилетиями сидящих в «своих» провинциях. Регионализм опасен маоистскому курсу на усиление личной власти председателя. И вот в ходе кампании Мао решил разделаться с теми, кто пустил слишком глубокие корни на местах и стал почти самостоятелен в претворении «курса» на своей территории. Для сторонников маоистской системы государственной структуры критика ранних конфуцианцев, времен самого Конфуция и Цинь Ши-хуана, весьма удобна в этом отношении. Конфуцианцы действительно выступили против чрезмерной концентрации власти в одних руках, встретили в штыки административную реформу Цинь Ши-хуана, с помощью которой он уничтожил самостоятельные владения местных правителей и аристократии³⁷. Циньская система округов и уездов, где на местах, помимо начальников округов, сидели специальные полномочные представители центра, неподвластные тамшним властям, помогла Цинь Ши-хуану держать администрацию в подчинении и провести серию важных государственных реформ³⁸. И вот в печати появилась серия статей на эту тему — конфуцианцев яростно обвиняют в сепаратизме, поддержке местных правителей³⁹; в том, что «...используя отжившее идеологическое оружие группировки Конфуция—Мэн-цзы «с помощью древности отрицать современность», они грубо порицали и отвергали различные политические акты Цинь Ши-хуана, направленные на укрепление единой власти феодалов, на защиту интересов нового помещичьего класса в духе последовательного осуществления легистской политической доктрины»⁴⁰. Дабы каждый читающий разумел, что под конфуцианцами имеются в виду противники Мао, в некоторых статьях прямо указывалось уже в самом начале, что эта проблема «имеет важное актуальное значение для более углубленного развертывания критики Линя и исправления стиля»⁴¹. После этих статей в самом конце декабря 1973 г. последовало известное перемещение командующих в восьми боль-

³⁶ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. М., 1953, т. 4, стр. 160.

³⁷ Подробнее см.: Л. С. Переломов. Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае. М., 1962, стр. 37—66, 153—171.

³⁸ См. там же.

³⁹ См.: Ши Лу нь. Суждения на тему почитания Конфуция и борьбы с легизмом. — «Гуанмин жибао», 7.X. 1973; «Хунци», 1973, № 10; Ло Сы-дин. Борьба за реставрацию и против реставрации в процессе становления династии Цинь. — «Гуанмин жибао», 11.XI. 1973; «Жэньминь жибао», 14.XI. 1973; «Хунци», 1973, № 11.

⁴⁰ У Та й. Как правильно разобраться в «сожжении книг и закапывании конфуцианцев» императором Цинь Ши-хуаном? — «Гуанмин жибао», 29.X. 1973.

⁴¹ Там же.

ших военных округах. Чэнь Си-лянь переведен из Мукдена в Пекин; Цзэн Сы-юй — из Ухани в Цзинань и Ян Дэ-чжи — из Цзинани в Ухань; Сюй Ши-ю — из Нанкина в Кантон и Дин Шэн — из Кантона в Нанкин; Пи Дин-цзюнь — из Ланьчжоу в Фучжоу и Хань Сянь-чу — из Фучжоу в Ланьчжоу; Ли Дэ-шэн стал командующим в Мукдене. На этом этапе кампании Мао Цзэ-дуну удалось завершить тщательно готовившуюся акцию.

Сторонники маоистской «системы образования», особенно четко проявившейся в период «культурной революции», стали наталкиваться в последние годы, как выяснилось из самой нынешней кампании, на упорное сопротивление работников просвещения, и не только их одних. Развитие страны немислимо без роста технической и гуманитарной интеллигенции, поэтому в университетах и институтах вновь стал утверждаться престиж специалистов. Вновь возникла угроза маоистской линии на приоритет политики, сочетание учебы с производительным трудом, когда молодежь на неопределенное время посылалась в деревни. И вновь обратились к критике конфуцианства. Конфуция осуждали за экзаменационную систему, концепцию «обучения без предвзятости», а по существу — за культ знаний. «Лю Шао-ци, Линь Бяо и иже с ними с таким пылом превозносили Конфуция как «наставника всего народа» и распространялись насчет «обучения без предвзятости» только потому, что хотели найти теоретическое обоснование своей ревизионистской линии в области образования, тщетно пытаясь затушевать идею классовости пролетарского образования, превратить наши школы в питомники по выращиванию буржуазной смены, дабы позволить помещичье-буржуазным классам и впредь монополизировать культуру и образование, свергнуть диктатуру пролетариата и реставрировать капитализм»⁴². За всеми этими громкими фразами сквозит страх перед возможным ростом критически мыслящего поколения, поэтому маоисты стремятся любыми средствами заглушить тягу к профессиональным знаниям. Появились герои типа Лю Ли-хуа — студента Шанхайского педагогического института, который осудил нынешнюю практику образования, при которой «работа была поставлена во главу угла», а политика, «революционная деятельность» отошли на второе место. Шанхайские газеты «Вэньхуэй бао» и «Цзефан жибао» широко разрекламировали в конце ноября 1973 г. речь Лю Ли-хуа, выразив надежду, что «...товарищи всех профессий, особенно работники культуры и просвещения, примут участие в дискуссии и направят в редакцию свои письма»⁴³. Организаторы кампании решили использовать ее не только для борьбы со своими внутренними противниками, но и с «врагами за рубежом». К концу 1973 г., когда им казалось, что Конфуций посрамлен окончательно, маоисты придали кампании антисоветский характер. В одной из статей, опубликованных «Хунци», было заявлено будто «советские ревизионисты» опубликовали «...целый ряд специальных работ и статей, в которых всячески поднимают на щит идейное течение за почитание конфуцианцев и борьбу с легистами, изо всех сил превозносят конфуцианскую школу, порочат легистов... целью чего является поддержка таких конфуцианцев в современном Китае, как Лю Шао-ци и Линь Бяо»⁴⁴. Мы вновь сталкиваемся с прямой фальсификацией. В Советском Союзе исследуются и конфуцианство, и ле-

⁴² Та и Сяо-вэнь. Был ли Конфуций «наставником всего народа»? — «Жэньминь жибао», 27.IX. 1973.

⁴³ Подробнее см.: «Куда идет Китай?» — «Чайна ньюс анализис», 4.I. 1974.

⁴⁴ См.: Ши Лунь. О почитании конфуцианцев и борьбе с легистами. — «Хунци», 1973, № 10; «Гуанмин жибао», 7.X. 1973.

гизм, при этом, как во всяком научном споре, высказываются разные точки зрения по отдельным концепциям. Однако в целом никакого восхваления конфуцианства не происходит⁴⁵. Советские китаеведы неоднократно подчеркивали, что «конфуцианство было антидемократической идеологией, оно исключало равенство в отношениях между людьми и этносами и какую-либо свободу в поведении человека»⁴⁶. Что же касается оценки легизма, то достаточно ознакомиться с работами, в которых доказывалась историческая прогрессивность легизма и одновременно критикуются отдельные реакционные концепции легистов, такие, как оболванивание народа, апологетика войны и насилия и т. п.⁴⁷.

Оценивая кампанию в целом, следует сказать, что основная ее цель — решение проблем сугубо политических, связанных с борьбой внутри руководства КПК. Одновременно чувствуется стремление путем критики конфуцианства и восхваления легизма оправдать не только деяния маоистов в период «культурной революции», доказать неизбежность «борьбы двух линий», но и оставить за маоистами право на будущие перманентные эксцессы в политической и экономической жизни.

Есть еще одна веская причина развертывания этой кампании: Мао Цзэ-дуну исполнилось 80 лет, он все чаще задумывается о судьбе своего родного детища — маоизма, и его тревожит будущее. Несмотря на все старания Мао, маоизм не проник глубоко в сознание народа, ибо он по самой своей сути антинароден. А Мао очень хочет еще при жизни заменить собой Конфуция. Именно этим и объясняется жесткость по отношению к Конфуцию, при этом Мао ловко подменяет критику Конфуция критикой конфуцианства, ставя между ними знак равенства.

Кампания критики отдельных рациональных концепций Конфуция, под видом огульного осуждения конфуцианства (а оно, безусловно, заслуживает разоблачения, но с марксистских позиций), нацелена на переоценку духовных ценностей народа, выкорчевывание институтов, не угодных маоистскому режиму. Однако масштабы кампании «критики Конфуция и Линь Бяо» и ее длительность свидетельствуют о нестабильности политического положения в Китае, о продолжающемся противоборстве различных соперничающих группировок в пекинском руководстве.

⁴⁵ См.: В. Г. Буров, М. Л. Титаренко. Философия древнего Китая. — «Древнекитайская философия». М., 1972, стр. 33—40.

⁴⁶ См.: В. А. Кривцов. Маоизм и конфуцианство. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3, стр. 76.

⁴⁷ См.: Л. С. Переломов. О сущности легизма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, стр. 77—89; «Книга правителя области Шан». М., 1968.

Религия и политика

О социально-религиозных движениях в современной Японии

Г. Е. Светлов

14 мая 1971 г. суд высшей инстанции в Нагое приговорил мэра города Цу к возмещению 7663 иен (примерно 25 долларов), «незаконно истраченных» из городской казны. Злоупотребления государственными и общественными средствами в Японии настолько обычны, что становятся достоянием широкой общественности, как правило, только тогда, когда растраты исчисляются миллионами и десятками миллионов иен. Однако, несмотря на ничтожность суммы, фигурировавшей на судебном процессе в Нагое, он получил куда более широкую огласку, чем дела о самых крупных хищениях. В данном случае речь шла о значительно большем, нежели о простом финансовом злоупотреблении. 7663 иены были истрачены на проведение религиозного синтоистского обряда *дзитинсай* («успокоения земли») при закладке здания городского спортивного зала. Суд усмотрел в этом нарушение конституции Японии, провозглашающей отделение церкви от государства, запрещающей использование средств государства и органов местного самоуправления на религиозные нужды.

Население реагировало на решение суда двояко. Если прогрессивные силы приветствовали его как акт, имеющий целью защиту конституции и демократических завоеваний японского народа, а сам процесс в Нагое был назван ими «процессом в защиту свободы совести»¹, то правые и консервативные круги подвергли его резкой критике, обвинив суд в игнорировании «национального духа» и традиций Японии. Решение суда дало консерваторам повод для новых нападок на конституцию и усиления требований о ее пересмотре².

«Дело о дзитинсай» — одно из проявлений острой политической борьбы между силами демократии и реакции в Японии. Оно вновь привлекло внимание японской общественности к вопросу о взаимоотношениях между церковью и государством, религией и политикой, лишней раз показав, что это вопрос далеко не академический, что религиозная идеология и религиозные институты продолжают играть существенную роль в политической борьбе.

---

¹ «Кокумин бунка» («Народная культура»). I. II. 1973, стр. 15.

² Именно в таком духе написаны статьи в сборнике «Закон и религия», изданном Обществом по исправлению отношений между политикой и религией, которое было создано в связи с «делом о дзитинсай» консервативными и синтоистскими учеными («Хо то сюкэ». Токио, 1973).

Отчуждение личности и религиозные чувства

В современной Японии религиозная идеология в той или иной мере оказывает воздействие на относительно широкие слои народа, хотя поражение Японии во второй мировой войне привело к глубокому кризису в сознании народных масс и резкому ослаблению влияния наиболее ответственных догматов религии. Тем не менее, по данным обследования, проведенного в 1968 г. Комитетом по изучению японского национального характера при Институте статистической математики, верующие составили 30%, а лица, не принадлежащие к какой-либо религиозной организации, но признающие за религией определенное место в жизни человека, — 53%. В результате специального опроса общественного мнения об отношении к религии, проведенного в ноябре 1968 г., эти показатели составили соответственно 34 и 35%³. Отсюда следует, что по крайней мере до 70% населения Японии в той или иной степени положительно относятся к религиозной идеологии.

Это в свою очередь определяет роль и удельный вес религиозных институтов в общественной жизни страны. Помимо храмов и церквей, в их ведении находятся многочисленные учебные заведения (включая свыше сотни университетов и колледжей), издательства, детские сады, больницы, дома для престарелых, различные культурные и спортивные учреждения. Крупнейшие религиозные организации располагают большими финансовыми средствами, что позволяет им вести дорогостоящее строительство и проводить массовые мероприятия, требующие огромных затрат.

В последние годы наблюдается даже известный рост интереса японского населения к религиозной идеологии. Об этом свидетельствует, в частности, растущий спрос на буддийскую и прочую религиозную литературу, а также популярность публичных выступлений известных проповедников. Книги председателя крупнейшей религиозной организации Сока гаккай (Общество создания ценностей) Икэда и некоторых других религиозных деятелей издаются массовыми тиражами и постоянно фигурируют в списках бестселлеров. Все это не случайно. Усиливающееся отчуждение личности в капиталистическом обществе — процесс, еще более усугубляемый прогрессом научно-технической революции. — толкает многих людей на путь своего рода «богоскательства», поиски «философии жизни», способной обеспечить «восстановление человечности» и «духовное спасение человека».

Для религиозной жизни Японии характерны необычная пестрота, наличие множества религиозных течений, включая синто — национальную религию японцев, традиционные школы буддизма, новые социально-религиозные движения, представляющие обновленческую струю в религии. Последние отличаются от старых школ главным образом тем, что они более искусно сумели приспособить религиозную догматику к насущным проблемам современной жизни. Если социальной базой синто и традиционных школ буддизма служат преимущественно сельское население и отчасти наиболее консервативные городские слои, то новые социально-религиозные движения черпают своих сторонников главным образом среди мелкой и средней буржуазии и неорганизованных трудящихся в крупных городских центрах. С точки зрения идеологического воздействия на население им принадлежит ведущее место среди всех религиозных организаций Японии.

³ Joseph J. Spae. Japanese Religiosity. Tokyo, 1971, p. 214.

Всего в стране насчитывается около 380 религиозных организаций, действующих во всеяпонском масштабе, и несколько сот групп, имеющих локальное значение⁴. Степень их участия в общественной жизни, их интерес к политике различны: они выше у новых социально-религиозных движений и значительно ниже у организаций старых религиозных школ. Что же касается их политической ориентации, то нельзя не согласиться со следующим высказыванием японского исследователя проблем религии С. Мураками: «Основное течение религиозной идеологии современной Японии... объективно защищает правительство и либерально-демократическую партию, задерживает развитие политического сознания народа и отвлекает его от борьбы за прогрессивные требования... Вместе с тем та или иная религиозная идеология в процессе своего исторического формирования вбирает в себя и отражает также народные требования освобождения и поэтому частично может играть прогрессивную социальную роль. Это противоречие в религии проявляется особенно сильно, ибо религиозная организация в состоянии наращивать свои силы лишь в случае, когда она прямо или косвенно отражает духовные и материальные требования народа. Общая реакционность и частичная прогрессивность религии коренятся в ее идеологической сущности»⁵.

Действительно, большинство японских религиозных организаций ориентируются на правящую либерально-демократическую партию (ЛДП), хотя степень поддержки ими либерал-демократов и ее формы весьма разнообразны. Вместе с тем руководство религиозных организаций, где основную массу верующих составляют представители городского пролетариата, не может не учитывать требований трудящихся и по ряду вопросов выступает с позиций, отличных от правящей ЛДП, хотя в силу реакционного и консервативного характера идеологии этих групп подобные выступления далеко не всегда смыкаются с борьбой демократических сил. Наиболее ярко это проявляется в деятельности Сока гаккай и созданной этой организацией партии Комэйто (первая в истории Японии политическая партия на религиозной основе). Наконец, лишь очень небольшое число религиозных групп выступает с действительно прогрессивными лозунгами, идет в едином строю с демократическими силами страны.

Деятельность религиозных организаций в области политики заметно активизировалась. Это находит свое выражение не только в появлении Комэйто, но и в создании в крупнейших религиозных организациях специальных органов для ведения политической деятельности, их участия в различных движениях политического характера, усиливающимся интересе к избирательным кампаниям. В свою очередь это свидетельствует о росте политического сознания все более широких слоев населения Японии, чего не могут не учитывать религиозные лидеры в попытках удержать верующих под своим влиянием.

Синто и борьба в защиту конституции

Среди религиозных организаций, придерживающихся наиболее правой ориентации в политике, крупнейшей является Ассоциация синтоистских храмов (Дзиндзя хонтё). Такая позиция определяется самим харак-

⁴ «Сюкё энкан 1971» («Религиозный ежегодник за 1971 г.»). Токио, 1972, стр. 73.

⁵ «Марксуюги тэцугаку» («Марксистская философия»). Токио, 1971, т. 5, стр. 213.

тером синто, той ролью, которую это религиозное течение играло на определенном этапе японской истории.

Главная специфическая особенность синто — глубокий национализм. Согласно мифологии синто, японцы ведут свое происхождение от богов (ками). Поэтому японская нация имеет якобы совершенно особое божественное предназначение. С подобными представлениями связана и концепция о божественном происхождении императора, которая, как и национализм синто в целом, широко использовалась правящими кругами Японии в их классовых целях. На протяжении почти 80 лет — со времени незавершенной буржуазной революции 1867—1868 гг. и вплоть до окончания второй мировой войны — синто служил, по сути дела, официальной государственной идеологией Японии. Власти объявили синто государственным культом, своего рода надрелигией, обязательной для всех японцев, независимо от их вероисповедания. Насильственно насаждались обряды, связанные с почитанием императорской фамилии, культом «героев», отдавших жизнь во имя императора и государства. Мифы о божественном происхождении императора и «особой» миссии Японии были основой системы народного образования. Синто превратился в орудие оправдания империалистического грабежа и агрессивных войн Японии.

Разгром Японии во второй мировой войне привел к ликвидации государственного синто. Одним из первых актов союзных оккупационных властей было запрещение синто как государственного культа. Под их давлением император, издав 1 января 1946 г. «рескрипт о человеческой сущности», отрекся от своего «божественного» происхождения. Конституция 1947 г. провозгласила свободу совести и отделение церкви от государства, запретив правительству оказывать поддержку любой религиозной организации, осуществлять религиозное обучение.

Лишившись государственной поддержки и связанных с ней привилегий, синто понес большой урон, но все же сохранил свои храмы. Практически синто удалось сохранить и свою организацию: 3 февраля 1946 г. была создана Ассоциация синтоистских храмов, частично унаследовавшая функции ликвидированного за день до этого Управления синтоистских храмов при министерстве внутренних дел Японии. Ассоциация превратилась в главный центр синто, решающий важнейшие вопросы деятельности синтоистского духовенства. Большую помощь синтоистским храмам в наиболее неблагоприятные для них первые послевоенные годы оказало правительство, которое либо безвозмездно, либо за небольшую компенсацию передало во владение храмов их земельные участки, находившиеся до этого формально в собственности государства⁶. Обширные земельные владения составили прочную экономическую базу деятельности крупных храмов. Удержанию синтоистскими храмами своих позиций способствовало и сохранение традиционных организаций прихожан (удзико), которые и по сей день остаются основными проводниками влияния синтоистского духовенства на местах. Эти организации охватывают в сельской местности до четырех пятых, а в городах — около трети взрослого населения⁷.

Начиная с 1952 г., то есть со времени прекращения оккупации Японии, Ассоциация синтоистских храмов открыто выступает с требованиями восстановления былых привилегий синто. В послевоенной Японии этот вопрос стал объектом острой политической борьбы между силами демократии и реакции.

⁶ Мураками Сигэёси. Кокка синто («Государственный синто»). Токио, 1970, стр. 218.

⁷ «Марксуюги тэцугаку». Токио, 1971, т. 5, стр. 198.

Уже в 1956 г. в документе «Основные черты жизни, исполненной уважения к kami» Ассоциация синтоистских храмов призвала верующих «объединиться в гармоничном осознании воли императора», молиться о «процветании государства», тем самым недвусмысленно отождествив синто с императором и государственной властью⁸. На протяжении ряда лет Ассоциация выступает инициатором движения «за повышение национального духа», имеющего целью «восстановить уважение к kami и предкам», систематически обращается к правительству с петициями принять законодательные меры для «нормализации общественного порядка» и «защиты достоинства императорской фамилии»⁹.

С начала 60-х годов правящая ЛДП вместе с Ассоциацией синтоистских храмов при поддержке ряда правых и консервативных организаций развернула кампанию за восстановление кигэнсэцу (День основания Японской империи), который официально праздновался в милитаристской Японии. Это вызвало резкий протест демократической общественности; ведь восстановление кигэнсэцу, по сути дела, означало бы официальное признание синтоистского мифа, согласно которому японское государство основано в 660 г. до н. э. легендарным императором Дзимму. Пользуясь большинством в парламенте, правящая ЛДП в 1966 г. тем не менее провела закон, объявивший 11 февраля (День кигэнсэцу в довоенной Японии) национальным праздником — Днем основания государства. Однако борьба вокруг вопроса о кигэнсэцу на этом не прекратилась. Начиная с 1967 г. 11 февраля ежегодно является днем выступлений японских демократов с протестами против навязывания народу синтоистской идеологии.

Наряду с фактическим восстановлением кигэнсэцу активизировались попытки внедрения синтоистских мифов в народное образование. Был взят курс на включение в школьные учебники мифов о происхождении японского государства за счет вытеснения научного объяснения фактов древней истории Японии. В учебных пособиях исподволь стали проводиться концепции об «исключительности» и «особой миссии» японской нации.

В 1968 г. синтоистское духовенство приняло самое активное участие в праздновании столетия «реставрации Мэйдзи» — так в Японии официально именуется событие 1867—1868 гг., положившее начало незавершенной буржуазной революции. Правительство и консервативные круги широко использовали юбилей «реставрации Мэйдзи» для культивирования националистических настроений.

Таким образом, в 60-х годах развернулось широкое наступление реакционных и консервативных сил с целью осуществить идеологическое перевооружение народа, причем одним из орудий этого наступления стала антинаучная синтоистская догма. Это наступление происходит в различных формах, которые подчас выглядят весьма невинно. Участились коллективные посещения (под видом экскурсий) крупнейших синтоистских храмов школьниками и военнослужащими, которые на деле превращаются в акты почитания синтоистских святынь, что является явным нарушением конституции.

Наиболее острая борьба в связи с попытками восстановления синтоистской «надрелигии» в последнее время развернулась вокруг вопроса о храме Ясукуни, посвященном душам воинов, погибших в захватнических империалистических войнах, и издавна являвшемся центром милитари-

⁸ "Japanese Religion. A Survey by the Agency of Cultural Affairs". Tokyo and Palo Alto, 1972, p. 33, 172.

⁹ «Сюму дзихо» («Религиозное обозрение»). Токио, VI. 1970, стр. 15.

стской пропаганды¹⁰. Еще в начале 60-х годов синтоистское духовенство развернуло кампанию за передачу этого храма под опеку государства, что явилось бы важным шагом на пути возрождения государственного синтоистского культа. Спекулируя на чувствах людей, потерявших своих близких на полях сражений, синтоистское духовенство в этой кампании заручилось поддержкой Японской ассоциации осиротевших семей — крупной общественной организации консервативного характера, объединяющей, по некоторым данным, до 1,8 млн. семей¹¹. К этой кампании подключилась ЛДП, которая начиная с 1969 г. ежегодно вносит на рассмотрение парламента законопроект о передаче храма Ясукуни в ведение государства. Однако до сих пор из-за решительных протестов демократической общественности провести этот законопроект не удалось.

Законопроект о храме Ясукуни вызвал бурный протест. Ведь речь идет о том, чтобы навязать народу «культ героев войны», заглушить критику агрессивных войн, которые в свое время развязала Япония, открыть путь к возрождению великодержавного японского национализма¹².

В связи с проведением в октябре 1973 г. в храме Исэ-дзингу традиционной церемонии сэngu (осуществляемый раз в 20 лет перенос на новое место храмовых построек) синтоистское духовенство усилило кампанию за восстановление государственного статуса и этой главной синтоистской святыни, связанной с «божественными предками» императора. Широко рекламируя церемонию сэngu, синтоистское духовенство и консервативные элементы использовали ее для пропаганды идей о «неотделимости синто от японского образа жизни».

В этой обстановке демократические силы приветствовали решение суда по «делу о дзитинсай» в городе Цу как большую победу в борьбе за конституцию и демократические права народа. Это решение стимулировало выступления против нарушения властями принципа отделения церкви от государства во многих других местах страны¹³. Вместе с тем оно вызвало негодование синтоистского духовенства и консервативных сил. Решение нагойского суда обжаловано в Верховном суде Японии¹⁴. Предстоит еще долгая борьба.

О тех, кто ратует за «дух синто»

В последнее время сторонники восстановления синтоистской «надрелигии» все чаще прибегают к аргументации, мало чем отличающейся от доводов, которыми оперировали правители Японии в конце XIX в., провозглашая синто государственным культом. Настойчиво проводится мысль о якобы «нерелигиозном» характере синто и его обрядов. «В Японии распространена идеология удзигами (богов-хранителей. — Г. С.). С точки зрения европейской ее вряд ли можно «назвать религией», — пишет один из сторонников таких взглядов¹⁵. Подобные рассуждения основываются и на том, что многие японцы действительно воспринимают синто не как религию, а как своего рода национальную традицию, связан-

¹⁰ Храм Ясукуни, основанный в 1869 г. в Токио, был единственным синтоистским храмом, находившимся в ведении Министерства вооруженных сил Японии. Храм пользовался особым покровительством японской армии и императорской фамилии.

¹¹ Joseph Kitagawa, *Religion in Japanese History*. New York, 1966, p. 289.

¹² «Кокумин бунка», 1.11.1973, стр. 11.

¹³ Там же, стр. 13.

¹⁴ «Japan Times», 26.V. 1971.

¹⁵ Мацусита Масаёси. Религия и политика. — «Хо то сюкё». Токио, 1973, стр. 14.

ную с почитанием предков, любовью к родной земле, а потому не только совершенно безвредную, но в общем даже полезную, особенно для воспитания подрастающего поколения. В этом кроется большая опасность синтоистских идей, которые проникают в сознание исподволь, незаметно, не вызывая отрицательной реакции даже у людей, не питающих симпатий к религии.

Сторонники возрождения синтоистской надрелигии открыто спекулируют на национальных чувствах, на антиамериканских настроениях, усиливающихся по мере обострения империалистических противоречий между США и Японией. Цитированный выше автор прямо заявляет, что конституция Японии якобы навязана ей американцами, она «игнорирует коренное различие в религиозном сознании японцев и христианских народов», и поэтому, мол, разделение политики и религии в Японии — задача исключительно трудная¹⁶. Другой автор, апеллируя к чувству национального достоинства японцев, оскорбленному американской оккупацией после второй мировой войны, называет решение нагойского суда «приговором оккупационного периода»!¹⁷

Шагом к активизации политической деятельности синтоистского духовенства явилось создание в ноябре 1969 г. Синтоистской политической лиги. В программе лиги выдвигаются задачи «заложить основы управления государством, руководствуясь духом синто», добиться «подъема национального духа самостоятельности и независимости», бороться против «социальных беспорядков». Одной из первых акций лиги было развертывание «движения в защиту закона и порядка»¹⁸. Синтоистская политическая лига приняла участие в проходившем в 1970 г. в Токио сборище Всемирной антикоммунистической лиги. По всем важнейшим вопросам внутренней и внешней политики эта организация синтоистского духовенства занимает крайне правые позиции, солидаризируясь с наиболее консервативными кругами внутри ЛДП, поддерживая представителей этих кругов на выборах в парламент Японии.

Нельзя не видеть, что реакционные взгляды синтоистского духовенства и тех, кто ратует за восстановление былого влияния синто, фактически совпадают с политическим кредо ультраправых группировок и правого крыла в ЛДП. Так, созданная в июле 1973 г. группа депутатов парламента от ЛДП Сэйранкай (Общество летнего шторма) требует пересмотра конституции, в частности тех ее положений, которые касаются статуса императора, гражданских свобод, взаимоотношений между религией и политикой, отказа Японии от войны, выдвигает задачи «повышения государственной морали», «реформы системы образования», «необходимости государственной обороны и общественного порядка»¹⁹.

Глашатаями реакционных националистических идей выступают не только синтоистское духовенство, но и проповедники ряда других религиозных организаций, которых можно характеризовать как «ультра» в религиозном мире Японии. В основном это мелкие группы, не пользующиеся значительным влиянием. Исключенные составляют Сэйтё-но изэ и Буссё гонэн кай.

Общество Сэйтё-но изэ принадлежит к числу новых социально-религиозных движений. Адепты этой организации (около 500 тыс. членов) — в основном представители средней и отчасти крупной буржуазии и интеллигенции. Ее догмы представляют собою эклектическую мешанину из

¹⁶ Там же, стр. 11.

¹⁷ Там же, стр. 111.

¹⁸ «Дзиндзя симпо», 13.1, 1969.

¹⁹ "Mainichi Daily News", 14.XI. 1973.

элементов буддизма, синто, христианства, некоторых других религиозных школ.

Руководители этого общества открыто отвергают любую форму демократии как абсолютно неприемлемую для Японии. Подвергая нападкам нынешнюю конституцию, они требуют не больше, не меньше, как «возвращения к конституции Японской империи 1889 г.».

Выступления проповедников Сэйтё-но из проникнуты ненавистью к коммунизму, прогрессивным силам Японии, полны нападок на Советский Союз и другие страны социализма, которые изображаются главными врагами японского народа.

Сэйтё-но из поддерживает все шаги синтоистского духовенства, направленные на восстановление синтоистской «надрелигии», культивирование «патриотического духа». Сэйтё-но из выступило инициатором движения в пользу восстановления «кигэнсэцу» и считает принятие закона о праздновании «дня основания государства» одним из своих самых значительных политических успехов. Ежегодно 11 февраля Сэйтё-но из распространяет листовки, призывая народ отмечать этот праздник.

Созданная в 1963 г. Политическая лига Сэйтё-но из активно сотрудничает с ЛДП. Сэйтё-но из играет важную роль в Народной ассоциации за принятие конституции независимости — организации, возглавляемой бывшим премьер-министром Киси и ставящей своей целью финансирование деятелей правого крыла ЛДП²⁰.

ЛДП находит поддержку также со стороны Буссё гонэн кай — организации (примерно 100 тыс. членов), также принадлежащей к числу новых социально-религиозных движений, догмы которой сформировались под влиянием идей синкретизма буддизма и синто. Проповедники Буссё гонэн кай воспитывают верующих в духе почитания синтоистских святых и мифов синто, исключительности японской нации, выступают против развития дружественных отношений Японии с социалистическими странами из опасения, что это приведет Японию на «путь коммунизма»²¹.

Синтоистский национализм, таким образом, служит идеологической основой выступлений Сэйтё-но из и Буссё гонэн кай в области политики, хотя их догмы существенно отличаются от традиционного синто. То же можно сказать и о других религиозных «ультра». Это лишний раз говорит о том громадном националистическом заряде, который несет в себе синто.

Однако в еще большей степени, чем синтоистский национализм, реакционеров в религиозных кругах спланирует ненависть к коммунизму и силам демократии. На упоминавшемся сборище Всемирной антикоммунистической лиги в Токио вместе с Синтоистской политической лигой и Сэйтё-но из участвовали представители Гэнри ундо (Движение основного принципа) — христианской секты, проникшей в Японию из Южной Кореи в начале 60-х годов. Антикоммунистическая ориентация Гэнри ундо не вызывает сомнений. Под ее эгидой создана так называемая Международная федерация победы над коммунизмом, ведущая в основном работу среди молодежи и принимающая активное участие во всех антикоммунистических кампаниях²². В 1969 г. в разгар антиправительственных студенческих выступлений, охвативших большинство университетов Японии, Сэйтё-но из и Гэнри ундо создали Национальный совет связи студенческих органов самоуправления, провозгласивший своей целью борьбу про-

²⁰ «Тюо корон», 1971, VII, стр. 255—256.

²¹ Сугита Кодзо. Буссё гонэн кай. Токио, 1968, стр. 245.

²² "Japan Times", 30.X. 1970.

тив студенческого прогрессивного движения, выдвинувший реваншистские антисоветские лозунги²³.

По образному выражению японских журналистов, Сэйтё-но изэ, Буссё гонэн кай и Гэнри ундо составляют «святую троицу религиозных организаций правой ориентации»²⁴.

В отличие от описанных выше организаций, выступающих с откровенно националистических позиций и поддерживающих наиболее реакционные тенденции в правящей ЛДП, многие другие религиозные группы Японии, за исключением Сока гаккай, питают относительно слабый интерес к политике и если принимают участие в политической борьбе, то преимущественно по вопросам, которые непосредственно их затрагивают. Вместе с тем все они оказывают поддержку, в основном пассивную, либерал-демократам. Это особенно характерно для традиционных школ буддизма.

Безразличие большинства буддийского духовенства к политике сочетается со стремлением к сохранению существующего порядка вещей, в чем оно видит залог сохранения и своих привилегий. Опасаясь, что успех прогрессивных партий будет угрожать их интересам, буддийские священники в силу своего консерватизма поддерживают в основном правящую ЛДП, хотя далеко не все из них согласны полностью с ее политикой. По данным опроса, в 1960 г. 70% буддийских священников поддержали ЛДП и только 6% — социалистическую партию (опрос населения в это же время показал, что ЛДП и СПЯ поддерживали соответственно 45 и 28% опрошенных)²⁵.

Подобные тенденции усилились в последующие годы с той только разницей, что несколько возрос процент священнослужителей, высказывающихся в пользу правореформистской Партии демократического социализма (ПДС)²⁶. На выборах в палату советников 1971 г. Всеяпонская буддийская ассоциация, объединяющая организации традиционных школ буддизма, выступила в поддержку 19 кандидатов, из которых 18 принадлежали к ЛДП и один — к ПДС²⁷. Кандидатов ЛДП поддержали и такие буддийские группы, как Сото, Нитирэн, Ниси Хонгандзи²⁸. Правда, эта поддержка, как правило, носила пассивный характер, сводясь в большинстве случаев к разрешению наклеивать избирательные плакаты на стенах храмов. Практически влияние духовенства традиционных буддийских школ на прихожан не настолько велико, чтобы побудить их голосовать так, а не иначе.

Гораздо привлекательнее для ЛДП в этом плане новые социально-религиозные движения. Либерал-демократам импонируют мобилизационные возможности этих групп, характерная для них авторитарная система, подчинение верующих воле своего духовного пастыря, что заставляет их голосовать по его указанию. Все это побуждает кандидатов от ЛДП вести настоящую охоту за голосами адептов новых социально-религиозных движений. В отличие от Сэйтё-но изэ и Буссё гонэн кай большинство новых социально-религиозных движений, в том числе такие крупные, как Риссё косэй кай (Общество установления справедливости и братства — 600 тыс. верующих), РЛ кёдан (Ассоциация абсолютной свободы — свыше 500 тыс. верующих), Сэкай кюсэй кё (Религия спасения мира), Рэй ю кай (Общество друзей духа), предпочитает не афишировать своих политических симпатий и часто даже провозглашает нейтралитет в избирательной борьбе

²³ "Japan Times", 7.V. 1969.

²⁴ «Тюо корон», 1971, VI, стр. 256.

²⁵ Там же, стр. 98.

²⁶ Там же, стр. 99.

²⁷ «Тюо корон», 1971, VII, стр. 248.

²⁸ Там же.

бе. На практике же они поддерживают кандидатов ЛДП и значительно реже — ПДС.

Таким образом, ряд новых социально-религиозных движений превращается в важный резерв правящей партии, используя который она пытается сохранить свои позиции в парламенте. Через эти движения либерал-демократы рассчитывают привлечь на свою сторону довольно широкие слои мелкой буржуазии, представители которой здесь преобладают²⁹.

«Истинный буддизм» и политика

До сих пор, говоря о политической ориентации новых социально-религиозных движений, мы только упомянули крупнейшее из них — Сока гаккай (Общество создания ценностей), число членов которого оценивается в пределах 4—5 млн. человек³⁰. В отличие от всех других новых социально-религиозных движений Сока гаккай не только приняло гораздо более активное участие в политической борьбе, но и создало в 1964 г. свою самостоятельную политическую партию Комэйто (Партия чистой политики). Объяснение этому следует искать как в идеологии Сока гаккай, так и в социальном составе организации.

В основе догм Сока гаккай лежит учение буддийского проповедника XIII в. Нитирэна, осовремененное и увязанное с требованиями социальных реформ. Осуществление реформ мыслится идеологами Сока гаккай лишь на базе претворения в жизнь учения Нитирэна (разумеется, в их интерпретации), провозглашаемого «новой философией жизни». Соединение этой философии с политикой должно привести к построению идеального общества «третьей цивилизации», противопоставляемого как капитализму, так и социализму. Лидеры Сока гаккай утверждают, что вообще честная политика невозможна, если она не основывается на «истинном буддизме», носителем которого является только Сока гаккай. «Истинный буддизм» призван очистить и облагородить политику. Вот почему созданную ими партию лидеры Сока гаккай назвали Партией чистой политики. Идея слияния религии и политики проходит красной нитью в догмах Сока гаккай.

На первых порах Сока гаккай объединило преимущественно представителей мелкой и средней буржуазии. Однако по мере роста этого общества и активизации его участия в политической жизни в конце 50-х и особенно в 60-х годах его социальный состав претерпел изменения. Наряду с мелкими и мельчайшими предпринимателями в ряды общества влилось большое число представителей наименее обеспеченных слоев городского населения (рабочие мелких и средних предприятий, надомники, временные рабочие, работники сферы обслуживания и т. п.), большинство которых составили недавние выходцы из деревни. Проповедники Сока гаккай сумели искусно использовать религиозные предрассудки этих людей, в частности широко распространенные представления гэндзэ рияку (вера в то, что «истинная религия» способствует улучшению материального положения и преуспеянию в делах). Вместе с тем в ряды Сока гаккай многих верующих толкнуло стремление к коллективу и особенно укоренившееся среди них недоверие к политике вообще, недовольство существующим положением и стремление найти выход из него.

Процент представителей трудящихся, особенно наименее обеспеченных слоев городского пролетариата, в Сока гаккай значительно выше,

²⁹ "Japan Press", 7.VIII. 1971, p. 7.

³⁰ «Марксусюги тэцугаку». Токио, 1971, т. 5, стр. 210.

чем в других новых социально-религиозных движениях. И хотя всеми делами в Сока гаккай заправляют представители мелкой и средней буржуазии, преобладание в его рядах представителей трудящихся не может не оказывать серьезного влияния на характер деятельности общества в целом и его выступления на политической арене в частности. Вот почему руководство Сока гаккай не могло просто плестись в хвосте ЛДП, а пошло по пути создания собственной политической партии — Комэйто.

Мелкобуржуазный характер этой партии очевиден. Идеологическими принципами Комэйто провозглашаются реформизм («полное отрицание насильственной революции и активная поддержка мирных и постепенных реформ») и так называемая доктрина «среднего пути», что означает стремление к «золотой середине» в политике, отказ от «уклона вправо или влево». Экономическая политика партии базируется на принципах «гуманного социализма», который идеологи Комэйто объявляют «новым немарксистским социализмом», ставящим в основу «уважение к человеческой личности». Целью экономической политики провозглашается «построение общества благоденствия, в котором гармонично сочетается счастье каждого индивидуума с процветанием общества в целом»³¹. На деле же экономическая политика Комэйто сводится к требованиям частичных улучшений в рамках капиталистического общества. Нельзя поэтому не согласиться с теми японскими учеными, которые характеризуют политический идеал Комэйто как «модифицированный капитализм»³².

Вся недолгая история существования Комэйто свидетельствует о непоследовательности партии в политике, о присущих ей компромиссах и колебаниях. Лидеры Комэйто то выступали совместно с оппозицией, то солидаризировались с правящей ЛДП, оказывая ей подчас существенную поддержку. Вместе с тем руководство партии постоянно вынуждено прислушиваться к требованиям тех групп населения, представители которых преобладают в Сока гаккай, а следовательно, и среди сторонников Комэйто. Вот почему в программных документах Комэйто неизменно фигурируют эти требования: борьба против взвинчивания монополиями цен на товары народного потребления, за улучшение системы социального обеспечения, борьба с загрязнением окружающей среды и т. п.

Этот фактор играл существенную роль и в том, что партия солидаризировалась, хотя далеко не всегда последовательно, с демократическими силами в борьбе против американо-японского военного союза, в осуждении агрессии империализма США против народов Индокитая, в критике курса на возрождение милитаризма в Японии и по другим важным политическим вопросам. Комэйто всегда выступала в защиту конституции и основных демократических прав народа. Вместе с тем для Комэйто, как и для Сока гаккай, характерны националистические тенденции, в чем сказывается влияние идей Нитирэна.

Анализируя политическую деятельность Сока гаккай и его партии Комэйто, нельзя не видеть, что они сыграли двойную роль в политической борьбе. С одной стороны, они не позволили демократическим силам привлечь значительную часть городского пролетариата в качестве своего союзника. С другой стороны, наличие Сока гаккай предотвратило превращение этой части трудящегося населения в резерв правых и ультраправых организаций. Сока гаккай и его партия, таким образом, явились своего рода аккумулятором недовольства тех слоев трудящихся, которые политически еще не созрели для поддержки демократических сил, но по этим же причинам могли легко скатиться на крайне правые позиции.

³¹ «Komeito». Токио, 1970.

³² Мураками Сингэбси. Комэйто. Токио, 1969, стр. 8.

Хотя в принципе Комэйто была и остается промежуточной мелкобуржуазной партией, в последние годы отмечается ее определенный сдвиг влево, что обусловлено общей политической обстановкой в стране, усилением борьбы трудящихся за свои права, нарастанием демократического движения в Японии. В подобной обстановке руководство Комэйто было вынуждено занять более четкую позицию в отношении правительства и монополистического капитала, более определенно заявить о своей принадлежности к оппозиционному лагерю, и не только заявить, но и активнее включиться в совместные действия демократических сил.

Состоявшийся в сентябре 1973 г. XI съезд Комэйто провозгласил основной целью партии борьбу «против ЛДП, правительства и крупного капитала», объявив свержение нынешнего консервативного правительства неотложной целью³³. Съезд выдвинул задачу «усиления борьбы за немедленное расторжение американо-японского договора безопасности, ликвидацию военных баз США на территории Японии, против милитаризации страны». В области внешней политики партия отвергает одностороннюю ориентацию на США и призывает к развитию нормальных отношений со всеми странами, независимо от их социального строя.

На съезде была подтверждена линия Комэйто на защиту конституции, парламентской демократии, против попыток правящей партии пересмотреть в худшую сторону избирательную систему, против взвинчивания цен, за улучшение системы социального обеспечения.

В последнее время активизировалось участие Комэйто в массовых выступлениях демократических сил в поддержку насущных требований большинства населения. Однако антикоммунистическая предубежденность лидеров Комэйто продолжает оставаться главным препятствием на пути последовательного сотрудничества партии со всеми демократическими силами.

Пример Комэйто служит ярким свидетельством того, что даже в такой высокоразвитой капиталистической стране, как Япония, религиозная идеология еще далеко не исчерпала себя в качестве стимулятора политической деятельности. Характерно, однако, что в 1970 г. под давлением общественности, усмотревшей в политической активности Сока гаккай нарушение конституции, Сока гаккай и Комэйто вынуждены были пойти на формальное размежевание между партией и религиозной организацией. На деле же между ними сохраняются тесные связи. О степени влияния партии среди населения свидетельствуют такие данные: Комэйто имеет 30 своих депутатов в палате представителей и 23 депутата в палате советников парламента. В конце декабря 1973 г. в префектурных собраниях насчитывалось 119, в городских собраниях — 1538, в сельских и поселковых собраниях — 838 депутатов от Комэйто³⁴.

Будущее Комэйто зависит прежде всего от того, насколько далеко сможет пойти эта партия по пути совместных действий с прогрессивными силами страны в борьбе за насущные интересы большинства японского народа. Будущее партии будет в не меньшей степени зависеть и от того, насколько умело и активно демократические силы Японии поведут работу среди слоев населения, составляющих социальную базу Сока гаккай и Комэйто.

* * *

Рост демократических сил в послевоенной Японии, мощные выступления трудящихся в защиту своих прав, мира и демократии, против аме-

³³ Здесь и далее решения XI съезда Комэйто излагаются по «Материалам XI всеяпонского съезда Комэйто». Токио, 1973.

³⁴ «Нихон кэйдзай симбуи», 11.III. 1974.

американо-японского военного союза оказали влияние на часть религиозных деятелей, которые включились в общедемократическое движение народа. Еще в 50-е годы некоторые религиозные организации начали принимать участие в движении за мир, против угрозы ядерной войны вместе с социалистами, коммунистами, профсоюзами и другими демократическими организациями. В 1962 г. лидеры этих организаций создали Совет японских религиозных деятелей в защиту мира. С момента своего возникновения Совет не только активно участвовал в движении в защиту мира, но и выступал по гораздо более широкому кругу вопросов: против использования религии в интересах подготовки войны, против пересмотра конституции Японии, в защиту свободы совести, против попыток фашизации страны и политического террора, за расторжение американо-японского военного союза и ликвидацию всех иностранных баз на территории Японии, в поддержку самостоятельности и независимости каждой страны и каждой нации, за солидарность с миролюбивыми религиозными деятелями всех стран³⁵.

Совет религиозных деятелей в защиту мира объединил религиозные группы различных направлений: буддийские, христианские, новые социально-религиозные движения.

В годы агрессии американского империализма против народов Индокитая Совет развернул активную деятельность в поддержку справедливой борьбы народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи против агрессии. Эта деятельность принимала разнообразные формы: сидячие забастовки, сбор подписей под воззваниями с осуждением американской агрессии, сбор средств для оказания помощи жертвам агрессии и т. п. Совет поддерживает активные контакты с религиозными деятелями — борцами за мир в разных странах, в том числе и с религиозными организациями Советского Союза.

В защиту мира выступают и другие религиозные организации. Однако в целом их участие в этом и других массовых движениях носит ограниченный характер. Оно практически изолировано от выступлений широкой демократической общественности, не сливается с ними в единый поток. Лидеры большинства религиозных групп в силу своего консерватизма и укоренившейся предубежденности в отношении социалистических и коммунистических идей сторонятся тех массовых выступлений, ведущую роль в которых играют демократические организации.

В своей политике в отношении религии прогрессивные силы Японии делают упор на борьбе против наиболее реакционных аспектов деятельности религиозных организаций, представляющих угрозу демократическим завоеваниям народа, поскольку на основе этой борьбы возможно сплочение широких масс трудящихся, как верующих, так и неверующих.

Религиозные организации в Японии все еще остаются силой, с которой нельзя не считаться и которую нельзя не принимать во внимание. Освобождение трудящихся от влияния религиозной идеологии — длительный процесс, который может быть форсирован лишь путем вовлечения все большего числа людей в борьбу за мир, демократию и социальный прогресс.

³⁵ «Гэндай-ни икиру сюкёся-но сёгэн» («Свидетельства религиозных деятелей современности»). Токио, 1968, стр. 194—195.

К вопросу о борьбе пролетарской и мелкобуржуазной линий в КПК

*В. И. Глушин,
кандидат исторических наук*

Одним из важных аспектов происходящей сейчас в Китае новой массовой политической кампании является внедрение в сознание партийных кадров и китайских трудящихся маоистских идей под видом извлечения практических уроков из истории «десятикратной борьбы» двух линий в КПК.

В настоящее время является общепризнанным, что борьба двух основных тенденций, двух политических линий пронизывает всю полувековую историю КПК. Документально доказано, что сущность внутрипартийной борьбы в КПК на всем протяжении ее полувековой истории состоит в борьбе марксистско-ленинского, пролетарского, интернационалистического направления в партии против различных «лево»- и право-оппортунистических уклонов, выражающих устремления разнородных мелкобуржуазно-националистических сил и тенденций. Главным выразителем мелкобуржуазно-националистических сил и тенденций в КПК стала группировка Мао Цзэ-дуна, захватившая руководство партией в начале 40-х годов и сохраняющая господствующие позиции в Китае до настоящего времени.

Вопрос о борьбе двух направлений в Компартии Китая был поставлен еще в середине 20-х годов, то есть задолго до возникновения маоистской версии той же проблемы. В резолюции по китайскому вопросу, принятой VI расширенным пленумом ИККИ (март 1926 г.), отмечалось, что марксистско-ленинское направление в КПК «будет развиваться в борьбе против двух одинаково вредных уклонов: против «правого ликвидаторства» и „против крайних левых настроений”»¹. Этот важный вывод был уточнен в одной из резолюций Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (август 1927 г.), в которой говорилось о борьбе «ленинской линии» Коминтерна против различных уклонов в вопросах китайской революции². Этот тезис получил дальнейшее развитие в документах VI съезда КПК, VI Конгресса Коминтерна и в других материалах конца 20-х — начала 30-х годов, а также в советской литературе³.

Таким образом, уже на ранней стадии развития коммунистического движения в Китае с достаточной определенностью выявилось и было документально зафиксировано основное направление внутрипартийной борьбы в КПК: между линией международного коммунистического движения и ее сторонниками в партии, с одной стороны, и различными

¹ «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая». М., 1934, стр. 124.

² Там же, стр. 188—190.

³ См.: П. М и ф. 15 лет героической борьбы. К 15-летию Коммунистической партии Китая. М., 1936.

антипролетарскими, антимарксистскими силами и течениями — с другой. Вместе с тем уже в то время в документах Коминтерна содержалось предостережение против националистической опасности в КПК, прикрывавшееся рассуждениями о «китайской исключительности». Правильность этого тезиса была подтверждена всем дальнейшим ходом событий в Компартии Китая.

До конца 30-х годов данная концепция господствовала и в руководстве КПК. Так, в брошюре Чэнь Шао-юя (Ван Мина) «Борьба за дальнейшую большевизацию КПК» (1931) говорилось о борьбе двух линий в КПК: «правильной ленинской линии Коминтерна», противостоявшей различным «левым» и правым уклонам⁴. В речи на XIII пленуме ИККИ (декабрь 1933 г.) Ван Мин определял «общую политическую линию» КПК как «линию ленинского Коминтерна», а «безусловная преданность ленинской генеральной линии Коминтерна», ее неуклонное проведение в «борьбе на два фронта» — против «правого уклона» и «левацких настроений» в партии — характеризовались «как единственный путь и гарантия дальнейшей большевизации партии»⁵.

Данная трактовка вопроса о борьбе двух линий в КПК, как представляется сейчас, правильно отражала реальное соотношение сил и положение в КПК. Определяющим фактором в борьбе двух линий, согласно этой трактовке, была позиция Коминтерна, поддержанная и проводившаяся в жизнь относительно слабыми пролетарскими, интернационалистскими силами партии.

Маоистская версия истории борьбы двух линий в КПК прямо противоположна марксистской концепции. Во-первых, единственным представителем и последовательным проводником марксистско-ленинской, пролетарской линии в КПК изображается Мао Цзэ-дун, а все остальные виднейшие руководители партии объявлены «врагами», «предателями», «левыми» или правыми оппортунистами. История КПК в маоистской интерпретации предстает как история побед «революционной линии председателя Мао» над «лево-» и правооппортунистическими линиями⁶. Тот же тезис доминирует и в документах X съезда КПК⁷. Во-вторых, маоисты, полностью отрицают наличие каких-либо националистических тенденций и уклонов в КПК. В-третьих, маоистская концепция борьбы двух линий главным своим острием направлена против интернационалистических сил в партии, против Коминтерна, КПСС и международного коммунистического движения. Почти все основные «лево-» и правооппортунистические уклоны в партии маоисты прямо или косвенно неизменно связывают с «пагубным» влиянием международного коммунистического движения.

Исследованиями последних лет на основе обширных документальных данных доказано, что маоистская версия борьбы двух линий в КПК представляет собой самую беззастенчивую фальсификацию, злобную клевету на интернационалистические силы партии, Коминтерн и КПСС⁸.

⁴ См.: Чэнь Шао-юй, Борьба за дальнейшую большевизацию в КПК (на кит. яз.). М. — Л., 1934.

⁵ «Стратегия и тактика Коминтерна...», стр. 345—346, 355, 357.

⁶ «Жэньминь жибао», 9.III. 1972.

⁷ «Хуши», 1973, № 9.

⁸ См.: «Коминтерн и Восток». М., 1969, стр. 242—379; В. П. Г л у н и н, А. М. Г р и - г о р ь е в. Фальсификация истории КПК в маоистской историографии. — «Вестник Московского государственного университета востоковедения», 1970, № 1, стр. 17—28; «Опасный курс». Вып. II М., 1971, стр. 25—59, 151—176; «Новейшая история Китая». М., 1972.

Маоистская интерпретация истории борьбы двух линий в КПК не подтверждена какими-либо серьезными исследованиями и документами. Историко-партийная наука в КНР находится под запретом, публикации материалов по истории КПК полностью прекращены в конце 50-х годов. Единственным «источником» по истории партии к настоящему времени в Китае фактически остались четыре тома фальсифицированных «Избранных произведений Мао Цзэ-дуна». «Научную» историографическую базу под националистические маоистские концепции отчасти подводит буржуазная, особенно американская и японская, историография, выбрасывающая на мировой книжный рынок большое количество книг, статей и документальных сборников по истории КПК, выдержанных, как правило, в антикоммунистическом, антисоветском духе.

Анализ материалов X съезда КПК свидетельствует о намерении китайского руководства и далее использовать маоистскую версию «десятикратной борьбы» двух линий в КПК как важное средство идеологической и политической обработки членов партии и всего народа в духе маоизма, а так же «исторического обоснования» его враждебной марксизму-ленинизму деятельности как внутри страны, так и на международной арене. X съезд КПК сделал попытку скорректировать эту версию с учетом обострения внутренних противоречий в стране и дальнейшей изоляции маоистов в мировом революционном движении, официально утвердив схему «десятикратной борьбы» в качестве одного из постулатов маоизма.

По сообщениям иностранной печати, подтверждаемым материалами X съезда и публикациями журнала «Хунци», схема «десятикратной борьбы» была сформулирована Мао Цзэ-дуном во время его инспекционной поездки по стране в августе — сентябре 1971 г., непосредственно перед ликвидацией Линь Бяо. Основных представителей правого и «левого» оппортунизма в КПК сгруппировали в следующем порядке: 1) Чэнь Ду-сю, 2) Цюй Цю-бо, 3) Ли Ли-сань, 4) Ло Чжан-лун, 5) Ван Мин, 6) Чжан Го-тао, 7) Гао Ган и Жао Шу-ши, 8) Пэн Дэ-хуай, 9) Лю Шао-ци, 10) Линь Бяо и Чэнь Бо-да. Из первых шести «уклонов», действующих до 1949 г., то есть до образования КНР, три названы «правыми» (Чэнь Ду-сю, Ло Чжан-лун и Чжан Го-тао) и три — «левыми» (Цюй Цю-бо, Ли Ли-сань, Ван Мин), а остальные «уклоны», появившиеся после образования КНР, носят одинаковое клеймо «ревизионистских», то есть «правых», а Линь Бяо назван даже «ультраправым».

Рассмотрение новейшей маоистской версии истории внутрипартийной борьбы в хронологическом плане показывает, что в ней оказались преднамеренно «забытыми» целые периоды развития КПК (антияпонская война 1937—1945 гг., народно-освободительная война 1946—1949 гг., восстановительный период 1950—1952 гг., значительная часть первой китайской пятилетки 1953—1957 гг.), составляющие в общей сложности около 20 лет, то есть почти половину всей истории партии. Если раньше периодизация истории партии связывалась с определенными этапами развития китайской революции, то теперь в соответствии с маоистской теорией «непрерывной революции» история КПК сводится к одной только внутрипартийной борьбе, то есть к так называемым десяти «великим битвам», приравливаемым, по сути дела, к сменяющим друг друга отдельным «революциям». Тем самым история партии фактически отрывается от ее объективной социально-политической и классовой основы, способствуя полному произволу в оценке тех или иных внутрипартийных процессов и событий.

Среди десяти «великих битв», названных Мао Цзэ-дуном, есть действительные уклоны, с которыми партия вела борьбу, опираясь на

помощь международного коммунистического движения (чэньдусюизм, «левое» сектантство, лилисаневщина и др.), но есть сфабрикованные маонистами («линия Ван Миня», «дело Гао Гана», «дело Пэн Дэ-хуая» и др.), а некоторые важные эпизоды внутрипартийной борьбы вообще замалчиваются («исправление стиля» 40-х годов, поражение Мао на VIII съезде КПК и т. д.).

В целом схема «десятикратной борьбы» двух линий в КПК не является чем-то принципиально новым. В ее основу положены прежние маонистские фальсификации, дополненные материалами «культурной революции» и политически и идеологически заостренные применительно к конкретной ситуации начала 70-х годов, особенно в связи с «делом Линь Бяо» и нынешней фракционной борьбой в китайском руководстве.

Маонистская концепция истории борьбы двух линий в КПК сложилась в годы второй мировой войны⁹. Обостренный интерес маонистов к проблемам истории партии в этот период, особенно во время «чжэнфэна» 1941—1945 гг., объяснялся не бескорыстными поисками научной истины или настоятельными потребностями развития китайской революции, а сугубо практическими фракционными соображениями. Имеющиеся материалы позволяют установить тесную взаимосвязь, в том числе и в хронологическом плане, между продвижением маонистов к руководству партией, процессом «китаизации марксизма» и разработкой маонистской схемы истории КПК. В то же время маонизм, всегда паразитировавший на марксизме и маскировавшийся под марксизм, вынужден был учитывать историко-партийные традиции, в том числе и тезис о борьбе двух линий, который, однако, получил новую, совершенно извращенную обработку.

В обобщенном виде маонистская концепция развития КПК и китайской революции была сформулирована в «Решении по некоторым вопросам истории», окончательный текст которого¹⁰ был одобрен 20 апреля 1945 г. VII расширенным пленумом ЦК КПК 6-го созыва, за три дня до открытия VII съезда партии¹¹. Тем самым маонистской схеме борьбы двух линий в КПК было придано значение официального партийного документа. Одновременно с этим на VII съезде КПК (апрель — июнь 1945 г.) был узаконен захват руководства партией группой Мао Цзэ-дуна, а «идеи Мао Цзэ-дуна» официально провозглашены в новом партийном уставе теоретической основой КПК¹². Поэтому можно с полным основанием утверждать, что разработка маонистской схемы истории борьбы двух линий в КПК уже тогда имела своей главной целью подвести историко-партийную базу под организационные, политические и идеологические мероприятия группы Мао Цзэ-дуна. Точно такие же цели преследует и новейшая схема «десятикратной борьбы», одобренная X съездом КПК.

В «Решении» 1945 года названы шесть крупных «уклонов», фигурирующих и в нынешней схеме «десятикратной борьбы». Всем этим действительным или мнимым уклонам противопоставлялась «линия Мао Цзэ-дуна» в качестве «единственно правильной», «пролетарской», «марксистско-ленинской». Переломным моментом в истории развития партии объявлялось расширенное совещание Политбюро ЦК КПК в Цзуньши (январь 1935 г.), с которого началось неуклонное продвиже-

⁹ См.: F. Snow, *Red Star over China*. N. Y. 1961; Мао Цзэ-дун. Избр. произв. (на кит. яз.), т. 2, стр. 492—493, 578—579.

¹⁰ Имеется несколько вариантов проекта этого решения, который опробировался и отшлифовался во время «чжэнфэна».

¹¹ Текст решения см.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 975—1023.

¹² См.: Лю Шао-ци. О партии (на кит. яз.). Пекин, 1953, стр. 127.

ние Мао Цзэ-дуна к власти и которое якобы вывело КПК из темного царства «левого» и правого оппортунизма на светлый путь маоистских «идей».

Наиболее характерной чертой историко-партийного решения 1945 г. было то, что в нем весь огонь сосредоточивался на главном противнике маоистов — пролетарских, интернационалистических силах партии, опиравшихся на поддержку Коминтерна.

Примечательно, что все без исключения лидеры интернационалистического направления в КПК — Цюй Цю-бо, Ван Мин, Бо Гу и др. — зачислялись в разряд «левых» уклонистов. Наиболее «опасным» и «гибельным» был объявлен «левый» уклон Ван Мина, под которым имелась в виду линия Коминтерна. С маоистской точки зрения, это было вполне логично, так как осуществлявшаяся в тот период Мао Цзэ-дуном «китаизация» марксизма в классовом и политическом отношении означала не что иное, как решительный разрыв с пролетарскими, интернационалистическими традициями КПК, пересмотр организационных, политических и идейно-теоретических принципов партии с праворевизионистских, мелкобуржуазно-националистических позиций. Именно этим, на наш взгляд, объясняются исключительная мягкость и снисходительная беглость оценок деятельности правых уклонистов в нескольких скупых фразах и, наоборот, беспощадная суровость развернутого приговора «левым», особенно Ван Мину, «ошибки» которого яростно бичуются на многих десятках страниц «Решения» 1945 года.

Контраст между отношением к правым и «левым» настолько разителен, что не оставляет никаких сомнений относительно политических симпатий и антипатий авторов «Решения» 1945 года. Даже тщательно взвешенная дозировка обвинений в адрес каждого из «левых» уклонистов тактически дифференцирована в соответствии с основным стратегическим замыслом маоистов — не оставить камня на камне от «линии Ван Мина», то есть линии Коминтерна. Если Цюй Цю-бо и Ли Ли-саню инкриминировались лишь «отдельные», «частичные» ошибки, то представителям «линии Ван Мина» приписывался ошибочный подход буквально по всем важнейшим проблемам китайской революции и по всем аспектам деятельности КПК: теоретическим, политическим, военным, организационным. Одновременно и параллельно с разгромной критикой «линии Ван Мина» в «Решении» 1945 г. осуществлялось возвеличивание «идей Мао Цзэ-дуна», которые с откровенной грубостью противопоставлялись марксистско-ленинскому пониманию проблем коммунистического движения в Китае, хотя и маскировались марксистской фразой.

Разрыв маоистов с научным коммунизмом особенно отчетливо проявился во время так называемого «чжэнфэна» 1941—1945 гг., главными целями которого были разгром интернационалистических сил КПК, изменение ее идеологических, теоретических и организационных принципов и ее полное подчинение воле Мао Цзэ-дуна и его группы. Осуществленная во время «чжэнфэна» так называемая «идеологическая революция» в КПК означала на деле подмену марксизма-ленинизма мелкобуржуазно-националистической маоистской доктриной.

Уже в то время маоизм показал себя как антипод научного социализма. Социалистической перспективе развития Китая, зафиксированной в прежних программных документах КПК, Мао Цзэ-дун противопоставил доморощенную теорию «новой демократии». Теория «новой демократии» была сконструирована Мао Цзэ-дуном в качестве китайской альтернативы как капитализму, так и социализму. Однако как в теоретическом, так и в практическом плане она больше тяготела к капиталистическому пути развития.

В докладе Мао Цзэ-дуна VII съезду партии государство «новой демократии» характеризовалось как «буржуазно-демократическое государство и общество нового типа», которое будет существовать в Китае «десять лет», в результате чего «будет расчищен путь для развития капитализма»¹³. Мао Цзэ-дун неоднократно подчеркивал «своеобразие» «новой демократии», которая характеризовалась им фактически как «особая» формация, «отличная от строя в России». Таким образом, еще в 40-е годы Мао Цзэ-дуном был провозглашен «особый курс» развития китайской революции, противоречивший основным положениям научно-го социализма. Несовместимость «новой демократии» с исторической необходимостью развития Китая по некапиталистическому пути полностью выявилась в первые же годы существования КНР, и маоистам пришлось молча похоронить эту мертворожденную теорию.

Провозглашенный КПК в 1949 г. и поддержанный руководящей группой Мао Цзэ-дуна официальный курс на социалистический путь развития Китая, на сотрудничество с КПСС и Советским Союзом мог рассматриваться здоровыми силами партии и международным коммунистическим движением как отказ маоистов от националистических концепций, как принципиальный поворот в политике руководства партии. События последующих лет, однако, показали, что это было не более чем временное отступление, вынужденный тактический маневр маоистов, оказавшихся не в состоянии воспрепятствовать перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую и к тому же нуждавшихся в политической, военной и экономической помощи СССР. Впоследствии сам Мао Цзэ-дун так объяснял этот маневр: «В начальный период после образования КНР не было другого выхода... У нас не было опыта, в Китае не было специалистов, министры были профанами... Мы были вынуждены использовать советский опыт и советских специалистов...» Тщательная маскировка, к которой прибегали маоисты в 1949—1957 гг., позволяла им обманывать широкие партийные массы, сковывать инициативу и ослаблять давление здоровых сил КПК.

Несмотря на очевидную произвольность большинства оценок основных событий внутрипартийной борьбы в КПК, они тем не менее все же выявляют главные этапы и хронологические рамки развития маоизма. Первый этап (30—40-е годы) относится к периоду буржуазно-демократической революции, когда мелкобуржуазно-националистический революционаризм маоистов в политическом плане представлял собой ревизионизм правого толка. Этому соответствует направленность маоистских выпадов главным образом против «левых» уклонов в партии до 1949 г. После образования КНР и перехода Китая на социалистический путь развития, когда маоизм, сохраняя свою прежнюю классовую основу, утратил всякое революционное содержание и превратился в реакционную политическую доктрину «лево»-ревизионистского толка, все враждебные маоизму течения в КПК стали квалифицироваться уже только как «правый оппортунизм».

С завершением задач буржуазно-демократической революции к концу восстановительного периода (1949—1952 гг.) маоизм полностью исчерпал свои революционные возможности и стал серьезным препятствием на пути дальнейшего социально-экономического и политического прогресса страны. Вместе с тем маоизм успел пустить довольно глубокие и разветвленные корни в КПК, а группа Мао Цзэ-дуна захватила контроль над ключевыми позициями в партии, армии и государ-

¹³ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. (на кит. яз.). Харбин, 1948, стр. 314, 319, 330.

ственным аппарате. Все это вместе взятое делало неизбежной новую вспышку внутрипартийной борьбы и ее особую остроту с переходом Китая к практической реализации задач социалистического строительства в 1953 г.

И такая вспышка действительно произошла в 1953—1955 гг., развившись в так называемое «дело Гао Гана — Жао Шу-ши». Сфабрикованное по прямому указанию Мао Цзэ-дуна, это дело открыло новый этап в борьбе двух линий в КПК. В свете последующего поворота в политике маоистского руководства стало очевидно, что фабрикации «дела Гао Гана и Жао Шу-ши» маоисты пытались приостановить рост влияния пролетарских, интернационалистических сил в КПК, запугать руководящие партийные кадры и тем самым подготовить политические и организационные предпосылки для пересмотра генеральной линии партии и перевода Китая на «особый» маоистский путь развития.

С тех пор КПК фактически пребывает в состоянии постоянной напряженности, находящей выход в периодических внутрипартийных кризисах, — «чжэнфэн» 1957—1958 гг., «дело Пэн Дэ-хуая», «культурная революция», «дело Лю Шао-ци», «дело Чэнь Бо-да», «дело Линь Бяо» и т. д.

Внутрипартийные кризисы в КПК на протяжении последнего двадцатилетия являются лишь внешним признаком глубокого размежевания и брожения в рядах партии, прогрессирующего идейно-политического кризиса и деградации маоизма, его изначальной неспособности дать ответ на коренные вопросы социалистического развития Китая, неспособности, проистекающей из мелкобуржуазно-националистической сути этой доктрины. Трагедия КПК, возникшей и развивающейся как политическая партия китайского пролетариата, усугубляется тем, что она сама и ее социалистические идеалы были, по сути дела, преданы группировкой Мао Цзэ-дуна, упорно толкающей Китай на «особый» путь развития, противоречащий объективному ходу всемирной истории и коренным интересам китайского народа.

Переход Китая на социалистический путь развития не только привел к расширению бреши между пролетарскими интернационалистами и маоистами, но и положил начало размежеванию в самом маоистском лагере. Часть прежних приверженцев маоизма (Гао Ган и др.) стали переходить на позиции научного коммунизма, выдвинувшись логикой внутрипартийной борьбы в первые ряды здоровых сил КПК. Однако большинство тогдашнего руководства КПК во главе с Мао Цзэ-дуном оставалось верным своим мелкобуржуазно-националистическим убеждениям, глубоко враждебным научному коммунизму. Вместо доказавшей свою несостоятельность «новой демократии» маоисты начали поиски новой альтернативы реальному научному социализму, апробированному опытом Советского Союза, и конструирование собственной «китайской модели» мелкобуржуазного социализма, приведшее на практике всего лишь к реставрации на китайской почве архаичных идей «казарменного коммунизма», разоблаченного марксизмом еще в XIX веке.

Ход внутрипартийной борьбы в КПК с 50-х годов обнаруживает достаточно отчетливую общую тенденцию: борьба двух линий в партии все чаще выливается в борьбу различных группировок в самом маоистском лагере. Этот очевидный факт, отражающий углубление кризиса маоизма, в то же время заставляет подходить с сугубой осторожностью к оценке характера внутрипартийной борьбы в КПК в последние два десятилетия, избегая соблазна рассматривать все жертвы маоистских репрессий как выразителей здоровых сил и тенденций в партии.

На наш взгляд, имеются определенные различия между четырьмя последними эпизодами «десятикратной борьбы». О группе Гао Гана и группе Пэн Дэ-хуая можно с большими основаниями говорить как о представителях здоровых, пролетарских, интернационалистических сил в КПК, чем о группе Лю Шао-ци и тем более о группе Линь Бяо. Степень зараженности маонизмом у первых двух деятелей КПК была гораздо меньшей, чем у Лю Шао-ци и Линь Бяо. Изучение политической эволюции Гао Гана, Пэн Дэ-хуая и особенно Лю Шао-ци, а, может быть, отчасти даже и Линь Бяо, может послужить пищей для размышлений о борьбе двух линий в КПК и в настоящих условиях. Особый интерес с точки зрения тенденций внутрипартийной борьбы в КПК в последние годы представляет политическая эволюция Лю Шао-ци.

В борьбе Мао Цзэ-дуна и его сторонников против Лю Шао-ци и поддерживавших его довольно многочисленных кадровых работников в 60-е годы переплелось несколько потоков политической борьбы в КНР: националистических сил против интернационалистических, реалистически мыслящих руководителей (Лю Шао-ци и др.) с левозэкстремистскими деятелями во главе с Мао Цзэ-дуном, групповая борьба за власть в правящей маонистской верхушке. В этой сложной борьбе подспудно сталкивались две тенденции развития — марксистская социалистическая и мелкобуржуазно-националистическая.

Лю Шао-ци — главный объект нападок маонистов в годы «культурной революции» — представлял собой весьма сложную и противоречивую политическую фигуру. Он прошел длительный и противоречивый политический путь как один из крупнейших руководителей китайского рабочего движения в 20-е и 30-е годы, затем как близкий соратник Мао Цзэ-дуна и, наконец, как его главный политический противник. В 40-х годах он больше других в КПК сделал для раздувания культа Мао, укрепления его верховной власти в партии и стране и теоретического обоснования «китаизированного марксизма». В первой половине 50-х годов Лю Шао-ци был одним из творцов генеральной линии партии на строительство социализма и программы VIII съезда КПК, но в то же время он в 1953 г. согласился с устранением Гао Гана, а в 1958 г. поддержал маонистскую политику «большого скачка». В 60-е годы Лю Шао-ци фактически возглавил огромные усилия партии по ликвидации тяжелых последствий экономического и политического авантюризма Мао Цзэ-дуна и борьбу большинства партийных кадров КПК за возврат к линии VIII съезда. Можно прийти к выводу, что практический опыт Лю Шао-ци, которого Мао считал своим преемником, привел его в конечном счете к разочарованию в маонизме и весьма скептическому отношению к политическому курсу Мао Цзэ-дуна.

Тот факт, что из апостола маонизма Лю Шао-ци превратился в политического противника Мао Цзэ-дуна, свидетельствует о глубоком разрушительном процессе в лагере маонистов, угрожающем существованию маонизма в будущем.

Анализ современных маонистских документов показывает, что критика Лю Шао-ци, а затем и Линь Бяо используется для нападок на организационные и идеологические принципы КПК, на решения и установки, принятые партией в те годы, когда она отвергала или исправляла линию Мао Цзэ-дуна. Это в первую очередь относится к важнейшим решениям VIII съезда КПК. Под прицелом маонистов оказалось отрицательное отношение здоровых сил партии к ускоренному кооперированию, к «большому скачку» и народным коммунаам, к искусственному раздуванию «классовой борьбы» в условиях социалистического строительства. Таким образом, критика Лю Шао-ци объективно отра-

жает принципиальное расхождение политического курса Мао Цзэ-дуна с общей позицией здоровых сил партии в период КНР. Поэтому Лю Шао-ци был заклеен полным набором самых страшных обвинений, которые маоисты обычно предъявляют своим жертвам.

При анализе истории борьбы двух линий в КПК нельзя обойти молчанием вопрос о причинах того, что здоровые силы партии начиная с 40-х годов терпели, как правило, поражение от маоистов и лишь в редких случаях одерживали верх над последними (на II пленуме ЦК КПК 7-го созыва в марте 1949 г., при разработке генеральной линии партии в переходный период в 1952—1953 гг., на VIII съезде КПК в сентябре 1956 г.). Разумеется, нас не может удовлетворить чисто идеалистическое объяснение побед маоистов мнимым превосходством «индей Мао Цзэ-дуна» над научным коммунизмом. На наш взгляд, главную причину временной — в широком историческом плане — победы мелкобуржуазно-националистических тенденций в КПК следует искать прежде всего в неблагоприятном соотношении классовых сил, которое в условиях такой громадной страны, как Китай, не могло быть полностью компенсировано позитивным влиянием внешних факторов.

Здоровое, пролетарское, интернационалистическое направление в КПК было с самого начала довольно слабым именно вследствие общей экономической, политической и культурной отсталости страны, абсолютной и относительной слабости китайского пролетариата и преобладания в революционном движении мелкобуржуазных, националистически настроенных масс, в первую очередь пауперизованных слоев города и деревни.

Кроме того, существовал ряд других объективных обстоятельств, препятствовавших укреплению классовой базы пролетарских интернационалистов в КПК. Это, во-первых, разгром и обескровливание наиболее боевых и политически сознательных отрядов рабочего класса в результате поражения революции в 1927 г. и последовавшего за этим двадцатилетнего спада революционного рабочего движения. Во-вторых, массовая гибель лучших руководящих партийных кадров, особенно в городах, в результате жесточайших гоминьдановских репрессий во время гражданской войны 1927—1937 гг. В-третьих, длительный, также двадцатилетний период деятельности КПК преимущественно в деревне, усиливший процесс отрыва партии от пролетариата. Наконец, ослабление связей КПК с международным коммунистическим движением в ходе второй мировой войны.

Неблагоприятному для интернационалистов исходу борьбы двух тенденций в КПК в определенной степени способствовал также ряд субъективных факторов.

КПК не выдвинула из своей среды крупных вождей ленинского типа, сочетающих в одном лице качества широко эрудированных ученых, авторитетных марксистских теоретиков и талантливых политических руководителей, непреклонных в отстаивании и последовательном проведении в жизнь принципов марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

Отсутствие хорошо подготовленных, теоретически опытных, идейно и политически стойких руководящих кадров составляло одну из самых сложных проблем партийного строительства в Китае. Коминтерн, отчетливо представлявший все субъективные слабости и объективные трудности развития КПК, придавал первостепенное значение подготовке, воспитанию и выдвижению руководящих кадров партии, особенно их высшего звена. Коминтерном была проделана огромная работа в этом отношении. Тем не менее по указанным выше причинам удов-

летворительно решить кадровую проблему в КПК не удалось. Вряд ли можно отрицать, что отмеченное обстоятельство служило дополнительным фактором, облегчавшим захват руководства КПК группой Мао Цзэ-дуна. Кроме того, различные непролетарские силы в КПК всячески спекулировали на отдельных ошибках интернационалистов, широко используя их в борьбе против сторонников линии Коминтерна. Особенно активно применял эту тактику Мао Цзэ-дун. Широкая спекуляция на действительных и мнимых ошибках интернационалистов была и остается одним из главных средств борьбы маоистов за власть, против здоровых сил КПК.

В результате указанных выше обстоятельств, как и по ряду других причин, КПК к моменту победы народной революции в 1949 г. оказалась во власти маоистов и в значительной степени утратила свой первоначальный классовый характер. В первый период после образования ЕКНР здоровые силы партии, опираясь на выросшую роль рабочего класса и помощь КПСС и СССР, значительно усилили свои позиции, однако вследствие упорного сопротивления мелкобуржуазно-националистических сил так и не смогли восстановить свое прежнее руководящее положение. Поэтому и после образования КНР господствующее положение в КПК по-прежнему неизменно сохранялось в руках Мао Цзэ-дуна и его группы.

Вместе с тем опыт борьбы двух линий в КПК, особенно опыт последних пятнадцати лет, показывает, что постоянное обращение группы Мао Цзэ-дуна к подавлению, насилию и диктаторским методам внутрипартийной борьбы служит свидетельством не силы, а слабости маоизма, его глубокого идейного, политического, организационного кризиса и прогрессирующей деградации. Именно потому, что маоизм в корне противоречит принципам марксизма-ленинизма, интересам китайского народа и воле большинства китайских коммунистов, он неспособен отстаивать свое право на существование обычными методами внутрипартийной демократии и вынужден систематически попирает общепринятые нормы коммунистической партийности, не останавливаясь даже перед разгромом партии, как это имело место во время «культурной революции».

Однако репрессивные кампании, под какими бы лозунгами они ни велись, не в состоянии подавить недовольство трудящихся масс Китая авантюристической линией Мао Цзэ-дуна. Из материалов китайской печати явствует, что в стране продолжает существовать широкая оппозиция практике разнузданного политического террора, получившего название «культурная революция», погромам в области культуры, искусства и просвещения, ссылкам городской молодежи в глухие горные и сельские районы, а кадровых работников на трудовое перевоспитание в «школы 7 мая» и тому подобным «новым явлениям» маоистов. Партийные и государственные кадры, китайские коммунисты, которым пришлось расплачиваться за маоистские авантюры и преступления в годы «большого скачка», «урегулирования», «культурной революции» и после нее, на жестоких фактах действительности убеждаются, что единственной альтернативой пагубному курсу Мао Цзэ-дуна является возврат к научно обоснованной программе строительства социализма, восстановление в КПК принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, которые отстаивали и отстаивают здоровые силы партии в неравной борьбе.

Коминтерн и Монгольская народно-революционная партия

А. И. Картунова,
кандидат исторических наук
Э. Н. Шахназарова

Монгольская народно-революционная партия (МНРП) была организацией, сочувствующей Коминтерну¹. Проблемы монгольской революции занимали важное место в работе Коммунистического Интернационала. Свидетельством тому является большое внимание его руководящих органов к судьбам монгольского народа. Эти вопросы многократно обсуждались различными инстанциями Коминтерна. Коминтерн направлял Монгольской народно-революционной партии резолюции, письма по наиболее важным теоретическим и текущим вопросам монгольской революции, по актуальным проблемам международного положения. На съезды МНРП направлялись видные деятели международного коммунистического движения — члены Президиума ИККИ В. Коларов, Б. Шмераль. В апреле 1925 г. член Президиума ИККИ Сэн Катаяма выступал с докладом на общем собрании улан-баторских организаций МНРП и Монгольского революционного совета молодежи.

Такое внимание к Монголии объясняется исторической миссией, выпавшей на долю МНРП. Она явилась первой в истории народной партией, под руководством которой была одержана победа антиимпериалистической, антифеодальной народной революции, освободившей трудящихся Монголии от многовекового социального гнета, она первая среди ранее отсталых стран пришла к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. МНРП осуществляла руководство этим историческим процессом, опираясь на международное коммунистическое движение, на братское сотрудничество с ВКП(б) и поддержку первого в мире государства рабочих и крестьян — Советской России.

Ориентация МНРП с момента ее зарождения на марксизм-ленинизм; ее идеологическое и организационное укрепление как партии нового типа; разработка стратегии и тактики монгольской революции, имевшей целью осуществить некапиталистический путь развития, — все это связано с идеологической и организационной помощью Коминтерна Монгольской народно-революционной партии.

В нашу эпоху неизбежного перехода народов всех стран (независимо от стадии, на которой они находятся сейчас) к прогрессивному

---

¹ Организационные взаимоотношения МНРП с Коминтерном строились на основании § 10 Устава Коммунистического Интернационала, принятого II Конгрессом Коминтерна 4 августа 1920 г. Этот параграф гласил: «Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала имеет право принимать в свою среду с совещательным голосом представителей организаций и партий, не принятых в состав Коммунистического Интернационала, но являющихся организациями, сочувствующими Коммунистическому Интернационалу и приближающимися к нему». — См.: «II Конгресс Коминтерна», М., 1934, стр. 538.

развитию, к социализму, начало которому положила Октябрьская революция, опыт МНРП и Монгольской Народной Республики в целом вызывает всевозрастающий интерес. Он проявляется как со стороны национально-революционных партий развивающихся стран, так и со стороны ученых-марксистов, занимающихся ленинской теорией социалистической революции применительно к современным условиям развития мирового революционного процесса.

Этот интерес обусловлен тем, что МНРП прошла путь от народной партии трудящихся-аратов к партии интернационалистов-ленинцев, к партии, которая ныне стала одним из боевых отрядов международного коммунистического и рабочего движения, наиболее последовательно борющихся за единство его рядов.

В настоящем обзоре, не претендующем на полноту изложения темы, авторы поставили своей целью осветить формы организационных связей МНРП с Коминтерном и содержание основных документов Коминтерна по проблемам монгольской революции.

На пути, указанном В. И. Лениным

С победой Великой Октябрьской социалистической революции ни одно революционно-освободительное движение в мире не развивалось изолированно. Оно так или иначе было связано либо находилось под могучим воздействием и влиянием Октябрьской революции. Теперь уже не только рабочее движение, исторически развивавшееся как явление интернациональное, но и национально-освободительные движения народов Востока вливались в мировой революционный поток борьбы против империализма.

Под влиянием Октября ускорился процесс вызревания революционных сил и в Монголии², который нашел свое воплощение в создании первой в истории Монголии политической партии — Монгольской народно-революционной партии. МНРП была партией трудящихся-аратов, вокруг которой консолидировались все революционные силы страны, исполненные решимости бороться против гнета иностранных паразитов и реакционных феодально-теократических эксплуататоров внутри страны.

Монгольской народно-революционной партии были близки и понятны идея народовластия, а также пропагандируемые Коминтерном идеи пролетарского интернационализма и международной солидарности с борьбой угнетенных народов Востока, борющегося пролетариата капиталистических стран. Революционеры Монголии установили союз монгольского аратства с международным рабочим классом; поддержка и помощь со стороны Коминтерна нашли здесь горячий отклик.

Зарождение связей монгольских революционеров с Коминтерном относится к периоду деятельности подпольных кружков, созданных в 1919 г. под влиянием идей Октября, когда монгольские революционеры вступили в контакт с большевиками, работавшими в Урге, а позднее — с представителями Коминтерна и РКП(б), побывавшими в Монголии в первой половине 1920 г.

² Подробно см.: Б. Ширендыб. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Монголию, М., 1967; В. Балдо. Ленин и победа Монгольской революции. — Сб.: «В. И. Ленин и международное коммунистическое движение». М., 1970, стр. 153—174.

Благодаря этим контактам монгольские революционеры были хорошо осведомлены об исторических событиях в России, о политике Советского правительства в отношении Монголии (сформулированной им в августе 1919 г. в Обращении к монгольскому народу и правительству автономной Монголии)³, об отношении международного коммунистического движения к освободительному движению народов Востока.

На состоявшемся 25 июня 1920 г. совместном заседании двух подпольных кружков, организованных в 1919 г. Д. Сухэ-Батором и Х. Чойбалсаном, они были объединены в единую революционную организацию (первоначально она называлась Монгольская народная партия), приняли решение об установлении связей с Коминтерном и РКП(б) и об обращении к Советскому правительству за помощью в освободительной борьбе монгольского народа.

Эти связи монгольские революционеры от имени своей организации установили через Секцию восточных народов (Секвостнар) Сибирского бюро ЦК РКП(б)⁴, которая была образована в июле 1920 г. в Иркутске. Секция руководствовалась в своей деятельности резолюцией II Конгресса Коминтерна по национально-колониальному вопросу. Она с первых дней своего существования поддерживала тесные связи с Коминтерном.

Во второй половине августа 1920 г. в Иркутск прибыла делегация от монгольского народа с целью получить поддержку от Советской России в борьбе за национальное освобождение Монголии. В составе делегации были один из основателей МНРП, герой монгольского народа Д. Сухэ-Батор, а также Х. Чойбалсан.

Делегация от имени Монгольской народной партии обратилась в Секцию восточных народов с письмом, в котором, помимо просьбы о помощи, содержались наметки программы деятельности МНРП в борьбе за завоевание автономии Монголии.

Авторы этого письма так излагали планы и тактику своей организации: «Получив эту помощь, мы хотели бы на первых порах вступить во временный союз со служилыми элементами нашей страны, на военную силу которых мы рассчитываем, добиться автономии, провозгласить хутухту⁵ ограниченным монархом и, используя их силу, провести мероприятия по ограничению наследственных прав князей. Добившись независимости страны, мы по мере сил и возможности начнем, используя опыт других стран, осуществлять новые порядки, особенно проводить принципы народовластия. Рост национального самосознания и изменение существующего положения позволят нам в течение одного-двух лет двинуть революцию дальше, лишив прав немногочисленных привилегированных лиц, что облегчило бы проведение дела с минимальным раздором внутри страны и критики извне и приблизило бы время доброго и вечного дела взаимной помощи русской (имеется в виду РКП(б). — А. К. и Э. Ш.) и монгольской народных партий»⁶.

³ См.: А. Каллиников. Национально-революционное движение в Монголии. М. — Л., 1926, стр. 43—44. Текст Обращения см.: «Хрестоматия по новейшей истории». М., 1969, т. 1, стр. 692.

⁴ Более подробно об организации Секции восточных народов см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, стр. 137—140.

⁵ Хутухта — глава ламаистской церкви в старой Монголии, считавшийся главой государства (после 1911 г.).

⁶ Центральный партийный архив Института истории партии при ЦК МНРП.

В письме далее указывалось, что монгольские революционеры стремятся установить с Коминтерном прочные отношения, а также организовать контакты с двумя революционными партиями соседних великих стран — Советской России и Китая.

Секция восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) оказала монгольским революционерам необходимую помощь.

Кроме того, Сиббюро ЦК РКП(б) обратилось в Центральный Комитет партии с письмом, в котором изложило свое отношение к просьбе монгольских революционеров. В нем, в частности, говорилось: «В составе отправляющейся в Москву монгольской делегации есть представитель народно-революционной группы, которая возбудила перед Бюро Секции восточных народов в Иркутске вопрос о поддержке ее революционной работы в Монголии. Мы считаем целесообразным, чтобы этот вопрос обсудил ЦК, ибо это первый случай поддержки революционного движения за рубежом, в таком чистом виде ставший перед Бюро восточных народов»⁷.

Сиббюро ЦК РКП(б) высказалось за оказание материальной и технической помощи зародившейся в Монголии народно-революционной партии.

Для непосредственной связи с Секцией восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б), а через нее с РКП(б) и Коминтерном в Коллегию монголо-тибетского отдела Секции восточных народов вошли представители монголо-тибетской партии. В самом же монголо-тибетском отделе работали Сухэ-Батор и Чойбалсан (оба в агитпропиздательском подотделе).

Секция восточных народов сыграла важную роль в организации печатной пропаганды. С ее помощью монгольские революционеры стали издавать (вначале литографским способом) еженедельную газету «Монголын унэн» («Монгольская правда»), первый номер которой вышел 10 ноября 1920 г. с призывом «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Газета активно содействовала подготовке первого съезда партии, разработке ее политической платформы и пропаганде революционных идей среди аратских масс.

Были переведены на монгольский язык Программа и Устав РКП(б), Конституция РСФСР, опубликовано Обращение к монгольскому народу.

В ноябре 1921 г. В. И. Ленин принял делегацию монгольского народа. В состоявшейся дружественной беседе В. И. Ленин, ознакомившись с положением в Монголии, ответил на вопросы делегации. Эти вопросы касались прежде всего возможных перспектив развития МНР и деятельности Монгольской народно-революционной партии.

В частности, В. И. Ленин обратил внимание монгольских товарищей на то, что в тогдашней международной обстановке единственно правильным путем для трудящихся Монголии «является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России. Эту борьбу изолированно вести нельзя, поэтому создание партии монгольских аратов является условием успешности их борьбы»⁸. Ленин считал чрезвычайно важной для народно-революционной партии Монголии задачу «стать массовой и не быть засоренной чуждыми элементами»⁹.

По вопросу о том, не следует ли народно-революционной партии превратиться в коммунистическую, Ленин рекомендовал не торопиться

⁷ ПАНО (Партархив Новосибирского обкома КПСС), ф. 1, оп. 2, д. 49, л. 5.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 232.

⁹ Там же, стр. 233.

ся с этим, считая, что «превратиться» одной партии в другую нельзя»¹⁰. Ленин разъяснил, что монгольским революционерам надо будет еще много поработать в области государственного, хозяйственного и культурного строительства, пока из пастушеских элементов организуются пролетарская масса, которая впоследствии поможет «превращению» народно-революционной партии в коммунистическую. Простую перемену вывески Ленин оценивал как вредную и опасную.

В той же беседе Ленин развил перед монгольской делегацией идею возможности и необходимости перехода МНРП к социализму, минуя капитализм. Главным условием такого перехода Монголии Ленин считал «усиление работы народно-революционной партии правительства, чтобы в результате этой работы и усиления влияния партии и власти росла кооперативы, прививались бы новые формы хозяйствования и национальной культуры, чтобы вокруг партии и правительства сплачивалось аратство за экономическое и культурное развитие страны»¹¹.

Ответы Ленина явились конкретизацией применительно к условиям Монголии разработанных им и II Конгрессом Коминтерна общих теоретических положений о развитии стран, находящихся на докапиталистических стадиях развития, по пути к социализму, минуя капитализм. Советы Ленина монгольским революционерам явились основой для разработки ими впоследствии генеральной линии партии на некапиталистическое развитие Монголии.

«В деле создания и идейного роста МНРП и успешного проведения Народной революции, — говорится в Тезисах ЦК МНРП «50 лет Монгольской народной революции», — исключительно важное значение имели учение великого Ленина и его советы по коренным вопросам революционной борьбы монгольского народа»¹².

Помощь на основе взаимопонимания и доверия

В течение января — марта 1921 г. в Иркутске на базе Секции восточных народов был сформирован Дальневосточный Секретариат Коминтерна (ДВСК) во главе с уполномоченным Коминтерна Б. З. Шумяцким. ДВСК был создан как временный орган Коминтерна. Главная задача ДВСК состояла в том, чтобы помочь революционным группам марксистского направления в странах Дальнего Востока. Имелось в виду их организационное оформление, установление контактов между этими партиями, а также прямых связей каждой из них с Коминтерном.

Существенная помощь была оказана монгольским революционерам в подготовке I съезда МНРП, состоявшегося в Троицко-Савске в марте 1921 г. На съезде присутствовали сотрудники ДВСК, которые ознакомили делегатов съезда с целями и задачами Коминтерна. По решению съезда для укрепления организационных связей МНРП с Коминтерном в Центральный Комитет МНРП делегировался представитель ДВСК.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 233.

¹¹ Там же.

¹² «50 лет Монгольской народной революции. Тезисы ЦК МНРП». Улаан-Батор, 1971, стр. 6.

Идейно-политическое руководство Коминтерна, разъяснительная работа, которую вели его сотрудники с молодыми монгольскими революционерами, содействовали тому, что МНРП правильно определила характер, цели и задачи монгольской революции, выработала соответствующую тактику, обеспечила успешный исход антиимпериалистической антифеодальной революции, победившей в июле 1921 г.

Вскоре после I съезда МНРП партия обратилась в Коминтерн с просьбой о приеме ее в эту международную революционную организацию. В ответ на эту просьбу в мае 1921 г. со стороны Коминтерна последовало приглашение направить делегацию МНРП для участия в работе III Конгресса Коминтерна.

Обсуждая вопрос об участии представителей МНРП в предстоящем III Конгрессе Коминтерна, ЦК МНРП в протоколе заседания от 10 мая 1921 г. записал: «Участвуя на конгрессе Коминтерна, наша Монголия — член семьи угнетенных народов мира — не только пользуется помощью Советской России, но и входит в тесный контакт с Третьим Коминтерном, представляющим собой пролетариат и малые народы всего мира, пользуется его мощной поддержкой»¹³.

Было решено направить на III Конгресс Коминтерна делегацию МНРП.

Официальное участие делегатов МНРП в III Конгрессе Коминтерна закрепило организационные связи партии с Коммунистическим Интернационалом. С тех пор ее представители принимали участие в работе всех последующих конгрессов Коминтерна.

Большую роль в становлении коммунистических и национально-революционных партий сыграл съезд коммунистических и революционных организаций Дальнего Востока¹⁴, который нацелил их на массовость, на интернациональное воспитание, на пропаганду идей, содержащихся в решениях II Конгресса Коминтерна по национально-колониальному вопросу.

Отношение Коминтерна к МНРП и Монголии было выражено на этом съезде следующим образом: «Наша программа, то есть программа Коминтерна, по отношению к Монголии заключается в том, чтобы поддержать те национально-освободительные элементы, которые сейчас стоят у власти, представители которых в лице народно-революционной партии присутствуют здесь на съезде»¹⁵.

Представитель монгольской делегации выступил на съезде с докладом «Монголия и ее борьба за освобождение». Кроме того, на съезде были заслушаны два кратких выступления других представителей этой делегации.

¹³ ЦПА ИИП при ЦК МНРП.

¹⁴ Съезд был подготовлен Коминтерном через ДВСК, он проходил в Москве 21—30 января, а заключительное его заседание состоялось в Петрограде 2 февраля 1922 г.

Подготовка к съезду велась Коминтерном с сентября 1920 по 25 декабря 1921 г. В работе съезда приняли участие делегации от коммунистических, национально-революционных партий, а также от различных общественных организаций Монголии, Китая, Кореи, Японии и Бурятии. Были также представители от Индии и Малайи. Делегацию Монголии в составе 14 человек представляли члены МНРП — 6 человек, — все с решающим голосом, и Революционного союза молодежи Монголии (8 человек). Подробно о съезде и принятых им решениях см.: «Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока». Петроград, 1922; Г. З. Сорокин. Съезд народов Дальнего Востока. — «Проблемы востоковедения», 1960, № 5.

¹⁵ ЦПА ИИП.

Выступления монгольской делегации были проникнуты духом интернационализма, глубоким пониманием роли взаимной солидарности и поддержки революционных сил Дальнего Востока, необходимости их сплочения вокруг Коминтерна и Советского Союза.

Обращаясь к задачам настоящего съезда, докладчик от монгольской делегации заявил: «...наша партия мыслит эти задачи как установление тесного, постоянного и активного контакта всех трудовых и революционно-национальных народов Дальнего Востока как между собою, так и с мировым пролетарским движением в лице III Интернационала, наша партия нисколько не сомневается в успехе движения в ближайшем будущем»¹⁶.

Содержательной была речь представителя Монгольской народно-революционной партии Буяннэмха на заседании съезда 25 января 1922 г.

«Мы, трудящиеся народы Дальнего Востока, — заявил он, — во имя наших собственных национальных интересов и во имя лучших идеалов всего человечества должны безоговорочно подать руку нашему естественному союзнику — мировому пролетариату и его авангарду, III Интернационалу и Советской России... Европейский социализм в обстановке мирной довоенной жизни не уделял достаточного внимания нашим страданиям, страданиям угнетенных цветных народов. Только Коммунистический Интернационал, выросший в недрах революционной России, с полной искренностью впервые связывает наше положение с мировым освободительным движением»¹⁷.

Связи Коминтерна с МНРП были регулярными. Они осуществлялись через Дальневосточный Секретариат (Иркутск, январь 1921 г. — февраль 1922 г.), Восточный отдел (1922—1926 гг.), Дальневосточный Секретариат (апрель 1926—1928 гг.) и Восточный Секретариат (1928—1935 гг.). Выражались эти связи не только в переписке, но также в направлении делегаций ИККИ на съезды МНРП, в приеме соответствующими органами Коминтерна представителей руководства МНРП, в деятельности официальных представителей Коминтерна при ЦК Монгольской народно-революционной партии.

Все более тесными становились отношения между МНРП и ВКП(б), между МНРП и Советским Союзом. По просьбе монгольских товарищей значительное число партийных и государственных работников МНРП было направлено в Коммунистический институт народов Востока (КУТВ), который находился под ведением Коминтерна, а также в различные учебные заведения Советского Союза.

С прекращением в 1935 г. существования в организационной структуре Коминтерна Восточного Секретариата ИККИ основные международные связи партий стран Востока осуществлялись через различные органы Коминтерна. Что касается МНРП, то в эти годы у нее установились наряду с взаимоотношениями с Коминтерном особенно тесные связи с ВКП(б). Эти связи с самого начала явились образцом интернационального братского содружества.

В документах МНРП, в выступлениях и статьях руководящих деятелей партии, а также в исследованиях монгольских и советских историков справедливо дается высокая оценка помощи Коминтерна Мон-

¹⁶ «Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока». Сборник. Петроград, 1922, стр. 237, см. также: «Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм». М., 1971, стр. 274.

¹⁷ ЦПА ИМЛ.

польской народно-революционной партии¹⁸. В условиях, когда МНРП, будучи партией правящей, еще не имела достаточного идейно-политического и организационного опыта, эта помощь была особенно ценной.

К социализму, минуя капитализм

Необходимо отметить исключительную роль для МНРП многих документов Коминтерна, разработанных с участием представителей МНРП. Таковы, например, резолюция Президиума ИККИ от 11 августа 1924 г., резолюция Восточного отдела ИККИ от 23 января 1926 г., резолюция Дальневосточного Секретариата ИККИ (утвержденная Президиумом ИККИ) от 24 января 1927 г. и др.

В Резолюции Президиума ИККИ от 11 августа 1924 г. содержалась характеристика Монгольской народной революции как антиимпериалистической и антифеодальной, давалось обоснование правомерности на том этапе Монгольской народной революции (в условиях существовавших тогда постоянной опасности вооруженного вторжения китайских милитаристов в Монголию и сопротивления местных реакционных групп феодалов) допуска партией представителей феодальных и теократических кругов в правительство, образованное «на основе национальной независимости»¹⁹.

В этой резолюции Коминтерн охарактеризовал задачи, стоявшие в то время перед Монгольской народно-революционной партией. Коминтерн считал, что успешное завершение начатой в 1921 г. народной революции будет зависеть от того, готовы ли партия и правительство последовательно проводить политику освобождения трудящихся масс от гнета китайского ростовщического капитала и от эксплуатации их феодальными и теократическими владельцами, демократизировать государственный административный аппарат. Коминтерн призывал партию усилить работу, направленную на вовлечение трудовых элементов в партию, на воспитание их в духе революционной борьбы за национальную независимость, на демократизацию страны и экономическое освобождение масс.

Особенно важной была помощь Коминтерна Монгольской народно-революционной партии в период нарастания в МНРП правого (1926—1928 гг.) и «левого» (1930—1932 гг.) уклонов, представлявших реальную угрозу завоеваниям монгольской революции.

В резолюции Восточного отдела ИККИ по монгольскому вопросу от 23 января 1926 г. Коминтерн, констатируя значительные достижения в работе ЦК и всей Народно-революционной партии, советовал Центральному Комитету продолжать ту же линию решительной борь-

¹⁸ См.: Ю. Цеденбал. Путь борьбы и победы. — «Правда», I. III. 1971; «50 лет Монгольской народной революции. Тезисы ЦК МНРП». Улан-Батор, 1971; «Краткий курс истории Монгольской народно-революционной партии». Улан-Батор, 1967 (в переводе на русский язык книга под названием «Очерки истории Монгольской народно-революционной партии» вышла в Москве в 1971 г.); «Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм». М., 1971 г.; «Некапиталистический путь развития и опыт Монгольской Народной Республики». М., 1971; С. Дамдинсүрэн. Связи МНРП с международным коммунистическим движением на демократическом этапе революции в Монголии (1920—1940 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969.

¹⁹ ЦПА ИМЛ.

бы с правыми тенденциями, прежде всего с национализмом, с попытками сохранить права и преимущества шабинского ведомства²⁰, привилегии лам, князей, кабальные сделки китайских торговцев, попытками противодействовать привлечению к руководящей государственной работе аратов и т. д.

В резолюции Дальневосточного Секретариата ИККИ по монгольскому вопросу от 24 января 1927 г. внимание МНРП обращалось на опасность для партии и национально-революционного движения в целом выступления группы «хозяйствующего» чиновничества с лозунгом «Обогащайтесь!». Коминтерн разъяснял, что лозунг «Обогащайтесь!» на практике будет означать обогащение отдельных личностей за счет трудящихся масс страны, за счет их хозяйственного разорения. В противовес лозунгу индивидуального обогащения Коминтерн рекомендовал МНРП выдвинуть лозунг хозяйственного подъема страны в таких формах, как кооперация, государственные предприятия и т. д. отвечающих интересам трудового населения в целом²¹.

В указанной резолюции 1927 г. и в письме Восточного Секретариата ИККИ от 28 января 1928 г. возникновение в рядах МНРП правого уклона оценивалось как проявление стремления нарождавшихся капиталистических элементов утвердиться в экономике Монголии. Поэтому Коминтерн обращал внимание партии на необходимость вести решительную борьбу с правыми тенденциями, на важность детальной разработки экономической политики партии²².

Большое внимание в резолюциях Восточного отдела ИККИ от 23 января 1926 г. и Дальневосточного Секретариата ИККИ от 24 января 1927 г. Коминтерн уделил положению лам, считая, что политика МНРП в этом вопросе должна быть особенно гибкой, поскольку она затрагивает религиозные чувства, из поколения в поколение воспитывавшиеся среди населения страны. Поэтому Коминтерн высказал тогда мнение, что «пропаганда идеи безбожия не стоит сейчас в порядке дня политической работы Монгольской народно-революционной партии»²³.

Одобрив издание особого закона об отделении церкви от государства (сентябрь 1926 г.), Коминтерн пояснил, что само по себе издание этого закона не есть еще полное разрешение проблемы лам. Он советовал партии развернуть на основе закона серьезную и длительную политическую работу по ослаблению влияния многочисленного ламства и использованию его демократических слоев; более активно вести разъяснительную работу среди верующего населения, и особенно среди молодежи. При этом ИККИ считал, что партия не должна идти ни на какие уступки духовенству, если они носили принципиальный политический или экономический характер (например, вопросы о светской власти хутухты, о налогах на монастырский скот, о государственной субсидии церкви и т. п.)²⁴.

²⁰ Духовное ведомство, управлявшее «шабинарами» — крепостными духовных феодов.

²¹ См. ЦПА ИМЛ.

О демократических преобразованиях в Монголии см.: А. Минис. Осуществление МНРП революционно-демократических преобразований в стране. — «Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм». М., 1971, стр. 111—13.

²² См.: «Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм», стр. 275—276.

²³ ЦПА ИМЛ.

²⁴ Там же.

Представители руководящих органов Коминтерна и ЦК МНРП весной — летом 1932 г. обменялись мнением по поводу трудностей, возникших в связи с коллективизацией в Монголии (1930—1932 гг.), для успешного проведения которой еще не было соответствующих условий. Было найдено целесообразным взамен политики сплошной коллективизации приступить к добровольному объединению аратских трудящихся масс в первичные формы производственного кооперирования (совместное сенокосение, организация совместных выпасов скота, совместная постройка утепленных укрытий для скота и т. д.).

В соответствии с духом резолюции по политическим вопросам III чрезвычайного пленума ЦК МНРП (30 июня 1932 г.) партия взяла курс на организацию первичных форм производственного кооперирования, оказывая им всемерную государственную помощь материалами, машинами и кредитом. Пленум решительно защитил политическую линию партии в отношении единоличных аратских хозяйств. МНРП и правительство предприняли ряд мер, направленных на поощрение частнохозяйственной инициативы, на создание материальной заинтересованности аратских хозяйств в развитии скотоводства²⁵.

Постепенное превращение натурального аратского хозяйства в хозяйство мелкотоварное было необходимым условием, способствовавшим дальнейшему развитию производительных сил общества, созданию предпосылок для массовой коллективизации аратских хозяйств. Именно в этом состояла суть социально-экономических преобразований, которые завершили революционно-демократическое решение аграрного вопроса в Монголии²⁶.

Благодаря участию представителей МНРП в работе конгрессов Коминтерна, регулярной переписке с его руководящими органами, а также совместной работе с представителями Коминтерна при ЦК МНРП партия развивалась и жила не только решением задач своей страны, но и воспитывалась в атмосфере общих целей, задач и проблем международного коммунистического и рабочего движения. МНРП активно участвовала в руководимых Коминтерном международных кампаниях, нацеленных на защиту СССР — первой страны социализма, на поддержку классовых битв пролетариата и народов, борющихся за национальную независимость, на борьбу против мирового империализма, против порождаемых им войн.

Заслушав доклад секретаря ЦК МНРП Лувсандоржа об итогах VII Конгресса Коминтерна (1935), расширенное совещание секретарей аймачных и городских партийных комитетов приняло специальное постановление (октябрь 1935 г.). Совещание единогласно одобрило политические выводы и анализ международного положения, сделанные VII Конгрессом Коминтерна, «рассматривая их как программу, конкретно указавшую задачи, стоящие перед секциями Коминтерна, и путь борьбы мирового рабочего класса в деле организации широкого народного фронта трудящихся всех стран против наступления реакционной буржуазии и фашизма, против угроз новой империалистической войны»²⁷.

ЦК МНРП поручил партийным организациям развернуть среди членов партии и народа широкую разъяснительную работу о постанов-

²⁵ См.: «Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм», стр. 126.

²⁶ Там же.

²⁷ ЦПА ИИП при ЦК МНРП.

лениях и политических выводах VII Конгресса Коминтерна. Применительно к конкретным условиям страны ЦК МНРП видел задачи, вытекающие из решений VII Конгресса Коминтерна, в организации всенародной борьбы против захватнических устремлений японских империалистов в отношении МНР и угрозы войны, а также против сопротивления и клеветнических выступлений внутренних контрреволюционных сил.

В своих решениях, письмах и телеграммах Коминтерну МНРП выражала признательность за разностороннюю помощь и поддержку, заверяла со своей стороны в верности идеалам, за которые ведет борьбу международное коммунистическое и рабочее движение.

Партия воспитывалась в духе пролетарского интернационализма и преданности идеям научного коммунизма.

К концу 30-х годов феодалы в МНР были ликвидированы как класс. Рос рабочий класс, возникший вместе с созданием социалистических промышленных предприятий, как носитель социалистических производственных отношений. Сформировался союз рабочего класса и трудового аратства — основа народно-демократического строя Монголии. Революционно-демократическое государство, представляющее собой разновидность революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, постепенно перерастало в органы власти, осуществляющие функции диктатуры рабочего класса²⁸.

В результате социально-экономических и политических преобразований, осуществленных МНРП в 1921—1940 гг., Монголия завершила антиимпериалистический и антифеодальный этап Монгольской народной революции и началось *«постепенное перерастание демократической революции в революцию социалистическую»*²⁹.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. деятельность МНРП по интернациональному воспитанию монгольского народа в духе братской дружбы и оказанию посильной помощи Советскому Союзу в его исторической битве против фашизма явилась одной из наиболее ярких страниц проявления интернационализма со стороны МНРП и всех трудящихся МНР. Советский народ всегда с благодарностью помнит эти изъявления братства и солидарности монгольского народа по отношению к народам СССР.

* * *

XV съезд МНРП, анализируя пройденный МНР путь некапиталистического развития, сформулировал некоторые его закономерности, что явилось вкладом в ленинскую теорию социалистической революции.

Исторический опыт строительства социализма в МНР, минуя капитализм, свидетельствует о том, что по крайней мере две из сформулированных XV съездом МНРП закономерностей обязательны для любой страны, избравшей некапиталистический путь развития. Во-первых, постоянный всесторонний политический, экономический и культурный контакт и тесное сотрудничество с мировой социалистической системой. Во-вторых, наличие в стране сознательного революционного

²⁸ См.: «Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм». М., 1971, стр. 129.

²⁹ Ю. Ц е д е н б а л. Избранные статьи и речи. М., т. II, 1962, стр. 286.

авангарда — политической партии, — руководствующейся принципами марксизма-ленинизма и способной решительно и без колебаний вести страну по некапиталистическому пути.

На это и нацеливал Монгольскую народно-революционную партию Коминтерн. МНРП творчески решала свои специфические задачи, согласуя свой курс с общим направлением борьбы международного коммунистического движения; она понимала, что успешный переход МНР к социализму, минуя капитализм, есть не только выполнение ее национального, но и интернационального долга.

Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, выступая на митинге советско-монгольской дружбы в Улан-Баторе 15 января 1966 г., так оценил значение исторического опыта МНРП: «Успехи Народной Монголии имеют большое и принципиальное значение для мирового социализма. Ваш опыт подтвердил на практике ленинское предвидение о возможности перехода к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Он доказывает, что в наше время завоевавшая независимость страна, каков бы ни был уровень ее экономического развития, может стать на путь социализма и, опираясь на поддержку дружественных социалистических государств, успешно может строить новую жизнь»³¹.

³¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1970, т. I, стр. 253.

Культура КНР: борьба двух линий продолжается

И. М. Надеев

В последние месяцы центральная печать КНР вновь стала проявлять повышенный интерес к проблемам культуры. Начать с того, что многие аспекты захлестнувшей все органы массовой информации кампании «против возвышения конфуцианства и в защиту легизма», ныне переименованной в «кампанию критики Линь Бяо и Конфуция», имеют прямое отношение к вопросам литературы, искусства и просвещения. Но нет недостатка и в материалах, посвященных этим сторонам духовной жизни КНР безотносительно к этой кампании. Лейтмотив подобных публикаций таков: пролетарская (читай маоистская) «революция в литературе и искусстве», а также «революция в области образования» достигли больших успехов, ситуация на культурном фронте «превосходная». Однако «горстка классовых врагов», неизвестно откуда взявшихся и по имени пока не называемых, повела «бешеное наступление на революционную линию председателя Мао» и пытается возродить так называемую «черную ревизионистскую линию» в вопросах культуры, то есть вернуться к тому курсу, который осуществлялся до «культурной революции». Даже если сделать скидку на обычные в китайской печати пропагандистские преувеличения и перефразы, нельзя не прийти к выводу, что в культуре КНР происходят сложные процессы, идет серьезная идейная борьба. Поскольку проблемы образования заслуживают отдельного обстоятельного разговора, в настоящей статье мы остановимся главным образом на состоянии и тенденциях развития литературы и искусства КНР, положении творческой интеллигенции в Китае и попытаемся вскрыть реальную подоплеку газетной шумихи по проблемам культуры.

***

«Сначала разрушать — строить» — под таким лозунгом осуществлялась «культурная революция» в сфере культуры, с таким знаменем в руках ее оруженосцы назвали «новый порядок» в литературе и театре в просвещении и изобразительном искусстве. В 1969 г., когда IX съезд как бы под черту под наиболее бурным периодом «культурной революции», в стране не было издано ни одного художественного произведения профессионального автора, не было поставлено ни одного нового спектакля, не функционировало нормально ни одно культурно-просветительное учреждение, ни одна школа с трудом налаживала занятия по программам. Подвергавшаяся разным формам «перевоспитания» творческая интеллигенция была отстранена от участия в общественной жизни. Классики не существовало, из иностранной культуры были допущены лишь немногие образцы искусства «боевых действий», в первую очередь Албании.

Бесконечно долго так продолжаться не могло.

С одной стороны, прежние лобовые методы пропагандистского воздействия — листовые обряды, заучивание цитат и лекции «образцовые пьесы» — утрачивали свою эффективность, становились привычными, стали клише. С другой стороны, учащаяся молодежь, сообщая о том, что изголодавшаяся культура, по развлечению люди прибегают к обходным путям утоления такого голода — пели «желтые» (т. е. лирические) песни, организовывали подпольные библиотеки и даже небольшие театральные труппы, наполнявшие кое-что из старого репертуара. И вот, продолжая обличать «черную линию», настаивая на продолжении «перевоспитания» творческих работников, стали — сначала робко, потом во всеуслышание — говорить о «созидании». На первых порах это была весьма специфическая форма «созидания», именовавшаяся «массовое движение за революционное литературно-художественное творчество» и имевшая основой «смертную популяризацию образцовых революционных пьес». Особенностью этого движения, как утверждалось, являлось «сочетание труда самостоятельных художников из рабочих, крестьян и солдат и профессионалов». И только в декабре 1971 г. появилось «высшее указание»: «Нужно создавать еще больше хороших произведений». В этом высказывании примечательно и выражение «еще больше» — так сказать, в нулевой ситуации, — и как бы подразумеваемая идея о том, будто писатели и художники до

торы не знали, что им следует все-таки создавать произведения (предшествующее указание) гласило: «вузы все-таки нужны»). По фактом остается то, что, когда это высказывание Мао было разъяснено в директивной статье «Жэньминь жибао» — «Развивать социалистическое литературно-художественное творчество»¹, ситуация в области творчества и в сфере культуры заметно изменилась. Об этой нынешней ситуации, о характере и масштабе происшедших изменений и пойдет далее речь.

Прежде всего следует сказать, что идейной основой курса пекинского руководства в сфере культуры остаются яньаньские выступления Мао Цзэ-дуня по вопросам литературы и искусства в мае 1942 года. Это было особо подчеркнуто во время широко отмечавшегося в 1972 г. 30-летнего юбилея этого маоцзэдуновского документа. Следует, пожалуй, согласиться с тайваньскими и другими зарубежными исследователями, которые считают, что по сей день сохраняет свое значение и другой «программный» (то бишь погромный) документ «культурной революции» — «Протокол совещания по литературно-художественной работе в армии» (1966), хотя ныне в КНР открыто он вроде бы и не упоминается. Это и понятно: совещание проводилось Цзян Цинн, но «по поручению Линь Бяо», преданного ныне анафеме пекинским руководством. По этой же причине роль армии как примера во всех областях жизни в последнее время не поддерживается. С другой стороны, «Протокол» был «трижды просмотрен» самим Мао, в нем еще более четко проявились антимарксистские, вулгаризаторские тенденции «Выступлений», с еще большей силой подчеркивается «тщедушность» курс в литературе и искусстве, призванный обслуживать идеологические и политические нужды нынешнего режима.

Что же касается нередких в последние годы обращений китайской печати к марксизму-ленинизму и цитированию отдельных фраз классиков марксизма-ленинизма, то в сфере культуры не менее наглядно, нежели в других областях, проявился демагогичный характер этого, по существу, пропагандистского маневра. Система взглядов основоположников научного социализма на проблемы культуры не сводится к их отдельным произведениям, тем более к отдельным высказываниям. Важно совокупное богатство их эстетических воззрений, их отношение к многообразным явлениям духовной жизни прошлого и современности с позиций исторического материализма, их гуманистические представления о будущей социалистической культуре. Маоисты же лишь ницуют вырванных из контекста и по-своему истолкованных цитатах из классиков марксизма подтверждения своих собственных порочных тенденций. Высказываниями Маркса и Ленина они тщатся «освятить» свой курс, ли-

шающий китайский народ возможности следовать завету В. И. Ленина — овладеть всем богатством знаний, накопленных человечеством, изолирующий его от мировой социалистической культуры.

Главные установки, призванные определять теорию и практику современной культуры Китая, сформулированы в упомянутой статье «Жэньминь жибао» от 12 декабря 1971 года. Они фактически сводятся к призыву осуществлять «всестороннюю диктатуру» в области литературы и искусства, «служить пролетарской политике», имея «компасом» линию председателя Мао». Говорится о необходимости «повышать идейный и художественный уровень произведений» и ориентироваться при этом на «образцовые пьесы». В результате эстетический (с позволения сказать!) нормативный кодекс Цзян Цинн, выработанный в последние годы «искусствоведами-маоистами», навязывается деятелям литературы и искусства как обязательный и неоспоримый. Вновь перечисляются известные демагогические лозунги: «служить рабочим, крестьянам и солдатам», «пусть расцветают сто цветов» и т. п. Что же касается национального классического наследия, иностранной классики и современной литературы, то в этом случае предлагается усваивать лишь «полезное», пригодное для создания революционной «литературы и искусства». Но главная цель — это, выражаясь языком маоистов, «выдвигать новое», «утверждать своеобразное». А практически — воспевание «благотворных результатов культурной революции». Таким образом, не случайно и сохранение пресловутого «метода сочетания революционного реализма с революционным романтизмом» в качестве знамени маоистского «искусства», оправдывающего любые антихудожественные средства во имя культа личности Мао и возвеличивания «побед» и «успехов» его линии.

Реальные результаты изменившегося в последние годы курса в области литературы и искусства выразились прежде всего в возобновлении литературно-художественных публикаций.

В течение 1972 года, по неполным данным, в Пекине и в провинциях вышло из печати 130 романов, повестей, сборников стихов, рассказов и очерков (правда, часть из них — переиздания произведений, созданных до 1966 г.). О масштабах издательской деятельности судить еще трудно, но он, видимо, поддерживается на этом же, очень низком, с точки зрения потребностей народа уровне. В 1972 г. в опытный порядок, а в 1973 г. официально стали издаваться провинциальные и городские литературно-художественные журналы: «Бэйцзин синь вэнь», «Тяньцзинь вэнь», «Гуандун вэнь», «Гуанси вэнь» и другие. Центральные журналы, за исключением археологических, не выходят. Кроме «современных пекинских драм» и «балетов», на профессиональной сцене появились спектакли в других жанрах традиционного музыкального театра сценой, а также одноактные «разговорные драмы»,

¹ «Жэньминь жибао», 12.XII. 1971.

участились представления эстрадно-театрального искусства малых форм. Более разнообразной по форме и содержанию стала продукция изобразительного искусства: во дворце Гугун вновь открылась постоянная выставка старой живописи. Увеличилось производство научно-популярных, хроникальных фильмов и мультфильмов, но игровые ленты (в количестве четырех) появились лишь в самое последнее время.

Произошли некоторые сдвиги и в области образования. Возрос удельный вес общеобразовательных дисциплин в школьных программах: сократилось время, прежде бессмысленно затрачиваемое школьниками на политическую муштру и военную подготовку; повысилось сознание значимости знаний, успеваемости, основательно подорванное в годы хунвэйбиновщины. Возобновили и несколько расширили прием студентов вузы — сначала технические, медицинские, педагогические, затем и гуманитарные. В текущем 1974 учебном году, по официальным данным, принято 153 тысячи студентов — это примерно две трети от прежнего (до 1966 г.) уровня. Стали появляться отдельные работы по истории, литературоведению, истории философии, в которых заметно стремление не отождествлять воззрения мыслителей разных эпох с «феодалным, буржуазным и ревизионистским товаром». В книжных магазинах время от времени стали продаваться переизданные ограниченным тиражом классические романы, полное собрание сочинений Лу Синя. В печати можно встретить сообщения о работе библиотек (провинциальных и городских), хотя обслуживаемый ими контингент читателей и особенно доступный для массового читателя книжный фонд явно ограничены.

Судя по всему, ныне создана новая администрация, ведающая делами культуры Китая. Правда, официально об этом еще не говорится, но отдельные откровения прессы и рассказы посетивших Китай иностранцев позволяют представить эту администрацию хотя бы в общих чертах. В период «культурной революции» контроль за немногими мероприятиями, проводившимися в литературе, искусстве и просвещении, осуществляли ревкомы через «агитбригады пропаганды идей Мао», творческие группы и другие приданные им коллективы. Общее идеологическое руководство проводила Группа по делам культурной революции в Пекине. Сейчас система управления и контроля явно двулика. Одно ее лицо — Группа по делам культуры и Группа по науке и образованию при Госсовете, ведающие организационной и финансовой сторонами, действующие через соответствующие департаменты и отделы в органах власти провинций, городов и уездов. Однако в идейно-политическом отношении эти департаменты и отделы направляются партийными комитетами соответствующих ступеней, т. е. в конечном счете ведомством пропаганды, руководимым «радикалами» из окружения Цзян Цинь.

Творческие работники на местах обещаны в «художественные коллективы» (цзюйтуань) провинциального или уездного масштаба, которые включают в себя театральские группы (сецзоцзу), театральные коллективы (цзюйтуань) различных жанров (песенно-танцевальные коллективы (цзюйтуань) и т. п. Здесь мы употребляем термин «коллектив», а не «труппа» или «ансамбль», чтобы подчеркнуть, как маоисты стараются противопоставить нынешнюю систему организации искусства прежней, якобы элитарной и бюрократизированной. Новые коллективы призваны также готовить через «творческие группы» молодые художественные бригады «фудаодуй» — художественную деятельность. Прежние творческие объединения — Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства, Союз писателей, Союз художников и так далее — не функционируют, и ожидать их восстановления пока не приходится. Они рассматриваются маоистами как подрывные «клубы». Их руководство подвергалось наиболее жестоким репрессиям.

Такова внешняя сторона произошедших изменений, наиболее бросающихся в глаза. Но произошли ли перемены по существу в самом характере культуры, ее направленности? Что несет она людям? Что представляют собой новые произведения литературы и искусства?

Начнем с проблемы индивидуального и коллективного творчества. Много лет назад, лицемерно превознося «ненесекские творческие способности масс», старались использовать их в своих целях, под флагом борьбы с индивидуализмом прижимали индивидуальное начало в культурном творческом процессе. В течение пяти лет появлялось произведений, подписанных профессиональными писателями или художниками, одно время даже не указывались имена актеров. Сейчас индивидуальное творчество формально восстановлено в правах, профессионалы признается право и обязанность руководить самостоятельным искусством, то есть учить массы, а не только учиться у масс. В этом можно видеть стремление использовать талант и опыт подготовленных работников культуры, и в знании невозможности опираться исключительно на политически благонадежные, малообразованные, неквалифицированные кадры самостоятельности. Весьма внушительная количественно (в одном Ухане насчитывается свыше 1300 художественных бригад с более чем ста тысячами участниками из рабочих, учащихся, работников торгашеских и членов их семей), армия самостоятельного искусства оказалась, видимо, малоэффективной в смысле воздействия на массы.

Однако индивидуальное творчество отвечает за собой и индивидуальную ответственность. А это рождает проблемы и для руководителей не до конца доверяющих даже «перевоспитанным» деятелям культуры, и для самих творцов, по понятным причинам не желающих

шим нести опасное «бремя славы» в одиночку. Поэтому широко используется технология творчества, запатентованная под названием «сочетание трех» (руководство дает темы, массы — жизненный материал, художник — мастерство), осуществляется многоступенчатый контроль за продукцией, а также всякого рода «помощь» авторам, о которой они рассказывают охотно и подробно. Прежде чем встретиться с публикой, произведения проходят многофазовую «шлифовку». Так, роман «Госхоз „Прибрежный“» Чжэн Жу-чжэня, точнее, его первая часть (без малого 50 печатных листов), переписывался после соответствующих «пожеланий» пять раз, и даже немудреная одноактная пьеска Ло Гуана «Ода новым обычаям» подверглась тройной переделке. Индивидуальное авторство, во крайней мере в литературе и театре, в известной степени остается фикцией.

Не нужно доказывать, что подобная организация творческого процесса ведет к обезличиванию, нивелировке произведений. Но это не единственная и даже не главная причина появления стереотипных сюжетных схем, шаблонных образов, стилистического однообразия. Главная причина — в господстве нормативной эстетики, жесткой ориентации на лобовое решение идеологических и пропагандистских задач. Одно из главных требований этой «эстетики» — обеспечение однозначности, недвусмысленности содержательной и эмоциональной информации. Одна из высших похвал признанному удачному произведению состоит в том, что в нем «ясные» образы, «четко» проведена грань между категориями персонажей. Сюжетные линии непременно должны быть доведены до логического конца, характеристики персонажей и ситуаций не должны оставлять места для сомнений и раздумий. Этой цели призвана служить и архитектура произведений: положительный герой должен занимать центральное в самом буквальном смысле слова место, персонажи, менее выдержанные в идейном отношении, и тем более «враги», отесняются на периферию. Не по этой ли же причине не появляются и сатирические произведения, направленные против внутренних или внешних противников маоистов? Пусть в карикатурном, неприглядном виде, но «враги» окажутся в фокусе внимания, а это нарушит предписания «канона». Впрочем, смех обличительный, язвительный вообще не в чести. Героям положительным подобает улыбаться. Противопоставлены не только сатира, пародия, аллегория: не в чести и лирика, отождествляемая с «расслабляющей сентиментальностью», если не прямо с «декадансом и эротикой». «Новое искусство» маоистов всегда дидактично, исполнено ложного пафоса или розовой умиленности и почти всегда скучно. Не случайно, при столь длительном книжном голоде новинки, по свидетельству очевидцев, раскупаются медленно. Дело, видимо, в том, что они не отвечают на действительно волнующие вопросы, дают скучную пищу уму

и сердцу, воображению и памяти. Стремление к оперативности приводит к плоской иллюстративности, теряется ощущение многогранности и сложности окружающего мира, заданность исходных позиций и решений исключает необходимость самостоятельной работы мысли, делает невозможным подлинное сопереживание.

* * *

А теперь о состоянии отдельных областей культурной жизни.

В театре — этом популярнейшем в китайском народе виде искусства — после нескольких лет «популяризации образцовых пьес», их «трансплантации», то есть приспособления к различным театральным жанрам, стали наконец появляться новые спектакли. Небезынтересно, что — если судить по данным китайской печати — наибольшую активность проявляют периферийные театральные коллективы, представляющие многочисленные местные разновидности традиционного музыкального театра. Возможно, причиной тому является острейший репертуарный голод, испытываемый местными театрами, поскольку почти все «образцовые спектакли» были предназначены для «столичного театра» (цзинцзюй). Не исключено также, что к периферийным постановкам предъявляются менее строгие требования, тогда как от центральных коллективов ждут стопроцентной идеологической выдержанности и полного соответствия маоистскому «эстетическому канону». Наряду с этим начал подавать первые признаки жизни драматический театр, молчавший с 1966 г., — поставлено некоторое количество преимущественно одноактных пьес. Участились также представления малых эстрадно-театральных жанров (шюйи).

Много места уделила пекинская печать смотрю театральным коллективам Северного Китая — первому крупному мероприятию такого рода за последнее десятилетие. В течение 27 дней было показано 44 спектакля в примерно двадцати театральные жанрах². Все эти спектакли на современные темы, хотя и не каждый из них является действительно новым. Так, расхваленная в газетах «разговорная» драма «Лавка в Сянъяне» впервые увидела свет рампы еще в 1963 г.; сейчас она поставлена вновь после шестикратных переделок.

Богатейший традиционный репертуар по-прежнему находится под запретом. Иностранцам визитерам китайские деятели неоднократно заявляли, что «в данное время» избранные пьесы из театральной классики будут вновь допущены на сцену. Как видно, это время наступит еще не скоро, поскольку пресса встречает в штыки робкие попытки отдельных местных трупп возродить хоть что-нибудь из пользовавшегося народной любовью старого репертуара.

² «Жэньминь жибао», 21.II. 1974.

В январе нынешнего года после восьмилетнего перерыва на китайских экранах появились новые художественные (лучше сказать «игровые») фильмы. Их всего четыре: «Огненные годы», «Борьба с водной стихией», «Циньсунлин» и «Весенние дни». И опять-таки в полном смысле слова новых их назвать нельзя: по крайней мере два из них были закончены еще в канун «культурной революции» (очевидно, сейчас внесены какие-то изменения), а остальные представляют собой экранизации литературных произведений начала 60-х годов. Как вещают газеты, работа над фильмами велась по-новому: вместо «диктата режиссера» осуществлялось «сочетание партийного руководства с линией масс»³. Что в результате получилось? Если судить по рецензиям и фотографиям, создатели картин, следовавшие «новому методу», старательно учились у «образцовых спектаклей» и откликнулись на ведущие пропагандистские установки, включая «борьбу с современным ревизионизмом».

Помимо документально-пропагандистских фильмов, производство которых не прекращалось, обращает на себя внимание довольно большое число научно-популярных лент, а также вновь появившиеся на экране мультипликационные. Пресса много шумела об экранизациях «образцовых спектаклей», но в кинематографическом отношении они сделаны беспомощно.

Что происходит в области изобразительного искусства?

К 24-ой годовщине КНР было приурочено открытие всекитайской выставки книжек-картинок и национальной живописи гохуа, а также выставки произведений крестьян-художников из уезда Хусянь. Но уже за некоторое время до этого можно было заметить изменение в подходе к изобразительному искусству. Наряду с произведениями, непосредственно обслуживающими культ Мао Цзэ-дуна, и политическими плакатами стали появляться пейзажи, жанровые зарисовки, предметы декоративного и прикладного искусства, выполненные как в современной, так и в традиционной манере. В изданиях, рассчитанных на иностранных читателей, помещались репродукции новых работ таких видных художников, как Ли Кэ-жань, Гуань Шань-юэ, Гу Юань и др. Как правило, новые произведения, включая пейзажи и «живопись цветов и птиц», по названиям связаны с теми или иными лозунгами момента, с фактами биографии Мао Цзэ-дуна или его стихотворениями, но связь эта часто носит формальный характер. Несмотря на эти сдвиги, современная живопись ни в качественном отношении, ни в смысле разнообразия тематики и форм не сопоставима с тем, что было 10—15 лет назад. К тому же работы профессиональных художников доступны лишь узкому кругу зрителей, поскольку не выходят ни художественные журналы, ни альбомы.

³ «Жэньминь жибао», 23.I. 1974.

Некоторые зарубежные специалисты современной литературе склонны приписывать большое значение тому факту, что в последние несколько лет засилья документальной прозы — очерков, зарисовок, репортажей — открыта «зеленая улица» для романов, вестей и рассказов. Думается, что в условиях китайских условий разница между этими двумя потоками литературы не столь уж велика. Документальная проза таковой лишь по видимости: точные даты и имена играли в ней примерно такую же роль, скажем, как в рассказах о жизни писателя IV в. Гань Бао, в которых с невероятными подробностями приурочены к определенному времени и месту. На это и в очерках, и в рассказах жизнь в Китае изображается не такой, как она есть, а какой должна быть, согласно действующим в данный момент установкам в свете марксистской теории «классовой борьбы» и «борьбы за линией» (тезис о «правдивом отображении действительности» иногда упоминается в прессе, но в качестве абстрактного положения). Более существенным представляется различие между малыми и крупными формами. В рассказе можно ограничиться рисовкой одной житейской ситуации, перевести конфликт к недоразумению (прием «ухуэйфа» получил настолько широкое распространение, что о нем неоднократно заговорила китайская критика). Роман как-никак предполагает наличие разветвленного сюжета, конфликта в качестве движущей действительности, пружины, более или менее разработанных и правдоподобных характеров. Посмотрим же под этим углом зрения на произведение, которое, кажется, считается одним из лучших за последнее время — роман Хао Жаня «Сверкающий путь». Сторонка «кажется» сделана потому, что китайская критика до самого последнего времени была крайне осторожна: она избегала резких славословий, так и осуждений, не прибегая к сопоставлениям и сравнительным оценкам. Если критик и находил недостатки, то в области формы, идейное же содержание произведения, коль скоро оно разрешило публикации, не подвергалось сомнению. Но Хао Жань, несомненно, находится сейчас в чести, удостоен переиздания его трехтомный роман «Весенние дни», созданный в канун «культурной революции». К тому же это писатель-профессионал с почти двадцатилетним стажем, хотя никогда не пользовавшийся заметным влиянием⁴.

⁴ Хао Жань родился около 1930 г. в одной из деревень провинции Хэбэй. Юношей участвовал в партизанской борьбе и происходил из аграрной реформы. Затем был в лагере, учился на литературных курсах. Профессиональной писательской деятельностью занимается с 1956 г. Издал ряд сборников рассказов и повестей. Его самое крупное произведение — трехтомный роман «Весенние дни» (издан в 1966 г., переиздан в 1972 г.) — посвящено жизни деревни в последние годы.

«Сверкающий путь» (60 печатных листов) — лишь первая часть задуманной тетралогии. Действие происходит в деревне начала 50-х годов, вскоре после аграрной реформы. Крестьянам предстоит сделать выбор между укреплением личного хозяйства (лозунг «обогащайтесь!») и объединением в группы трудовой взаимопомощи (лозунг «организуйтесь!») — из одноименной статьи Мао, которая окончательно определяет выбор главного героя). Отношение крестьян к этой дилемме — «за» или «против» социалистического пути — определяется их социальной принадлежностью: бедняки безоговорочно «за», середняки колеблются, скрытый кулак «против». Сложнее положение в руководящем звене среди членов партии. Одни из них, включая главного героя Гао Да-цюаня, твердо отстаивают линию на коллективизацию, подаваемую в романе как линию Мао, другие (начальник уезда, староста деревни) придерживаются курса на единоличное хозяйство, ссылаясь на то, что курс этот определен «сверху» (кем — в романе не сказано, но читателю ясно, что речь идет о Лю Шао-ци). Первая часть завершается созданием группы взаимопомощи; понятно, что главная борьба с будущими «капиталистами» развернется в последующих разделах романа. Несомненно, изображенный в книге конфликт имеет определенную жизненную основу, хотя расстановка сил вряд ли была столь отчетливой. Видно также, что автор старается мотивировать поступки персонажей, придать им какую-то меру индивидуальности и жизненности. Но, подчиняясь нормативному требованию «политики на первое место», он упрощает и схематизирует жизненный материал, сводя все многообразие связей между людьми и психологических мотивов их действий в конечном счете к политической сознательности, заставляет персонажей то и дело резонировать языком газетных статей, вновь и вновь разжевывать уже сказанное, дабы ни у кого не возникло сомнений относительно намерений героев (вернее, писателя). В изображении чувств господствует рационализм; лишь младшему брату героя автор разрешает увлечься племянницей кулака настолько, что сон уходит из идеальной братниной семьи и отказывается вступить в группу взаимопомощи. Однако племянница — из бедной семьи, так что у читателя есть надежда на благополучный поворот событий. Сам Гао Да-цюань в соответствии с канонами «образцовых пьес» представлен совершенным во всех отношениях, и если поначалу в нем обнаруживаются живые человеческие черты, то к концу книги он преимущественно провозглашает политические лозунги и славит председателя Мао. Следует сказать, что и этот и тем более другие персонажи книги все же отличны от идеальных героев — «нержавеющих винтиков» типа Лэй Фэна и Юэнь Хая, не столь иконописны и безжизненны. Возможно, Хао Жань и сам чувствует эти слабости и старается оживить повествование за счет использования пословиц,

диалектизмов, деревенских словечек, а также наделения многих персонажей прозвищами. Но первый прием вступает в противоречие с суконным, малоправдоподобным устами рядовых крестьян языком большинства диалогов, а второй невольно наталкивает на неблагоприятное для автора сравнение с творчеством осужденного Чжао Шу-ли.

Итак, перед нами произведение, повествующее о борьбе за социализм в деревне, но связывающее эту борьбу исключительно с именем Мао и его «линией». В нем осуждаются «американские дьяволы», вторгшиеся в Корею, но ничего не говорится о братской помощи Советского Союза (прямых антисоветских высказываний в романе нет). Правдивость в изображении исторической обстановки, мыслей и чувств персонажей приписана в нем в жертву маоистскому постулату о «борьбе двух линий» и маоцзэдуновскому же требованию «изображать жизнь возвышеннее и идеальнее», чем она есть. В ряде других произведений, написанных менее опытными авторами, эти черты выявлены еще резче.

Не хотелось бы, однако, быть понятым в том смысле, что, поскольку творческая деятельность в Китае сейчас скована обязательными канонами и находится под строгим контролем, все публикуемое следует априори рассматривать как лишенное эстетической и познавательной ценности. Подлинные художники — а они в Китае были, есть и будут — не могут не пытаться хотя бы частично, подчас используя намеки и инсказанья, рассказывать о том, что волнует их современников. Объективный смысл творения искусства может расходиться с субъективными намерениями авторов и редакторов.

* * *

Итак, в течение 1972—1973 гг. в различных областях культуры КНР наблюдалось известное оживление, возобновление творческой деятельности. Конечно, процесс этот приобретал определенное значение лишь в сопоставлении с духовным вакуумом периода «культурной революции» и проходил в рамках маоистской идеологии под строгим контролем властей. Все же создавалось впечатление, что возобладала более «умеренная», более разумная линия в вопросах культуры. Это подтверждалось и рядом мероприятий в области образования — большим акцентом на качество преподавания, повышением роли общеобразовательных и теоретических дисциплин, упором на регулярность и систематичность занятий. Об этом же свидетельствовало и некоторое расширение культурных контактов Китая с внешним миром (преимущественно с капиталистическим) — приглашение иностранных музыкальных коллективов и отдельных деятелей искусств, поездки китайских театральных и цирковых трупп за рубеж, организация археологических и художественных выставок. Намечалась тенденция отхода от чисто нигилистического отношения к национальной

классике и мировой культуре. На книжных полках появились некоторые классические романы и драмы, был опубликован ряд брошюр и статей по литературе и искусству прошлых эпох, в газетах можно было прочесть добрые слова о «Пасторальной симфонии» Бетховена...

Но как бы робки ни были эти шаги, они явно встревожили маоистских «радикалов», усмотревших в этой тенденции отход от установок «культурной революции», потенциальную угрозу безраздельному господству «идей Мао Цзэ-дуна». Они, несомненно, готовили контрастное выступление, и первым его очевидным признаком можно считать публикацию двухтомного романа Го Сянь-хуна «В походе». На этом крупнейшем по объему произведении 1973 г. необходимо остановиться подробнее.

Он издан в Шанхае — этом «самом красивом» городе, центре маоистского «радикализма», где, как об этом не раз напоминает роман, началась в 1967 г. «январская буря», т. е. разгром партийных организаций и законных органов власти КНР. И вряд ли случайно имя автора — Сянь-хун — расшифровывается «ставший красным раньше всех»: в своем маоистском рвении он далеко опередил других «воинов пера».

Несет смысловую нагрузку и имя главного персонажа романа, одного из предводителей шанхайских хунвэйбинов — Чжуня: его зовут Вэй-хуа, что означает «Защитник Китая». От кого же «защищает» Китай сей храбрый «солдат председателя Мао»? Ответ читатель получает чуть ли не на первой странице: «Взор Чжун Вэй-хуа скользнул по карте Китая и остановился на провинции Хэйлунцзян», пограничной с советским Дальним Востоком. «Он как будто услышал шум таежных сосен, плеск речной волны, лязг гусениц танков... Он пришел в гнев» и тут же «принял твердое решение — первым броситься в атаку» на так называемых «новых царей». И вот он во главе отряда хунвэйбинов отправляется во исполнение «великого стратегического замысла председателя Мао» в деревню на берегу Амура, чтобы вести там борьбу с «внутренними и внешними классовыми врагами». Настроение напуганных антисоветской маоистской пропагандой участников этого «похода» призвано отразить стихотворение другого юнца: «На Амуре поборемся с ветром и снегом, смеясь, прольем горячую кровь, убьем медведя»...

Так, в самом начале книги возникает и сохраняется до самого конца тема разжигания шовинистического психоза, возбуждения в читателях ненависти к Советской стране, советским людям. При этом Го Сянь-хун или те, кто направлял его перо, стремятся представить дело так, будто СССР является извечным врагом Китая. В этом, с позволения сказать, романе не найдешь упоминаний об участии китайцев в борьбе с белогвардейцами и интервентами на Дальнем Востоке, зато подробно расписываются преследования, которым подвергали китайцев царские казаки. Северо-восток Китая,

где развертывается действие книги, оказывается, освободила от японских милитаристов не Советская Армия, а находившийся за тысячи километров, в яньаньских пещерах, Мао Цзэ-дун. Более того, в клеветническом раже автор доходит до утверждения, будто после победы народной революции в Китае Советский Союз приютит у себя бежавших от народного гнева помещиков и японских прихвостней с тем, чтобы впоследствии использовать их для «подрыва деятельности» на китайской территории. До таких перлов маоистские борзописцы, кажется, еще не додумывались. Зато язык которым написаны антисоветские эпизоды романа, нам знаком. Это предельно вульгарный, граничащий с непристойностями язык хунвэйбиновских «дацзыбао», с неизменными «собачьими головами», «черепашья отродь», «бешеным псом» (это уже о Ляо Шао-ци) и т. п.

Оголенным антисоветизмом, истерическими призывами «расплатиться по старым и новым счетам» не исчерпывается «идейное содержание» книги. Много места уделяется также городской молодежи, посланной, вернее, сосланной в конце «культурной революции» в деревню. Разумеется, тщетно искать хотя бы намек на истинные причины — политические трудности контроля над многомиллионными массами хунвэйбинов и экономические (невозможность найти для них работу в условиях хозяйственного застоя), — вынудившие маоистов прибегнуть к этому мероприятию. В книге оно выдается как свидетельство заботы руководства об идеологическом росте молодежи. Остается непонятным, однако, почему дети рабочих Шанхая, известного своими революционными традициями, должны проходить «перевоспитание» в глухих деревнях, среди малограмотных крестьян. Но автор и не пытается ничего объяснить: ему важно лишь «подыграть» очередной политической кампании. Делается это до анекдотичности буквально. К примеру, впервые оказавшись в тайге южане приняли кедровые шишки за ананасы, а желуди — за каштаны. Оставаясь на совести автора правдоподобность этой ситуации. Но для чего он ее вводит? Может быть, для того, чтобы оживить повествование, поиронизировать над наивностью своего персонажей? Ничего подобного. Для него это только повод обрушиться с дежурными филиппиками на «ревизионнистскую линию в вопросах просвещения», которая — де отрывала обучение от производительного труда (как будто кедр от ананаса может отличаться только лесоруб).

Действия «классового врага» в деревне изображены настолько неумными и бессомнительными, что разглагольствования об «ожесточенной борьбе двух линий» повисают в воздухе. Однако попутно автор, тем не желая, создает тягостную картину жизни современного китайского села, где процветают взаимная слежка, доносы, расправы над неугодными людьми. Стоит ли вознику угостить хунвэйбина сигаретой —

сразу донос: «разлагает молодежь». Дали парню в сорокоградусный мороз выпить рюмку самогона — «попытка подкупа». И кара не заставляет себя ждать.

Гнетущее впечатление оставляет этот роман, перенасыщенный культом «великого кормчего», проповедующий национальную вражду, оправдывающий территориальные притязания пекинского руководства и запугивающий убогий духовный мир части китайской молодежи, искалеченной хунвэйбиновщиной. Но именно эта книга удостоилась воосторожной оценки в центральной прессе⁵.

Роман «В походе» вышел перед X съездом КПК. Как известно, съезд не выдвинул никакой конкретной программы развития культуры, было лишь сказано о необходимости продолжения «революции в области надстройки» и подчеркнуто, что «культурная революция» будет повторяться многократно. Эти слова настораживали, они предвещали новые идеологические кампании. И предчувствия оправдались.

Как бывало и раньше, первые признаки напряжения возникли в системе образования. Якобы по инициативе «снизу» началась шумиха относительно изменения правил приема в вузы с тем, чтобы академические успехи не были главным критерием, а учитывалась прежде всего политическая физическая абитуриента, его участие в «производственной и классовой борьбе». На практике это означало требование распахнуть двери вузов перед недостаточно подготовленной, но «благонадежной» с маонистской точки зрения молодежью и тем самым обеспечить верность будущей интеллигенции «мыслям Мао». Несколько позже в возбужденное состояние была приведена и общеобразовательная школа: учащихся стали убеждать не соглашаться с учителями, если те навлекли на себя подозрение в отходе от установок маонистской «революции в производстве», возродить «прежние порядки» (причем печать признает, что такие учителя составляют большинство).

Осенью 1973 г. центральную печать затопили материалы «научной» по форме кампании по борьбе с восхваленным конфуцианством и недооценкой легизма. С самого начала было ясно, что внезапно проснувшийся интерес к этим учениям древности связан с самыми актуальными вопросами современной жизни Китая, в частности культуры. И конфуцианство и легизм служили интересам правящих классов, но предусматривали неодинаковые методы управления обществом. Конфуцианцы — по крайней мере в теории — делали акцент на методах убеждения, моральном авторитете правителей. Они говорили о необходимости привлекать на службу образованных людей, ценили книжные знания, литературу, музыку. Легисты же, ставя на первое место неукоснительное соблюдение закона, отстаивали методы принуждения, насилия. Народ, считали

они, следует оставлять в невежестве, чтобы им было легче управлять. Образованное сословие представлялось им питательной почвой для возникновения «крамолы». В этом контексте само предпочтение легизма конфуцианству достаточно прозрачно говорит о взглядах и намерениях инициаторов кампании. Но они высказывались и более определенно. В ряде статей, например, Ши Луна «О почитании конфуцианства и критике легизма»⁶ были оправданы и даже названы «революционными актами» такие действия императора Цинь Ши-хуана, как сожжение всех книг, кроме сельскохозяйственных и медицинских, и казнь нескольких сот оппозиционных ученых. Трудно было воспринять такие заявления иначе, как попытку оправдать и даже возвести в норму акты вандализма и произвола периода «культурной революции».

С этим острейшим для политической жизни сегодняшнего Китая вопросом об отношении к «культурной революции» непосредственно связана и критика повести «Жизнь». Она привлекла особое внимание уже потому, что — как мы упоминали — профессиональная критика до этого была крайне благожелательна к произведениям, выпущенным в последнее время. И не случайно застрельщиками критики выступили студенты Ляонинского университета. Мы не имеем возможности ознакомиться с повестью или хотя бы узнать имя автора, в печати не упоминаемого⁷. Но из разных выступлений ясно, в чем суть дела. В повести изображаются события начала 1967 г., когда цзаофани и хунвэйбины по призыву заправила «культурной революции» «захватывали власть у идущих по капиталистическому пути». В повести, действие которой разворачивается в одной из деревень Северо-Востока, все вроде бы изображено «правильно»: в конце концов власть оказывается в руках бедняков и низших середняков, «верных председателю Мао». Но вольным или невольным прегрешением автора явилось, с точки зрения нынешних критиков, то, что он как бы поменял местами борющиеся стороны. Главным положительным лицом является секретарь партийной, занимавший эту должность и до «культурной революции» (следовательно, по официальной схеме, «шедший по капиталистическому пути»), власть же у него пытается захватить проходивец, стоящий во главе обманутой им цзаофаней. Таким образом, получилось, что вся затея с «захватом власти» была по меньшей мере излишней, а то и просто вредной. В 1972 г. такая повесть могла быть напечатана, сейчас она рассматривается как идеологическая диверсия. Вряд ли мы ошибемся, предположив, что санкционировали публикацию те,

⁶ «Хунци», 1973, № 10.

⁷ «Жизнь» опубликована в ляонинском журнале «Гуншунбин вэнь» (1972, № 1), который, как и все провинциальные издания, иностранцам не продается.

⁵ «Гуанмин жибао», 12.XII. 1973.

кто не одобряет крайностей «культурной революции», а подвергает разносу книгу — «радикалы».

В том же русле лежат и такие события последнего времени, как яростные нападки на фильм Антонини «Китай» и серия статей о классовом характере непрограммной музыки. Фильм Антонини вышел на европейский экран более года назад, его видели китайские официальные лица, и они не могли не заметить, что многие его эпизоды показывают китайскую действительность в нелестном для властей свете. Однако волна критики прокатилась лишь в начале нынешнего года. Ее направленность против культурных контактов с заграницей очевидна. Понятна и цель публикаций о музыке — закрыть отдушину, которую кто-то пытался использовать для «контрабандного ввоза» классического музыкального наследия в Китай. Эти люди соглашались, что программная музыка, особенно написанная на литературные тексты, отражает определенную идеологию и имеет классовый характер. Но произведения без программы и названия — сонаты, этюды, вальсы — отражают лишь общечеловеческие чувства радости, скорби и т. п., а потому их можно исполнять хотя бы для подготовленной аудитории. Но тут же последовал резкий окрик со стороны приверженцев вульгарного социологизма. Все до единого произведения Бетховена или Шуберта отражают буржуазную идеологию, заявили они и с деланным ужасом возопили: «Что же будет, если мы будем их в первоизданном виде (а в каком же еще?) — И. Н.) вливать в головы студентов?»⁸ Эти статьи имели и практические последствия: по сообщениям западной печати, отменены гастроли французского и немецкого оркестров, запланированные ранее на начало 1974 г.

Кампания против «умеренного» курса в области культуры приобрела новую остроту после опубликования за подписью Лу Бин (в переводе «Борец за линию») статьи «Пролетарская литература и искусство в борьбе идут вперед»⁹. В ней говорилось о существовании «горстки злонамеренных лиц» (в дальнейшем автор именует их «классовыми врагами»), которые якобы попытались отрицать «пролетарскую», то есть маоистскую, «революцию в литературе и искусстве. Они клеветали на наши образцовые революционные оперы, злостно утверждали, будто произведений у нас мало, качество их низкое, и распространяли вздорное утверждение, будто сейчас хуже, чем раньше». «Раньше», как поясняет Лу Бин, означает

«до культурной революции», и он не скупился на политические обвинения в адрес этой «горстки», которая-де «стремится реабилитировать черную ревизионистскую линию в литературе и искусстве». Но сколько бы пытался Лу Бин софистическими рассуждениями о том, будто малое количество произведений современной литературы в Китае компенсируется их «высоким качеством», фактом остается, что нынешнее положение дел в китайской культуре не удовлетворяет какую-то часть китайской общественности, не боящуюся вслух выразить это недовольство.

Тревожные нотки звучат в сообщениях китайской прессы о положении с культурой и на селе. Утверждают, что «классовые враги» воспользовались притуплением бдительности местных руководителей и распространили среди крестьян «черные книги», «черные пьесы» и «желтые песни». Что конкретно имеется в виду, печать не уточняет, ясно, что речь идет о произведениях, созданных до 1965 г., или о фольклоре. В связи с этим из номера в номер звучат призывы «захватить позиции в области культуры в селе».

Кульминацией всей этой маоистской кампании явилась статья Цзян Тяня «Углублять критику Линь Бяо и Конфузия» продолжать революцию в литературе и искусстве». В ней говорится, что Линь Бяо, который будто бы «не читал ни книг, ни газет», тем не менее имел целую систему взглядов на литературу и искусство. Эта система как две капли воды похожа на те, которые приписывались Лю Шао-ци, Чжоу Яну и другим опальным деятелям. Линь Бяо обвиняют в том, что он проповедывал германизм, теорию «затухания классовой борьбы», призывал равняться на «мировую культуру», хотел вернуть на сцену традиционный репертуар и т. д. Смысл этой статьи для каждого китайскому интеллигенту: если он солидаризуется хоть с одним из этих позитивных или даже будет недостаточно ретив в их осуждении, ему грозит опасность быть зачисленным в «сторонники Линь Бяо» и стать объектом гонений.

Итак, борьба в сфере культуры Китая вновь обострилась. Ее порождает в действительности, острое противоречие между стремлением маоистов поставить культуру полностью на службу своему политическому курсу и своим идеологическим амбициям с одной стороны, и жизненными интересами китайского общества в современную эпоху с другой. Пока это противоречие не найдено разрешения, приемлемого для общества, борьба будет в той или иной форме продолжаться.

⁸ «Жэньминь жибао», 25.I. 1974.

⁹ Там же.

Чеховские традиции и творчество Цао Юя

(к вопросу о литературном
влиянии)

Р. С. Белоусов

Вопрос о важности изучения взаимодействия и взаимосвязей литератур, о раскрытии роли этих связей для литературного процесса той или иной национальной культуры — один из важнейших в современном литературоведении. Советские исследователи уделяют международным связям нашей литературы все более пристальное внимание, изучают роль этих связей в истории культуры других стран. Нашими учеными, а также исследователями социалистических стран создан ряд трудов, в которых с позиций марксистско-ленинской эстетики исследовано влияние русской и советской литературы на развитие литератур других стран, в частности Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии, а также на литературное развитие стран Дальнего Востока — Вьетнама, Китая, КНДР, Монголии, Японии. История культуры народов этого региона, и прежде всего Китая, дает для этого богатейший материал.

Русская и советская литература сыграла в Китае важную роль в становлении и развитии новой китайской литературы. Многие произведения наших писателей оказали заметное, часто определяющее влияние на идейное и художественное развитие мастеров слова Китая, чему имеется множество свидетельств.

Творческие связи литератур двух стран, вполне преднамеренно разорванные маоистами, всегда были многообразны и носили разносторонний характер.

В первые годы существования КНР советские и китайские ученые, говоря о проблеме литературного влияния, стремились на материале литератур Китая и СССР выявить присущие им общности и показать наиболее характерные признаки творческого взаимодействия двух литератур.

В те годы верные лусиневским традициям китайские литературоведы активно занимались исследованием этих проблем. Появились работы по истории русско-китайских и советско-китайских литературных связей.

Часто со статьями на эту тему выступали такие видные исследователи и пропагандисты литературы нашей страны, как Цао Цзинхуа, Гэ Бао-цюань, Вэй Цзин-чжи и др. Были опубликованы сборники «Благодарим советскую литературу за помощь», «Советская литература — учитель и друг китайского народа», названия которых говорят сами за себя. Институт литературы Академии наук КНР готовил ряд других аналогичных изданий. Работа эта была искусственно прервана.

«Культурная революция» нанесла невосполнимый духовный и материальный ущерб китайской культуре, разорвала связи с подлинными друзьями и доброжелателями. Многие китайские ученые, годами успешно трудившиеся на поприще изучения и пропаганды русской и советской культуры, подверглись гонениям и репрессиям. Маоисты пытаются вытравить из памяти китайского народа все, что связано с прогрессивной ролью культуры Советского Союза, и прежде всего нашей литературы.

Осуществляя курс антисоветизма, маоисты взяли на себя отрицать роль и значение литературных связей между нашими странами в прошлом. И когда в дни разгула хунвейбиновщины они обрушились на сокровища мировой культуры, то одной из первых подверглась нападкам классическая русская и советская литература. По указке пекинского руководства были опорочены и подверглись разному имени известных писателей нашей страны. «Революционеры» понесли всех без исключения — от Пушкина до Чехова, от Горького до Шолохова. Особенно рьяно они отрицали ту революционизирующую и просветительскую роль, которую сыграли книги русских и советских писателей в Китае, их поистине громадное значение в воспитании многих поколений китайской революционной молодежи. Но нельзя навечно лишить великий народ художественных ценностей, накопленных человечеством, достойный мировой культуры, в том числе русской и советской, как и нельзя предать забвению культурные связи между нашими народами, столь успешно развивавшиеся в первые годы существования КНР.

Исследуя формы культурных взаимосвязей и литературного взаимодействия во всем их многообразии и разносторонности, важно не ограничиваться изучением самих связей, а обращать внимание на их значение как

для всего литературного процесса, так и для конкретных, отдельных мастеров слова.

В этом смысле интересно проследить, какое влияние оказал А. П. Чехов на творческое развитие литераторов Китая, и прежде всего на такого выдающегося современного драматурга, как Цао Юй.

* * *

С произведениями Чехова в Китае широко начали знакомиться в 20-х годах¹. Произошло это на рубеже двух эпох, когда под влиянием Октябрьской революции передовая интеллигенция обратилась к марксизму и лучшие люди нации во главе с коммунистами вступили в бой с миром насилия и зла. Перед прогрессивными деятелями культуры Китая встал целый ряд проблем. Необходимо было, как отмечал писатель Чжан Тянь-и, дать новую оценку таким понятиям, как мораль, семья, любовь, положение женщины, труд. «Мы подводили итоги старым воззрениям и отрешались от них, чтобы идти по новому пути»². И Чехов был встречен здесь как союзник в ожесточенной общественной борьбе, как глашатай прекрасного будущего, как писатель, обличавший косность, мещанство и пошлость, принесший, по словам китайского драматурга Хун Шэня, познание жизненной мудрости и открывший глаза на уродство и подлость старого общества.

¹ Первым произведением Чехова, опубликованным на китайском языке, был рассказ «Черный монах», переведенный в 1907 г. с японского. В 1909 г. в Токио Лу Синь издал «Сборник иностранных рассказов», куда вошли чеховские новеллы «В усадьбе» и «В ссылке». В этом же сборнике была помещена краткая биография русского писателя — первая, как считает Гэ Бао-цюань, статья о Чехове в Китае. В 1916 г. в Шанхае вышли два тома произведений Чехова (23 рассказа). Через пять лет, в 1921 г., в октябрьском номере журнала «Сяошо юебао» была напечатана биография Чехова. О нем в те годы писали Цюй Цю-бо и Чжэн Чжэнь-до. В 1921 г. в «Сборнике русских пьес» появились переводы: «Чайка» (перевел Чжэн Чжэнь-до), «Иванов», «Дядя Ваня», «Вишневый сад» (перевел Гэн Ши-чжи). Позже в переводе Цао Цзин-хуа была опубликована пьеса «Три сестры». С тех пор пьесы Чехова издавались в Китае неоднократно в разных переводах. В 1949 г. вышло трехтомное собрание его сочинений, а в 1950—1958 гг. увидели свет 27 томов «Избранных сочинений Чехова».

Впервые на китайской сцене Чехов был поставлен в 1930 г. в Шанхае, где шла его пьеса «Дядя Ваня». (См.: Гэ Бао-цюань, Чехов и Китай, «Вэньсюе пинлунь», 1960, № 1; а также «Сицзюй луньцунь», 1957, № 4, стр. 89).

² «Правда», 15.VII. 1954.

Взгляд А. П. Чехова на окружающий мир, его творческая манера оказались близки представителям прогрессивной китайской интеллигенции, и прежде всего литераторам, как были они близки писателям и другим стран. Джон Голсуорси, например, писал в 1928 г., что в течение последних двадцати лет самым могучим магнитом для молодых писателей многих стран был Чехов. Английский романист прав, точно так же, как прав и немецкий писатель Арнольд Цвейг, когда говорит, что целое поколение буржуазной молодежи выросло под сенью Чехова. В статье «Чехов на Востоке», написанной в 1944 г., Го Мо-жо отмечал, что «влияние Чехова на новую литературу и искусство Китая поистине огромно, хотя это никогда и никем не отмечалось в полной мере»³. В свою очередь китайский писатель Лао Шэ, вспоминая первое знакомство с чеховскими произведениями, говорил, что для молодого писателя встреча с Чеховым — это встреча с великим учителем.

На творчестве русского писателя в Китае воспитывались многие литераторы, те, кого Лу Синь называл тогда «разрушителями словом». Талант русского писателя был особенно понятен и близок и самому Лу Синю, его сердцу лирика и бойца. Он неизменно восхищался им и в известной мере испытал на себе влияние чеховского творчества⁴.

Влияние Чехова можно проследить в работах таких мастеров слова, как Мао Дунь Ба Цзинь (кстати сказать, автора книги о Чехове), Лао Шэ, Чжан Тянь-и, Оуян Шань Ся Янь, Хун Шэнь, Цао Юй. Большинство из них в годы «культурной революции» подверглись гонениям и травле со стороны хунвейбинов и за приверженность чеховским традициям, за «преклонение» перед ним, за то, что они «писали под влиянием Чехова» и в своей писательской манере не могли вырваться из его круга⁵.

Влияние чеховской драматургии в пьесах Цао Юя сказалось, пожалуй, как ни у кого из его китайских коллег.

Цао Юй смог познакомиться с творчеством Чехова в начале 20-х годов, когда юный студент жадно впитывал в себя духовные ценности китайской и западноевропейской культуры⁶. Это не значит, что Чехов был единственным его учителем. Как художник Цао Юй складывался под влиянием национального китайского искусства, многому научился он у Шекспира и Мольера, у американского драматурга О'Нила и англичанина Б. Шоу, а позже и у М. Горького. Не прошел Цао Юй и мимо Г. Ибсена, к которому

³ Го Мо-жо. Избранное. М., 1953, стр. 342.

⁴ См.: А. П. Сарычев. Чехов и Лу Синь. — Сб. «А. П. Чехов — великий художник слова». Ростов-на-Дону, 1960.

⁵ См.: «Вэньбао», 1965, № 1, стр. 3.

⁶ См.: Л. А. Никольская. Драматургия Цао Юя. — «Советское Китаеведение», 1958, № 4.

он проявлял интерес и как читатель, и как любитель-актер, и позже как начинающий автор.

Под непосредственным воздействием ибсеновской драматургии Цао Юй создал в 1933 г. свою первую пьесу «Гроза». Здесь и близкий норвежскому писателю усложненный сюжет, традиционный конфликт, проявляющийся в столкновении характеров, здесь слышатся отзвуки проблемы наследственности, темы возмездия, присутствует элемент мелодраматичности. Она была написана в жанре так называемой «разговорной» драмы европейского типа. В отличие от традиционного театра этот вид искусства был новым для Китая⁷.

Но уже через год в следующей своей пьесе «Восход» Цао Юй отходит от принципов ибсеновской драматургии⁸. И тут, как он говорит, ему на помощь пришел Чехов с его углубленным вниманием к психологии простых людей, к внутреннему миру «маленького человека», с присущим Чехову относительно спокойным развитием сюжета. Цао Юй писал: «Чехов открыл передо мной большие ворота»⁹. В 1953 г. драматург, вспоминая, какое впечатление произвело на него знакомство с чеховской пьесой «Три сестры», отметил, что его привлекло в ней отсутствие устрашающих эпизодов и особенно то, что на сцене были живые люди, «у которых есть душа». «Пьеса так завладела мною,— признавался Цао Юй,— что у меня едва не перехватило дыхание». И далее он заявлял: «Хочу снова выразить свое восхищение великим учителем»¹⁰. С этого времени творчество китайского драматурга тесно связано с чеховской традицией.

Следует, однако, сказать, что Цао Юй, создававший свои пьесы три десятилетия спустя после Чехова и в условиях иной действительности, как подлинный художник, был далек от слепого подражания. Элементы чеховской драматургии заимствованы им творчески, но отнюдь не механически. Перед нами всегда самобытный, оригинальный художник. Его драматургия глубоко национальна, его герои живут на китайской почве и рождены ею. Характеры его персонажей прочно «припаяны», неразрывны от общественно-исторических особенностей развития китайской действительности. Пьесы Цао Юя — зеркало Китая той эпохи. И вместе с тем — это конкретное проявление литературного влияния. Тут не следует бояться, как справедливо отмечает критик И. Неупокоева, что признание такого взаимовлияния «принизит национальную самобытность и са-

мостоятельность данной литературы... Будто восприятие художественного опыта другой литературы ставит воспринимающего этот опыт в положение «зависимого»¹¹. Это прекусно понимал Лу Синь — борец за новую литературу. Он признавал, что для литературы не существует национальных границ и что можно брать образцы у тех, кто раньше ушел вперед¹².

Только при внимательном взгляде на пьесы китайского драматурга Цао Юя, особенно при чтении таких драм, как «Восход» и «Синантропы», сквозь их национальное своеобразие, сквозь колоритную картину нравов патриархального Китая подчас слышатся знакомые чеховские интонации, угадываются близкие ему настроения.

Создавая свои пьесы в мрачное время гоминьдановского господства, Цао Юй, так же как и Чехов, говорил, что солнце должно взойти, что несправедливое общество непременно погибнет. «Я намекал на великое будущее», — писал Цао Юй. Тема эта звучит и в пьесе «Восход», где «временами чувствуется влияние Чехова»¹³. Явственно присутствует она и в «Синантропах» — несомненно, самом зрелом произведении драматурга. Эту пьесу по праву можно назвать одной из вершин современного драматического китайского театра.

* * *

Некогда процветавшая богатая фамилия Цзэн находится на краю гибели — ей грозит крах, разорение. Семья погрязла в долгах. Словно дамоклов меч висит на Цзэнах долг в 50 тыс. юаней, которые они должны текстильному фабриканту Ду. Такова завязка пьесы «Синантропы», созданной Цао Юем в 1940 г.

В семье Цзэн происходит неслыханное. В дом, куда в былое время не пускали даже чиновников третьего ранга, ныне врываются кредиторы, бесцеремонно требующие уплаты по счетам. Герои пьесы полны мрачного предчувствия перед неизбежным крушением, они то и дело говорят о том, что им недолго осталось жить вместе, что «лодка дала течь». Об этом же как бы говорят и увядшие хризантемы в доме, да и сам дом (особенно в третьем действии) выглядит неуютным, нежилым, в комнатах холодно — перестали топить. И мы понимаем, что в этой семье навсегда утрачены покой и благополучие, навсегда канули в Лету былые величие и богатство.

По существу, перед нами горстка обреченных, большинство из которых даже не в состоянии бороться за жизнь. Они безропотно идут навстречу своей судьбе.

⁷ См.: В. Ф. Сорokin. Основные этапы развития драматического театра в Китае. — «Вопросы культурной революции» в КНР. ИВЛ, М., 1960.

⁸ Цао Юй. Восход. Пекин, 1957, стр. 211.

⁹ «Вэнь bao», 1957, № 2, стр. 2.

¹⁰ Цао Юй. Восход. Послесловие, стр. XIV—XV. Шанхай, 1953.

¹¹ «Дружба народов», 1960, № 3, стр. 214.

¹² См.: Лу Синь. Поли. собр. соч., Шанхай, 1938, т. VII, стр. 637.

¹³ В. Петров. О творчестве Цао Юя. — См.: Цао Юй. Пьесы. 1960, т. 2, стр. 326.

Среди них — люди, чем-то напоминающие чеховских мечтателей, способных лишь строить воздушные замки. На земле же они мирятся со всем, могут только вздыхать и тосковать. Это те, кто «переводит хлеб, который нужен другим», те, про кого чеховский Петя Трофимов из «Вишневого сада» говорит, что они «живут на чужой счет — на счет народа». Таковы многие обитатели «дворянского гнезда» — дома Цзэнов.

В семье, жившей когда-то на широкой ноге, где понимали и умели ценить красоту, наступила апатия и упадок духовных и физических сил. «В пустоте и скуке» проходит их жизнь, им лень сдвинуться с места, лень думать, говорить, ходить, встречаться с людьми, чем-либо заняться. Для одних из персонажей нет цели в жизни, от них скрыт смысл бытия, для других есть жизнь ради несбыточной мечты. Упрек Войничского Соне в «Дяде Ване» о том, что, «когда нет настоящей жизни, живут миражами», относится и к некоторым героям пьесы Цао Юя. Кроткая, работающая Су Фан, родная китайская сестра чеховской Сони, живет призрачной надеждой. Она заботится обо всех в доме, начиная с главы семьи — капризного, привередливого старика-эгоиста Цзэн Хао — и всеми остальными, «старыми и малыми, еще живыми и уже мертвыми». Ее человеколюбие, привычка трудиться наполняют ее жизнь, как ей кажется, каким-то смыслом. Она готова принести себя в жертву, лишь бы быть рядом с любимым человеком. А когда Цзэн Вэнь-цин, старший сын Цзэн Хао, тайно ею любимый, бежит из дома, она самоотверженно продолжает заботиться о всей семье, желая принести себя в жертву, страдать и радоваться от того, что может быть около близких ему людей и вещей.

Разлад в семье заставлял не только Цзэн Вэнь-цина покинуть дом: ведь «когда дерево падает,— говорит Цао Юй,— макакки бросаются с него враспынную». Даже старая верная няня Чэнь полна предчувствий; горько сокрушается она о том, что все на этом свете не так, как хочется.

Собирается уехать, а потом бежит из дома Цзэн Вэнь-цин. То и дело поговаривает об отъезде, угрожая покинуть дом, Цзян Тай, муж дочери старика Цзэн Хао. Жена Цзэн Вэнь-цина, лицемерная и коварная Сы-и (одна из тех, кто еще пытается как-то направлять ход событий), притворно заявляет, когда ей выгодно, о своем намерении уйти в монастырь. Но у всех у них нет сил, да, в сущности, и серьезного желания окончательно порвать со своей средой, они плоть от плоти ее. Вот почему в конце концов возвращается Цзэн Вэнь-цин, а остальные ограничиваются лишь разговорами об уходе.

И все же есть люди, которые навсегда покидают этот дом: профессор антрополог Юань Жэнь-гань и его дочь. С ними уезжает и Жуй-чжэнь — семнадцатилетняя жена внука Цзэн Хао, и Су Фан — его племянница. Они покидают враждебный человеку затхлый, угрюмый мир, где теряют нормальный

облик, где становятся, как говорит Цзэн Вэнь-цин, «пустыми оболочками жизни».

Не симпатизирует автор пьесы и предильному фабриканту Ду, этому выскочке, как его презрительно называют в семье Цзэн. Цао Юй одинаково осуждает эти два мира — мир Цзэнов и Ду. Последние в жизни лишь нувориши, им недолго быть хозяевами положения. И хотя никто из них на сцену не появляется, тем не менее эти китайские лопахины играют важную роль в пьесе. Цао Юй называет их выскочками и в этом точная социально-историческая характеристика молодой национальной китайской буржуазии, которая, едва родившись, оказалась уже обреченной историей на гибель. Но сейчас они еще торжествуют, на них на дворе огни разноцветных фонарей слышатся разрывы хлопушек — они еще наслаждаются жизнью. В конце пьесы гибнет один из Цзэнов — Цзэн Вэнь-цин, и почти одновременно няня Чэнь сообщает, что умирал старик Ду — мир Цзэнов и Ду уходит в прошлое...

Как и Чехов в «Вишневом саду», так и Цао Юй через распад старинной семьи показывает поворот, происходящий в национальной истории. Не случайно впоследствии драматург вновь обратился к этой теме и создал пьесу «Семья» на основе одноименного романа Ба Цзиня.

К. Маркс назвал однажды феодальный Китай «живой окаменелостью»¹⁴. Одной из клеточек, ячеек этой «живой окаменелости» и является старинная семья Цзэн. В этом смысле, кстати, следует понимать и название пьесы «Синантропы», то есть первобытные давно вымершие люди, или, как говорят о себе сами обитатели дома Цзэнов, «никчемные потомки синантропа», «живые мертвые».

Было бы, однако, заблуждением прозвать эту пьесу как элегию, полную тоски по прошлому (ведь и в «Вишневом саду» не редко за рубежом, да и у нас видели лишь прощание с милым сердцу прошлым). Если ли такая трактовка, такое прочтение этой социальной пьесы «Синантропы» отвечает бы внутренней сущности драматургии Цзэн Юя. Его пьеса гораздо глубже по своему социальному содержанию, и, пожалуй, не будет преувеличением характеризовать ее словами М. Горького, сказанными им в свое время о пьесе «Дядя Ваня», что «содержание в ней огромное, символическое».

Тема деградации, умирания старинного феодального рода проходит через всю пьесу и является одной из основных. Тема эта, как уже говорилось, связана с выплатой долгов, с необходимостью отдать в качестве уплаты по счету фамильный гроб-саркофаг.

С первых же реплик узнаем мы и о том, что вот уже много лет для хозяина дома престарелого Цзэн Хао, подготавливает этот гроб, слой за слоем покрывая его ла-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 15, стр. 529.

ком. Таков старинный обычай — готовить себе гроб при жизни, — обычай, который, как и прочие древние правила и конфуцианские моральные догмы, здесь свято чтут.

В авторской ремарке, предпосланной первому действию, Цао Юй указывает на раздающийся по ходу пьесы за окном в ясном, чистом небе свист голубей, свободно парящих в поднебесье (к хвостам птиц привязаны особые свистки, издающие при полете звук). Тема расплаты и гибели и, условно говоря, тема голубей проходят через всю пьесу. По-разному раскрывает эти темы автор, по-разному они переплетены между собой. Но каждая из них заключает в себе и второй, внутренний смысл — то, что в чеховских пьесах обычно принято называть «подводным течением», когда за обыденным раскрывается факт большого социального, общественного значения, когда реальный план скрывает в себе второй, обобщенный, на первый взгляд незаметный. Этому Цао Юй мог научиться, безусловно, только у Чехова.

Надо сказать, что Цао Юй, отличавшийся, по словам писателя Цзинь И, скрупулезным чтением иностранной драматургии, упорно изучавший пьесы своих духовных учителей, сумел глубоко проникнуть в тайны чеховской творческой лаборатории, сумел у Чехова увидеть то, что обычно бывает скрыто у него в глубине ткани произведения, за внешними фразами и поступками героев. Проникновение в тайны чеховской драматургии оказало неоценимую помощь Цао Юю, раскрыло перед ним огромные возможности и, несомненно, обогатило его как художника.

Цао Юй, как последователь русского писателя, широко пользуется в своих пьесах чеховскими изобразительными средствами. Прежде всего это знаменитые паузы и открытые Чеховым детали настроения, с помощью которых на сцене создается особая атмосфера, так сказать, аккомпанемент настроения героев (у Цао Юя это: монотонный скрип тележки водовоза, удары гонга слепого предсказателя, тоскливые звуки трубы горниста на городской стене, удары колотушки ночного сторожа и т. п.). И наконец, идущий как бы вторым планом подтекст, несущий внутренний смысл слов, мыслей, чувств героев, а подчас выступающий в роли вещи-символа, также наделенной определенной смысловой нагрузкой, «работавшей» на идею пьесы, полнее раскрывающей и акцентирующей ее. Иначе говоря, наличие знаменитых чеховских двух планов: реального и второго, обобщенного. Относится это и к уменью Цао Юя вкладывать большой социальный смысл в свое произведение, раскрывать в обычном явлении его глубоко общественное содержание, говорить от имени поколения, от имени передовых слоев общества, говорить с гневом и страстью, как гуманист и обличитель, как подлинный патриот.

Новаторство Чехова-драматурга было рождено общественно-историческими причинами, которые характерны для эпохи нача-

ла распада и гибели буржуазного общества в России. Чехов сумел увидеть в действительности того времени новый конфликт: в нем отражалось не столько столкновение между собою отдельных персонажей, отдельных героев, как это было свойственно канонической драматургии прошлого, в том числе и Ибсену, и отвечало существовавшим дотоле представлениям о законах драмы, сколько показывалось столкновение героев с общественным строем, с окружающей жизнью. Кстати, именно новаторство Чехова, открывшего новые законы драмы, дало право английскому писателю Дж. Б. Пристли заявить, что «...как драматург Чехов — это Ибсен, поставленный с ног на голову»¹⁵.

Общее между Чеховым и Цао Юем, а вернее, влияние первого на китайского драматурга более всего сказалось в области конфликта. Цао Юй шел по дороге, продолженной великим русским писателем, так же как и многие другие зарубежные литераторы, следуя законам искусства XX в., открытым Чеховым в драматургии.

Умеющий видеть действительность, Цао Юй столкнулся в пьесе «Синантропы» своих героев в аналогичном конфликте, что и Чехов. Вместо старой формы конфликта — борьбы характеров, у него использован новый конфликт — столкновение человека с жизнью, с ее неумолимыми законами. Переход этот в творчестве Цао Юя впервые наметился уже после первой его драмы «Гроза». Неслучайно, что именно в этот период, когда, в сущности, формирование Цао Юя как драматурга только начиналось, жизнь окончательно убедила его в преимущество чеховского подхода к изображению действительности, открыв перед 24-летним литератором большие ворота в большое искусство.

В смысле драматургического мастерства, художественной зрелости, глубины постановки социальных проблем «Синантропы» Цао Юя выше его предшествующих пьес еще и потому, что драматург применил новую форму конфликта, подсказанную ему самой действительностью, в которой он жил.

Естественно, что в историческом контексте конфликт у Цао Юя подвергся существенным временным коррективам и окрашен в густые краски национального своеобразия.

Герои пьесы «Синантропы» бьются в сетях опутавшей их действительности. Они — жертвы социального строя, в котором им приходится жить, где подавляются все благородные порывы, где царит власть «золотого тельца» и люди дичают, теряют нормальный облик и становятся духовно опустошенными, циничными и равнодушными.

Одна из «жертв» этого мира — Цзян Тай, зять старого Цзэн Хао, муж его дочери Цзэн Вэнь-цай. Образ этот гораздо сложнее, чем может показаться. Вообще у Цао Юя, особенно в этой пьесе, подчас бывает трудно

¹⁵ «Театр», 1960, № 1, стр. 65.

разделить персонажи на «положительных» и «отрицательных», как и у Чехова. Цзян Тай — человек, раздавленный жизнью. В нем рядом с красноречием и раздражительностью (он сам говорит о себе, что любит поговорить, поворчать и ругать других), рядом со страстью к пустому прожектерству и просто фиглярством живут хорошие, добрые качества. Цао Юй подчеркивает, что его герой не лишен некоторых привлекательных черт: он прям, откровенен, иногда даже честен. До некоторой степени это мечтатель, неудачник, живущий призрачным «тогда».

В порыве откровенности Цзян Тай заявляет, что будь он богат, то раздал бы все деньги бедным. «Я хотел бы,— мечтает он,— как говорил поэт Ду Фу, построить высокое огромное здание, чтобы все бедные люди могли бы там бесплатно жить, есть и пить, изучать науки, искусство, литературу, изучать все, что им только захочется, чтобы сделать Китай и все человечество счастливыми...» Однако мы понимаем, что Цзян Тай ничего не может изменить, он способен только фантазировать, мечтать. Он бессилен перед действительностью. Заканчивает он свою речь следующими словами: «Меня повсюду преследуют неудачи... Я везде натыкаюсь на стену». И в этом огромной силы художественная правда, Мир, в котором живут герои Цао Юя, — это стена, высящаяся перед ними, она давит на них, угрожающе нависла. Рухнет стена, и под ее обломками будут похоронены все те, кто ютился у ее основания.

Разговоры о стене, готовой вот-вот рухнуть, проходят через всю пьесу и полны глубокого смысла. В начале первого действия Цзян Тай требует починить стену, которая грозит развалиться. Казалось бы, это случайная реплика. Но это не так. У Цао Юя, так же как у Чехова, не бывает ничего случайного. Известно, что если у Чехова, как говорил К. Станиславский, в первом акте на стене висит ружье, то оно непременно «вступит в игру» и выстрелит в третьем действии.

Образ стены «срабатывает» в последней картине третьего действия. Происходит это в самый кульминационный момент, когда носильщики, присланные из дома Ду, уносят гроб, нелепый спутник патриархальной уклада жизни. Старый Цзэн Хао лишается самого дорогого в жизни, ради чего, как это ни парадоксально, он живет,— гробосаркофага. И как раз в этот момент крайнего напряжения, когда выносят прочь гроб, и мы понимаем, что Цзэн Хао расстается со своей жизнью, в этот момент раздается шум обрушивающейся стены: «все молчат, пораженные». И здесь снова, как это вообще присуще Цао Юю, его реализм, говоря словами Горького, возвышается до глубоко продуманного символа: выносят гроб, неотъемлемый атрибут старой жизни, рушится стена, рушатся устои семьи Цзэн, идет навстречу неминуемой гибели старый мир. И нельзя не согласиться с литературоведом Дж. С. М. Лау, когда он пишет о том, что Цао

Юй, следуя чеховским принципам изображения действительности, в «Синантропах» достигает «реализма, который отличается в эстетической выразительностью, и критической меткостью»¹⁰.

В полном разладе с окружающим миром находится и Цзэн Вэнь-цин — старший сын. Жизнь беспощадна к малодушным, к нечестным людям. На примере трагической любви Цзэн Вэнь-цина и Су Фан мы видим, как уродуют судьбу людей нелепые законы общества. По существу, Цзэн Вэнь-цин, как и чеховский Иванов, «лишний человек» в этом обществе. Вэнь-цин мечтает, чтобы рядом с ним была женщина, которая действительно понимала бы его. Десять лет он живет этой надеждой. Ведь если бы его мечта сбылась, если бы у него и у Су Фан выросли, как он говорит, крылья и они смогли бы улететь вместе, то, может быть, и вся жизнь его сложилась бы по-иному. Однако действительность, ее неумолимые законы разъединяют их.

Но Цао Юй не ограничился показом только гибели старого, умирающего. Драматург не ограничил себя созданием лишь одной яркой картины распада семьи Цзэн.

Цао Юю удалось создать образы тех, перед кем открывается новый день, кто стоит на пороге нового мира и идет ему навстречу, того мира, за который уже, как мы понимаем из контекста пьесы, идет борьба. И в этом жизнеутверждающая сила пьесы Цао Юя, ее оптимистическое звучание. В этом твердая вера автора в грядущий и уже близкий рассвет. Иными словами, Цао Юй был не только «разрушителем словом», но и в какой-то степени вестником нового, отблески которого уже начали проникать сквозь плотные ставни дома Цзэнов.

В пьесе параллельно с темой крушения старого мира все отчетливее начинается звучать тема свободно парящих в небе голубей, которым контрастно противопоставлен голубь в клетке, не случайно названный «Одиноким». Он словно опознавательный знак одиноких в этой жизни людей. Так возникает в пьесе противопоставление двух миров — свободного, там, за окнами, в синеве вышине, и мира-клетки, мира-тюрьмы здесь. И чем ближе гибель отживающего, тем настойчивее звучит тема близкого будущего, семена которого уже дают всходы на китайской земле. Поэтому, думается, прочтение пьесы Цао Юя «Синантропы» нельзя себе представить без заметного акцентирования темы неизбежной и уже начавшейся смены эпох, с выделением и подчеркиванием темы близкого освобождения.

Мы знаем, что Чехов восставал против существующей действительности, был далек от примирения с ней, но, как справедливо

¹⁰ Joseph S. M. Lau, Ts'ao Yü. The reluctant disciple of Chekhov and O'Neill. A study in literary influence. Hong Kong University press. 1970, p. 58.

заметил Арнольд Цвейг, он нес ее бремя, тяжело дыша, подбадривая себя и других надеждой и улыбкой. Чехов предчувствовал счастье, мечтал о далеком будущем.

Иное дело Цао Юй. Современник Октябрьской революции, свидетель ее залпов, разбудивших Китай, он жил в эпоху, когда новое уже повсюду в мире боролось с уходящим в вечность прошлым. Как очевидец жестоких классовых битв, сотрясавших китайскую землю, он не мог не замечать того великого разлома, который происходил в стране. Вихрь революции не мог остаться незамеченным им, не мог так или иначе не коснуться и его. И как подлинный художник-реалист, Цао Юй объективно не мог уйти от жизни, спрятаться от нее под стеклянным колпаком.

Отсюда еще одно немаловажное обстоятельство. Из всего контекста пьесы Цао Юй дает понять, что борьба за новую жизнь уже началась, что есть люди, которые отдают свою жизнь за счастье других, что люди эти действуют, а не ограничиваются пустыми фразами.

Неоднократно и довольно недвусмысленно Цао Юй намекает на то, что где-то идет борьба, где-то там, за стенами дома-крепости Цзянов борются китайские патриоты. Тот же Цзян Тай в первой картине третьего действия, подвыпив, кричит: «Надосло, хватит!.. Я тоже хочу революции». Первые фразы он произносит паясничая, кривляясь. Но дальше Цао Юй в ремарке отмечает: «постепенно серьезно», и Цзян Тай продолжает: «Я тоже буду бунтовать, буду свергать! Я тоже, как и Жуй-чжэнь, эта девочка, заведу себе друзей из революционной партии. Против! Долой! Долой! Мы против! Пусть все катится в чертовой матери! Революция, черт возьми! Все переверну! Но... но у меня в кармане остался лишь один юань!». Цао Юй заставляет Цзян Тая сделать паузу после первого «но», тем самым как бы этим комическим поворотом снимая те серьезные нотки, которые было прозвучали в его словах, Цао Юй хочет сказать, что Цзян Тай — это всего лишь болтун, неспособный к какому-либо действию, а тем более к такой науке, как делание революции. Это не в характере данного героя. И все же его слова, призывающие к бунту, к революции, во многом знаменательны для уяснения точки зрения самого автора. Они говорят о том, что Цао Юй жил думами и настроениями своего века и был их выразителем. Что, собственно, подразумевает автор, когда неоднократно заставляет Цзян Тая повторить слова: «Я тоже». Значит есть люди, которые хотят революции и творят ее, значит слухи о ней (и не только слухи) дошли и распространились жильцов дома, нарушив их покой. И едва ли приходится сомневаться в том, что, говоря о революционной партии, Цао Юй имел в виду героическую партию коммунистов, борющуюся против внутренних и внешних врагов китайского народа и являющуюся истинной выразительницей надежд и чаяний трудовых людей Китая. И в этом еще один

аргумент в пользу того, что Цао Юя нельзя причислить к художникам, чье творчество проникнуто пессимизмом, как это пытался сделать Х. Ван Бовен, обвинявший драматурга чуть ли не в меланхолии и фатализме¹⁷.

Так, иная историческая действительность продиктовала Цао Юю и иное продолжение чеховского конфликта, иной выход, который был подсказан китайскому драматургу конкретными особенностями его эпохи.

Еще в первой своей пьесе «Гроза» драматург Цао Юй попытался вывести образ рабочего, вожака забастовщиков. Появление этого героя в пьесе не случайно. В этом нашли отражение веяния времени, революционная борьба китайского пролетариата. Интересно, что на вопрос Н. Петрова — режиссера московской постановки пьесы Цао Юя «Гроза» (она шла у нас под названием «Ураган» в театре им. А. С. Пушкина), нашли ли отражение в образе шахтера Лу Дахая революционные события и призван ли он разрушить семью богача Чжоу Пу-юаня, Цао Юй ответил утвердительно¹⁸.

В следующей своей пьесе, «Восход», Цао Юй вновь намекнул на грядущую победу рабочих, чья трудовая песня неоднократно возникает за сценой по ходу действия и которым, по словам героини пьесы Чэнь Байлу, светит солнце.

С новой силой, как отмечалось уже выше, тема грядущего рассвета, тема близкой победы прозвучала в пьесе «Синантропы». Особое значение в связи с этим приобретает в ней образ молодой женщины Жуй-чжэнь.

Еще в первом действии, в ремарке, характеризующей Жуй-чжэнь, драматург от ее имени задает вопрос: «Что ожидает ее в будущем: та же беспросветная, томительная длинная жизнь?». И мы понимаем, что этот вопрос мучает героиню Цао Юя, что она ищет, пока еще робко, смысла жизни. Так с самого первого появления героини автор делает заявку на характер, подчеркивает, что временами в Жуй-чжэнь «вспыхивает гневная решимость: уйти из этого мертвого, смердящего дома — женщина должна найти свою дорогу в жизнь!»

Образ Жуй-чжэнь написан автором с законченной последовательностью, характер ее развивается с особой целеустремленностью. Персонаж этот призван задавать мажорный тон в пьесе, во многом определяя ее оптимистическое звучание.

Жуй-чжэнь знает, что не сможет жить в этой семье, она полна омерзения при виде этих людей. Однако окончательное решение порвать с семьей приходит к ней не сразу. На наших глазах молодая женщина вырастает духовно, она многое поняла, недаром в сцене прощания со своим мужем (по существу, еще ребенком) она говорит о том, сколько в жизни приходится перестрадать,

¹⁷ Henri Van Boven. Histoire de la littérature chinoise moderne. Peking, 1946, p. 169.

¹⁸ См.: «Синцзюй бао», 1958, № 9, стр. 31.

прежде чем поймешь что-нибудь. «Я уже не та глупая девочка, какой была раньше», — говорит она. Цао Юй ясно дает понять, что формирование взглядов Жуй-чжэнь идет не стихийно, что у нее есть друзья, которые направляют развитие ее характера. В ремарке автора мы читаем: «Книги научили Жуй-чжэнь познавать окружающий мир и помогли найти верных друзей, горячо взявшихся руководить ею в выборе литературы и открывших ей глаза на многое другое». Невольно напрашивается вопрос: какие книги, что за друзья ею руководят и на что они открыли ей глаза. И недаром Сы-и так обеспокоена поведением Жуй-чжэнь, особенно тем, что она «проводит время с какими-то там друзьями». «Чем она там занимается?» — спрашивает Сы-и.

Что это за друзья, нам становится ясно из уже приведенных слов Цзян Тая, который догадывается и проговаривается о связях Жуй-чжэнь с революционерами. Намерение порвать с миром мертвецов постепенно переходит в необходимость, и тогда уже ничто не останавливает Жуй-чжэнь. Даже ребеңку, которого она ждет, не суждено появиться на свет, ничто не будет связывать ее с ненавистной семьей, хочет сказать автор.

Чем-то цаоюевская Жуй-чжэнь напоминает чеховскую Аню из «Вишневого сада». Мы догадываемся, что Аня уйдет к тем, кто борется за новую Россию. Разница в этих характерах в том, что Жуй-чжэнь уже уходит в ряды борцов за новый Китай, уже вступает в новый мир, где мы верим, обретет и смысл жизни, и счастье борьбы. К этому ее привела логика развития ее характера. Мы воспринимаем ее уход как закономерный поступок, как единственный для нее выход. И видим в этом вновь проявление в творчестве Цао Юя тех конкретно-исторических особенностей эпохи, которые определили отличие его пьесы, в частности от чеховского «Вишневого сада».

Чем же объясняются в пьесе Цао Юя намеки, недомолвки, недоговоренности, когда речь заходит об острых вопросах современности?

В самом деле, как мы видели, драматург действительно чего-то не договаривал, что-то прятал в подтекст, предпочитая, чтобы зритель сам домысливал, сам бы читал между строк. Но делал это Цао Юй не из-за того, что его положительный идеал был слишком неясен и нечеток. Намеки и недомолвки в его пьесах вполне объяснимы. Во многом арсенал выразительных средств, к которым прибегал Цао Юй, зависел от той политической ситуации, которая сложилась в то время в районах Китая, где бесчинствовали гоминьдановцы.

К подобным методам камуфляжа в те времена, когда, по словам профессора Цао Цзин-хуа, «прошел град и наступила холодная зима реакции», вынуждены были прибегать многие художники. Однако находились отдельные критики, которые упрекали

этих авторов в том, что они не показали полнокровных образов рабочих, не вывели на своих страницах носителей передовой идеологии — коммунистов. Достаточно в связи с этим вспомнить те претензии, которые предъявлялись роману Мао Дуя «Перерассветом», когда упрекали его автора в том, что он не создал в нем законченных образов пролетариев. Если и можно в какой-то степени принять этот упрек, то не следует все же забывать о том, в каких условиях создавался роман Мао Дуя, в какой крайне тяжелой политической обстановке работал тогда писатель.

Вот отчего, по признанию самого Мао Дуя, в романе ему «пришлось кое-где прибегнуть к намекам и иносказаниям»¹⁹.

Аналогичное суждение мы находим и у Оуян Шань-цзуня, известного режиссера, постановщика пьесы Цао Юя «Восход». Говоря о тех, кто упрекал Цао Юя в том, что он не отразил в этой своей пьесе антияпонские настроения, не вывел на сцене представителей рабочего класса, Оуян Шань-цзунь писал: «Я думаю, что эти критики, вероятно, забыли обстановку того периода, которая не давала авторам возможности это сделать»²⁰. Вместе с тем, по его мнению, отсутствие в этой пьесе рабочих не ослабляет ее боевой направленности. Такова отчасти природа намеков и иносказаний у Цао Юя.

В первые годы существования КНР Цао Юй создал пьесу «Ясное небо» — о неспокойном Китае. Он мечтал о «весне социалистической драматургии»²¹. Мечтал о том, что на китайской сцене появятся произведения, полные «глубокого дыхания жизненной правды», что это будут не агитки, сработанные на потребу маоистской пропаганды, а творения, потрясающие «художественным величием», воспитывающие народ в подлинно коммунистическом духе. Он справедливо считал, что «коммунистические качества не падают с неба, не возникают сами собой — они являются плодом кропотливой воспитательной работы»²². «Культурная революция» с ее методами «воспитания» разрушила надежды драматурга. Как и многие писатели и деятели культуры, Цао Юй вынужден был замолчать. Пьесы его не ставятся в сегодняшнем Китае. Вместо подлинно художественных произведений, принадлежащих перу выдающихся отечественных актеров, китайскую сцену заполнили так называемые «образцовые спектакли» — антихудожественные опусы маоистской пропаганды.

¹⁹ См. сб.: «Писатели стран народной демократии», выпуск третий, 1959, стр. 48.

²⁰ См.: «Синьцзюй луньшунь», № 1, 1957, стр. 124.

²¹ «Цзюй бэнь», № 3, 1964, стр. 6.

²² Там же, стр. 4.

Чу Си Гён и современное корейское языкознание

Ю. Н. Мазур,
кандидат филологических наук

Шестьдесят лет тому назад скончался выдающийся корейский ученый и общественный деятель, основоположник современного корейского языкознания Чу Си Гён (17.XI.1876—27.VII.1914).

С именем Чу Си Гёна связаны прежде всего первые важные шаги в области научного изучения проблем фонетики и грамматики корейского языка, разработки норм корейской орфографии, орфоэпии, трудных поисков путей развития научной и специальной терминологии на основе исконно корейских лексических элементов, в области изыскания возможностей для кардинального реформирования корейской письменности. С именем этого замечательного лингвиста неразрывно связана господствующая в современной науке о языке в Корее лингвистическая традиция.

Конец XIX в. в Корее характеризовался крайним обострением всех противоречий феодального общества, которое было обусловлено в числе прочих причин и политикой изоляции страны. Военный бунт 1882 г., переворот 1884 г., крестьянская война 1894 г. и другие выступления корейского народа явились выражением протеста против прогнившего насквозь феодального режима в стране.

В конце же XIX в. Корея уже стала объектом захватнических воцелений соседей и крупных держав мира: Японии, США, Англии, царской России. Страна переживала тяжелый кризис. Крестьянские отряды «Армии справедливости» выступили на борьбу против феодалов, чиновников, лихоимцев, а также против «иноземной нечисти». Королевский двор и аристократия стали искать выход из тупика в помощи иностранных государств. Патриотически настроенная интеллигенция стремилась вселять в народ и укреплять в нем дух национального самосознания, провозгласив догиз «пэсу-вехак»

(«совершенствоваться внутренне, овладевая зарубежными науками»), как средство сохранения самостоятельности своей страны и продвижения вперед.

Именно в это время, то есть в конце прошлого и начале нынешнего столетия, когда Корея оказалась перед угрозой лишения независимости, представители прогрессивной корейской интеллигенции развернули в стране широкое культурно-просветительское движение.

Одним из важных звеньев этого движения явилась деятельность Чу Си Гёна, его соратников, сторонников, учеников и последователей. Корейскими просветителями было создано в стране свыше 3 тыс. школ, кружков, курсов, охвативших широкие круги населения и корейской общественности.

Один из первых научных кружков корейского языка был организован Чу Си Гёном в 1893 г., в период его обучения в специальном учебном заведении «Пэчэ хактанъ». Три года спустя, когда он стал сотрудником газеты «Независимость» («Токлип синмун»), при редакции газеты по его инициативе было создано «Общество корейской письменной культуры» («Тонъмун тонъсик-хве»), основной целью которого было изучение проблем родного языка. В 1900 г. в одном из частных пансионов Сеула Чу Си Гён возглавил работу по исследованию грамматического строя корейского языка и сам начал преподавать корейский язык. В 1906 г. он уже принимает участие в редактировании журнала «Западный друг» («Сэу»). Получив в 1907—1909 гг. возможность работать в научном учреждении, открытом специально для изучения корейского языка и письменности, Чу Си Гён в то же время продолжает преподавание корейского языка теперь уже на организованных им курсах.

Своего рода манифестом Чу Си Гёна явилась опубликованная им в 1907 г. в журнале «Западный друг» («Сэу») статья «Необходимость национального языка и национальной письменности» («Кук. э-ва кукмун-ый пхил. ё»). А через год был напечатан его научный труд «Фонетика корейского языка» («Кук. э мунчон ымхак»).

В специальной школе лекторов для курсов, организованной Чу Си Гёном в 1910 г., им была начата подготовка кадров специалистов по родному языку. В том же году увидела свет и его основная фундаментальная научная работа «Грамматика корейского языка» («Кук. э мунчон»), рукопись которой была подготовлена значительно раньше и которую автор дорабатывал в течение нескольких лет. Последним научным трудом Чу Си Гёна было его фонетическое исследо-

ванне «Звук речи» («Мал-ый соли»), изданное в 1914 году.

Три тенденции были направляющими в просветительской и научной деятельности Чу Си Гёна, его сторонников и последователей.

Во-первых, они призывали к широкому использованию, распространению, развитию родного языка и корейского национального письма, обучению родному языку и письму широких масс народа.

«Отныне и впредь,— писал Чу Си Гён в статье «Необходимость национального языка и национальной письменности»,— мы должны отказаться от пренебрежительного отношения к нашему родному языку, нашему национальному письму, приложить все усилия к изучению их правил и закономерностей, составить хорошие словари, грамматические описания, книги для чтения и сделать так, чтобы наш язык, наше письмо не только стали лучше, совершеннее, но и чтобы все люди нашей страны относились к своему национальному языку и национальному письму с чувством законного уважения и гордости, любили их и пользовались ими»¹.

В демократическом, патристическом политическом движении за независимость Чу Си Гён выступил инициатором и вдохновителем принявшего широкий размах движения за нормализацию, упорядочение, кодификацию национального языка и использование корейского алфавита вместо китайской иероглифической письменности.

Как и в других странах, стремление к нормализации родного языка и требование его официального признания были отражением насущных требований молодой корейской буржуазии, буржуазного просветительского движения, поскольку национальный язык и национальная письменность служили для них мощным средством консолидации и борьбы всех антифеодалных сил, средством выражения их идейных устремлений.

«Во всем мире,— писал В. И. Ленин,— эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»².

Во-вторых, Чу Си Гён и его соратники выступили в защиту родного языка, национальной письменности с полным сознанием нависшей над ними угрозы. Всей своей деятельностью они стремились предостеречь корейскую интеллигенцию, широкие массы корейского народа от опасности посягательства

японских колонизаторов на корейскую национальную культуру, одним из основных элементов которой всегда были и остаются корейский язык и корейская национальная письменность.

«На разных континентах земного шара,— писал Чу Си Гён в цитированной выше статье,— в каждом из районов каждого из них та или иная нация, как определенная общность, говорит на соответствующем языке, выражающем все богатство ее культуры жизни, использует соответствующую письменность, фиксирующую звуки речи. Отсюда следует, что наличие в той или иной стране своего самобытного языка и письменности является признаком того, что эта страна среди прочих действительно сохраняет свой суверенитет.

Этот факт служит показателем и того, что народ, пользующийся данным языком и письменностью, составляет как цельный коллектив население именно этой страны. Поэтому те, кто ставит своей целью захватить и поработить чужие страны, стремятся уничтожить их язык и письменность, а насладиться своей письменной культурой. И уж изревел так повелось в мире, что всякий, кто хочет отстаивать свою страну, стремится сохранить и развивать свой язык и свою письменность»³.

В-третьих, корейские просветители и в том числе Чу Си Гён, его сторонники и последователи призывали к изучению иностранных языков, опыта других народов и стран к внедрению новых, европейских наук, в чем они видели (в отличие от приверженцев изоляции, оградивших страну глухой стеной от внешних влияний) залог социального и экономического прогресса.

«Сейчас,— писал Чу Си Гён в той же статье,— настало такое время, когда нам непременно нужны люди, которые бы специально изучали английский, японский, французский, немецкий и другие иностранные языки»⁴.

Этими тремя тенденциями и были определены как общественная, просветительская деятельность Чу Си Гёна, так и его научный поиск, характер его исследовательской работы, опубликованных им научных трудов.

После робкой попытки Ли Хон Уна, давно старавшегося наметить подступы к вопросам изучения строя корейского языка в своей работе «Об упорядочении корейского языка и письма» («Кукмун чонъли», 1897 г.) Чу Си Гён был первым из тех, кто не только ратовал за установление и распространение единых грамматических, лексических, орфографических и орфоэпических норм корейского языка, но и, будучи наиболее яркой и авторитетной фигурой в разрабатываемом вскоре движении за сближение устной и письменной речи, письменного и устного стилей корейского языка («эмуи илчхи у-

¹ «Сборник трудов Чу Си Гёна». Пхеньян, 1957, стр. 231.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258.

³ «Сборник трудов Чу Си Гёна». Пхеньян, 1957, стр. 230.

⁴ Там же, стр. 230—231.

тонь), создал оригинальное грамматическое учение о слове корейского языка, оказавшее очень большое влияние на корейскую языковедческую школу, разработал основы орфографии, благодаря которым доминирующим в современном корейском правописании стал принцип морфологический.

Чу Си Гён осознал, что слово корейского языка морфологически разложимо, членно на знаменательные и формальные части, и это было его несомненной заслугой.

После того как он сформулировал общие принципы корейской орфографии, среди которых преобладал тип правописания с унифицированной корневой морфемой (в отличие от чисто фонетической записи), двумя реформами — 1933 и 1948 гг. — был закреплён в орфографии современного корейского языка в качестве основного принцип морфологический. Дальнейшее и чрезмерное увлечение этим принципом привело к тому, что в 1949 г. была сделана попытка под предлогом его более последовательного проведения ввести шесть новых букв, являющихся не знаками фонем, а знаками отношений между фонемами. Почти все эти буквы были предложены для написания корневых морфем предикативов с исторически сложившимися чередованиями. Авторы проекта реформы 1949 г., как отмечал А. А. Холодович, «пришли к выводу, что отсутствие орфографически единообразного написания корня у реформаторов 1933 г. вытекает не из специфических объективных свойств самого чередования, а из половинчатой сущности самой предшествующей реформы орфографии, из отступления от заветов основоположника морфологического принципа, выдающегося корейского лингвиста Чу Си Гёна»⁵. Таким образом, это был опыт обозначения на письме незвучащих единиц (морфем) особыми буквами. Эта попытка не нашла применения нигде, кроме «Грамматики корейского языка» (1949 г.) и нескольких статей в журнале «Изучение корейского языка» («Чосон-о йонку», 1949).

Работа по совершенствованию правил орфографии была продолжена в КНДР принятием в 1954 г. новых правил правописания, затем разработкой в 1966 г. «Свода нормативных правил орфографии и орфоэпии корейского языка» («Чосон-мал кюпэмчип») и изданием в 1971 г. пространного справочного пособия «О своде нормативных правил орфографии и орфоэпии корейского языка» («Чосон-мал кюпэмчип хэсэл»).

Чу Си Гён стремился установить в языке единые и твердые нормы. Его работы по фонетике и грамматике корейского языка показывают, что он исходил из необходимости постепенного сближения письменных стилей с народно-разговорным языком.

О том, как Чу Си Гён любил и стремился слушать, наблюдать и изучать живую народную разговорную речь на городских улицах, в самой гуще простого народа, рассказывает в своих воспоминаниях его последователь и соратник, известный корейский языковед Ли Ман Гю⁶.

В его работе «Звуки речи», представляющей собой опыт фонетического исследования, не только затронуты и изложены различные вопросы звукового состава корейского языка, но обращают на себя внимание и его очень тонкие наблюдения и размышления по проблемам звукового строя, слогоделения, изменений на стыке морфем и о границах слова.

В «Грамматике корейского языка» Чу Си Гёна были заложены основы научного изучения грамматического строя корейского языка. Предмет ее исследования — живые формы родного языка. Грамматика Чу Си Гёна нормативно-стилистическая. Правила грамматики преподносятся и как рекомендации, и как образцы.

Грамматические воззрения Чу Си Гёна положили начало традиции, которой долгое время определялись в Корее структура и характер грамматического описания родного языка, и в частности решение вопроса о классах слов, о частях речи. Чу Си Гён насчитывал в корейском языке девять частей речи: 1) имена (им), 2) прилагательные (эс), 3) глаголы (ум), 4) прилепы (кйэс), 5) соединители (ис), 6) определители (эи), 7) наречия (эж), 8) междометия (нол), 9) концовки (ккыс)⁷.

Из приводимых им примеров видно, что к таким разрядам, как прилепы, соединители и концовки, Чу Си Гён относил преимущественно не слова, а клитики-реляторы и клитики-модификаторы, а также окончания предикативов, то есть те формальные показатели, которые большинством современных корейских грамматистов относятся к одному общему разряду, именуемому «тхо».

Разграничив прилепы и концовки, автор грамматики был близок к фактическому признанию того, что системы форм слов различны у разных групп частей речи.

Чу Си Гён первым из корейских языковедов обратил внимание на богатство корейской морфологии, попытался дать анализ значений и употребления грамматических форм, осуществил оригинальный опыт описания синтаксического строя с наглядным схематическим изображением иерархии единиц.

Впервые в истории науки о корейском языке он дал такое толкование ряду явлений корейской грамматики, которое и до сих пор не потеряло своей актуальности. Для приме-

⁵ А. А. Холодович. О проекте реформы корейской орфографии 1949 г. — «Вопросы корейского и китайского языкознания». Л., 1958, стр. 25.

⁶ См.: Ли Ман Гю. Учитель Чу в народе. — «Язык и письмо» («Мал-ква кыл»). Пхеньян, 1958, № 6, стр. 28—29.

⁷ «Сборник трудов Чу Си Гёна». Пхеньян, 1957, стр. 76.

ра можно привести распределение слов по разрядам с учетом их синтаксической функции (известно, что предметом споров и поныне является состав таких разрядов слов, как атрибутив (кванхёнънса), местоимение и др.).

Грамматические идеи Чу Си Гёна были восприняты и развиты его многочисленными учениками.

Идеи Чу Си Гёна в области поисков путей создания научной и специальной терминологии, характеризовавшиеся чрезмерным рвением в сторону исконно корейских лексических элементов нередко в ущерб основным принципам терминологического творчества (что вполне объяснимо и простиительно для того времени), послужили, однако, благодатной почвой для пуристических кампаний, время от времени расцветавших пышным цветом в Корее.

Не основанная на научном исследовании тенденция развития языка борьба против явлений, имеющих (например, на словообразовательном уровне) уже, бесспорно, силу лингвистического закона, была и будет обречена на неудачу.

Проблема так называемого «лексического слоя китайского корня» (в применении к корейскому языку — это проблема «ханчамал», то есть ханмунной⁸ лексики) является весьма сложной, многоаспектной, связанной непосредственно и многосторонне со словарным составом и морфологическим строем корейского, японского, вьетнамского языков и потому не может быть сведена только к некоторым аналогиям в плане заимствованной, иноязычной или интернациональной лексики.

В этой связи представление о «лексике китайского корня» в корейском, японском, вьетнамском языках как «общем фонде заимствованных слов, проникших в эти языки из одного первоисточника», требует весьма существенного уточнения, поскольку «китайские элементы» включались в систему того или иного языка в соответствии с особенностями его фонетического, морфологического, синтаксического строя, в результате чего одни и те же элементы получили, например, в корейском и вьетнамском языках совсем не одинаковую жизнь.

Проблема ханмунной лексики, как показывают опыт терминологической практики в Корее в 30-х годах и поиски путей построения терминологий разных наук в КНДР в последние годы, нуждается в серьезной и объективной лингвистической интерпретации.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что ханмунная лексика в современном корейском языке не может быть рассматриваемая как лексика иноязычная. Она существует, функционирует, количественно, с одной

стороны, сокращается, а с другой — наоборот, разрастается в современном языке из правах «внутреннего заимствования».

В свое время корейский язык усваивал из старописьменных источников на китайском языке как готовые китайские слова (в значительной степени односложные, в большинстве — двухсложные), так и значимые односложные единицы — корнеморфемы (разумеется, и те и другие — в соответствующем корейском фонетическом облике). Обычно словарники фиксируют 3500—3600 таких связанных корнеморфем, которые могли и стали вступать в различные комбинации друг с другом. В результате в корейском, а еще больше в японском языке было образовано огромное количество слов особого рода (при этом часто окказиональных), которые можно было бы назвать «полибиамми», пользуясь термином Х. Косареса.

Таким образом, системные отношения в словообразовании единиц «китайского корня» проявлялись, во-первых, в структуре уже существовавших в языке слов и, во-вторых, что более важно, в возможностях образования новых слов как по образцу существовавших, так и по новым моделям. В языке была выработана строгая обязательность, предписанность для каждого компонента занимать в сложении то или иное место. При этом трехкомпонентные и более сложные образования строились по принципу дихотомичности (каждый сложный элемент в составе более сложного распадался на два его составляющих).

Очень продуктивной моделью в современном языке стало трехсложное слово, состоящее из двух компонентов: функционально простого двусложного слова и односложного элемента, выступающего в роли суффикса (квазисуффикс) или префикса (квазипрефикс).

Следует отметить, что и в КНДР, и в Южной Корее потребность в неологизмах в новых терминах удовлетворяется в значительной мере за счет непосредственного заимствования иноязычной лексики, а в подавляющем большинстве за счет использования внутренних лексических и словообразовательных ресурсов. При этом для корейского языка актуальна проблема перевода терминологии с помощью элементов «ханмунной лексики». Именно термины, образованные из этих элементов, удобны своей компактностью и лаконичностью, определенным отличием от лексики обиходной, отсутствием оценочных моментов, исключительной широкими возможностями образования сложных и производных слов. Эти термины отличаются необходимыми для них точностью, однозначностью, правильное ориентирование на объект в системе.

В связи с этим представляются весьма проблематичными попытки направить упорядочение терминологии и терминологического творчества по такому пути, который вел бы к вытеснению (часто без надобности) ханмунных слов и словообразующих элементов. За-

⁸ От слова «ханмун» — коренизированный вэньян. Ханмунная лексика охватывает слова, которые могут быть посложно записаны иероглифами.

мене их на исконно корейские везде, где это возможно (а возможности эти, как известно, чрезвычайно малы)⁹.

Это, однако, отнюдь не исключает создания терминологических нововведений на основе исконно корейских слов и словообразующих средств. Опыт показывает, что некоторые из таких нововведений ранее оказывались и теперь оказываются удачными.

И уж, конечно, совсем иное дело — ограничение употребления в языке неоправданных заимствований, иностранных слов, борьба с неправильным и неуместным употреблением слов и терминов, в том числе иноязычного происхождения, борьба против всякого разноречия в словоупотреблении. В этом направлении корейскими языковедами велась и ведется сейчас большая и плодотворная работа.

Большое внимание уделял Чу Си Гён проблемам корейской письменности. «С древнейших времен, — писал он, — население нашего полуострова существовало обособленно от других, отличалось от других и по языку, но письма своего не имело и заимствовало из Китая иероглифическую письменность»¹⁰.

Воздавая должное королю Седжону, в годы правления и под руководством которого был создан в 1443 г. корейский алфавит, Чу Си Гён сокрушался по поводу того, что это мудрое начинание не было впоследствии поддержано правящими кругами, игнорировавшими корейскую азбуку. Люди снова вынуждены были тратить десятки лет на изучение иероглифики, отвлекаясь от всякого производительного труда, а в результате для грамотных в стране не составляла, как отмечал он, и одного процента¹¹.

Чу Си Гён настаивал на необходимости отказаться от иероглифического письма, хотя его оппоненты считали, что отмена иероглифики повлечет за собой нарушение преемственности корейской культуры. Выступив поборником восстановления в правах корейского национального алфавита, он написал почти все свои научные работы на корейском алфавите, призывая таким образом следовать его примеру.

После освобождения Кореи от японского колониального ига в 1945 г. в северной час-

⁹ Ср., например, насколько ограниченны и ничтожно малы возможности создания личных имен на основе исконно корейских лексических элементов. Кстати, и эта мысль — об исконно корейских личных именах — вынашивалась в творческом воображении Чу Си Гёна: второе его имя состояло из исконно корейских слов — Хан Хин Сэм, что означает «большой белый ключ, большой чистый родник».

¹⁰ «Сборник трудов Чу Си Гёна». Пхеньян, 1957, стр. 230.

¹¹ Там же, стр. 230.

ти страны были созданы условия для демократического развития. Решение вопросов демократизации языка было начато с отмены иероглифического письма. С 1949 г. в КНДР газеты, журналы, учебники, художественная и даже научная, специальная литература (за редкими исключениями) стали печататься без иероглифов — сплошь корейским алфавитом. Правда, проблема необходимости и объема обучения иероглифическому письму в школе и вузах долго оставалась неясной. В настоящее время (данные 1970 г.) программой средней школы в КНДР предусмотрен обязательный иероглифический минимум в 1000 знаков, программой высшего учебного заведения (независимо от профиля) — 3000 знаков. Студентам отделения классической корейской филологии предписано знать 12—15 тысяч знаков.

Простая на первый взгляд корейская письменность (алфавит состоит из 19 согласных и 21 гласных букв) с точки зрения не только механизированного, но и ручного типографского набора является одной из очень сложных вследствие того, что слоговая группировка графем (таков принцип корейского письма — комбинирование согласных и гласных букв по шести возможным типам) предполагает более 3 тыс. иероглифоподобных сочетаний. Таким образом, корейское письмо — не буквенное, а буквенно-лигатурное.

Понимая, что этот недостаток корейского письма является существенным, Чу Си Гён писал: «Если письменность твоей страны в чем-то уступает другому письму, отдавай предпочтение своему письму, совершенствуй его, делай лучше»¹². И Чу Си Гён выдвинул оригинальную идею кардинального реформирования корейского письма, превращения его из буквенно-лигатурного в буквенное. Предложив «развязать» слоги в строчку и перейти на побуквенно-строчную запись, он разработал образцы графем, дал образцы записи текста с соблюдением соответствующих интервалов, обозначавших, по его мнению, границы слова.

Эта идея не была оставлена без внимания. К ней неоднократно возвращались корейские языковеды, ею специально занимался сектор реформирования корейской письменности, существовавший еще в 1959—1960 гг. в Институте языка и литературы АН КНДР.

Чу Си Гён не ошибся, назвав себя «большим чистым родником». Целая когорта корейских языковедов черпала идеи из этого источника, и многие из тех вопросов, которые были в свое время поставлены Чу Си Гёном, являются и сейчас предметом теоретического осмысления корейских лингвистов и решаются на практике языкового строительства.

¹² «Сборник трудов Чу Си Гёна». Пхеньян, 1957, стр. 230.

Коммунист-интернационалист Цюй Цю-бо

---

*Е. Ф. Ковалев,
доктор исторических наук*

29 января 1974 г. исполнилось 75 лет со дня рождения видного деятеля Коммунистической партии Китая и международного коммунистического движения Цюй Цю-бо (Цюй Шуан).

Цюй Цю-бо прожил короткую, полную лишений и опасностей жизнь профессионала-революционера, до предела заполненную борьбой за светлое будущее своего народа.

Цюй Цю-бо был образованным марксистом, обладавшим широким диапазоном общественных и научных интересов. Перед нами он предстает не только как выдающийся партийный руководитель, но и как талантливый популяризатор и пропагандист марксистско-ленинской теории, и как один из основоположников марксистской историографии, литературной критики и научного литературоведения в Китае.

В этой многогранной деятельности Цюй Цю-бо выделяется главная черта, определяющая его облик революционера: беззаветная преданность принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Разумеется, Цюй Цю-бо не сразу стал марксистом-интернационалистом. У него путь к марксизму, как и у других китайских интеллигентов, не был спонтанным. «...Только после русской пролетарской революции, — отмечалось в докладе китайской делегации III Конгрессу Коминтерна, — китайское студенчество серьезно принялось за изучение марксизма»¹. Под влиянием Октябрьской революции из рядов наиболее передовых элементов китайской демократической, преимущественно мелкобуржуазной интеллигенции появляются первые сочувствующие марксизму, его сторонники и пропагандисты. Вначале их количество исчислялось единицами. Надо было обладать незаурядным уровнем общественного сознания, чтобы проявить интерес к научному социализму и тем более подняться до понимания его основ. Еще больше требовалось личного мужества тем, кто пытался пропагандировать эти основы в стране, где каждому революционеру феодалы и империалисты грозили тюрьмой. Лишь отдельные представители интеллигенции смогли, и то не сразу, приобщиться к марксизму и с его позиций призвать китайский народ вступить на дорогу, указанную пролетарской революцией в России. В числе таких представителей был и Цюй Цю-бо.

Первое боевое крещение Цюй Цю-бо принял в развернувавшемся под воздействием Октябрьской революции антиимпериалистическом «движении 4 мая» 1919 г. Он был одним из организаторов студенческой антияпонской и антиправительственной демонстрации в Пекине. Участвие в событиях того года идейно и политически активизировало Цюй Цю-бо и ускорило его эволюцию от революционно-демократических взглядов к освободительным идеям русской революции.

Уже первые выступления Цюй Цю-бо в пекинской печати летом 1919 и в начале 1920 г. говорили о том, что молодой журналист смог разглядеть международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, ее влияние на Китай. В середине марта 1920 г. он писал, что «большевистская революция» в России «всколыхнула весь мир и оказала влияние на развитие идей во всех странах. Всем захотелось по-

---

¹ «Китайская компартия на III Конгрессе Коминтерна (Доклад Китайской делегации)». — «Народы Дальнего Востока», Иркутск, 1921, № 3, стр. 326.

нять сущность этой революции...»². Захотел понять Октябрьскую революцию и Цюй Цю-бо.

Два обстоятельства способствовали желанию Цюй Цю-бо понять сущность Октябрьской революции: общение с одним из организаторов Коммунистической партии Китая, марксистом-интернационалистом Ли Да-чжао и поездка в Советскую Россию.

Ли Да-чжао, с которым Цюй Цю-бо познакомился в Пекине в конце 1919 г.³, содействовал формированию марксистского мировоззрения Цюй Цю-бо. В созданную в 1920 г. и руководимую им марксистскую (коммунистическую) группу Ли Да-чжао ввел Цюй Цю-бо. Общение с Ли Да-чжао и пребывание в группе идейно закаляло Цюй Цю-бо. На его закалку влияло и то обстоятельство, что в эти годы марксизм пробивал дорогу к китайскому рабочему классу в ожесточенных схватках с буржуазным реформизмом, псевдосоциализмом, анархизмом и другими чуждыми научному социализму течениями, которые навязывались китайскому обществу буржуазными идеологами Запада и их союзниками в Китае⁴.

Решающим фактором, повлиявшим на формирование марксистского мировоззрения Цюй Цю-бо, оказалось его двухлетнее пребывание в Советской России. Цюй Цю-бо давно интересовался Россией, ее культурой и политической мыслью, с осени 1917 г. обучался в Пекинском институте русского языка. Повышенный интерес к России он стал проявлять после Октябрьской революции. Вот почему Цюй Цю-бо охотно принял предложение поехать в Москву в качестве корреспондента пекинской либеральной газеты «Чэньбао». 16 октября 1920 г. он покинул Пекин и через три месяца с небольшим, 25 января 1921 г., прибыл в Москву.

С каким настроением Цюй Цю-бо ехал в Советскую Россию?

Еще организационно не связанный с коммунистическим движением, только начавший осваивать принципы марксизма и пролетарского интернационализма, он все же понимал роль и место новой России, ее рабочего класса и партии в мировом революционном процессе, значение союза и дружбы Китая с Советской Россией. Так, в докладе «Положение китайских рабочих и их надежды на Россию», написанном, по-видимому, еще до приезда в Москву, Цюй Цю-бо справедливо усматривал в союзе и дружбе китайского народа с Советской Россией и ее рабочим классом гарантию успеха борьбы за свободный и независимый Китай. «Пролетариат Китая, — писал он, — надеется только на Вас, смелые русские рабочие, храбро сражающиеся за счастье всего человечества... Больше всего нас восхищает то, что Ваше движение носит не национальный характер, а интернациональный. Мы знаем, что Вы боретесь не только ради своего личного счастья, но ради счастья рабочего класса всего мира»⁵.

Москва произвела огромное впечатление на Цюй Цю-бо, первого китайского журналиста в Советской России. Он жадно знакомился с «красной столицей», посещал заводы и фабрики, села и деревни, учреждения науки и культуры, завязывал дружеские связи с рабочими и крестьянами, с писателями и художниками, встречался с деятелями РКП(б), Советского государства и Коминтерна. Всюду ему оказывали теплый прием, выражая этим глубокое уважение, которое советские люди питали к народу Китая. В московский период Цюй Цю-бо был участником съезда народов Дальнего Востока (январь—февраль 1922 г.) и делегатом IV Конгресса Коминтерна (ноябрь—декабрь 1922 г.).

Владея русским языком, Цюй Цю-бо не раз выступал перед советскими людьми с рассказами о борьбе китайского народа, пропагандировал идею дружбы Китая с Советской Россией. В качестве журналиста он разъезжал по тогдашней голодной и холодной России и, убеждаясь в неукротимой воле народа построить новое общество, посылал в Пекин правдивые корреспонденции о Стране Советов.

² Цюй Цю-бо. Очерки и статьи. М., 1959, стр. 89. Позднее Цюй Цю-бо резко подчеркивал международное значение Октябрьской революции и ее влияние на Китай. Так, в октябре 1923 г. он писал, что Октябрьская революция «открыла новую эру политической истории мира» (цит. по: М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо. М., 1964, стр. 27). В январе 1926 г. Цюй Цю-бо заявлял, что «взлет новых идей в Китае происходил под воздействием революции в России...» (Цюй Цю-бо. Классовая дифференциация в период национально-революционного движения. — «Синь циньянь», 1926, № 3, стр. 23).

³ Владимир Крицков. Бессмертие коммуниста. — «Ленинская гвардия планеты». М., 1970, стр. 399. По другим данным, Цюй Цю-бо познакомился с Ли Да-чжао за несколько месяцев до «движения 4 мая» 1919 г. (см.: Maurice Meisner. Li Ta-chao and the Origins of Chinese Marxism. Cambridge (Mass.), 1967, p. 72—73).

⁴ Подробно см.: «Дискуссия о социализме», сб. статей на кит. яз., изданный в Шанхае в 1922 г. и переизданный там же в 1929 г. (508 стр.); Л. П. Делюсин. Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. М., 1970.

⁵ Цюй Цю-бо. Положение китайских рабочих и их надежды на Россию. — «Народы Азии и Африки», 1970, № 5, стр. 155.

В те годы разнузданной антисоветской пропаганды на Западе правдивая информация о Советской России имела огромное значение для создания в Китае объективного общественного мнения о нашей стране. Советская Россия, следуя ленинским советам, стремилась установить равноправные отношения с Китаем. Своей информацией Цюй Цю-бо как бы подталкивал китайскую общность к тому, чтобы выступать за дружбу с Советской Россией, справедливо усматривал в ней источник благотворного влияния освободительных идей на китайский народ и гарантию мира на Дальнем Востоке.

В московский период жизни Цюй Цю-бо произошли два важных события, определившие весь его дальнейший путь коммуниста-интернационалиста: встреча с В. И. Лениным и вступление в ряды КПК.

28 июня 1921 г. на вечернем заседании III Конгресса Коминтерна, проходившем в Андреевском зале Кремлевского дворца, Цюй Цю-бо впервые увидел и услышал выступавшего на французском языке В. И. Ленина⁶. Цюй Цю-бо понимал французский, и речь В. И. Ленина⁷ прослушал с огромным вниманием. В один из перерывов между заседаниями конгресса он подошел к В. И. Ленину и заговорил с ним по-русски⁸. Об этой встрече, оставившей неизгладимый след в душе Цюй Цю-бо, он писал: «Ленин несколько раз выступал на конгрессе. Он свободно владеет немецким и французским языками, говорит продуманно и уверенно. В том, как Ленин держится во время выступлений, нет ничего от университетского профессора. В его простоте виден прямой и непреклонный политический деятель. Как-то я встретился с Лениным в коридоре и мы разговаривали несколько минут. Указав мне на некоторые материалы по вопросам Востока, он, занятый государственными делами, извинился и ушел»⁹. Осенью того же года Цюй Цю-бо вновь увидел В. И. Ленина, когда тот 7 ноября выступал на собрании рабочих московского завода «Электросила» № 3, (ныне «Динамо» им. С. М. Кирова), посвященном празднованию 4-й годовщины Октябрьской революции¹⁰.

Цюй Цю-бо был первым китайцем, кто донес до Китая правдивый образ пролетарского вождя. От встреч на Конгрессе Коминтерна и в рабочей аудитории Цюй Цю-бо вынес глубокое убеждение в том, что В. И. Ленин — «прямой и непреклонный политический деятель». Информировав китайского читателя о своих впечатлениях о В. И. Ленине, Цюй Цю-бо отметил домыслы европейских и американских агентств, подчеркивал любовь к В. И. Ленину трудящихся, его историческую роль в строительстве Советского государства, партии большевиков и в мировом коммунистическом движении.

Встречи с В. И. Лениным, величественная картина созидания и борьбы Советской России, углубленное изучение марксистско-ленинской теории ускорили решение Цюй Цю-бо вступить в ряды КПК. В феврале 1922 г. по рекомендации старейшего коммуниста-интернационалиста Чжан Тай-ляя Цюй Цю-бо вступает в московскую группу КПК. С этих пор он навсегда связывает свою жизнь с борьбой за торжество марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, за марксистско-ленинскую линию Коммунистической партии Китая, за ее солидарность с Коммунистической партией Советского Союза, за дружбу китайского народа с СССР.

Обогащенный знакомством с опытом социалистического строительства в Советском Союзе, ролью и местом в этом строительстве рабочего класса и его партии, с опытом международного коммунистического движения, наконец, значительно углубив свои знания в марксистско-ленинской теории, в январе 1923 г. Цюй Цю-бо возвращается в Китай и сразу включается в работу КПК.

В то время в партии шла напряженная работа по претворению в жизнь рекомендованной Исполкомом Коминтерна тактики единого антиимпериалистического фронта с Гоминьданом. В качестве делегата III съезда КПК в Гуанчжоу летом 1923 г. Цюй Цю-бо вместе с Ли Да-чжао защищал коминтерновскую линию единого фронта при сохранении организационной и политической самостоятельности КПК. По поручению ЦК Цюй Цю-бо составил проект программы партии и представил его на рассмотрение съезда¹¹.

⁶ Владимир Кри в ц о в. Указ. соч., стр. 402.

⁷ По-видимому, имеется в виду «Речь по итальянскому вопросу 28 июня» (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 16—22, 661).

⁸ Владимир Кри в ц о в. Указ. соч., стр. 403.

⁹ Цюй Цю-бо. Очерки и статьи, стр. 69—70.

¹⁰ См.: «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина». — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 686.

¹¹ Тексты проекта программы и доклада Цюй Цю-бо о проекте не обнаружены. Сведения о том, обсуждал и принял ли съезд проект программы, противоречивые. По одним данным, съезд не обсуждал и не принял проект программы. Представитель Коминтерна на III съезде КПК Г. Маринг сообщил, что съезд решил разослать проект программы низовым парторганизациям «для обсуждения» и затем «в исправленном виде послать в Москву...» (цит. по: В. И. Глунин. Борьба за единый национальный фронт в Китае (к 50-летию III съезда КПК). — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3, стр. 128). В одном из ранних советских источников, наоборот, утверждается, что съезд

Съезд избрал Цюй Цю-бо в члены ЦК партии. Он избирался в состав ЦК также на IV, V и VI съездах КПК.

После III съезда КПК Цюй Цю-бо пропагандирует марксизм-ленинизм¹² и с позиции марксистско-ленинской теории пытается разобраться в характере китайского общества, расстановке классовых сил в китайской революции, во внутреннем и внешнем положении Китая¹³, первым переводит на китайский язык «Интернационал» и вместе с нотами помещает его в первом номере журнала «Синь циннянь» за 1923 г., разоблачает антинаучность идейных позиций прагматистов и их покровителей внутри и вне Китая¹⁴, переводит произведения русской и советской литературы, публикует очерки об отдельных русских и советских писателях¹⁵, вызывая среди китайских читателей интерес и чувства симпатии к новой России.

Большую теоретическую и практическую работу Цюй Цю-бо вел по повышению уровня и активизации процесса соединения научного социализма с рабочим движением Китая, справедливо считая, что гарантией успеха такого процесса в первую очередь является организационное и идейное укрепление КПК на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. I съезд КПК, состоявшийся в июле—августе 1921 г., провозгласив образование партии на принципах марксизма, тем самым засвидетельствовал объективную закономерность коммунистического движения — соединение научного социализма с рабочим движением, в данном случае — в Китае. Но процесс соединения научного социализма с рабочим движением не кончился с созданием партии рабочего класса, он продолжался и после образования КПК. В экономически, социально и политически отсталом и зависимом от иностранного капитала, полуколониальном Китае уровень и активность процесса соединения научного социализма с рабочим движением были еще не высоки, и от китайских коммунистов требовалась настойчивая идейно-организационная работа в этом направлении.

Цюй Цю-бо стоял в рядах тех китайских коммунистов, кто боролся за повышение уровня и активизацию процесса соединения научного социализма с рабочим движением и после первого съезда КПК. Трудно было рассчитывать на успех соединения научной теории с рабочим движением без превращения КПК в подлинную марксистско-ленинскую партию, опирающуюся на рабочий класс и связанную узами пролетарской солидарности с мировым коммунистическим движением. «Подлинная социалистическая партия в Китае, — писал Цюй Цю-бо в 1923 г., — может быть создана лишь в качестве секции мировой коммунистической партии, как упорно и энергично выращиваемая пролетарская организация с закаленным костяком, которая в то же самое время является боевой силой общедемократического движения»¹⁶.

Активную теоретическую и практическую деятельность по повышению уровня соединения научного социализма с китайским рабочим движением Цюй Цю-бо развил

«принял в качестве основы своей политической программы... 18 пунктов» (см. эти пункты: С. К а л а ч е в (С. Н. Наумов). Краткий очерк истории Китайской коммунистической партии. — «Кантон», 1927, № 1 (10), стр. 48—52) и что эта «обширная программа» была «проектом» (там же, стр. 64). В 1928 г. П. Миф писал, что «проект программы был принят еще на III съезде и то лишь за основу, и подлежал дополнительному обсуждению» (П. М и ф. Китайская революция. М., 1932, стр. 173). О характере проекта программы можно судить лишь по отдельным ссылкам Цюй Цю-бо в его работе на кит. яз. «Спорные вопросы китайской революции» (1928, б. м.), в частности по ссылке, относящейся к трактовке роли рабочего класса в китайской революции. В проекте программы Цюй Цю-бо акцентировал тезис о том, что пролетариат является единственной передовой и последовательной силой революции, действующей в союзе с крестьянством, без которого «невозможна победа революции» (цит. по: В. И. Г л у н и н. Указ. соч., стр. 127). П. Миф считал, что «проект совершенно обходил вопрос о гегемонии пролетариата» (П. М и ф. Указ. соч., стр. 174).

¹² См. перевод Цюй Цю-бо выступления В. И. Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV Конгрессе Коминтерна 13 ноября», опубликованный в «Синь циннянь», 1923, № 1, стр. 57—66.

¹³ См., например, статьи Цюй Цю-бо (Цюй Вэй-то): «Восточная культура и мировая революция» («Синь циннянь», 1923, № 1, стр. 67—76); «От демократизма к социализму» («Синь циннянь», 1923, № 2, стр. 79—102); «Современный китайский парламентаризм и милитаристы» («Цяньфэн», 1923, № 1, стр. 10—23); «Развитие китайской буржуазии» (там же, стр. 23—39); «Методы империалистической агрессии в Китае» (там же, стр. 40—50).

¹⁴ См.: Цюй Цю-бо. Прагматизм и революционная философия. — «Синь циннянь», 1924, № 3, стр. 10—16.

¹⁵ См.: М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо. М., 1964, стр. 36—72.

¹⁶ Цюй Цю-бо. От демократизма к социализму, стр. 99. — «Синь циннянь», 1923, № 2.

в период национально-освободительной революции 1925—1927 гг. Осенью 1924 г. в связи с приказом шанхайских властей об аресте Цюй Цю-бо он переходит на нелегальное положение и из подполья руководит политической забастовкой шанхайских рабочих в июне—августе 1925 г. Эта и последовавшая за ней Сянган-Гуанчжоуская (июнь 1925 — октябрь 1926 г.) забастовки, как отмечал VI расширенный пленум ИККИ в марте 1926 г., «явились исходным пунктом мощного общенародного движения под лозунгом независимости страны и образования народной власти, причем во время этого движения китайский рабочий класс, организованный в классовые профессиональные союзы и руководимый Китайской коммунистической партией, выявился как руководящая сила движения демократических масс, как застрельщик и главный борец за независимость страны и за установление народной власти»¹⁷. Полностью разделяя эту оценку Коминтерна, Цюй Цю-бо тогда же подчеркивал, что «значение «движения 30 мая» заключается в том, что китайские рабочие начали осуществлять свою историческую миссию — руководство национальной революцией с целью освобождения китайской нации и самих себя»¹⁸ (выделено Цюй Цю-бо. — Е. К.). Акцентируя необходимость борьбы за руководящую и направляющую роль рабочего класса, Цюй Цю-бо призывал равняться на соответствующий опыт РКП(б). Он писал, что «рабочие и крестьяне России на первых порах тоже не обладали всей полнотой знаний и зрелости, но благодаря ... опыту и работе коммунистической партии они стали хозяевами Советского Союза»¹⁹. Цюй Цю-бо не только в теории отстаивал тезис об активизации процесса соединения научного социализма с рабочим движением путем борьбы за гегемонию рабочего класса в национальной революции, но и на практике, участвуя в политической забастовке шанхайских рабочих, входя вместе с другими коммунистами в Шанхайский совет профсоюзов, редактируя пропагандировавшую пролетарскую солидарность ежедневную рабочую газету «Жэсюэ жибао» («Горячая кровь»), начавшую выходить с 4 июня 1925 г.²⁰

В силу объективных и субъективных факторов революция 1925—1927 гг. потерпела временное поражение. Одна из субъективных причин этого поражения — правооппортунистическое руководство тогдашнего лидера партии Чэнь Ду-сю. Борясь за линию Коминтерна в китайском вопросе, Цюй Цю-бо не раз выступал против правооппортунистической тактики Чэнь Ду-сю. Концентрированным выражением его аргументированной критики правого оппортунизма в руководстве КПК явилась не потерявшая до сих пор своего значения работа Цюй Цю-бо «Спорные вопросы китайской революции», написанная по свежим следам опыта революции 1925—1927 гг.

В августе 1927 г. в качестве главы Временного Политбюро ЦК КПК Цюй Цю-бо выступает одним из инициаторов созыва чрезвычайного совещания ЦК КПК, на котором было покончено с порочным руководством Чэнь Ду-сю. Признавая авторитет Цюй Цю-бо в партии, совещание избрало его генеральным секретарем ЦК КПК и главным редактором журнала «Буэрсайвэйке» («Большевик»).

После поражения китайской революции 1925—1927 гг. ее дальнейшее развитие Цюй Цю-бо еще более подчеркнуто связывал с моральной и политической поддержкой РКП(б), Советского Союза и Коминтерна. В апреле 1928 г. он нелегально уезжает из Китая в Москву, где деятельно готовится к VI съезду КПК и VI конгрессу Коминтерна.

Цюй Цю-бо открыл VI съезд партии, состоявшийся в Москве 18 июня — 11 июля 1928 г., и выступил на нем с отчетом ЦК КПК. Он самокритично признал левопутчистские ошибки своего руководства в период осени 1927 — весны 1928 гг. и резко осудил антикоминтерновскую, троцкистскую, по существу, оценку текущего этапа китайской революции как социалистического, не соответствовавшего тогдашним историческим условиям Китая. Подавляющее большинство делегатов съезда не согласилось с точкой зрения на китайскую революцию как на уже переросшую из буржуазно-демократической революции в социалистическую и разошлись как с теми, кто отстаивал эту точку зрения на съезде, так и с теми из руководящих кадров партии, кто не смог присутствовать на партийном форуме и оставался в Китае. Одним из тех, кто считал тогдашний этап китайской революции социалистическим, был и Мао Цзэ-дун, находившийся в то время в Цзинганшане (горный район на стыке провинций Хунань—Цзянси). В заключительном слове по отчету ЦК КПК Цюй Цю-бо назвал Мао Цзэ-дуна в числе тех лиц в партии, которые «уже давно говорили, что наша революция носит социалисти-

¹⁷ «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая». М., 1934, стр. 122.

¹⁸ Цюй Цю-бо. Национальное собрание и «движение 30 мая». — «Синь циннянь», 1926, № 3, стр. 7.

¹⁹ Цюй Цю-бо. Классовая дифференциация в период национально-революционного движения. — «Синь циннянь», 1926, № 3, стр. 39.

²⁰ А. И. Картунов. Деятельность Шанхайского совета профсоюзов в июне—августе 1925 года. — «Проблемы востоковедения», 1960, № 2, стр. 92, 96, 97.

ческий характер»²¹. Цюй Цю-бо защищал коминтерновскую концепцию текущего этапа китайской революции как этапа антиимпериалистической и антифеодальной, буржуазно-демократической революции, и в этой связи его критика сторонников противоположного взгляда в первую очередь имела в виду ошибочную позицию Мао Цзэ-дуна. VI съезд КПК отклонил авантюристическую линию на «перепрыгивание» через непронятный буржуазно-демократический этап китайской революции и поддержал соответствующие решения ИККИ.

Признанием авторитета Цюй Цю-бо в партии и в международном коммунистическом движении явилось избрание его VI съездом КПК в состав китайской делегации на VI Конгрессе Коминтерна (17 июля — 1 сентября 1928 г.).

На VI Конгрессе Коминтерна Цюй Цю-бо (под псевдонимом В. Страхов) выступает содокладчиком о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах и с заключительным словом по этому вопросу²². Его избирают в рабочий Президиум конгресса, в состав двух комиссий — по выработке программы Коминтерна и по редактированию тезисов о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах²³.

На VI Конгрессе Коминтерна остро современно прозвучал голос Цюй Цю-бо против национализма и его проявлений в Китае. Еще в 1925 г. Цюй Цю-бо разоблачал буржуазный национализм и великодержавный шовинизм гоминьдановца Дай Цзи-тао — противника классовой борьбы, подменявшего ее туманными и лицемерными рассуждениями о гуманности, милосердии, верности и сыновней почитательности, о преданности «интересам нации и государства» и яростно нападавшего на КПК. Под предлогом защиты трех народных принципов Сунь Ят-сена Дай Цзи-тао на самом деле доказывал мировое «превосходство» идеологии и культуры китайской нации, в частности «высшую истинность учения Конфуция». С расистских позиций он ратовал также за «приток китайской крови» в человечество после слияния всех наций²⁴.

Будучи убежден в том, что только марксизм-ленинизм является руководящей и направляющей идеологией коммунистической партии, на VI конгрессе Коминтерна Цюй Цю-бо отстаивал «принцип интернационализма и непримиримой борьбы против заражения пролетариата буржуазным национализмом...»²⁵. Он вскрыл несостоятельность националистической концепции «особого» пути развития Китая и китайской революции, якобы выпадающего из общих закономерностей мирового исторического и революционного процесса и на этом основании будто исключаящего применение марксизма-ленинизма к условиям страны. Выступая на конгрессе 15 августа 1928 г., Цюй Цю-бо говорил, что «нередко о китайской революции складывалось такое представление, что она развивается... чисто «по-китайски», что Китай представляет собой настоящую «китайскую грамоту»²⁶ и неизвестно, можно ли на него распространить теорию научного социализма. Отметая идейную и политическую порочность подобного представления, Цюй Цю-бо утверждал неотделимость Китая и китайской революции от общесторического процесса и подчеркивал интернациональную сущность марксизма. Он говорил: «...хотя наша революция и происходит в Китае, но она не отделена «китайской стеной» от всего мира»²⁷. «Китай, — подчеркивал Цюй Цю-бо, — не является исключением для марксизма»²⁸, и поэтому совершенно беспочвенны «сомнения насчет того, можно ли марксизм приспособить к своеобразным условиям Китая»²⁹. Так же решительно Цюй Цю-бо отменил попытки троцкистов принизить коммунистическую партию Китая заявлениями о том, что она якобы аморфна, и что она как партия не существует, и что «вообще никакого большевизма в Китае нет»³⁰. По поручению китайской делегации Цюй Цю-бо квалифицировал подобные заявления троцкистов как «чистейшую клевету»³¹ на КПК.

²¹ «Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая». М., 1930, кн. III, стр. 70 (на правах рукописи).

²² «Содоклад тов. Страхова (Китай)», «Заключительное слово тов. Страхова». — Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна. Вып. IV. М.—Л., 1929, стр. 79—105, 492—501.

²³ «Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна». Вып. IV. М.—Л., 1929, стр. 534.

²⁴ См.: Цюй Цю-бо. Национальная революция и дайцитаоизм. — «Справочные материалы по истории КПК». II. Пекин, 1957, стр. 41—55 (на кит. яз.).

²⁵ «Заключительное слово тов. Страхова», стр. 500.

²⁶ «Содоклад тов. Страхова (Китай)». — «Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна». Вып. IV. М.—Л., 1929, стр. 79—80.

²⁷ Там же, стр. 79.

²⁸ Там же, стр. 80.

²⁹ Там же.

³⁰ «Заключительное слово тов. Страхова», стр. 493.

³¹ Там же, стр. 494.

VI Конгресс Коминтерна избрал Цюй Цю-бо (Цюй Вито) в члены Исполкома Коминтерна³², а впоследствии он был избран и в члены Президиума ИККИ. Цюй Цю-бо ведет большую работу в ИККИ, активно сотрудничает с журналом «Коммунистический Интернационал», издает работы, явившиеся заметным вкладом в историографию революционного движения и Коммунистической партии Китая³³. Выполняя свой долг интернационалиста, он редактирует переводы на китайский язык трудов В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Государство и революция», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», переводит на китайский язык «Программу Коминтерна», входит в состав редколлегии журнала «Проблемы Китая».

Вернувшись в Китай в августе 1930 г., по поручению партии Цюй Цю-бо созывает III Пленум ЦК КПК, который подверг суровой критике левооппортунистическое руководство Ли Ли-саня.

В 30-е годы Цюй Цю-бо обличает фашизм, челоуеконенавистническую, шовинистическую идеологию проповедников «нового порядка» на Западе и Востоке. Он выступает в защиту СССР от нападков китайских милитаристов во время событий на КВЖД, призывает к патриотической войне с японскими империалистами, вторгшимися в Северо-Восточный Китай осенью 1931 г., гневно осуждает контрреволюционный режим Чан Кай-ши.

В 1931—1933 гг., постоянно рискуя быть схваченным гоминьдановской разведкой, Цюй Цю-бо снова уходит в шанхайское подполье, продолжая оттуда внимательно следить за развитием советского движения в Китае. Он выражал глубокую уверенность в том, что борьба китайского народа закончится победой над гоминьдановской реакцией и ее иностранными покровителями.

На I Всекитайском съезде Советов осенью 1931 г. Цюй Цю-бо заочно был избран в ЦИК Советского рабоче-крестьянского правительства Китая. По решению ЦК КПК в начале января 1934 г. он покидает Шанхай и пробирается в столицу Центрального советского района — Жуйцзинь, в провинции Цзянси, где был назначен народным комиссаром просвещения Китайской Советской Республики. Началась новая полоса в жизни Цюй Цю-бо.

После вынужденного отступления китайской Красной армии из советских районов, начатого в октябре 1934 г., Цюй Цю-бо, обладавший огромным опытом нелегальной работы в гоминьдановском тылу, возглавил отдел пропаганды Бюро ЦК КПК по провинции Цзянси. Отступая с частями 24-й дивизии Красной армии, Цюй Цю-бо попал в окружение и 23 февраля 1935 г. был схвачен гоминьдановцами в районе деревни Шуйкоусян уезда Упинсянь провинции Фуцзянь.

На суде Цюй Цю-бо заявил своим палачам: «Всю свою жизнь я отдал революции. Теперь я арестован, и меня ждет смерть. Пусть я умру, но на мое место встанут сотни миллионов, чтобы идти дальше»³⁴. 18 июня Цюй Цю-бо был расстрелян по личному приказу Чан Кай-ши. Перед казнью он пел «Интернационал», закончив его здравицей в честь Коммунистической партии Китая³⁵. Так, на 37-м году оборвалась жизнь китайского коммуниста-интернационалиста Цюй Цю-бо. Весь прогрессивный мир тяжело переживал его гибель.

Цюй Цю-бо был выдающейся фигурой в истории китайской революции и коммунистического движения Китая. Когда-то Мао Цзэ-дун, а вслед за ним и маоистская историография считались с ролью и местом Цюй Цю-бо в китайской революции и в КПК. Так, в «Решении по некоторым вопросам истории нашей партии», написанном при участии Мао Цзэ-дуна и принятом VII Пленумом ЦК КПК 20 апреля 1945 г., говорится, что Цюй Цю-бо был «одним из авторитетных руководителей партии» и «погиб смертью героя от руки гоминьдановских палачей»³⁶. В примечаниях Комиссии ЦК КПК по изданию избранных произведений Мао Цзэ-дуна также признается, что «тов. Цюй Цю-бо — один из старейших членов и руководителей Коммунистической партии Китая... героически погиб от руки палачей...»³⁷. При этом маоистская историография всячески искажала и принижала роль и место Цюй Цю-бо в революционном движении страны и в КПК, утверждая, что он вел работу «главным образом на культурном фронте»³⁸. Маоисты показывали Цюй Цю-бо как литературоведа-публициста и умышленно обходили его деятельность как руководителя партии, внесшего большой вклад в разработку страте-

³² «Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна. Тезисы, резолюции, постановления, воззвания». М.—Л., 1929, стр. 198.

³³ См., например: Цюй Цю-бо. Китайская революция и Коммунистическая партия. М., 1928 (на кит. яз.); өго же. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая. М., 1929 (на кит. яз.).

³⁴ Цит. по: М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо, стр. 214.

³⁵ А. Кожин. Памяти Цюй Цю-бо. — «Правда», 20.VI.1955.

³⁶ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. М., 1953, т. 4, стр. 341.

³⁷ Там же, стр. 399—400.

³⁸ Там же, стр. 341.

гии и тактики китайской революции, в борьбу за интернационалистскую линию КПК, за дружбу партии и китайского народа с КПСС и Советским Союзом.

В разгар «культурной революции», переписывая историю КПК в угоду волюнтаристской концепции о якобы решающей роли Мао Цзэ-дуна в китайской революции, маоисты начисто вычеркнули Цюй Цю-бо из коммунистического движения Китая, объявили его «оппортунистом» и «изменником», надругались над его останками на кладбище Бабаошань в западном пригороде Пекина. Нельзя без возмущения читать так называемый «Боевой листок» № 3 от 5 июня 1967 г., в котором описывается, как «бойцы коммуну Чжэнфа ... накиннули толстые веревки на надгробный памятник Цюй Цю-бо и ... полные классовой ненависти ... молотом и мотыгами с ожесточением разрушили... могилу Цюй Цю-бо». «Боевой листок» не скрывает, что, совершая этот акт вандализма, «бойцы руководствовались наставлениями председателя Мао». За что хунвэйбины надругались над памятью Цюй Цю-бо? За то, как говорится в «Боевом листке», что Цюй Цю-бо был «хорошим другом советского народа», за то, что «советские ревизионисты», называя его «выдающимся руководителем КПК» и «теоретиком литературы и искусства», пытались поставить его «на равное положение с ... председателем Мао».

* * *

Путь Цюй Цю-бо не был ровным и гладким. Однако частичные отступления, самокритично признанные и активно выправлявшиеся самим же Цюй Цю-бо, не определяли его лицо революционера. Главное состояло в том, что он был убежденным коммунистом-интернационалистом, причем не на словах, а на деле проявляя свою преданность принципам социалистического интернационализма.

В брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии)» В. И. Ленин писал: «Интернационализм на деле — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) такой же борьбы, такой же линии, и только ее одной, во всех без исключения странах»³⁹. Эти ленинские слова можно отнести к интернационализму Цюй Цю-бо. Он на деле беззаветно работал над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей стране, поддерживая пропагандой и сочувствием такую же борьбу в других странах. И память о таком интернационалисте будет вечно жить в сердцах коммунистов всех стран.

³⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 31, стр. 170.

ВОСПОМИНАНИЯ

Битва за Ухань

А. Я. Калягин

Исполнилось 35 лет со времени битвы за Ухань — одного из важных событий японо-китайской войны 1937—1945 гг. В ходе этой битвы ярко проявились чувства пролетарского интернационализма советских людей, оказавших в час тяжелых испытаний соседнему братскому китайскому народу всестороннюю помощь.

Мы публикуем воспоминания участника этой битвы, бывшего военного советника, ныне генерал-лейтенанта инженерных войск в отставке А. Я. Калягина.

В канун Уханьской битвы военно-политическая обстановка в Китае была чрезвычайно сложной. После падения Нанкина и успешно проведенной японцами Сюйчжоуской операции Китай лишился наиболее развитых промышленных и сельскохозяйственных провинций — пяти северных, ряда восточных, а также городов Бэйпин (Пекин), Тяньцзинь, Тайюань, Баодин, Цзинань, Шанхай, Ханчжоу, Нанкин. Это означало потерю 80 млн. населения и больших экономических ресурсов (60% залежей угля и железной руды, 40% добываемой соли и около 30% собираемых сельскохозяйственных продуктов).

Резко снизился военно-промышленный потенциал Китая: крупные военные арсеналы Нанкина, Кайфына, Цзинани, Баодина, Тайюаня и Кантона были демонтированы и вывозились в глубь страны. 137 промышленных предприятий этих провинций были разобраны и вместе с 30 тыс. квалифицированных рабочих переводились в Сычуань и Хунань.

По заявлению генерала Бай Чун-си, потери (убитыми, ранеными и пропавшими без вести) китайской армии в период боев за Бэйпин — Тяньцзинь, Шанхай — Нанкин и Сюйчжоу составили около 800 тыс. солдат и офицеров, то есть примерно 40% личного состава 176 пехотных дивизий, существовавших к началу 1938 г.

Особенно чувствительны были потери в технике: артиллерии осталось не более 50%, из 23 эскадрилий военно-воздушных сил (около 500 самолетов) осталась лишь одна, из двух танковых батальонов — один, из 30 кораблей ВМФ общим водоизмещением 50 тыс. т осталось две канонерские лодки, запрятанные на озере Дунтинху. Все это сильно снизило боевые возможности армии и породило пессимизм среди военной верхушки, где происходили дебаты по вопросу о дальнейшем ведении войны.

Блокада побережья и связанные с ней повышение цен, спекуляция товарами первой необходимости, проблема беженцев и рост безработицы создавали крайне напряженную обстановку в стране. Японцы использовали все это для распространения пораженческих настроений и различного рода слухов с целью заставить правительство Китая капитулировать.

В мае—июне 1938 г., в самый канун подготовки к сражению за Ухань, в городе повсюду только и слышались разговоры о том, что-де скоро войне конец. Распространился слух, будто «новый японский кабинет является кабинетом мира» и что новый министр иностранных дел генерал Угаки и новый военный министр генерал Итагаки желают закончить войну с Китаем «на разумных условиях». Однако не кто иной, как Итагаки, заявил тогда: «Мир может быть достигнут не любой ценой, а после нанесения сокрушительного удара под Уханью, когда Япония сможет диктовать условия мира».

После хорошо известного совещания в Риме Гитлер отозвал германского посла в Китае Траутмана, продемонстрировал свою готовность прийти на помощь Японии — союзнику по только что образованной «оси». Несколько ранее — 12 мая 1938 г. — Германия признала марионеточное государство Маньчжоу-го во главе с императором Пу И.

Со своей стороны Франция запретила транспортировку через Индокитай вооружения, поступавшего для армии Китая. Вашингтон и Лондон отказали Китаю в займах и задержали поставки оружия по ранее заключенным договорам.

Для нажима на Центральное правительство Китая были использованы не только дипломатические акции, но и китайские предатели. Гонконг превратился в центр, где плелись интриги и замышлялись политические махинации.

Навещала Гонконг жена Чан Кай-ши Сун Мэй-лин под предлогом свиданий с жившей там ее сестрой Сун Цин-лин и другими родственниками. Поэтому Чан Кай-ши было известно довольно многое. Этот лидер пользовался в тот период известным авторитетом в общественных кругах Китая. Он прекрасно понимал, что принятие капитулянтских условий мира вызовет гнев народа и приведет к хаосу в стране, к потере независимости и суверенитета.

Последние японские условия мира были переданы Чан Кай-ши в мае 1938 г., когда он вернулся из Лояна, где руководил отходом войск, потерпевших поражение под Сюйчжоу. Момент был выбран удачно, положение было критическим. Японцы торжествовали, рассчитывая на скорую победу над китайским народом.

Японцы предлагали следующие «условия»:

1) в Северном Китае организуется автономное правительство, предоставляющее Японии особые права в индустриализации Севера; 2) провозглашается независимость Внутренней Монголии с предоставлением Японии права держать там свои гарнизоны; 3) Шанхай, Нанкин, Ханчжоу, Сучжоу включаются в демилитаризованную зону; 4) международный селтлмент в Шанхае возвращается Китаю с предоставлением Японии в этом районе особых прав; 5) национальное правительство Китая возвращается в Нанкин и получает право содержать не более 10 пехотных дивизий и 50 тыс. полицейских; 6) правительственные органы Китая примут японских советников; 7) Китай присоединится к антикоминтерновскому пакту, и Япония окажет ему помощь в ликвидации 8-й и Новой 4-й коммунистических армий Китая.

Решительно отказываясь от принятия подобных капитулянтских условий, Чан Кай-ши опирался на генеральскую группировку «Вампу», куда входили командующие войсками районов и групп армий и которая за малым исключением стояла за продолжение войны, за сотрудничество с СССР и принятие любой помощи из любого источника.

Существовала и другая группировка, оказавшая существенное влияние на Чан Кай-ши и выступавшая за укрепление единого фронта Гоминьдана с КПК, за союз с СССР и продолжение сопротивления агрессору до победы. В эту группу входили политические деятели, некоторые банкиры, промышленники, а также и ряд генералов.

Подписанный 21 августа 1937 г. советско-китайский договор о ненападении ускорил заключение соглашения о едином фронте между КПК и Гоминьданом, чем облегчил работу КПК по консолидации сил, мобилизации народа на борьбу с японской агрессией и организацию революционных баз. Немалую роль играла организованная КПК партизанская борьба в тылу врага, которая отвлекала часть сил японцев с фронта.

Создание освобожденных районов под управлением КПК, формирование новых воинских частей и партизанских отрядов, подчиненных Яньани, вызывали раздражение руководства Гоминьдана и его генералов, которые расценивали такие действия как нарушение соглашения о едином фронте.

Весьма болезненно реагировали руководители Гоминьдана на документ «Указания ЦК КПК о работе в партизанских районах и гоминьдановских органах власти». Этот документ, изданный гоминьдановской контрразведкой у секретаря организации КПК Центрального района провинции Цзянсу, содержал задачи для организаций и отдельных членов КПК, работавших в органах власти и гоминьдановской армии. Содержание этого документа отнюдь не свидетельствовало о стремлении Мао укреплять сотрудничество в едином фронте. Документ был распространен среди членов ЦИК Гоминьдана и наделал много шума. И только стечение ряда обстоятельств помогло замять инцидент. Именно в этот момент велась усиленная подготовка к созыву Национально-политического совета, который должен был решить вопрос о битве за Ухань. Следовательно, необходимость сохранения единства нации ощущалась тогда особенно остро. С другой стороны, провал японской провокации в районе озера Хасан, а также прибытие в Китай группы советских добровольцев и значительного количества техники произвело на руководителей Гоминьдана большое впечатление.

* * *

Известно, что Советское правительство было единственным правительством в мире, резко осудившим японскую агрессию и отстаивавшим суверенные права, свободу и независимость китайского народа в Лиге наций. ВКП(б) и Советское правительство с глубоким пониманием отнеслись к беде китайского народа и, несмотря на собственные трудности, до конца выполнили свой интернациональный долг перед трудящимися Китая. СССР собственным транспортом доставлял борющемуся китайскому народу самолеты, танки, стрелковое вооружение, автотранспорт, бензин и другие необходимые средства ведения войны. Советское правительство разрешило добровольцам-летчикам выехать в Китай и принять участие в боевых действиях. Оно удовлетворило просьбу Центрального правительства Китая, направив в страну хорошо подготовленных командиров Красной Армии в качестве военных советников. Наконец, СССР предоставил Китаю кредит в размере 250 млн. долл. на весьма льготных условиях.

О размахе помощи вооружением можно судить по объему производившихся перевозок. Грузовые порты Дальневосточного и Черноморского пароходств выделили на эти цели десятки грузовых океанских судов; на территории СССР использовалось свыше 5,5 тыс. железнодорожных вагонов; Синьцзянский тракт обслуживало около 5,2 тыс. грузовых автомашин ЗИС-5. Для доставки срочных грузов была организована авиалиния, обслуживавшаяся транспортными самолетами ТБ-3.

В целом на отправке грузов — упаковке, погрузке, транспортировке — были заняты десятки тысяч советских людей, которые работали не считаясь со временем и погодными условиями. Такую помощь могла осуществить только социалистическая страна, народ которой воспитан на принципах социалистического интернационализма.

Сун Цзы-энь, ведавший заграничными закупками, заявил в конце мая: «В Китай ввезено вооружение на 300 млн. юаней, и недостатка в вооружении в настоящий момент не чувствуется».

Если исходить из табельной нормы пехотной дивизии китайской армии (винтовок — 3000, пулеметов — 100, полевых орудий — 6—12), то к началу Уханьской битвы из СССР в Китай было поставлено винтовок и пулеметов на 40 дивизий, а полевых орудий хватало бы на то, чтобы вооружить 60 дивизий.

Всего же с ноября 1937 по ноябрь 1939 г. в Китай было поставлено свыше 800 самолетов, в том числе первоклассных бомбардировщиков СБ-278, 82 танка Т-26, 960 артиллерийских орудий разных калибров, зенитные пулеметы, малокалиберные зенитные пушки, 4 батареи 76-миллиметровых зенитных орудий, около 200 000 винтовок, 8300 пулеметов станковых и ручных, 150 млн. винтовочных патронов, 500 тыс. артиллерийских снарядов, авиабомб разной мощности в избытке, 1233 автомашины, 82 спецмашины, 34 трактора, большое количество мотсров и запасных частей к технике, бензин, медикаменты и санитарное имущество и др.

В начале июня в войсках 1, 3, 5 и 9-го военных районов, принимавших участие в обороне Ухани, находилось около 50 советских техников и инструкторов по обучению войск, 200 летчиков-добровольцев и около 40 военных советников.

Перед военными советниками стояла сложная задача: не только обучить в короткий срок личный состав армии владеть советским оружием, но и привить офицерскому составу современные знания по приемам и формам вооруженной борьбы, чему китайская армия обучена не была.

Главный военный советник — военный атташе комдив М. И. Дратвин и весь его аппарат делали основной упор при обучении войск на полевую выучку, на использование оружия во всех видах боевой деятельности, на инженерное оборудование местности и самоокапывание. По штабной службе — на планирование операций, изучение опыта прошедших операций, организацию и планирование войсковой и оперативной разведки, улучшение организационной структуры войск и органов управления.

Сложность работы наших советников заключалась в том, что китайские генералы в свое время учились в США, Англии, Японии, Германии, Франции, Италии и Швеции. Вот почему приходилось иметь дело не только с разным уровнем подготовки, но и различными школами, различными подходами к решению задач. Возникли и другие серьезные трудности. Наши советники, работая самоотверженно, успешно преодолевали их. Большую часть времени мы проводили в войсках, выезжали на передовую, учили на личном примере. Такой стиль работы советников был для Китая необычным и для китайских генералов непривычным. Нередко им приходилось спускаться из паланкинов, в которых они восседали, и шагать по земле рядом с советником.

В апреле—июне 1938 г. шла напряженная работа по мобилизации ресурсов страны к предстоящим сражениям. В Хубэе, Цзянси, Хунани, Гуанси, Гуйчжоу и Сычуани формировались новые резервные дивизии и велось их обучение. На главных операционных направлениях в долине Янцзы создавались соответствующие группировки войск, строились рубежи обороны, проводилась идеологическая подготовка населения и солдат армии. В то время китайскому народу занимать патриотизм, ненависть к японским агрессорам, желание продолжать войну до победы не приходилось. Можно сказать другое: правящая гоминьдановская верхушка сдерживала этот порыв народа, боясь пробужденного гнева простого люда, накопленного за века унижения и несправедливости.

Монополия на проведение морально-политической подготовки населения и армии принадлежала политическому управлению военного комитета. Начальником политического управления был один из приближенных Чан Кай-ши, впоследствии премьер на Тайване, генерал Чэнь Чэн, а его заместителем — Чжоу Энь-лай, нынешний премьер КНР.

В войска была разослана программа политических занятий, которая, по мысли ее составителей из военного комитета, была призвана укрепить их моральный дух. Главным идеологическим стержнем воспитания солдат являлось утверждение в их сознании морали, основывающейся на конфуцианских принципах: беспрекословное подчинение старшим и почитание учителей (офицеров); почитание родителей; культ предков; безоговорочная вера в то, что простые люди не могут овладеть знаниями, не могут управлять, следовательно, их удел работать на богатых и подчиняться знатным. Един-

ственной темой современности в программе было описание зверств японцев на оккупированных территориях.

По указанию главного военного советника Дратвина я, тогда полковник, и майор Чижов выехали с группой китайских офицеров инженерного управления на рекогносцировку рубежей в западную провинцию Хубэй и северную Цзянси. В результате был выработан план инженерной подготовки рубежей обороны Ухани и обводов Уханьского укрепленного района, который был одобрен Чан Кай-ши. Планом предусматривалось создание трех полос обороны. К 21 июля верховное командование Китая создало наконец группировку войск, соответствовавшую складывавшейся обстановке. Для обороны западного берега озера Поянху было выделено 14 дивизий. Всего же для обороны Ухани сосредотачивалось до 80 пехотных дивизий. Правда, большинство из них не были полностью укомплектованы, и их общая численность не превышала 450—500 тыс. человек.

За счет резерва Ставки войска усиливались артиллерией и полком танков. Контрудары наземных войск намечалось поддержать авиацией с аэродромов Наньчан, Ханькоу, Сяогань, Чанша, где располагались самолеты с экипажами, в основном состоявшими из советских летчиков-добровольцев.

К этому же времени против войск 9-го и 5-го военных районов командующий японскими войсками в Центральном Китае генерал Хата создал три группы войск: в районе Пынцзэ—Хукоу, к северу от Аньцин, и в районе Хэфэй (Личжоу). Резерв Хата (до восьми пехотных дивизий и бригада морской пехоты) располагался на линии Кайфын, Аньцин, Уху и был готов к действиям в любом направлении. Группы были усилены за счет резерва главного командования артиллерией, танками, химическими и инженерными частями и поддерживались 500 самолетами.

В целом превосходство в людях у китайцев было незначительным — оно было в пехоте. Однако не только она решала исход борьбы. Превосходство японцев в артиллерии, танках, самолетах и судах военно-морского флота было подавляющим. Это давало японскому командованию уверенность в победе. Перед началом операции генерал Хата заявил: «Ухань будет взята до 15 августа».

В ходе битвы за Ухань японский генеральный штаб преследовал цель окружить и уничтожить полумиллионную китайскую армию и принудить Центральное правительство к капитуляции. Задача была не новой. В течение прошедшего года японское правительство ставило такую задачу не раз, рассчитывая при помощи изменников и капитулянтов решить ее малыми силами. Однако расчет этот не оправдался.

Верховное командование китайской армии ставило перед своими войсками более скромную задачу: используя пространство и фактор времени, а также подготовленные рубежи обороны, обескровить наступающие японские части и, как минимум, остановить на одном из рубежей их продвижение и вынудить к отходу на исходные рубежи.

Главный военный советник полностью разделял такой план действий и вместе со своим аппаратом делал все возможное для его осуществления.

В литературе начало битвы за Ухань обычно относят к 2 часам ночи 22 июля 1938 г., то есть к моменту высадки японского десанта на западном берегу озера Поянху в районе Гутана. Нам кажется, что это неточно. Известно, что Центральная группа японских войск еще 12 июля завязала сильные бои с 10-й и 31-й армиями китайцев на Цзяньшань и Тайху. В тот же день было развернуто авиационное наступление: 12 июля подвергся бомбардировке Учан, 14 — Ханькоу, 16 — аэродромы Сяогань и Наньчан, 19 — заводы Ханьяна и Янсина, а 20, 21 и 22 июля авиация обрушилась на штабы и скопления войск, мосты и переправы, районы фортификационных работ на основных операционных направлениях. Все говорило о том, что мы стоим уже на пороге важных акций японской армии, что надо ожидать разворота событий на Люань—Сяньянском и Цзюцзян—Учанском направлениях.

Ночью 21 июля 136-я бригада 106-й пехотной дивизии японцев была посажена на транспортные суда и под конвоем 12 боевых кораблей прошла незамеченной в озеро Поянху, где вся флотилия находилась сутки, не привлекая внимания китайской разведки.

В 2 часа ночи 22 июля передовой батальон бригады без артиллерийской подготовки был высажен на берег в районе Гутана, в стыке между 8-й и 25-й армиями, на левом фланге 11-й резервной дивизии, кстати сказать, плохо обученной и вооруженной. Как выяснилось позже, солдаты в этот момент спали и берег находился без охраны и наблюдения.

Части 11-й резервной дивизии, застигнутые врасплох, не оказали сопротивления и стали отходить в горы. Генерал Чжан Фа-куй узнал о случившемся только в 8 часов, когда японцы продвинулись в глубь обороны на 6 км и образовали плацдарм, способный принять всю дивизию.

Немедленно был отдан приказ командующему 70-й армии, находившейся в резерве, атаковать японский десант и восстановить положение.

М. И. Дратвин и его штаб начали срочно разрабатывать предложения о восстановлении утраченных позиций. Уже утром 26 июля главный военный советник докладывал

Чан Кай-ши план контрнаступления войск 3, 9 и 5-го военных районов. Ставилась задача отбросить японские войска на исходные рубежи. Предлагалось создать в каждом районе ударную группу в составе 2—3-х хорошо вооруженных и обученных армий, по возможности усиленных артиллерией, которые надо было за два—три дня подготовить для выполнения поставленных задач.

Чан Кай-ши все эти предложения утвердил и передал их в оперативное управление для уточнения состава групп и подготовки директив. В соответствии с планом ударные группы 3-го и 5-го военных районов сковали своими действиями японские части и заставили их топтаться на месте в течение 15 суток. Войска 9-го военного района, остановив продвижение японцев, прочно удерживали свои позиции до 20 августа. 7, 10, 31 и 48-я армии 5-го военного района успешно отбивали все атаки японцев.

В результате японцы вынуждены были провести перегруппировку своих войск на Учанском направлении. Их центральная группа, действовавшая на северном берегу Янцзы, 3 августа заняла Хуанмэй, вышла на рубеж реки Шицунхэ, и, однако, дальше на запад продвинуться не могла.

В этот период крупных сражений, проходивших с переменным успехом, в Ханькоу прибыл командир А. И. Черепанов, заменивший главного военного советника М. И. Дратвина. А. И. Черепанов еще в 1924—1927 гг. работал в качестве военного советника в НРА Сунь Ят-сена и хорошо знал страну, традиции народа, армию, Чан Кай-ши и других крупных генералов. Он быстро ознакомился с обстановкой на фронтах и вместе со своим штабом разработал предложения о переходе в контрнаступление на основных направлениях наступления японцев.

Утром 22 августа Черепанов, артиллерист Шилов, связист Буров и автор этих строк в сопровождении офицеров оперативного управления прибыли в штаб 3-го армейского корпуса, расположенного на горе Ушань, юго-западнее озера Цифу, чтобы наблюдать контрнаступление на Цзюцзян.

Японское командование, стремясь захватить горный перевал на шоссе Жуйчан—Янсин, приказало 3 сентября атаковать китайские позиции. Но, понеся большие потери, японцы отступили. 5 сентября в долине юго-восточнее горы Цицзяшань и 7 сентября на участке 529-го полка 89-й дивизии, оборонявшего деревню Янцзяфан, японцы вторично применили слезоточивые газы. Но командир дивизии генерал Чан Сэ-чун, его штаб, солдаты проявили исключительную находчивость, организованность и стойкость. Вообще это направление для японцев оказалось «твердым орешком»: за 30 дней боев после взятия Цзюцзяна они продвинулись всего на 30 км.

Повсюду, где нам доводилось бывать, мы видели, что настроение у солдат, офицеров, крестьян приподнятое — все за войну до победного конца. Много хороших слов в адрес СССР слышали мы в те дни.

Между тем обстановка становилась все напряженней. Враг находился в 150 км от Ухани. В донесении из Кантона сообщалось, что севернее города японская авиация разрушила железнодорожный мост через реку. Грузы, поступавшие из Советского Союза, стали оседать на месте. На восстановление моста требовалось три месяца. Срок большой, и это могло отразиться на вооружении армии. Началась эвакуация населения учреждений и предприятий из Ухани.

В первой декаде сентября главный военный советник и его штаб разработали новые рекомендации по усилению обороны Ухани. Кроме того, с целью ослабить давление японской армии в долине Янцзы предлагалось активизировать действия партизан в тылу. Предложения, в принципе одобренные, на практике осуществлялись лишь частично.

101-я японская дивизия, наступавшая по западному берегу озера Поянху против 25-й армии, из-за частых контратак продвигалась медленно. Ей понадобилось 23 дня — с 25 августа по 17 сентября, чтобы преодолеть расстояние в 30 км от Нанкина на юг. Так же медленно продвигалась вдоль железной дороги от Цзюцзяна на юг бригада 106-й пехотной дивизии. Овладев станцией Махулин, японские части встретили упорное сопротивление частей 4-й и 64-й армий. Они перешли к обороне и до начала ноября не сдвинулись с места, пока китайские части по собственной инициативе не отошли на рубеж реки Сюцзуй.

Из района Жуйчана японцы вели наступление на юг по четырем дорогам: по шоссе Жуйчан—Чжань двигались главные силы 106-й пехотной дивизии; по дороге Жуйчан—Уни — полк 9-й пехотной дивизии. Главные силы 9-й дивизии вели наступление по шоссе Жуйчан — Янсин. Формозская бригада двигалась по южному берегу Янцзы по дороге Жуйчан—Матюу.

Овладев при содействии морского флота и десанта морской пехоты Матюу, бригада взяла направление на крепость Фучикоу. В этот момент Чэнь Чэн настоял перед Ставкой на передаче Тяньцзянчжэнь (северной части крепости) пятому военному району. Таким образом, единый войсковой организм был поделен на две части: северный берег передан пятому военному району, а южный — девятому. И вот 29 сентября японская армия при поддержке флота и авиации овладела этим важным пунктом на пути к Ухани. Китайские части отошли на запад и заняли рубеж обороны по линии Синьтан-

фу—Янсинь—Байшуй. Японцы, подойдя к этому рубежу, стали вести перегруппировку своих частей, сосредоточивая основные силы в направлении на Синьтанфу—Даэ.

К северу от Янцзы китайские части проявляли большое упорство, вели частые контратаки. Усердно добивался выполнения первоначального плана контрнаступления командующий войсками 5-го военного района генерал Ли Цзун-жэнь¹. 25 августа он отдал приказ 10-й и 7-й армиям направить удар на Цяньшань и Тайху и овладеть этими городами. Приказ был выполнен. Одновременно перед 48-й армией была поставлена задача наступать на Сусун. Контратаки японцев успеха не имели. Их части отходили на восток, неся большие потери.

Выполнив первую задачу, войска остановились. Ли Цзун-жэнь приказал закрепиться и вывел в тыл на пополнение 10-ю армию. Такое промедление дало возможность японцам перегруппировать части и вновь перейти в наступление. 29 августа японцы овладели Хошанем, отбросив части 51-й армии в западном направлении. Чтобы удержать рубеж по реке Бихэ, китайское командование перебросило на это направление из района Гуши 71-ю армию. Тем временем 13-я японская дивизия 5 сентября перешла в наступление на Шанчен—Гуши. Положение на этом направлении создалось критическое. Было принято решение срочно перебросить в Гуши 59-ю армию из резерва, однако армия опоздала, и противник без боя 28 августа занял город. Японцы немедленно начали движение по дороге на Шанчэн, что создавало угрозу обхода с севера основных сил района. Китайскому генштабу пришлось снять часть сил из Уханьского укрепленного района и направить на рубеж западнее и южнее Шанчэна. Сюда же была направлена и группа армий Сунь Лян-чжуна.

На гуанцзйском направлении, где китайские войска прочно удерживали рубеж, было принято решение активизировать действия войск Ли Пин-сяна. Перед 48-й и 84-й армиями была поставлена задача наступать на Хуанмэй, а 26-я и 86-я армии должны были наступать в направлении Гуанцзи и Гуаньшань. Бои на этом направлении шли до 17 сентября с переменным успехом, когда 6-я пехотная дивизия японцев, прорвав фронт 26-й армии и отбрасывая китайские части в северо-западном направлении, устремлялась к крепости Тяньцзячжень. 19 сентября японцы высадили десант в Усэ, первоначально полк, а затем бригаду, которые совместно с 6-й дивизией при поддержке авиации и тяжелой артиллерии повели осаду крепости. 27 сентября гарнизон покинул крепость. В это время на северном направлении японские войска овладели Гуши и стали развивать наступление на Синьян и на Шанчен—Мачэн.

С утра 6 октября японцы нанесли удар в стык между 30-й и 71-й армиями на участке Шачао (30 км юго-западнее Шанчен) — гора Сянтайшань (10 км западнее Шачао). Атака 13-й дивизии была поддержана авиацией и мощным огневым валом артиллерии. Японцы вклинились на 2—3 км в боевые порядки китайских войск, но мощной контратакой были отброшены на исходные позиции. Этот рубеж китайские войска прочно удерживали до 20 октября.

На Тяньцзячженском направлении на рубеже Цаохэ—Шишуй (Цишуй), примерно в 100 км к востоку от Ханькоу, вплоть до 15 октября успешно отбивали атаки японцев 26, 55 и 86-й армии.

Хуже обстояло дело на Лошань—Синьянском направлении, где 10-я пехотная дивизия японцев 23 сентября захватила Лошань и взяла направление на Синьян, угрожая Ханькоу с севера. Подтянутый в район Лошаня 17-й корпус Ху Цзун-наня в составе 6 дивизий с трудом остановил продвижение японцев на рубеже в 25 км западнее Лошаня.

Как раз в этот ответственный момент Ли Цзун-жэнь решил перевести свой штаб из Сунфу (30 км южнее Мачэн) в Сядянь, на железнодорожную линию. 13 октября в Сядянь прибыл А. И. Черепанов с группой офицеров своего штаба для наблюдения за ходом перегруппировки и осуществлением намеченного Ставкой контрудара. В тот же день было получено сообщение о высадке крупного японского десанта на юге, в районе Кантона. Это существенно изменило обстановку на фронтах. В отсутствие главного военного советника Ставка приняла неожиданное решение сдать Ухань и начать постепенный отвод войск с направления Гуанцзи—Мачэн.

18 октября Чан Кай-ши подписал директиву об общем отводе войск на новые рубежи. В этот день Ухань покидали последние работники Ставки.

25 октября пал последний форт на подступах к Ухани — Хуанган. В 15 часов того же дня суда японского военно-морского флота бросили якоря на рейде Янцзы в Ухани, в которой не было ни одного солдата.

Отход китайских войск проходил планомерно, без паники, о чем свидетельствует такой факт: планировалось к исходу 24 октября отправить последние транспорты из

¹ Это был один из могущественных гуансийских помещиков, с которым Чан Кай-ши считался больше, чем с кем-либо другим. В 1948—1949 гг. он был избран вице-президентом Китайской республики, но, не поладив с Чан Кай-ши, в 1950 г. выехал в США. В июне 1965 г. вернулся в Пекин и был почтительно принят Мао Цзэ-дуном. В январе 1969 г. Ли Цзун-жэня пышно похоронили на кладбище Бабаошань в Пекине.

Ухани, а 25 октября, к приходу японцев, выпустить газеты. Когда 25 октября на рейде Янцзы в Ухани встали японские суда, жители читали только что вышедшие газеты.

К 5—8 ноября японские части вышли на следующие рубежи: Тяньмынь, Цзиньшань, Шуанхэдянь, и здесь, встретив сопротивление 59-й армии, они остановились. 10-я японская дивизия подошла к Суйсяню, но овладеть им не смогла. 68, 87, 31-я китайские армии прочно удерживали этот район. 3-я дивизия подошла к Тунбо и была остановлена 2-й армией. Войска генерала Ляо Лэя по приказу Ставки были оставлены в тылу противника для партизанской борьбы.

10 ноября Ставка приняла решение подготовить тыловой рубеж по реке Хань, куда впоследствии отвести войска 5-го района. На этом Уханьская битва была закончена. Войска сторон перешли к оперативной паузе, которая продолжалась до марта 1939 года.

В ходе Уханьской битвы, длившейся свыше 3 месяцев, японская армия понесла большой урон. По официальным данным китайского генштаба, общие потери японцев убитыми, ранеными, пленными составили 300 тыс. человек (по данным японцев, потери по всем фронтам за весь 1938 г. составили 444 тыс. чел., из них убитыми — 148 тыс.).

Потери китайской стороны составляли примерно такую же цифру.

Общее представление о ходе Уханьской битвы будет неполным, если не сказать, хотя бы коротко, о действиях китайской авиации и боевых делах советских летчиков-добровольцев. Они оказали существенную помощь наземным войскам, штурмуя колонны японских войск, осуществляя бомбежку судов ВМФ и транспортов в портах Нанкина, Аньцина, Уху и Хукоу.

В борьбе за Ухань принимали участие четыре авиационные группы, насчитывавшие до 180 самолетов. Потери японцев от ударов авиации были весьма чувствительны. По официальным данным китайского генштаба, с декабря 1937 по декабрь 1939 г. японцы потеряли на земле и в воздухе 900 самолетов, из них около 200 в боях за Ухань. Большой урон был нанесен ВМФ. С воздуха было потоплено и повреждено около 120 судов различного назначения, из них около 50 — в боях за Ухань.

Незабываемы подвиги наших летчиков-истребителей в боях над Уханью, о чем наша и зарубежная печать неоднократно писала. Мне особенно запомнился день 12 августа, когда 40 истребителей под командованием майора Е. М. Николаенко вступили в бой со 120 японскими самолетами. По численности машин, находящихся в воздухе, это сражение к тому времени не имело себе равных за всю историю военной авиации. Советские летчики-добровольцы смело вступили в бой и вышли победителями — сбив 16 японских самолетов, потеряв своих пять.

Десятки воздушных боев провела Наньчанская группа истребителей под командованием полковника А. С. Благовещенского, которая не раз появлялась в небе над Уханью и действовала совместно с Ханькоуской группой. В городах Китая были воздвигнуты памятники советским людям, павшим в борьбе за свободу китайского народа. В частности, в парке «Освобождение» в Ухани был сооружен обелиск в честь советских летчиков-добровольцев, павших в боях за Ухань в 1938 году. На обелиске были следующие слова: «Память о советских летчиках будет вечно жить в сердцах китайского народа. Пусть этот благородный дух пролетарского интернационализма, присущий рабочему классу, всегда развивает и укрепляет братскую нерушимую дружбу китайского и советского народов».

Сегодня в Пекине предпочитают не вспоминать о бескорыстной, братской помощи советских людей китайскому народу в тяжелое для него время борьбы с японскими агрессорами. Маоисты, как известно, постоянно отказывают представителям посольства СССР в Китае в разрешении совершить поездки в города Шэньян, Харбин, Чанчунь, Дальний и Ухань для возложения венков на могилы советских воинов, павших в боях против империализма и реакции, за освобождение Китая.

Но в сердцах простых людей Китая живет чувство благодарности советским воинам, бескорыстно и самоотверженно помогавшим в освобождении страны от чужеземных захватчиков.

Ближневосточный кризис и политика Пекина

В. А. Васильев

Последние годы характеризуются напряженной борьбой Советского Союза, других социалистических стран, сил национально-освободительного движения, мира и прогресса с силами империализма. Они знаменуют собой дальнейшее укрепление стран социалистического содружества, рост их могущества и влияния на международную политику. Произошли серьезные позитивные сдвиги, в результате которых наметился поворот от конфронтации к сотрудничеству государств двух различных систем в рамках мирного сосуществования.

В связи с этим любые действия или события, направленные против наметившейся тенденции к разрядке напряженности, в особенности вспышки военных конфликтов, не могут не привлекать самого пристального внимания прогрессивной мировой общественности. Это прежде всего относится к обстановке на Ближнем Востоке.

Вспышка новой войны на Ближнем Востоке произошла в условиях сдвига от «холодной войны» к разрядке международной напряженности в мире и наметившейся нормализации отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. И впервые в ближневосточном конфликте, в связи как с новым характером военной конфронтации между его участниками, так и с новыми международными условиями решение Совета Безопасности ООН о прекращении огня было связано с необходимостью решения проблемы ликвидации причин этого конфликта. В этом активная роль принадлежала Советскому Союзу.

Однако после «шестидневной войны», которая завершилась оккупацией Израилем Голанских высот, Синая и западного побережья реки Иордан, некоторые зарубежные политические и общественные деятели в той или иной степени симпатизировали Израилю, и многим тогда казалось, что арабские народы угрожают существованию Израиля. Реакционная печать как в Западной Европе, так и в США делала все для того, чтобы создать такое впечатление. Как известно, резолюция, осуждающая Израиль, не получила необходимого большинства голосов на Чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в июле 1967 г.

Но времена меняются, и сейчас уже никто не может ввести в заблуждение лживые утверждения империалистической пропаганды, будто Тель-Авив совершает военные акции в целях «защиты своей безопасности». А попытки превратить захваченные Израилем арабские территории в предмет политического торга справедливо квалифицируются как откровенная апология агрессии.

В результате недавних событий на Ближнем Востоке Израиль вновь предстал перед всем миром как государство-агрессор, которое не желает считаться ни с законами международного права, ни с требованиями мирового общественного мнения. Тем не менее сейчас стало возможным оптимистически оценивать перспективы политического урегулирования в этом районе. Конечно, дорога к прочному миру на Ближнем Востоке будет долгой и длинной, так как экспансионистскому курсу израильского руководства и амбициозным претензиям военной верхушки Тель-Авива оказывают поддержку империалистические круги Соединенных Штатов.

Рассматривая возможности установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, Л. И. Брежнев заявил на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве: «О Советском Союзе могу сказать, что он готов внести и внесет свой конструктивный вклад в это дело. Мы твердо стоим за то, что всем, повторяю, всем государствам и народам Ближнего Востока должны быть обеспечены мир, безопасность и нерушимость границ. Советский Союз готов принять участие в соответствующих гарантиях».

Конечно, обеспечение мира и безопасности народам всех стран, в том числе и народам Ближнего Востока, немыслимо без упорной борьбы против всех тех сил, которые встают на пути к достижению этой благородной цели. К сожалению, в ряде

стран продолжают действовать влиятельные группировки дельцов и политиков, которым не по душе позитивные перемены на международной арене.

В ходе четвертой по счету израильско-арабской войны в октябре 1973 г. стали более ясными позиции различных политических сил на международной арене по многим важнейшим и актуальным проблемам. В этой связи весьма характерна позиция, занятая нынешним руководством КНР по отношению к драматическим событиям, развернувшимся на Ближнем Востоке. Эта позиция обнажает стратегию и тактику внешней политики Пекина, провозглашенной X съездом КПК, она, по сути дела, ставит КНР по одну сторону баррикад с агрессором. В основе политического курса маоистов в отношении ближневосточного конфликта лежат их великодержавные интересы. Такая политика китайского руководства преследует достижение целого ряда целей.

Основное острение своей внешней политики маоисты стремятся направить на то, чтобы глубже втянуть в ближневосточный кризис СССР и США, вызвать их конфронтацию, обострить их отношения, а, если удастся, то и спровоцировать прямое военное столкновение между ними. Не удивительно, что даже правая французская газета «Монд» писала в связи с этим, что «Пекин усматривает в конфликте возможность нанести удар как по Москве, так и по Вашингтону». Еще в ходе октябрьской агрессии Израиля против арабских стран Пекин прилагал все усилия для сохранения опасного очага войны, использовал напряженность в этом районе мира для провоцирования новых конфликтов. Маоистское руководство до сих пор не предложило никакой конкретной эффективной программы урегулирования, продолжает отвергать все средства борьбы против агрессии и за ликвидацию ее последствий, кроме военных. Оно также уклоняется от поддержки борьбы арабских народов в Организации Объединенных Наций и продолжает противиться справедливому политическому урегулированию на основе выполнения резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 г. Пекин, вопреки здравому смыслу, отказался поддержать резолюцию XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН по Ближнему Востоку от 9 декабря 1972 г., осуждающую агрессию, требующую от Израиля возврата оккупированных земель и предусматривающую недопустимость приобретения территории силой.

Во время обсуждения в апреле 1973 г. в Совете Безопасности вопроса об агрессивных действиях Тель-Авива против Ливана представитель Пекина уклонился от ответа на вопрос, согласится ли Китай поддержать предложение Египта о применении санкций в отношении Израиля. Более того, Пекин отказался принять участие в голосовании резолюции, внесенной АРЕ в Совет Безопасности 26 июля 1973 г., с требованием к Израилю вывести войска с оккупированных территорий.

Пекинские лидеры, придерживаясь своей тактики — не дать погаснуть военному очагу, делали все, чтобы воспрепятствовать урегулированию ближневосточного конфликта. Китай — единственная страна, постоянный член Совета Безопасности — не только не принимал участия в голосовании 22 и 23 октября 1973 г. резолюций о немедленном прекращении военных действий на Ближнем Востоке, но и вел активную закулисную возню среди представителей неприсоединившихся стран, пытаясь убедить их голосовать «против» этих решений.

Таким образом, китайские лидеры еще раз показали, что, выступая на словах в поддержку борьбы арабских народов, в действительности они все чаще скатываются на позиции тех, кто противодействует урегулированию конфликта на Ближнем Востоке, а это означает прямой отказ КНР присоединиться ко всем прогрессивным и миролюбивым силам в деле оказания нажима на Израиль в рамках международной организации. И конечно, не случайным является тот факт, что на протяжении многих лет Тель-Авива не подвергает критике политику Пекина в связи с ближневосточным кризисом, так как действия маоистов в этом районе оказываются на руку Израилю.

Маоисты с явным удовлетворением встретили сообщение о возобновлении военных действий на Ближнем Востоке. И это не случайно, так как политика китайского руководства в международных делах опирается на «колоссальные потрясения», «великие смятения» и «великий раскол», провозглашенные X съездом КПК. Кстати говоря, китайский представитель на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН Цяо Гуань-хуа начал свое выступление с заявления о том, что новая вспышка напряженности на Ближнем Востоке является ярким доказательством выдвинутого X съездом КПК тезиса о том, что «разрядка — явление временное и поверхностное, а колоссальные потрясения будут продолжаться и дальше».

Вот почему в сложившихся условиях прекращения огня на Ближнем Востоке китайское руководство подстрекало арабские страны «решительно продолжать военные действия, не боясь жертв». Провокационный характер подобных призывов становится особенно очевидным, когда речь заходит о практической материальной и особенно военной помощи арабским государствам. В этом вопросе китайские лидеры «настоятельно рекомендуют» арабским странам «опираться на собственные силы» перед угрозой израильской агрессии, то есть отказаться от интернациональной помощи и поддержки всех прогрессивных сил, и в первую очередь Советского Союза и других со-

циалистических стран. Тем самым Пекин, по существу, ведет дело к тому, чтобы оставить арабские народы один на один с вооруженным до зубов агрессором, ослабить способность арабов к сопротивлению. Как отмечала мировая печать, комментируя поездки в Китай специального представителя президента АРЕ в первой половине 1972 г. и министра иностранных дел АРЕ в начале 1973 г., КНР не собирается оказывать арабским странам эффективную экономическую и военную помощь. По существу, пекинские лидеры преследовали цель — поражение арабов, а не установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, так как они ратовали за сохранение в этом районе очага напряженности. Более того, когда в ходе октябрьской агрессии Израиль, Египет и Сирия согласились на прекращение огня, Пекин делал все, чтобы воспрепятствовать принятию справедливых в отношении арабов решений.

Ради достижения своих гегемонистских целей китайское руководство использует самые различные методы. В его арсенале — и обещания предоставить арабским государствам помощь, и распространение лжи и клеветы на СССР и социалистические страны, и спекуляции на антиимпериалистической борьбе. Вот уже много лет маоисты твердят будто СССР — «главный виновник сложившегося на Ближнем Востоке положения». Выступая 2 октября 1973 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, китайский представитель заявлял, «что ближневосточная ситуация» создана «двумя сверхдержавами» и «наилучшим образом отвечает их интересам». Такое заявление явно было вызвано стремлением Пекина подменить рассмотрение ближневосточного вопроса разглаговываниями о так называемом «сговоре двух сверхдержав», которые якобы хотят поделить между собой Ближний Восток. Пекинские подстрекатели не жалеют усилий для распространения клеветнического и насквозь фальшивого тезиса о «сговоре сверхдержав» за счет стран «третьего мира». За подобной позицией маоистов нетрудно усмотреть их стремление убедить страны «третьего мира» в том, что они заинтересованы в обострении отношений между двумя «сверхдержавами», в продолжении и углублении между ними «холодной войны», в превращении ее в мировой конфликт.

Более того, Пекину безразлично, кто же в действительности является противником разрядки напряженности на Ближнем Востоке и кто делает все, чтобы как можно быстрее решить ближневосточную проблему в интересах арабских народов. Вся возня маоистов вокруг тезиса о «сговоре двух сверхдержав» сводится к тому, чтобы не допустить урегулирования конфликта на Ближнем Востоке и сохранить в этом районе очаг напряженности, который в течение долгого времени сковывал бы СССР и США и тем самым облегчал бы Пекину проведение своего экспансионистского курса в Азии и других районах мира. Главное для китайской стороны — ее великодержавные цели, стремление сорвать ближневосточное урегулирование, опорочить политику Советского Союза, под видом «разоблачения сговора двух сверхдержав» затушевать причины создавшегося кризиса. Тот факт, что СССР неизменно выступает в поддержку арабских стран, тогда как США всячески выгораживают Израиль, не оставляет камня на камне от инсинуаций Пекина по поводу «сговора двух сверхдержав» на Ближнем Востоке.

Словесные обличения не помогут делу. Здесь нужны действия, санкции в отношении зарвавшегося агрессора. Нужно заставить Израиль считаться с решениями ООН. Именно против этого выступает Пекин.

Особое беспокойство пекинских руководителей вызывает крепнущая дружба между арабскими народами и Советским Союзом. Обрушиваясь с нападками на СССР, маоисты стремятся любой ценой подорвать союз арабского освободительного движения с мировым социализмом.

Обреченность такой политики военных авантур, политики антикоммунизма и антисоветизма вполне очевидна. СССР и другие социалистические страны были, есть и будут верными друзьями и союзниками всех освободившихся стран и народов, которые ведут борьбу за свое национальное освобождение.

Как известно, Советский Союз всегда выступал за установление на Ближнем Востоке прочного мира путем восстановления поправных Тель-Авивом прав арабских народов и уважения суверенитета всех стран этого района. Позиция СССР по отношению к октябрьскому военному конфликту на Ближнем Востоке изложена в речи Л. И. Брежнев на Всемирном конгрессе миролюбивых сил 26 октября 1973 г.: «Наша линия в этом вопросе ясна и последовательна от начала до конца. Исходя как из общих принципов социалистической внешней политики, так и из того факта, что этот район находится в непосредственной близости от нашей границы, мы заинтересованы в том, чтобы на Ближнем Востоке установился действительно прочный и справедливый мир, чтобы были обеспечены безопасность всех стран и народов этого района, их право спокойно строить свою жизнь так, как они этого хотят. Именно поэтому Советский Союз все время настаивал на том, чтобы арабским государствам были возвращены оккупированные Израилем земли, чтобы восторжествовала справедливость в отношении палестинского народа. Советский Союз проводил такую политику, будет проводить ее и впредь».

Однако вопреки здравому смыслу руководители Китая делают все, чтобы воспрепятствовать процессу разрядки напряженности и развитию нормальных отношений

между всеми государствами, в том числе и между ближневосточными странами. При этом в своих попытках вдохнуть новую жизнь в политический труп мнимой «советской угрозы» маонисты даже превосходят империалистов.

Позиция, занятая пекинскими лидерами во время октябрьских событий на Ближнем Востоке, принесла немалый ущерб арабским народам. Индийский журнал «Мейн-стрим», разоблачая произраильские действия маонистов, подчеркивал «заинтересованность» Пекина в сохранении контактов с произраильскими кругами, так как Китаю приходится учитывать тот факт, что сионизм сейчас активно действует в мировом масштабе.

Обращает на себя внимание и то, что пекинские руководители официально не выступали с четкой и ясной программой, которая могла бы эффективно содействовать урегулированию ближневосточного кризиса, и не осудили агрессию Израиля против арабских стран. Наоборот, маонисты заняли провокационную позицию, как бы вскользь осуждая Израиль, основной удар они нанесли по позиции СССР, по основам арабо-советской дружбы. Они делали все для того, чтобы вбить клин, а если удастся, и отколоть арабов от верных и бескорыстных друзей — Советского Союза и стран социалистического содружества. Однако прикрываясь фразами о «решительной поддержке» арабских народов, пекинские лидеры на деле ведут двойную игру, препятствуя конструктивным шагам, направленным на достижение мира на Ближнем Востоке. Во время посещения Пекина вице-президентом Египта Хусейном аш-Шафии премьер Чжоу Энь-лай заявил на банкете 21 сентября 1973 г.: «Китай решительно поддерживает народы Египта, Палестины и других арабских стран, ведущих справедливую борьбу за отвоєвание потерянных территорий и за национальные права палестинцев». Одновременно Чжоу Энь-лай не колеблясь поставил знак равенства между ролью СССР и ролью США в отношении арабских народов.

Однако вопреки измышлениям Пекина в отношении помощи СССР арабским народам, каирская газета «Аль-Ахбар» недавно писала, что «Советский Союз является дружественной великой державой, которая оказала арабским странам всестороннюю помощь и поддержку в их справедливой борьбе. Достойная уважения позиция, которую занимает СССР, и в будущем явится одним из решающих факторов обеспечения международной поддержки арабских стран». Пытаясь опорочить роль Советского Союза в решении ближневосточного конфликта, маонисты в то же время старались скрыть от общественности свою двойственную роль на Ближнем Востоке.

Подобная позиция льет воду на мельницу израильской военщины и представляет собой прямую помощь и поддержку силам империализма и реакции. Пекин явно и тайно поощряет тех, кто стремится к возврату «холодной войны» и к обострению военной конфронтации на Ближнем Востоке.

Все это говорит о том, что четвертая арабо-израильская война выявила весьма характерную для пекинских лидеров черту — антисоветизм — основу беспринципной позиции Китая по Ближнему Востоку. Клевета на Советский Союз и раскольническая деятельность маонистов наносят большой вред освободительному движению арабских народов.

Всему миру известно, что Советский Союз и другие социалистические страны внесли огромный вклад в дело изменения международной обстановки в сторону, благоприятную для арабских народов. СССР и социалистические страны решительно требуют вывода израильских войск с захваченных в 1967 г. арабских территорий, обеспечения законных прав арабского народа Палестины. Только на этой основе может быть достигнуто политическое урегулирование ближневосточного конфликта.

Законное право арабских стран получило широкую поддержку африканских и других неприсоединившихся стран.

Сейчас начинают постепенно складываться предпосылки и для утверждения прочного, справедливого мира на Ближнем Востоке. Этому способствует, в частности, обнадёживающее начало мирной конференции, которая впервые за четверть века собралась в Женеве.

Сам факт созыва мирной конференции говорит о том, что сделан очень важный, хотя и первый, шаг на пути к мирному урегулированию одной из самых острых международных проблем, служащей постоянным источником напряженности не только на Ближнем Востоке, но и далеко за его пределами.

Зарубежные обозреватели справедливо отмечают в этой связи, что участники встречи в Женеве смогли начать полезный диалог. Заявления, с которыми выступили министры иностранных дел стран — участниц конференции, — это необходимо признать — были не идентичны.

Советский Союз в своем подходе к мирной конференции в Женеве, как и на протяжении всего ближневосточного конфликта, занимает принципиальную позицию в пользу справедливого политического урегулирования. Выступление министра иностранных дел СССР А. А. Громыко со всей очевидностью показало, что Советский Союз поддерживал и продолжает поддерживать арабские народы в их стремлении к прочному и

справедливому миру. Советский Союз намерен и впредь проводить эту линию, направленную на радикальное оздоровление обстановки на Ближнем Востоке. Такая политика СССР встречает понимание и поддержку арабских народов, борющихся за ликвидацию последствий израильской агрессии. Так, канская газета «Аль-Гумхурия» писала, что «Советский Союз всегда занимал позитивную, с нашей точки зрения, позицию на всех этапах развития ближневосточного кризиса — до и после октябрьской войны минувшего года. Занятая им твердая позиция защиты интересов арабской страны, его постоянная готовность оказать нам военную, экономическую и политическую помощь явились тем главным фактором, который обеспечил успех этих усилий».

Октябрьские события на Ближнем Востоке еще раз показали арабским народам, кто является их искренним другом.

Сейчас, когда арабские народы пользуются широкой поддержкой со стороны Советского Союза, других социалистических государств и развивающихся стран, пекинским руководителям трудно оправдать свою позицию и объяснить, почему они оказались не в одном ряду с арабскими странами, не с представителями стран «третьего мира», а фактически встали на сторону агрессора и тех, кто препятствует ликвидации последствий израильской агрессии.

Позиция, занятая Пекином в ходе и после нового обострения конфликта на Ближнем Востоке, показывает, что Китай хочет лишь погреть руки на арабо-израильском конфликте, не беря на себя никаких обязательств и практически не оказывая помощи арабским странам. Неприглядность этой позиции полностью проявилась во время обсуждения в Совете Безопасности вопроса о прекращении огня, когда интриги Пекина лишь мешали принятию благоприятных для арабских стран решений.

События на Ближнем Востоке еще раз показали, что Пекин руководствуется не интересами арабских стран, а своими собственными целями, стремлением вызвать напряженность на Ближнем Востоке и столкнуть между собой СССР и США.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Яньань глазами очевидца (1942—1945)

Связной Коминтерна при руководстве ЦК КПК в Яньани и военный корреспондент ТАСС Петр Парфенович Владимиров (1905—1953 гг.) во время своего пребывания в Яньани, с мая 1942 г. по ноябрь 1945 г., изо дня в день вел дневник, записывая все виденное и слышанное, анализируя и обобщая события и факты. Яньаньские дневники П. П. Владимирова, подготовленные к печати Ю. П. Власовым, опубликованы агентством печати «Новости» (в сокращенном виде)¹. Выход этой книги, несомненно, может рассматриваться как большое событие для всех, кто изучает Китай, следит за жизнью этой страны, кого волнует прошлое и настоящее этого крупнейшего государства Азии.

Дневники П. П. Владимирова содержат богатейший материал. Отлично владея китайским языком, автор вел многочасовые беседы (без переводчика!) с руководителями КПК, в том числе с Мао Цзэ-дуном, присутствовал на VII съезде КПК², встречался с многими коммунистами и беспартийными, бывал в воинских частях. Если бы П. П. Владимиров выступал даже просто в роли летописца, так сказать, «добро и зло внимая равнодушно», то и в этом случае дневник был бы уникальным и представлял бы собой источник огромнейшего значения. Но перед нами не просто умный и наблюдательный летописец, а коммунист-интернационалист, вооруженный марксистско-ленинской теорией, человек, глубоко сознающий ответственность (в самом широком смысле этого слова) за свою работу перед Коминтерном, своей партией, народом, перед мировым коммунистическим движением. Он всегда стремился глубоко осмыслить суть происходивших в то время процессов.

¹ П. П. Владимиров. Особый район Китая. 1942—1945. М., 1973, 656 стр.

² Из иностранных гостей на съезде, кроме П. П. Владимирова, были только официальные представители корейской и японской компартий.

Дневник — своеобразный вид исторического источника. Он всегда несет печать субъективизма: личные эмоции, отношения с людьми, оценки — все это, разумеется, не может не сказаться на изложении. Ценность дневника в запечатлении восприятия, впечатления. Он не может рассматриваться как исследование, в котором автор интерпретирует те или иные события, вооруженный и теорией и опытом своих предшественников. Вместе с тем дневнику П. П. Владимирова присуще то особое качество, благодаря которому автор с позиций марксистско-ленинизма, исходя из интересов мирового коммунистического движения, глубоко чуждый узколобого национализма, дает объективный, научный анализ китайской действительности 40-х годов, избегая, как мне представляется, субъективизма в самом главном и важном, что было характерно для действительности того времени.

П. П. Владимиров сам для себя неоднократно анализирует свой подход к явлениям, определяет свое авторское политическое credo. В записи от 8 января 1943 г., в дни великой Сталинградской битвы, он отметил: «Я не должен знать пощады к себе. Я должен писать правду. Я не должен лгать себе, искать компромиссных путей... Моя обязанность — писать правду. Я в долгу перед тысячами людей, которые гибнут в борьбе с фашизмом» (стр. 119—120).

Эту бескомпромиссную жестокую правду П. П. Владимиров и дал в своем дневнике в своих корреспонденциях и донесениях. Он уже хорошо знал Китай, но, приехав в 1942 г. в Яньань, встретившись с советскими людьми, бывшими уже там, беседуя с ними, он не ограничивался сведениями и суждениями товарищей, а стремился сам все постичь и прийти к определенным выводам.

Что же более всего и прежде всего возмущало автора? Это неискренность, а порою и враждебность ряда руководителей КПК к советским людям, к Советскому Союзу, к ВКП(б) и Коминтерну. 20 июня 1942 г. он пишет, что «политика руководства КПК поражает!» (стр. 44). Яньаньская действительность — это «скрытая враждебность Кан Шэна, а возможно, — так очень осторожно пишет Владимиров, — и председателя ЦК КПК — Мао Цзэ-дуна... Враждебность Мао Цзэ-дуна? Нет, для меня теперь это отнюдь не такая уж еретическая мысль. Есть множество незначительных и значительных подробностей, которые меняют мое представление об этом человеке. Сталкиваюсь ли я здесь, в Яньани, в лице Мао Цзэ-дуна с политическими заблуждениями

или сознательной тактикой?! Есть от чего постоянно находиться в напряжении. Я должен, обязан разобратся в существе политики руководства КПК. Не показной политики, а действительной» (стр. 47).

Эту задачу П. П. Владимиров выполнил. В этом ему помогли и советы старших, опытных товарищей. Так, в записи от 28 ноября 1943 г. мы читаем: «На мой последний доклад товарищ Димитров указал, что не следует отождествлять группу Мао Цзэ-дуна с КПК, что китайская революция по своему характеру антиимпериалистическая и несет освобождение полумиллиардному населению страны, а это, само по себе, огромная победа прогрессивных сил» (стр. 235).

Это единственно правильная, глубоко принципиальная постановка вопроса всегда определяла отношение нашей партии и народа к китайской революции, к героической борьбе китайского народа.

* * *

Для того чтобы правильно ориентироваться в обширных материалах дневника, необходим небольшой исторический экскурс. Маоизм как особое, мелкобуржуазное, националистическое в своей основе течение в Коммунистической партии Китая начинает формироваться в 30-х годах (хотя и до этого взгляды и действия Мао Цзэ-дуна неоднократно подвергались серьезной критике в партии³). В 30-х годах Мао Цзэ-дун повел ожесточенную борьбу за власть в партии, сколачивая ядро преданных ему людей и выступая против коммунистов-интернационалистов, проводивших линию Коминтерна⁴. В книге П. П. Владимирова приводится ряд документов, проливающих дополнительный свет на историю борьбы Мао Цзэ-дуна за власть в КПК в те годы (стр. 85, 87, 222—232).

В январе 1935 г., во время Западного похода, в Цзуньи, по требованию Мао Цзэ-дуна и его сторонников состоялось так называемое расширенное совещание Политбюро ЦК КПК (фактически в совещании правом голоса располагали многие военные, не являвшиеся ни членами Политбюро, ни членами ЦК КПК). Совещание резко изменило положение в руководстве партии: оно коренным образом усилило позиции Мао Цзэ-дуна, в чем, по заявлению самого Мао Цзэ-дуна, немаловажную роль сыграли Ван Цзя-сян и Ло Фу (стр. 603), считавшиеся ранее сторонниками линии Ко-

минтерна. «С конференции в Цзуньи,— правильно замечает П. П. Владимиров,— Мао Цзэ-дун начал проводить собственный курс» (стр. 603).

Однако и после совещания в Цзуньи борьба между националистической группой Мао Цзэ-дуна и коммунистами-интернационалистами временами приобретала драматическую остроту, создавая угрозу позициям в руководстве, захваченном Мао Цзэ-дуном. Так, в декабре 1937 г. на расширенном совещании ЦК КПК при обсуждении вопроса об укреплении единого антияпонского фронта (докладчик Ван Мин), единственным, кто выступил с возражениями, был Мао Цзэ-дун. В результате создавалась угроза его изоляции (стр. 507). С тех пор Мао Цзэ-дун в течение ряда лет видел в лице Ван Мина своего главного противника, сторонника линии Коминтерна, и выжидал время для расправы с ним и другими интернационалистами. Таким временем стали 1942—1944 годы.

После совещания в Цзуньи Западный поход был продолжен. Красная армия Китая с тяжелыми потерями уходила на северо-запад. В результате новой острой вспышки внутрипартийной борьбы (после объединения с частями 4-го фронта, где политическим руководителем был Чжан Го-тао) часть сил Красной армии, возглавляемая Мао Цзэ-дуном, направилась на север, в Шэньси, где существовал возникший ранее Советский район, руководимый Гао Ганом и Лю Чжи-данем. П. П. Владимиров рассказывает: «Гао Ган и особенно Лю Чжи-дань пользовались заслуженной славой народных героев. Они, преодолевая национальные распри, блокаду гоминьдановских частей, в долгой партизанской борьбе создали и укрепили в районе Баньани (городок недалеко от Яньани) советскую базу» (стр. 528).

Казалось бы, что основные силы Красной армии должны были объединиться с вооруженными силами в Шэньси, руководимыми коммунистами. На деле получилось совсем по-другому: представители ЦК КПК, назначенные Мао Цзэ-дуном, опираясь на передовые части, вступившие в Шэньси, начали расправу над местными руководящими работниками под видом кампании «по искоренению контрреволюции». Многие преданные революционеры были брошены в тюрьму, в том числе Гао Ган и Лю Чжи-дань. Впоследствии эти действия были «осуждены» Мао Цзэ-дуном и секретарем ЦК КПК Жэнь Би-ши и названы «ошибкой». В действительности это был характерный для тактики Мао Цзэ-дуна прием борьбы за власть: расправиться с людьми, которые могли оспаривать его позиции в руководстве партии, подавить их, а потом отмежеваться от исполнителей расправы и даже «осудить» их. Так было и с «делом Гао Гана и Лю Чжи-даня» (стр. 529).

Потребовалось, однако, еще несколько лет, прежде чем Мао Цзэ-дун решил начать широкую кампанию в партии против сторонников политики Коминтерна, против

³ Упомянем для примера историю восстания «Осеннего урожая», см.: Новейшая история Китая. М., 1972, стр. 117.

⁴ См.: А. С. Титов. Поражение Мао Цзэ-дуна на совещании в Ниндун. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, стр. 112—117; Отто Браун. Как Мао Цзэ-дун шел к власти. — Там же, 1973, № 4, стр. 129—141.

всех инакомыслящих. Сигналом для этой кампании послужили события Великой Отечественной войны и военные неудачи на первом ее этапе. «Вряд ли,— пишет П. П. Владимиров,— председатель ЦК КПК отважился бы на борьбу с Коминтерном, подавление друзей Советского Союза и ВКП(б) в КПК, если бы не благоприятные для его личных планов обстоятельства, сложившиеся в ходе мировой войны» (стр. 265). Такими обстоятельствами автор книги считает следующие: 1) резко возросшую особенность Особого района, а следовательно, и возможность широко маскировать свои политические и репрессивные действия; 2) разобщенность международного рабочего движения, вызванная условиями военного времени, и связанное с этим ослабление роли Коминтерна, «который к тому же принял постановление о своем роспуске»; 3) «основная тяжесть борьбы с фашизмом выпала на долю Советского Союза... Особенно напряженно сложились для нее (нашей Родины.— Г. Е.) первые годы войны. Факты не оставляют сомнений— Мао решил, что нам конец» (стр. 265). Тогда он и начал кампанию в целях утверждения неограниченного господства своих идей, своей власти в КПК.

* * *

Главным, что определяло всю международную обстановку во всем мире и исторические судьбы всего человечества в целом и каждого народа в отдельности, была война против фашистских агрессоров. Еще в 1935 г., когда угроза войны нависла над миром, Коминтерн выдвинул в качестве важнейшей задачи тактику единого рабочего и народного фронта в борьбе против фашизма и войны, тактику единого национального антиимпериалистического фронта против империализма в колониальных и зависимых странах. Эта тактика была взята на вооружение Коммунистической партии Китая. Она наилучшим образом отвечала как интернациональным, так и национальным задачам партии: интернациональным — сплочению всех прогрессивных сил мира в борьбе с фашистскими агрессорами, национальным — активной борьбе против японских захватчиков.

П. П. Владимиров был глубоко потрясен открывшимся ему в Яньани положением дел: вся деятельность руководящей группы КПК находилась в полном противоречии с задачами, стоявшими перед мировым коммунистическим движением. Деятельность группы Мао Цзэ-дуна целиком была подчинена узконациональным интересам правящей группы КПК и сопровождалась резко выраженной враждебностью к СССР. Вот некоторые записи из дневника П. П. Владимирова:

«29 июля 1942 г. ...Председатель ЦК КПК отзывается о советских руководителях пренебрежительно... Все, что происходит в нашей стране, для него лишено интереса...

В разгар битвы под Москвой в октябре—декабре прошлого года председатель ЦК КПК заявил: «Вот Сталин и доболтался, дальше некуда! Вот поглядеть бы, как этот вождь болтает сейчас там, в Москве...» (стр. 63).

«30 августа 1942 г. ...В Яньани над военными неудачами СССР посмеиваются. Ни слова сочувствия, ни дружеского жеста — вавилонская башня недоброжелательства» (стр. 79).

«30 октября 1942 г. ...Мао Цзэ-дун и его сторонники недооценивают военную мощь СССР и переоценивают успехи Германии. Отсюда их выводы о возможном разгроме Советского Союза и, как следствие,— отказ 8-й НРА и Новой 4-й НРА от борьбы с японцами; мол, наши взгляды лишний раз подтверждают правильность «теории сохранения живой силы» во что бы то ни стало. Очевидно, даже ценой предательства» (стр. 101).

Известно, что представители Коминтерна в трудные для СССР дни осени 1941 г. ставили перед Мао Цзэ-дуном вопрос, помогут ли вооруженные силы КПК Красной Армии в случае нападения Японии на СССР. Руководитель КПК на этот вопрос ответил, что будет применяться только метод мелких операций. Годом позже Ван Мин прямо сказал П. П. Владимирову, что в случае нападения Японии на СССР «Советскому Союзу не следует принимать в расчет 8-ю НРА без знания действительной политики руководства КПК... Все это кажется мне бредом!» (стр. 58),— восклицает П. П. Владимиров.

Но таковы были подлинные расчеты маоистского крыла в руководстве КПК: «руководство КПК,— записывает в октябре 1942 г. П. П. Владимиров,— не принимает сколь-нибудь эффективных мер по связыванию японских экспедиционных сил на севере страны. Это бесспорный факт» (стр. 94).

Советский читатель книги не раз и не два, вероятно, задает вопрос, а на что, собственно, могли рассчитывать руководители КПК без помощи СССР, на что они рассчитывали без победы над фашистскими агрессорами? Свообразие политиканства маоистов заключалось в том, что недоброжелательство в отношении СССР, перераставшее сплошь и рядом в антисоветизм, преследование коммунистов-интернационалистов сопровождалось настойчивыми требованиями помощи от СССР (особенно оружием) даже в самые трудные для нас месяцы войны против гитлеровской Германии. буквально с воплями о поддержке, когда гоминьдановцы стали готовить удар по Особому району летом 1943 года. И Советское правительство, верное своему интернациональному долгу, «заявило Чунцину, что военная помощь предоставляется в целях национально-освободительной борьбы китайского народа, но не для развязывания гражданской войны, и со всей решитель-

ностью встало на защиту КПК и Особого района» (стр. 171—172).

Решающие победы СССР в войне повели к тому, что тот самый Мао Цзэ-дун, который 16 января 1943 г. сказал П. П. Владимирову, что «опыт ВКП(б) непригоден и вреден для КПК», — 2 июля 1945 г. заявил Орлову⁵: «Если бы не было СССР — не бывать Компартии Китая!» (стр. 615).

Но лейтмотив отношений неизменно один: «В беседе со мной, — записал Владимиров 12 августа 1945 г., — Мао Цзэ-дун заявил, что Советский Союз должен безвозмездно помогать КПК сейчас и в будущем. И именно от этого зависели и будут зависеть отношения между КПК и ВКП(б)» (стр. 634). И здесь же автор дневника, как бы ища ответ на собственные вопросы, твердо заявляет, что, по существу, с 1942 к 1945 г. перемен-то никаких не произошло: органическая неприязнь Мао Цзэ-дуна к Советскому Союзу сохранилась. «В Советском Союзе, несмотря на все его заявления о дружбе, он видит идейного недруга... Этот антисоветизм имеет уже десятилетнюю историю» (стр. 634).

* * *

К числу важнейших страниц дневника относятся записи о кампании чжэнфын юньдун (кампании за исправление стиля), проводившейся в КПК в 1942—1944 гг. Формально кампания началась выступлением Мао Цзэ-дуна в феврале 1942 г. Ее цель заключалась в том, чтобы, пользуясь сравнительной оторванностью КПК от международного коммунистического движения, порожденной условиями войны, изменить самую природу КПК, ее идеологические принципы, подвергнуть чистке ее руководящие кадры, устранив людей, верных политике Коминтерна, ошельмовав их «догматиками». П. П. Владимиров не раз и не два в труднейших условиях яньаньской действительности (слежка, лживая информация Кан Шэна) пытался проанализировать суть проводимой кампании, постепенно накапливая материал, он все глубже проникал в суть происходивших событий.

11 июня 1942 г. автор дневника записывает: «Похоже, что Мао Цзэ-дун считает лживую Коминтерна по отношению к Китаю ошибочной. Ван Мин — на позициях Коминтерна. Он, Бо Гу, Ло Фу⁶ и другие — за

политику пролетарского интернационализма и братского сотрудничества с ВКП(б). Обстановка в руководстве КПК неблагоприятная» (стр. 38).

Полугодом позже, вооруженный значительным числом фактов, П. П. Владимиров записывает: «Чжэнфын из внешне безобидных выступлений по вопросам идеологии перерастает в ожесточенную политическую кампанию. Эта кампания, направленная якобы против «субъективизма», «догматизма» и «шаблонных схем» в работе, практически оборачивается подавлением всех несогласных в руководстве КПК... Главный удар Мао Цзэ-дун наносит по так называемой «московской группе». Усиливается давление на всех, кто учился или работал в Москве, и особенно, если был связан с Коминтерном» (стр. 104).

В ходе кампании шельмовались честные коммунисты, проводилась «духовная чистка», «промывание мозгов», в невиданных масштабах осуществлялись репрессии⁷. Все это — во имя замены марксизма-ленинизма (при формальных заверениях в верности ему) «идеями Мао Цзэ-дуна»; во имя превращения партии из творческой организации в послушный инструмент в руках группы Мао Цзэ-дуна, в утверждение духа национализма и антисоветизма.

«Чжэнфын, — пишет П. П. Владимиров, — это не только «духовная чистка» и уничтожение тех, кто «заражен коминтерновскими идеями и догматизмом». Чжэнфын окажет определенное влияние на судьбу КПК. Это политика, рассчитанная более чем на десятилетия... В чжэнфыне Мао ушел опыт Футьяни, и он шельмовал, уничтожал с таким расчетом, чтобы в будущем не осталось иной «правоты», кроме его, маоцзэдуновской» (стр. 325).

Уничтожались книги и другие издания, в которых высказывались самостоятельные идеи; «выкорчевывают самостоятельность молодой партийной поросли не только ради утверждения власти Мао Цзэ-дуна. Здесь основательно закрепляют его идеи» (стр. 325).

Особую ненависть Мао Цзэ-дуна и его группы снискали те люди, которые или работали в Коминтерне, или учились в Москве. И здесь нельзя не сказать о том, что многих из этих людей Мао Цзэ-дуну все же удалось сломить. Так, например, Ян Шан-

⁵ Андрей Яковлевич Орлов — советский врач-хирург Яньаньского госпиталя, находился в Яньани одновременно с П. П. Владимировым.

⁶ Ван Мин (Чэнь Шао-юй), в 30-х годах был представителем ЦК КПК в Исполкоме Коминтерна, членом Политбюро ЦК КПК; вернулся в Китай в конце 1937 г. В начальный период войны против японских захватчиков возглавлял Центрально-Китайское бюро ЦК КПК в Хаькоу, в 1941 г. был отстранен от руководящей партийной работы, но на VII и VIII съездах КПК избирался

членом ЦК; Бо Гу (Цин Бан-сянь) генеральный секретарь ЦК КПК в 1931—1935 гг.; после 1935 г. некоторое время исполнял обязанности генерального секретаря ЦК КПК, был отстранен от руководящей партийной работы в 1941 г.; на VII съезде избран членом ЦК и членом Политбюро ЦК КПК.

⁷ «Численность разоблаченных гоминьдановских и японских «агентов» во многих организациях достигает ста процентов, но нигде не меньше девяноста — Кан Шэн хожин своему слову» (стр. 188).

кунь, один из тех, кто одно время боролся против мелкобуржуазных и националистических концепций в КПК, на VII съезде КПК «...унижался — даже тяжело было смотреть на трибуну... призвал воспитывать кадры в духе идеологии Мао Цзэ-дуна, заявив, что ни марксизм, ни опыт ВКП(б) для воспитания китайских кадров практической ценности не имеют» (стр. 553). Он всячески поносил принципы партийной учебы в СССР и опыт ВКП(б) (стр. 544—546).

И вместе с тем, есть еще очень важная сторона тактики Мао Цзэ-дуна: так, когда победа СССР в Великой Отечественной войне стала фактом, он всячески добивался (и добился) того, чтобы VII съезд избрал в ЦК тех, кого так шельмовали в период чжэнфын: Ван Мина, Бо Гу, Ло Фу. (Хотелось бы особо упомянуть запись П. П. Владимирова о выступлении Бо Гу на VII съезде КПК: «Бо Гу не стал восхвалять Мао Цзэ-дуна и вел себя с достоинством») (стр. 605).

Понося Советский Союз, Коминтерн, отвергая опыт ВКП(б) де-факто, Мао Цзэ-дун полагал, что ему своими словесными декларациями и заверениями удастся ввести в заблуждение Москву (в его распоряжении, между прочим, была мощная радиостанция, через которую он мог передавать любую информацию в Москву). Но здесь он определенно просчитался. Где-то в начале 1944 года (или в последних числах декабря 1943 г.) ЦК КПК получил телеграмму Димитрова, в которой выражалась озабоченность отношением с Гоминданом (курсом на гражданскую войну), политикой руководства КПК в отношении так называемой «московской группы», давалась оценка гнусной роли Кан Шэна в яньаньских делах.

Эта телеграмма сильно взволновала Мао Цзэ-дуна и вызвала с его стороны новые маневры: «Мао Цзэ-дун и его сторонники перестраиваются. Они понимают, что без помощи СССР им не выжить. Наглость, с которой они вели себя, сменяется особым вниманием к маскировке своей сектантской политики. Мао Цзэ-дун и его сторонники никогда не откажутся от политики, за которую боролись столько лет и которая сейчас окончательно выкристаллизовалась и восторжествовала, — это один из выводов, который я довел до сведения Москвы» (стр. 255—256).

* * *

У читающего книгу П. П. Владимирова может возникнуть вопрос: почему именно Мао Цзэ-дуну удалось навязать свою волю руководству партии, добиться того, что его «идеи», чуждые принципам марксистско-ленинской партии, стали официальной доктриной партии. Несомненно, что этому явлению, которое в наше время обернулось трагедией партии и народа, есть свои глубокие причины. В 1927 г. революция в Китае потерпела поражение, в годы белого террора

гоминьдановской реакции были уничтожены, истреблены многие лучшие люди партии, некоторые коммунисты заколебались, не проявили стойкости и отошли от движения; выдвигались новые руководители, предавшие делу революции, но не обладавшие необходимым опытом, подготовкой к руководству партией. Мао Цзэ-дун же принадлежал к числу руководящих работников партии со времени ее формирования. Он умел выждать время для того, чтобы в подходящий момент начать действовать, добиваясь всевластия. Он умело использовал огромный авторитет Коммунистической партии Китая в народе.

«Авторитет партии во всем Китае, — пишет П. П. Владимиров, — исключительно высок, несмотря на перегибы в советском строительстве в прошлом и настоящем. Партия была единственной силой, выступающей против иностранных и собственных угнетателей. Десятки тысяч коммунистов отдали за это жизнь» (стр. 145—146).

Во внутрипартийной же борьбе сила Мао Цзэ-дуна «не только в том, что он не пренебрегает никакими приемами в этой борьбе, но и в доскональном знании психологии китайского крестьянства, мелкого буржуа, обычаев и нравов народа, чего нельзя сказать о членах «московской группы» — слишком часто чистых теоретиках, пусть искренне преданных революции.

Демагогия Мао учитывает национальные особенности — и поэтому гибка, ловко спрятана и гораздо доходчивее. Мао берет из более шее под иностранным гнетом национальное чувство. Одновременно он спекулирует на популярности марксизма-ленинизма» (стр. 146).

Захватывая власть, Мао Цзэ-дун и его приверженцы объективно служили интересам мелкой буржуазии и националистическим элементам Китая. Мелкобуржуазный революционаризм и национал-шовинизм — душа маоизма.

Хорошо зная Мао Цзэ-дуна, неоднократно встречаясь с ним, наблюдая его в быту, П. П. Владимиров очень точно, пронзительно отметил многие важные черты личности председателя ЦК КПК, — такие, как изобретательность и ловкость, огромную целеустремленность и четкое знание своих целей, а значит — врагов и союзников (стр. 557); в дневнике подчеркнуто, что у Мао Цзэ-дуна нет друзей, а есть только нужные люди; «революцию он не представляет иначе, как свою собственность. Вне сферы личных интересов для него ничего не имеет смысла. В том числе и революция. Партия и народ — всего лишь фикции (некие абстрактные величинны), которые служат его целям» (стр. 342).

Стюарт Шрам, один из наиболее видных западных интерпретаторов деятельности Мао Цзэ-дуна и его взглядов, справедливо отмечал, что для Мао Цзэ-дуна марксистско-ленинское учение всегда было лишь средством для достижения цели возвеличения Китая, а не учением об интернациональ-

ной миссии рабочего класса⁸. В свою очередь сама задача возвеличения Китая интересовала Мао Цзэ-дуна лишь как путь к собственному возвеличению.

Мне вспоминается также беседа с западным китаеведом, китайцем по происхождению, Джеромом Чэнем в Лидсе (Англия) в 1971 г., когда мой собеседник развивал тезис о том, что Мао Цзэ-дун во имя своих целей иногда использовал партию против армии, иногда армию против партии (как это было, например, в период «культурной революции»). В данном случае любопытен сам подход к проблеме: Мао Цзэ-дун выступает как некий демиург, стоящий над партией и страной.

И в связи с этим уместно вновь процитировать П. П. Владимирову: «Принципы для него (Мао Цзэ-дуна. — Г. Е.) имеют значение лишь как обязательства других перед революцией. Это очень удобно для него. Это делает людей подвластными его воле. Принципы связывают миллионы людей, он выступает от имени принципов, но сам чувствует себя свободным от этих принципов» (стр. 342).

Условия огромной крестьянской страны и сильно развитый национализм стали той почвой, которые породили Мао Цзэ-дуна. Свое влияние в партии Мао Цзэ-дун использовал для ее преобразования в том направлении, в котором он считал необходимым.

Исходным пунктом системы политических взглядов Мао Цзэ-дуна является, по мнению автора, идея о деревне как главной революционной силе, эта идея — «основной идеологический пункт программы КПК» (стр. 555).

Этот тезис П. П. Владимирову заслуживает самого пристального внимания, ибо вопрос о движущих силах революции, о гегемонии в революции всегда был важнейшим в стратегии и тактике мирового коммунистического движения. Этот вопрос обсуждался на VI съезде КПК (1928 г.), он нашел отражение в ряде документов Исполкома Коминтерна⁹. Стержнем проблемы движущих сил революционного движения в Китае был вопрос о гегемонии пролетариата. Правильное разрешение его предполагало систематическую работу КПК в пролетарских центрах, организациях пролетариата, укрепление интернациональных связей КПК. Для маоистской линии в революции характерна недооценка руководящей роли рабочего класса в революции, отрицательное отношение к помощи Коминтерна, к интернациональным связям с международным коммунистическим движением.

Отсюда — всевозраставшие и ныне господствующие в политике руководства КПК национализм и мелкобуржуазная идеология.

П. П. Владимиров, отмечая такие важные положительные программные цели КПК, как аграрное преобразование и национальное освобождение, одновременно справедливо замечает, что это только часть программы марксистско-ленинской партии. «Сейчас это уже типичная аграрная партия, замаскированная под пролетарскую. Ее руководители, несмотря ни на какие заявления, видят главную силу революции не в пролетариате, а в крестьянстве и буржуазии. Они лишь прикрываются рассуждениями о буржуазно-демократическом этапе китайской революции («новый демократизм» Мао Цзэ-дуна). Исторически связанная с Коминтерном, КПК постепенно порывала связи с ним» (стр. 568).

Она порывала эти связи, и Мао Цзэ-дун даже обвинил Коминтерн «в прокапитулянтской политике». Еще бы! Коминтерн стоял за единый национальный антияпонский фронт, за активную борьбу с японским агрессором и выступал против возобновления гражданской войны в Китае, выгодной тогда только японским агрессорам. Коминтерн всегда предостерегал КПК против усиления крестьянской идеологии, мелкобуржуазной ограниченности, в которой, отмечает автор дневника, и истоки антисоветизма, шовинизма.

Конечно, и в этом достоинство дневника. П. П. Владимиров понимает, что КПК, несмотря на все «политические курбеты» ее главы (выражение автора дневника), оставалась главной революционной силой в Китае.

«С Коммунистической партией и с именем ее руководителя у китайского народа связаны надежды на новую жизнь. Жизнь без нищеты, национального унижения и феодально-капиталистического разбоя. Объективная историческая необходимость превращает КПК в одну из ведущих политических сил Китая» (стр. 261).

Но Мао Цзэ-дун использовал народные идеалы, стихийную тягу к социализму, пользуясь отсталостью Китая, малограмотностью масс, для подмены стремления к национальному освобождению национальным шовинизмом, разрывом с самим духом пролетарского интернационализма, доверие к марксизму-ленинизму использовал для утверждения своих идей мелкобуржуазного «марксизма реальности», идею гегемонии пролетариата, диктатуры пролетариата свел к солдатской покорности всех воле Мао Цзэ-дуна.

Все это не могло не сказываться на облике партии, на ее составе, особенно руководстве. П. П. Владимиров, участник VII съезда КПК, приводит данные о социальном составе партии: из 752 делегатов — 401 представитель интеллигенции, 324 делегата — кадровые военные. «Все эти люди в основном выходцы из состоя-

⁸ См.: Stuart Schram. Political Leaders of the Twentieth Century. Mao Tse-tung — Penguing Books, 1966.

⁹ См.: А. М. Григорьев. Важная веха в истории КПК. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, стр. 99—111.

тельных слоев общества или крестьянства. Партийных работников из рабочих или интеллигентов, тесно связанных всей своей жизнью с рабочим классом, на съезде ничтожное количество... Это опять наводит на мысль о перерождении партии в крестьянскую. К этому выводу привели меня выступления почти всех делегатов, несмотря ни на какие ссылки их на Маркса и Ленина» (стр. 554).

К началу 1944 г., когда победа СССР в Великой Отечественной войне уже не могла вызывать сомнений, Мао Цзэ-дун, как уже отмечалось, начинает «перестраиваться» в своей тактике в отношении СССР, «запросто» приходит к П. П. Владимирову, ведет с ним долгие беседы, говорит любезные слова. И именно тогда руководство КПК начинает новую далеко идущую политическую игру — переговоры с США.

Активная подготовка к этим переговорам с обеих сторон относится к началу 1944 г. В это время в США готовились к решающим сражениям с японцами в Азии. Им нужны были солдаты, которые находились бы непосредственно в Азии. Но в ходе войны, и особенно убедительно в 1944 году, Гоминьдан продемонстрировал свою неспособность вести активную войну с агрессором и тем более сломить его. («Китай, — пишет П. П. Владимиров, — 8 июня 1944 г. потрясут военные катастрофы. Рассыпаются фронты. На сторону врага переходят целые воинские части») Гоминьдан не способен был решить политические и экономические проблемы страны. В такой обстановке у американцев появляется интерес к вооруженным силам КПК. «Мао Цзэ-дун готов предоставить вооруженные силы КПК для будущих наступательных операций против японцев. Но на определенных условиях — самых важных для Мао... В плане политическом эти условия предполагают переориентировку США на КПК как основную силу нынешнего и будущего Китая. В плане материальном — широкую помощь со стороны США военным снаряжением, боеприпасами и оружием» (стр. 283).

План Мао заключался в том, чтобы с помощью США обрести ту силу, которая помогла бы ему заполучить власть над всем Китаем.

Первые сотрудники официальной миссии наблюдателей США во главе с полковником Барретом прибыли 22 июля 1944 г., Владимиров особо отмечает активность в миссии Джона Сервиса¹⁰, который полагал, что

¹⁰ В США опубликовано несколько работ по поводу миссии наблюдателей США в Яньани в 1944 г., в частности: John S. Service. American, papers: some problems in the History of US — China relations. Berkeley, 1971; David D. Barrett. The Dixie Mission: the United States Army Observer group in Jenan. 1944. Berkeley, Univ. of California Press, 1970.

руководство Компартии вполне подходящий партнер, — «не стоит бояться «страшной революционной фразеологии» (стр. 339). Главным помощником Мао в переговорах с американцами был Чжоу Энь-лай (это интересно отметить и в связи с тем, что почти тридцатью годами позднее, в начале 70-х годов, он выступает, как известно, столь же деятельным сторонником поворота к сближению КНР с США).

К ноябрю 1944 г. у Владимировва сложились уже определенные суждения о ходе переговоров между американцами и КПК. Он пишет: «Американцы не сомневаются в допустимости прочного альянса с Мао Цзэ-дуном. Их даже не тревожит Компартия как ведущая сила Особого района, а возможно, и будущего Китая. Им крайне важно, чтобы КПК была «самостоятельной, независимой от Москвы»... Словом, «социализм националистический» в Особом районе или в Китае устраивает Вашингтон. Это уже откровенное признание националистических тенденций в политике верхушки КПК... Идет торговля. И все дело в цене...» (стр. 370).

7 ноября в Яньань прибыл личный представитель президента США генерал Патрик Хэрли (в декабре он стал послом США в Китае), при участии которого был разработан проект соглашения между КПК и Гоминьданом, скрепленный подписями П. Хэрли и Мао Цзэ-дуна.

П. П. Владимиров так анализирует цели сторон в переговорах: Мао Цзэ-дун жаждет укрепиться за счет США, получить от них оружие и обрушиться на Чан Кай-ши; американцы «не прочь нейтрализовать идейное влияние Советского Союза на КПК и стать политическими дирижерами как в Особом районе, так и во всем Китае» (стр. 389).

Переговоры, однако, не дали желаемых сторонами результатов: американцы отказались предоставить оружие КПК, — «...режим чунцинского правительства кажется им со всех точек зрения надежнее» (стр. 396). Чан Кай-ши увидел в проекте соглашения с КПК то, что упустил Хэрли, — угрозу вынужденного отказа Гоминьдана от власти в стране и, конечно, отказался подписать соглашение.

Впоследствии, в апреле 1945 г., суммируя свои записи и доклады, П. П. Владимиров писал, что Мао Цзэ-дун стремился убедить США в том, что он вполне приемлем в качестве союзника, с помощью такого рода блока Мао надеялся изолировать Чан Кай-ши, а затем покончить с ним. Но это далеко не все, хотя само по себе уже весьма весомо: «Блокированием с американцами Мао Цзэ-дун рассчитывал устранить СССР от активного участия в политическом решении дальневосточных проблем. Главная черта контактов Мао Цзэ-дуна и союзников — это обоюдный антисоветизм. Откровенностью этого антисоветизма была принята верхами Америки как тактическая уловка. Во всяком случае они не решились пожерт-

вопать Чан Кай-ши, но Мао выдал себя с головой!.. За оружие и союз с Соединенными Штатами Мао Цзэ-дун гарантировал отказ от «связей с Москвой» (стр. 505).

История переговоров 1944 г. отнюдь не принадлежит к числу эпизодов прошлого, представляющих интерес разве что только для ограниченного круга историков-профессионалов. Нет, эта глава из истории международных отношений проливает определенный свет на нынешние аспекты внешней политики верхушки КПК.

* * *

Очень большое место в дневнике занимают записи, относящиеся к VII съезду КПК: среди них запись доклада на съезде Мао Цзэ-дуна¹¹, его речи по вопросу выборов членов ЦК КПК, выборов кандидатов в члены ЦК КПК и заключительной речи, записи выступлений Ло Фу, Не Жун-чжэня, Ян Шан-куня, Чэнь Юня, Лу Дин-и, Лю Бо-чэна, Бо Гу, Кан Шэна, Ли Фу-чуня, Линь Бяо и некоторых других; записи докладов Лю Шао-ци, Чжу Дэ, краткие изложения содокладов Чжоу Энь-лая, Чэнь И, Пэн Чжэня, материал о пленуме ЦК КПК, предшествовавшем съезду.

Подготовка к VII съезду КПК велась длительное время, кампания чжэнфын была важнейшим компонентом этой подготовки. «Тут одна цель — перемолоть всех (даже верноподданных председателя ЦК КПК) во имя признания в будущем неограниченности его власти над партией» (стр. 467).

П. П. Владимиров отмечает многие важные стороны съезда; «съезд, — пишет он, — пошел за Мао Цзэ-дуном — это результат жесточенного подавления «московской группы» и практического разрыва с идеологическими принципами Коминтерна» (стр. 615). Известно, что в новом Уставе КПК было записано, что Коммунистическая партия Китая во всей своей работе руководствуется принципом соединения теории марксизма-ленинизма с идеями Мао Цзэ-дуна¹².

Естественно, что разгром главных сил блока фашистских агрессоров создавал уверенность в близком поражении японского империализма, причем лейтмотивом многих выступлений была уверенность в том, что СССР выступит, и японским агрессорам придет конец. В связи с этим вставал вопрос о ближайшем будущем Китая. Основной доклад на съезде был озаглавлен: «О коалиционном правительстве». Следова-

тельно, если судить чисто внешне, формально, то имелась в виду перспектива мирного урегулирования внутрикитайских проблем. На деле же все было по-другому: «анализ политического отчета Мао Цзэ-дуна, других докладов, а также выступлений не оставляет сомнений в том, что одно из назначений съезда — мобилизация (всесторонняя, энергичная подготовка к гражданской войне)... Практически вся политика КПК исходит из факта скорой и неизбежной гражданской войны» (стр. 597).

Провал надежд на помощь США, явная несостоятельность расчетов на то, что СССР в корне будет подорван, ослаблен в войне, породили в выступлениях на съезде заявления о дружбе с СССР, о роли СССР как союзника КПК. «В то же время все ораторы в той или иной степени проявили антисоветские настроения, — считает П. П. Владимиров. — Самобичевания за ошибки «догматические», «эмпирические» и т. п. — это удар по идеологическим принципам ВКП(б), отказ от этих принципов, утверждение новой философии для КПК («учение товарища Мао Цзэ-дуна»). В этой двойственности прежде всего отразилось отношение самого председателя ЦК КПК к Советскому Союзу. С одной стороны, опираться на мощь СССР, спекулировать этой мощью. С другой — осуждать и подавлять «догматизм», а за этим, безусловно, кроется антикоммунизм» (стр. 565).

Но как бы там ни было, VII съезд КПК показал, что будущее Китая, вольно или невольно, делегаты съезда связывали с Советским Союзом, с его помощью. И в этом не только закономерное проявление чувств, характерных для коммунистов всего мира, — видеть в ВКП(б) надежный оплот революционного дела, но и дань расчетам, далеким от принципов пролетарского интернационализма. П. П. Владимиров так определяет суть этой тенденции: «Съезд лишь на словах призывает партию бороться с Японией, отстаивать свои завоевания, а на практике все надежды — на Советский Союз» (стр. 573—574).

* * *

В дневнике П. П. Владимировой содержится много других ценнейших материалов, интересных страниц. Автор рисует впечатляющую картину тяжелой жизни китайского народа, бедность, безграмотность и нищету крестьянства и одновременно их доверие КПК, готовность вести революционную борьбу; показывает тяжелые жертвы, понесенные КПК, ее героев, — среди них упоминается, в частности, Чжу Дэ. В одной из своих записей П. П. Владимиров создает собирательный образ китайского революционера-коммуниста. «В Особом районе немало опытных и закаленных бойцов революции. Биография каждого из них — это хождение по мукам гражданской войны, потеря родных, близких, испытания первых лет активной борьбы с японскими захватчи-

¹¹ Доклад Мао Цзэ-дуна «О коалиционном правительстве», опубликованный в печати, был распространен среди делегатов в готовом виде, выступление же на съезде было посвящено текущему моменту и политике КПК.

¹² «Устав КПК, принятый на VII съезде КПК» (на кит. яз.). Пекин, 1950, стр. 1—2.

ками. Есть люди, на теле которых больше ран и шрамов, чем родинок. Для них Красная армия (теперь 8-я НРА и Новая 4-я НРА) и Коммунистическая партия — это семья, дом, смысл жизни. Другого у них просто нет. Они беззаветно преданы революции» (стр. 272).

Если продолжить мысль П. П. Владимиров, то можно сказать, что эти закаленные бойцы революции, поддерживаемые огромным большинством народа, привели революцию к победе 1949 г., развернули строительство социалистического Китая, высоко и искренне ценили помощь и дружбу советских людей, народов социалистических стран. Это есть главное в историческом развитии Китая, основная тенденция действительности, которая не может не восторгать.

* * *

Теперь, когда перевернута последняя страница обширного труда П. П. Владимиров, вновь невольно обращаешь мыслью к некоторым, очень важным, решающим вопросам: о политике нашей партии в Китае в яньаньский период и после него, о будущем Китая и КПК.

Внимательно продумывая нашу политику, каждый непредубежденный человек придет к выводу, что политические махинации Мао Цзэ-дуна и его группы не могли и не должны были поколебать принципиальные позиции нашей партии. Это хорошо сознавал П. П. Владимиров: «Поддержка КПК есть поддержка китайской революции и китайского народа, сражающегося против своих и иноземных угнетателей... Для ВКП(б) борьба китайского народа против японского фашизма, феодальной, капиталистической и иностранной кабалы — его священное право, а помощь китайскому народу — великая интернациональная миссия. Такова твердая позиция Москвы, на которую не могут повлиять политические спекуляции группы Мао» (стр. 459—460).

И эта принципиальная позиция сторичей оправдала себя. Разгром японских агрессоров, помощь СССР в строительстве новых опорных баз КПК, в строительстве НОА сыграли огромную роль в победе антиимпериалистической и антифеодальной революции в Китае в 1949 г. Ход событий, логика вещей, активная деятельность коммунистов, ясно осознавших необходимость строительства социалистического Китая, наше влияние определили путь Китая как социалистический путь, и Мао Цзэ-дун вы-

нужден был подчиняться этой линии. И в этом факте наиболее сильно выступал предвзятость политики нашей партии.

Прошло десятилетие со времени образования КНР и группа Мао Цзэ-дуна вновь навязала партии и стране свой «особый курс» — курс разрыва с международным коммунистическим и рабочим движением, курс антисоветизма. В событиях 60—70-х годов мы вновь встречаемся со знакомыми нам по книге П. П. Владимиров приемами «установками», во многом сходными и прямо повторяющими яньаньскую практику 1942—1945 гг. И отмечая это, уместно вновь обратиться к одному из выводов дневника П. П. Владимиров: «Маоцзэдунизм буддеизм коммунистическим движением в Китае. Но для его возникновения был в стране ряд объективных предпосылок материального, идейного и духовного порядка. В тех или иных формах возникновение не исключено и в будущем — в этом его опасный исторический прецедент для Китая» (стр. 626—627).

Эти строки еще раз убеждают нас в дальновидности и глубоком понимании китайской действительности коммунистическим интернационалистом П. П. Владимиров.

Национализм прежде всего порождает «опасный исторический прецедент для Китая». Здесь уместно вспомнить слова В. И. Ленина о том, что национализм «превращает в ничто великий завет братства и единения пролетариев всех национальностей, всех рас, всех языков»¹³.

Последовательная интернационалистская политика дружбы советского и китайского народа, проводимая нашей страной — важное средство воздействия на нынешнюю тяжелую обстановку в дружественной нашей стране — Китайской Народной Республике

* * *

Издание дневников П. П. Владимиров — большое и важное дело. Интерес к книге очень велик. Целесообразно было бы в недалеком будущем ее переиздать с тем, чтобы было осуществлено научное издание текста, с вступительной статьей, с соответствующими комментариями и пояснениями.

Г. В. Ефимов

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 325.

Ихэтуани. Опыт историографического исследования*

Восстание ихэтуаней, массовое антиимпериалистическое движение, возникшее на рубеже XIX и XX вв., — сложное явление китайской действительности. Мощный стихийный взрыв, объединивший пестрые социальные группы, деятельность союза «Ихэтуань», мистицизм и фанатичность его приверженцев, противоречивая политика правящей династии, реакция на массовое выступление передовых общественных сил страны, наконец, дипломатические, военные, религиозные конфликты Китая с империалистическими державами — все эти сюжеты приходится разрабатывать исследователю, обратившемуся к истории движения. Анализ восстания, несомненно, усложняется также и тем, что вопросы, которые вынужден ставить исследователь (Китай — Запад, бунт как форма борьбы), вызывают большой политический интерес. Неудивительно поэтому, что ученые, пользуясь разными методологиями, по-разному понимая проблему соотношения истории и современности, неодинаково оценивают как все движение в целом, так и отдельные его элементы. «Восстание средних веков против двадцатого века», проявление вражды «желтой расы к белой», «вспышка безумия», «результат слепого невежества», «народный фронт», «массовое антиимпериалистическое движение», «крестьянская революция», «великий бунт революционных масс против империализма и феодализма» — таковы противоречивые оценки восстания, сформулированные в историографии за прошедшие 70 лет. Уже они дают представление о борьбе точек зрения.

Рецензируемая книга представляет несомненный научный интерес по крайней мере по двум важным причинам. Во-первых, ее автор много лет занимается исследованием движения ихэтуаней. Это и работа, связанная с публикацией источников¹, и серьезное

изучение истории самого движения². Во-вторых, автор избрал объектом своего исследования историографический аспект проблемы, а монография историографического характера, которая бы обобщала результаты, достигнутые советскими и зарубежными учеными в исследовании конкретной исторической темы, — новое явление в литературе по Китаю.

Об ихэтуанях писали больше, чем о каком-либо другом событии из истории Китая нового времени. Поток литературы не всегда оставался равномерным. Он был особенно мощным в первые два десятилетия после самого восстания. Среди изданий того времени преобладали мемуары и компилятивные сочинения. Интерес к ихэтуаням вновь стал подниматься с конца 40-х годов, когда наступил период более углубленного изучения истории восстания.

В последнее десятилетие эта тема приобрела особую политическую остроту. Дело в том, что в статьях и брошюрах, опубликованных в КНР, устанавливалась прямая связь между событиями «культурной революции» и движением ихэтуаней. В них оправдывались такие отсталые формы борьбы, как стихийный бунт, превозносились такие действия темных и невежественных масс, как разрушение современной техники, уничтожение иностранных товаров, переименование улиц. В то же время историки Запада усмотрели в ситуации 60-х годов, сложившейся в КНР, проявление якобы традиционного для китайской нации чувства неприязни к иностранцам, корни которого идут в прошлое, и в частности к восстанию ихэтуаней.

Выделив три основных этапа в историографии ихэтуаней (1899—1920 гг., 1920—1949 гг., 1949—1971 гг.), автор объединил и систематизировал огромный материал. В список литературы включено около трехсот названий: от первых сочинений о восстании, принадлежавших кисти уездных чиновников из Чжили и Шаньдуна, которые с ненавистью писали о «смуте» и учинившей ее «секте еретиков», до статей из «Жэньминь жибао» периода «культурной революции», призывавших развить «дух революционного бунта». Для того чтобы выявить основные направления в изучении движения ихэтуаней, недостаточно было систематизировать литературу, требовалось оценить и сопоставить наиболее значительные работы, посвященные этой теме.

* Н. М. Калюжная я. Зарождение и развитие движения ихэтуаней (до выхода ихэтуаней за пределы провинции Шаньдун. Апрель 1898 — апрель 1900). М., 1964: «О содержании прокламаций, написанных участниками восстания ихэтуаней». — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», № 71, 1964, стр. 133—142; «О характере тайного общества в старом Китае». М., 1970, стр. 85—107.

* Н. М. Калюжная я. Восстание ихэтуаней (1898—1901). Историография. М., 1973, 208 стр.

¹ Н. М. Калюжная я. Восстание ихэтуаней (1898—1901). Документы и материалы. М., 1968.

В монографии дан анализ первого исследовательского труда об ихэтуанях русского китаеведа А. В. Рудакова «Общество Ихэтуань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке» (1901 г.). До сих пор не утратили научной ценности выводы ученого о характере организации, его комментарии к прокламациям повстанцев, а также включенные в работу материалы об обрядах ихэтуаней (стр. 32—39).

Как существенное явление западной науки выделена работа Дж. Стайгера «Китай и Запад», вышедшая в 1927 г. и переизданная спустя сорок лет (стр. 72—79). Книга, отмечает автор, не лишена противоречия, присущего западной научной мысли. Оно проявляется в том, что Дж. Стайгер, возлагая вину на империалистические державы за события в Китае и признавая значение восстания ихэтуаней в деле сохранения целостности Китая, увидел в движении лишь плод «давнишнего сопротивления прогрессу» (стр. 73). Анализ противоречивости западной историографии углублен при рассмотрении работ современных авторов (Ч. Тань, Дж. Чэнь, В. Пёрселл). Так, по мнению Н. М. Калужной, работа В. Пёрселла³ с точки зрения анализа внутренних проблем движения ихэтуаней (происхождение общества, лозунги и т. д.) является наиболее значительным исследованием в современной синологии. Но там, где английский историк затрагивает внешнеполитический аспект проблемы, он стремится представить политику своего правительства и его союзников в выгодном свете, пытается преуменьшить последствия иностранного вмешательства в дела Китая. В этой части книга В. Пёрселла сплошь и рядом превращается в апологию колониальной политики держав (стр. 151).

Значительное место в монографии отведено анализу советской литературы об ихэтуанях (работы П. А. Гриневича, М. Ф. Бродской, С. Л. Тихвинского, В. Н. Никифорова, Г. В. Ефимова). Историк-марксисты пришли к единой точке зрения, оценивая события конца XIX в. в Китае. Она состоит в том, что движение ихэтуаней — это антиимпериалистическая патриотическая борьба китайского народа за независимость страны (стр. 168). В то же время по вопросу о характере движения, в частности о соотношении антииностранных и антифеодальных моментов в программе ихэтуаней, о происхождении общества «Ихэтуань», о причинах, толкнувших правительство на союз с повстанцами, выявились различия во мнениях. Автор монографии, присоединяясь к тем исследователям, которые подчеркивают антиимпериалистическую сущность восстания, приводит убедительные аргументы против трактовки движения ихэтуаней как антифеодального, полагая, что для этого нет реальной источниковедческой основы. В документах повстанцев почти не встречаются

открытые призывы к свержению Цинь и к изменению существующих порядков. Эти лозунги, правда, есть в песнях ихэтуаней, и по справедливому замечанию автора, песен нельзя считать надежным источником, поскольку записаны они были лишь в конце 50-х годов (стр. 169).

Разделы, посвященные изучению восстания ихэтуаней китайскими историками, составляют ядро монографии. Китайская литература по этой проблеме самая богатая. Последовательное рассмотрение феодальной, помещичьей и современной историографии позволило автору отметить заслуги китайских ученых (Фань Вэнь-лань, Цзянь Бэцзянь), занимавшихся историей движения ихэтуаней: их публикаторскую работу, вклад в разработку таких проблем, как причины восстания, происхождение союза «Ихэтуань», социальный состав движения. Обстоятельное знакомство автора монографии с современными материалами позволило последовательно восстановить процесс формирования новой «научной» концепции движения ихэтуаней, которая начиная с 60-х годов широко пропагандируется в КНР. Сущность ее сводится к тому, что стихийное массовое антиимпериалистическое движение ихэтуаней — это якобы «крестьянская антиимпериалистическая революция, одновременно носящая характер буржуазно-демократической революции и направленная против феодализма». Наиболее полно эта точка зрения была изложена Ци Бэнь-юем в статье «Патриотизм или национальное предательство?»⁴ и провозглашена единственно правильной в брошюре «Движение ихэтуаней», подготовленной сотрудниками Шанхайского педагогического института (октябрь 1971 г.)⁵. Оценив события на рубеже XIX и XX вв. как «великий бунт революционных масс против империализма и феодализма», современные китайские историки пытаются преувеличить революционность крестьянства и отождествить стихийный бунт с сознательным революционным движением (стр. 121—132). В книге не только раскрыт политический смысл новой трактовки этого движения, но и дан анализ приемов и методов, которыми воспользовались современные китайские авторы в попытках доказать, что восстание ихэтуаней — это якобы крестьянская революция (стр. 111—135). Отступление от научной методологии автор видит в том, что китайские историки постепенно «усиливали» антифеодальные моменты в движении: от включения Фань Вэнь-ланем в свою работу лозунга «Долой Цинь, смерть иностранцам» (без ссылки на источник) до утверждения, что движение ихэтуаней будет бы является буржуазно-демократической революцией.

Сопоставляя работы, созданные в первый период существования КНР, со статьями в

³ V. Purcell. The Boxer Uprising, a Background Study. Cambridge, 1963.

⁴ Ци Бэнь-юй. Айгочжун хайши майгочжун. — «Жэньминь жибао», 1. IV. 1967.

⁵ «Ихэтуань юньдун». Шанхай, 1971.

брошюрами последних лет, автор показывает, как менялись взгляды историков КНР на социальный состав ихэтуаней. Современные китайские авторы «рафинировали» ряды участников этого движения. В настоящее время они не только отрицают участие в движении шэньши, чиновников, монахов и люмпенов, но и само крестьянство подвергли «чистке». Если до 60-х годов историки КНР писали, что костяк движения составляли просто крестьяне, то в брошюре «Движение ихэтуаней» (1971 г.) речь уже идет только о его беднейших слоях⁶.

Материалы, привлеченные автором монографии, не оставляют сомнения в том, что отход от принципа историзма в исторической науке КНР наметился задолго до периода «культурной революции». На наш взгляд, можно определеннее провести линию формирования новой концепции движения ихэтуаней: Фань Вэнь-лань — Цзинь Цзя-жуй — Ци Бэнь-юй. Более критически следует, по-видимому, оценивать отдельные положения «Новой истории» Фань Вэнь-ланя. Появление этой работы (первое издание в 1947 г., второе в 1953 г.), несомненно, явилось событием в мировой синологии, ее положения долгое время воспринимались китайскими и зарубежными исследователями как аксиомы. Но уже сейчас все более и более становится очевидным, что первый шаг к созданию антинаучной концепции движения ихэтуаней, которая пропагандируется в КНР в настоящее время, был сделан именно в «Новой истории». Уже в этой работе усилены антифеодальные лозунги и введены рамки, ограничивающие социальный состав повстанцев (чиновники, шэньши и служители культа при анализе движущих сил оставлены в стороне). Уже в ней обращалось внимание на особую позицию царской России (наряду с Англией) в период движения. Впоследствии этот мотив был усилен Цзинь Цзи-жуем, написавшим для второго издания своей работы (1961 г.) специальный раздел о борьбе ихэтуаней в пограничных с Россией северовосточных провинциях Китая. А спустя еще десять лет в брошюре «Движение ихэтуаней» тема сопротивления повстанцев войскам царской России переросла в открытый призыв к борьбе против «советских ревизионистов». Фань Вэнь-лань высказал также мысль о том, что угроза раздела, нависшая над Китаем, якобы всего лишь «безрассудная и высокомерная болтовня империали-

стов». Развив ее, китайские историки в наши дни оправдывают известный тезис «империализм — это бумажный тигр».

Критической переоценке, думается, подлежат и выводы Фань Вэнь-ланя об отношении китайской буржуазии к движению ихэтуаней. Трудно согласиться с утверждением автора книги о том, что вопрос о позиции буржуазии в трактовке Фань Вэнь-ланя является «особенно интересным и новым» (стр. 107). В подтверждение своей мысли автор приводит слова китайского историка: «Буржуазия страшно перелугалась и, помимо злобных ругательств, была готова на то, чтобы вкуче с империалистами и феодальными элементами расправиться с «грубыми и злонамеренными мужланами» (стр. 107). На наш взгляд, это скорее заявление пропагандистского характера, чем итог подлинно научного исследования.

Вопрос об отношении к ихэтуаням сторонников движения за реформы и членов революционного «Союза возрождения Китая» до сих пор слабо изучен в мировой синологии. Лидеры партий, выступавших за изменение политического режима в Китае, за экономические преобразования по западному образцу, высказывали резко отрицательное отношение к движению ихэтуаней. Больше внимания следовало бы уделить оценкам, которые давали этому движению Сунь Ят-сен и Лян Ци-чао, поскольку их идеи легли в основу одного из направлений в историографии. Собранный автором материал позволяет полнее разъяснить, почему ни Лян Ци-чао, ни Сунь Ят-сен не приняли восстания. В комментариях нуждается очень меткое, но малоизвестное замечание Лян Ци-чао: ихэтуань — это «реакция на реформы 1898 г.». Оно позволяет исследователям взглянуть на события, разразившиеся в Китае на рубеже XIX и XX вв., с непривычной для большинства точки зрения. Оно, по-видимому, должно учитываться при анализе социальных сил восстания, при решении вопроса о характере блока, сложившегося в период движения: огромной массы темного забитого крестьянства и самых консервативных элементов из числа чиновников и шэньши, для которых деятели типа Кан Ю-вэя были «якобинцами».

Мысль о том, что блок этот существовал и что ихэтуань были использованы консервативной кликой для отпора прогрессивному движению реформаторов, высказывалась в коммунистической прессе середины 20-х годов (стр. 82). В разделе книги, где рассматриваются статьи Пэн Шу-чжи, Цюй Цю-бо, Цай Хэ-сэня, автор четко определяет позицию китайских коммунистов в отношении ихэтуаней. Для китайских коммунистов это выступление было ярким историческим событием, из которого они пытались извлечь уроки для будущей борьбы. Ихэтуань привлекли внимание Пэн Шу-чжи и Цюй Цю-бо прежде всего как пример массового национального движения. И в этом смысле они считали выступление ихэтуаней движением, стоящим «выше Синьхайской револю-

⁶ Тенденция к «улучшению» социального состава повстанцев, подмеченная Н. М. Калужной в историографии ихэтуаней, проявлялась и при анализе китайскими учеными других массовых движений. Она четко прослеживается, например, в историографии Синьхайской революции, где также постепенно научный анализ движущих сил революции подменялся декларациями об участии крестьян, солдат и рабочих. См.: «Синьхай гэмин». Шанхай, 1972, стр. 66—67.

ции» (стр. 82). В то же время, оценивая значение восстания, китайские коммунисты 20-х годов не закрывали глаза на мистицизм ихэтуаней, критиковали присущее повстанцам отрицание всего западного и восхваление всего китайского. Они признавали и тот факт, что избранные ихэтуанями формы организации и борьбы являются отсталыми, не имеющими исторической перспективы.

Во введении к рецензируемой работе ясно сформулирована ее научная программа: оценить уровень, достигнутый в исследовании движения ихэтуаней, и очертить круг проблем, которые предстоит решать в будущем (стр. 20). На наш взгляд, автору удалось показать, какими путями идет изучение этого движения в мировой синологии.

Выводы монографии убедительны, потому что автор четко придерживается марк-

систско-ленинской методологии при анализе массовых движений.

Основное внимание в работе уделяется проблемам (социальный состав участников движения, лозунги повстанцев, политика двора, происхождение союза «Ихэтуаней»), которые позволяют уяснить сущность исторических концепций, выдвигаемых исследователями ихэтуаней. Анализ китайской, советской и зарубежной литературы, а также критика маоистских положений об особенностях революционности китайского крестьянства сделанные в книге Н. М. Калужной, основаны на серьезном изучении всего комплекса источников о восстании.

Л. Н. Борох,
кандидат исторических наук

Уроки поражения *

За последние годы в развитии коммунистического движения стран Азии, в сплочении его рядов достигнут значительный прогресс. Тем не менее и сегодня еще серьезной проблемой для демократических сил этих стран остается негативное воздействие на ход революционного процесса антиленинских, левацко-авантюристических концепций, инспирируемых Пекином.

Весьма отчетливо пагубные последствия такого влияния маоизма сказались, как известно, в Индонезии, где отход руководства коммунистической партии от принципиально классово-интернационалистической линии пролетарского авангарда в антиимпериалистической борьбе облегчил внутреннюю реакцию осуществление ее планов государственного переворота и установление в конце 1965 г. в стране реакционного военно-бюрократического режима.

В советской литературе имеется ряд исследований, в том числе монографического характера, посвященных событиям в Индонезии. К исследованию причин тяжелого поражения коммунистического движения в Индонезии обращаются и ученые ряда других социалистических стран. Значительный интерес в этом плане представляет изданная в Братиславе монография чехословацкого пуб-

лициста Мартина Гнилицкого «Причины поражения Коммунистической партии Индонезии».

В краткой аннотации издательства «Экспресс», выпустившего эту книгу, отмечается ее значение как серьезного марксистского исследования, способствующего лучшему пониманию «ультралевого» движения и азиатской проблематики в целом. Такая оценка как представляется, достаточно обоснована, хотя рассматриваемая книга и не лишена определенных недостатков.

В своем исследовании автор опирается на документальные индонезийские источники, в том числе и на публикации Марксистско-ленинской группы КПИ последнего времени, а также на личные впечатления от встреч с государственными и политическими деятелями, полученные во время пребывания в Индонезии. При этом исследуются внутренние и внешние, как объективные, так и субъективные факторы, воздействие которых естественно подтачивало силы и влияние Коммунистической партии Индонезии.

Большое внимание автор уделяет разветвлению идейной борьбы между различными политическими партиями страны, и особенно роли, которую сыграли в этой борьбе различные классовые по форме и мелкобуржуазные по существу эклектичные концепции президента Сукарно. Решающее значение в исходе этой борьбы, и в частности в усилении влияния мелкобуржуазной идеологии КПИ, имели события конца 50-х — начала 60-х годов, с которых автор и начинает свое исследование. Ведь именно после установления в стране режима «направляемой демократии» Сукарно, когда безоговорочное согласие со всеми его основными принципами стало официальным условием легальной деятельности политических партий, произошло отход руководства КПИ от ее принципиальной идейной линии как марксистско-ленин-

* M. Hnilický. Príčiny porážky Komunistickej strany Indonézie. Bratislava, nakladateľstvo Epocha, 160 str.

ского авангарда рабочего класса. А это уже само по себе серьезно подорвало политическую самостоятельность КПИ и ее влияние на дальнейший ход событий в стране.

Как указывалось в документе Марксистско-ленинской группы Коммунистической партии Индонезии «Насущные задачи коммунистического движения Индонезии», курс на союз с антимпералистическими силами национальной буржуазии при обязательном условии сохранения и укрепления политической независимости пролетариата был подменен руководителями КПИ такой политикой, которая по существу играла на руку капиталистам-бюрократам, появившимся в период правления Сукарно. Руководство КПИ возлагало надежды на то, что удастся захватить власть «за спиной Сукарно», а также путем массового проникновения в государственный аппарат¹.

Бесспорным историческим фактом было то, что режим «направляемой демократии» серьезно ограничил деятельность в стране реакционных партий, вплоть до их запрещения. Однако не менее очевидным было и другое: президент Сукарно стал в этот период постоянно и жестко регламентировать активность демократических сил, в том числе — и прежде всего — коммунистической партии. Таким образом, по сравнению с предшествующим периодом парламентской демократии (1945—1959 гг.), когда КПИ закрепила в ходе парламентских выборов свое положение как одной из трех самых влиятельных политических партий, объективные условия для ее деятельности при режиме «направляемой демократии» не только не улучшились, но стали даже менее благоприятными.

Следует отметить один важный факт, о котором, к сожалению, в работе М. Гнилицкого ничего не говорится. В период, когда президентскими декретами в стране ликвидировалась система парламентской демократии и утверждался режим «направляемой демократии», КПИ реалистически видела в этом режиме как позитивные, так и негативные стороны.

Однако по мере усиления политического давления на КПИ со стороны президента и в результате целого ряда других факторов руководство коммунистической партии отошло от своей принципиальной позиции в этом вопросе. Более того, деятели КПИ, и это в книге М. Гнилицкого отмечается, постепенно встали на позицию безоговорочного одобрения «направляемой демократии» и всяческого восхваления президента Сукарно. Этому мелкобуржуазному революционно-демократическому деятелю приписывались даже мнимые заслуги в... широком распространении в Индонезии научного марксизма, что тем самым порождало в массах ложное представление о Сукарно, как якобы об одном из идейных лидеров КПИ.

Рассматривая эту сторону деятельности лидеров КПИ, М. Гнилицкий приходит к правильному выводу: «В союзе с мелкобуржуазным руководством революции они утратили свою самостоятельность и превратили боевой авангард рабочего класса всего лишь в преданного сторонника электических концепций Сукарно» (стр. 37).

При анализе внутренних факторов, ослаблявших КПИ, М. Гнилицкий отмечает важное значение быстро развивавшегося процесса изменения социального состава партии. Заметим, что в значительной мере это было связано с ростом рядов партии, особенно в 60-е годы. Так, если к V съезду (1954 г.) в партии насчитывалось около 500 тыс. человек, ко времени VI съезда (1959 г.) — 1,5 млн. членов, то к марту 1965 г. — уже более 3 млн. членов и кандидатов². При этом автор обращает внимание на важную качественную особенность — пополнение партии шло главным образом не из промышленных, а из сельскохозяйственных районов страны, за счет крестьянской молодежи (стр. 46). Последняя же вовлекалась в политическую деятельность массовой прогрессивной организации БТИ (Крестьянский фронт), находившейся под идейным воздействием КПИ. К началу 60-х годов БТИ превратился в самую крупную и широко разветвленную демократическую организацию страны, насчитывающую почти 9 млн. членов. Причем при выполнении планов партийного строительства членство в партии или в какой-нибудь из ее массовых организаций четко не разграничивалось. Отсюда, видимо, происходит и нуждающееся в уточнении утверждение автора, что в ряды партии «входили не только крестьяне-коммунисты, но и многие отряды Крестьянского фронта» (стр. 74). На самом деле положение было несколько иным: многие члены БТИ одновременно считались и членами КПИ.

Поскольку пролетарская прослойка в КПИ становилась таким образом все незначительнее, а сам процесс приема в партию новых членов происходил без достаточно тщательного отбора, то мелкобуржуазные настроения, стихийно привносимые с собой крестьянами и люмпенами, получили и внутри партии благоприятную почву для широкого распространения. В этой связи автор, ссылаясь на документы подпольной Марксистско-ленинской группы КПИ, отмечает и еще одну особенность развития партии, а именно постепенное сосредоточение руководства сельскими партийными организациями в руках внекрестьянских мелкобуржуазных элементов (чиновников, представителей сельской администрации, учителей) (стр. 101).

² А. Другов, А. Резников. Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1969, стр. 136. См. также: «Национально-освободительное движение в Индонезии». М., 1970, стр. 173.

¹ См.: «Коммунист», 1969, № 8, стр. 108.

Касаясь внутренних и внешних субъективных факторов идейной трансформации КПИ, М. Гнилицкий рассматривает широкий круг вопросов политики партии, подпавшей — особенно в 60-е годы — под сильное воздействие мелкобуржуазных концепций Сукарно и пекинского левого экстремизма. Этим вопросам посвящено несколько специальных разделов книги.

Важнейшее значение для коммунистической партии в условиях Индонезии имела позиция ее руководства в аграрно-крестьянском вопросе. Автор отмечает, что к середине 60-х годов руководство партии полностью отказалось от осуществления последовательно демократической аграрной программы, выдвинутой в 1954 г. на V съезде КПИ.

Если тогда в своей программе партия требовала безвозмездной передачи земель иностранных плантаторов и местных помещиков неимущим крестьянам, то в конце 1964 г., в условиях откровенного саботажа аграрной реформы сельскими эксплуататорами, руководство партии практически отказалось от поддержки решительной борьбы крестьян за обещанную им землю (стр. 74).

Вместе с тем выдвинутый руководством КПИ лозунг «интеграция партии с крестьянством» означал прежде всего, как отмечает автор, новую оценку роли крестьянства в революционном процессе. Фактически отказываясь от своей прежней принципиальной позиции признания пролетариата в качестве ведущей движущей силы национальной революции, лидеры КПИ в конце 1964 г. прямо заявляли о своем согласии с Сукарно, который считал основной революционной силой независимой Индонезии — «главной опорой революции» — крестьянское большинство населения страны (стр. 74).

Но само по себе подчеркнутое возвышение руководством КПИ революционной роли крестьянства, не подкрепленное реальной поддержкой его борьбы за землю, отнюдь не способствовало укреплению авторитета партии в деревне.

Вместе с тем осуществление лозунга «интеграции партии с крестьянством» привело к значительному ослаблению того внимания, которое лидеры КПИ раньше уделяли непосредственному руководству борьбой различных отрядов индонезийского пролетариата. А это наносило серьезный ущерб политическому влиянию КПИ как партии пролетарского авангарда среди демократических социальных слоев и городского населения. В явной переоценке руководством КПИ революционных потенций крестьянства, в выводе о наличии в стране «революционной ситуации» и в ряде других вопросов, помимо влияния внутренних факторов, сказывалось и возрастающее идейное воздействие лево-экстремистских концепций Пекина.

Отход руководства КПИ от основных теоретических и организационных принципов марксистско-ленинской партии на мелкобур-

жуазный, гибельный для нее путь правого оппортунизма и левого экстремизма в значительной мере явился результатом идейной изоляции индонезийских коммунистов от мирового коммунистического движения. Эта изоляция была навязана Пекином, и она как указывает автор, усиливалась по мере того как сама КПИ становилась главным объектом раскольнических интриг лидеров КПИ и все больше переходила на позиции маоизма в подходе к основным международным проблемам (стр. 76). Это касалось проблемы мирного сосуществования двух систем, борьбы за запрещенное распространения ядерного оружия и за всеобщее разоружение, оценки роли движения афро-азиатской солидарности, отношений с соседними с Индонезией странами, прежде всего с Малайзией, политики в международном коммунистическом движении о мирном и немирном путях революционной борьбы за социализм и т. д. А поскольку во всех важных вопросах лево-оппортунистической линии маоистов противостояла прежде всего решительная марксистско-ленинская позиция КПСС, то в дальнейшем руководство КПИ неизбежно скатилось к прямой поддержке антисоветских кампаний Пекина в форме борьбы против так называемого «современного ревизионизма» или «советского гегемонизма».

В книге М. Гнилицкий приводится немало фактов, свидетельствующих о тех методах, к которым прибегало пекинское руководство с целью добиться ухудшения советско-индонезийских отношений вообще и отношений между КПСС и КПИ в частности. Ссылаясь на материалы судебного процесса над бывшим министром иностранных дел Субандрио, автор отмечает, что еще в январе 1965 г., во время официального визита индонезийской правительственной делегации в Пекин, Чжоу Энь-лай обратился к Субандрио, возглавлявшему делегацию, с предложением явно провокационного характера. Его существо состояло в том, чтобы Индонезия и другие афро-азиатские страны прекратили бы в дальнейшем всякие выплаты в счет погашения займов и кредитов, полученных ранее от СССР и европейских социалистических государств (стр. 91). А еще в августе 1963 г. с помощью активно действовавшей в Индонезии организации китайского национального меньшинства БАПЕР-КИ в Джакарте была создана специальная левоэкстремистская организация с характерным названием «Восточная Европа должна понять». В ее задачи прямо входило, с одной стороны, всяческое рекламирование помощи Индонезии со стороны КНР, а с другой — дискредитация той большой помощи, которую оказали стране СССР и социалистические государства Восточной Европы (стр. 96).

Касаясь непосредственных причин трагических событий 30 сентября 1965 г., М. Гнилицкий на большом документальном материале убедительно опровергает официально выдвинутую военным режимом «нового порядка» версию, направленную на то, чтобы

оправдать жестокие антикоммунистические репрессии, беспрецедентные в истории страны по масштабам и числу жертв. Прежде всего автор опровергает утверждения о том, будто деятельность компартии была-де направлена против самого президента Сукарно как главы государства (стр. 125, 128, 132).

Автор рассматривает в своей книге и оценку причин поражения КПИ, которая была дана прокитайской группировкой в руководстве КПИ. Как известно, в наиболее развернутом виде такая оценка содержалась в документе, составленном в сентябре 1966 г. и озаглавленном «Самокритика Политбюро ЦК КПИ». Из аргументации индонезийских маонистов М. Гнилицкий, к сожалению, приводит лишь положение о том, что само движение 30 сентября было якобы только «реакцией на провокации империалистов и современных ревизионистов» (стр. 154). Между тем дальнейшее развитие событий в Индонезии вновь и весьма убедительно подтвердило необходимость развернутой критики антинаучного и провокационного по своему существу, но скрытого за революционными фразами характера маонистских концепций, нашедших свое отражение в «Самокритике».

Так, несмотря на то, что нанесенное революционным силам тяжелое поражение, авторы «Самокритики» утверждали, что установленный в стране реакционный военный режим «нового порядка» — это-де «бумажный тигр», а одной из главных ближайших задач индонезийских коммунистов является развертывание «вооруженной крестьянской аграрной революции под руководством пролетариата»³. Подобные провокационные призывы, инспирированные Пекином, привели в середине 1968 г. коммунистическое подполье, действительно начавшее подготовку к вооруженной борьбе, к новому тяжелому поражению.

Собрав необходимую информацию по этому вопросу, в том числе и из сообщений китайского радио и прессы, индонезийские власти получили новый удобный предлог для репрессий. В ходе начатых на Восточной Яве (в районе Южного Блитара) широких карательных операций соединенной армии и полиции все возможные, по мнению властей, очаги вооруженного сопротивления были разгромлены, а более 800 коммунистов арестовано, и среди них многие еще оставшиеся на свободе видные деятели КПИ.

Газета «Правда» с полным основанием расценила тогда блитарские события как «новые трагические результаты авантюри-

стической политики Мао и его последователей в Индонезии»⁴.

В этой связи полезно напомнить совершенно правильные оценки, которые даны в документе Марксистско-ленинской группы КПИ от февраля 1969 года. Марксисты-ленинцы Индонезии, говорится в документе, считают, что было бы преждевременно вести вооруженную борьбу до завершения кропотливой черновой работы по созданию прочной политической организации, до наступления ярко выраженного политического кризиса, развитие которого приведет к появлению революционной ситуации, до создания организованной и влиятельной марксистско-ленинской партии, способной возглавить вооруженную борьбу и обеспечить массовую поддержку сил, идущих в союзе с рабочим классом. Преждевременные действия, подчеркнута в документе, явились бы авантюрой, объективно играющей на руку контрреволюции⁵.

Видно, во время работы над своей книгой М. Гнилицкий не располагал всеми необходимыми материалами о трагических событиях в Блитаре, пролившими новый свет на глубинные причины неоднократных поражений коммунистического движения в Индонезии. В 1968 г., как и в 1965 г., проявлялись рецидивы застарелой «детской болезни левизны», обусловленные доминирующим влиянием мелкобуржуазной идеологии на стратегию и тактику авангарда революционных сил.

Нам представляется, что автор, анализируя причины поражения КПИ, недостаточно учитывает такой важный для судьбы партии внешний фактор, как заблаговременная и планомерная подготовка реакционного генералитета, особенно сухопутных сил, к подавлению и разгрому коммунистического движения в Индонезии. Внутренняя реакция ожидала лишь удобного повода для своих действий, что и сыграло решающую роль.

Однако указанные недостатки и некоторые фактические неточности, допущенные в книге, отнюдь не снижают общего положительного впечатления о ней как о серьезном исследовании причин индонезийской трагедии.

Монография М. Гнилицкого, несомненно, принесла и принесет значительную пользу всем, кто интересуется проблемами развития коммунистического движения в странах Азии.

Г. И. Юмис, В. И. Явин

³ См.: «Народы Азии и Африки», 1968, № 1, стр. 43.

⁴ «Правда», 14.IX.1968.

⁵ «Коммунист», 1969, № 8, стр. 106.

Тао Юань-мин в новом издании *

Тао Юань-мин (365—427) — поэт, творчество которого представляет собой самое значительное явление в китайской литературе III—VI вв. Величие этого поэта не только в том, что его стихи прекрасны, вечно свежи и молоды и поныне доставляют людям подлинное эстетическое наслаждение. Его поэзия играла огромную роль в общем историческом литературном процессе Китая. Именно он, Тао Юань-мин, был после жившего семью веками ранее Цюй Юаня самой большой поэтической индивидуальностью и, по словам академика В. М. Алексеева, «первый освободил поэзию от придворных связей и общественно-исповедных кастовых обязательств, наложенных веками на китайского ученого-поэта». Тао Юань-мин вдохнул в китайскую поэзию жизнь со всеми ее естественными радостями и печальями, с повседневными, не выдуманными, а реальными чертами. Его поэзия проста, непринужденна, чиста, а главное — обращена к человеку, его душе, проникнута не отвлеченными, а понятными каждому, поэтому конкретными и лишенными какой-либо предвзятости раздумьями: что подлинно ценно и прекрасно в жизни, что преходяще и мелко, возможно ли наслаждаться жизнью, зная, что смерть неминуема?

На эти и многие другие извечные вопросы человечества и отвечает поэт в своих стихах, отражая мудрость, накопленную лучшими умами Китая ко времени его жизни.

Поэзия Тао Юань-мина, высоко оцененная такими выдающимися китайскими учеными и поэтами прошлого, как Су Ши (XI в.) и Чжу Си (XII в.), исследуемая такими крупнейшими представителями китайской литературной мысли XX в., как Лу Синь и Чжэн Чжэнь-до, переведенная на многие языки мира и получившая широкую известность на разных континентах земли, — эта поэзия, несомненно, является достойным вкладом в сокровищницу мировой культуры.

В этой связи нетрудно понять, сколь значительным событием для советского Китаеведения и сколь ценным источником познания духовных богатств китайского народа для широкого советского читателя явились в 1964 г. книга «Тао Юань-мин. Лирика», а затем — в 1972 г. — новое, дополненное переводчиком Л. З. Эйдлиным издание этой книги — «Тао Юань-мин. Стихотворения».

* Тао Юань-мин. Стихотворения. Пер. с кит. Л. Эйдлина. М., 1972.

Перевод на русский язык поэзии Тао Юань-мина потребовал от переводчика Л. З. Эйдлина многих лет кропотливой исследовательской работы: об этом свидетельствует его монография «Тао Юань-мин и его поэзия». Иначе и быть не могло. Ведь перед переводчиком стояла задача обобщить все уже имеющееся, что связано с жизнью и творчеством поэта, и при переводе стихов учесть опыт прежних исследователей и переводчиков, дать наиболее точный и достоверный перевод. И конечно же, нужна была максимальная самоотдача поэта.

Здесь уместно вспомнить верное замечание Белинского: «Если у иностранцев есть превосходные переводы — нашей публике это не легче, и тайна переводов на русский язык для нее должна остаться тайною. В тех пор, пока какой-нибудь талантливый переводчик самим делом не покажет, как должно переводить с того или другого языка того или другого поэта»¹.

Приступая к переводам китайской классической поэзии, Л. З. Эйдлин опирался на переводческий опыт и теоретические выводы отечественных Китаеведов, прежде всего академика В. М. Алексеева. Удачи и промахи предшественников, несомненно, многому научили переводчика, но его ждали и тяжкий труд, и поиск, и сомнения, и радость находок. Таким образом ученый прокладывает путь переводчику, а поэтическая работа переводчика способствовала более углубленному осознанию художественной природы китайского подлинника.

Достоинства переводческой практики Л. З. Эйдлина станут более наглядными, если мы сравним некоторые стихотворения в рецензируемого сборника с переводами на английский язык такого известного и серьезного переводчика, как Артур Уэйли².

Л. З. Эйдлин видит в Тао Юань-мине поэта, который не захотел «за пять мер разогнуть спину» перед недостойными чиновниками и удалился в деревню. «Это был смелый вызов обществу — уход для работы на земле, возвращение к «первозданной свободе»³. По представлениям А. Уэйли, «отшельничество» Тао Юань-мина не имеет столь ярко выраженной социальной окраски, а его конфликт с обществом не является непримиримым. Вот почему при переводе стихотворения «Забрезжило утро...» (из цикла «За вном»), в котором поведено о приходе к поэту старика хлебопашца, А. Уэйли с такой изливной легкостью четкую строку подлинника подменяет фразой, ничего не говорящей о причинах бедственного положения поэта:

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. СПб., 1901, т. 3, стр. 337.

² "A Hungred and seventy chinese poems translated by Arthur Waley". New York, 1925, 104 п.

³ Тао Юань-мин. Стихотворения. М., 1972, стр. 17.

He brought a present of wine and rice-soup,
Believing that I had fallen on evil days⁴.

Л. З. Эйдлин дает правильный перевод:
Его бесноконт
мой с нынешним веком разлад⁵.

Из четырех строк, передающих обращение к поэту слова крестьянина, А. Уэйли одну не понял, а над другими не задумался и перевел следующим образом:

The rest of mankind have all the ambitions:
You, too, must learn to wallow in their mire⁶.

На первый взгляд может показаться, что английский перевод в какой-то мере передает буквальные словарные значения иероглифов. Но в действительности это не так. Содержащиеся в старинных изданиях стихотворений Тао Юань-мина комментарии показывают, что их составители придавали первой строке иной смысл: они усматривали в ней почти полное сходство со знаменитыми словами Цюй Юаня из элегии «Отец-рыбак» — «Весь мир, все люди грязны». В переводческой работе Л. З. Эйдлин внимательно относился к мнениям комментаторов. Но знание суждений китайских ценителей и знатоков поэзии Тао-Юань-мина не делало переводчика рабом их мнений, а лишь помогало выработке самостоятельного восприятия творений автора. Анализ различных высказываний комментаторов, рассмотрение примеров из словаря «Пэйвэнь юньфу», знание характерных для Тао Юань-мина законов словоупотребления приводят Л. З. Эйдлина к мысли: «Думаю, что шан здесь глагол, означающий то же, что гуй, — «ценить» (гуй тун, «ценить согласных»). Иначе, зачем же Тао не повторил вслед за древним поэтом знака чжо, «грязь», что было бы проще всего? Я останавливаюсь на этом потому, что мне кажется весьма существенной конкретизация взгляда на отрицательные стороны человеческого общества у Тао Юань-мина по сравнению с «Чускими стихами», несмотря на внешнюю похожесть сюжета»⁷. В результате научного поиска и появился следующий перевод:

Повсюду на свете
поддакивающие в чести.
Хочу, государь мой,
чтоб с грязью мирской ты плыл!

Познакомимся с еще одним из важнейших для понимания мироощущения Тао Юань-мина стихотворением — «Возвратился

к садам и полям». Начальные две строки А. Уэйли передает следующим образом:

When I was young, I was out of tune with
the herd:
My only love was for the hills and mountains⁸.

Английский перевод завершается словами:

When I lived checked by the hare of a cage:
Now I have turned again to Nature and
Freedom⁹.

Уэйли по-своему логичен и последователен в своем переводе. Он воспринимает поэта как человека, который стремится к жизни на лоне природы. В китайском стихотворении начальные и заключительные строки в идейном и эмоциональном плане созвучны и являются своеобразным ключом к содержанию произведения. Потому А. Уэйли под «Природой» подразумевает «холмы и горы», столь любимые китайским автором, а под «Свободой» — возможность быть вне толпы. Английский перевод в какой-то мере передает подлинник, но лишь в самом общем, приблизительном виде, без учета глубокой философской основы стихотворения. Л. З. Эйдлин видит в этом произведении утверждение определенного идеала человека, определенного образа жизни. Ему важен смысл заключающего стихотворение выражения цзыжань, «естественность», представляющего одну из ключевых категорий таоюаньминской философии жизни. В своем исследовании он специально подверг тщательному анализу понятие цзыжань и пришел к выводу: «Думаю, что эти конкретные обстоятельства позволяют рассматривать проповедующую Тао естественность не как нечто овеянное даоской непознаваемостью, а как простую свободу, для которой человек рожден, свободу от искусственности и фальши: цзыжань — слово уже готовое — всего более подходило Тао Юань-мину для выражения его идей естественности, первоначальной свободы, к которой поэт наконец пришел, порвав «путы суетных дел»¹⁰. Выявление мировоззренческих представлений Тао Юань-мина и позволило переводчику точно передать раздумья и настроение поэта:

С самой юности чужды
мне созвучия шумного мира.
От рожденья люблю я
этих гор и холмов простоту.

.....

⁴ «Он принес в дар вино и рисовый отвар, полагая, что мне выпали тяжелые дни». (Здесь и далее подстрочный перевод с английского дан автором статьи.)

⁵ Тао Юань-мин. Стихотворения. М., 1972, стр. 134.

⁶ «Остальные люди [тем не менее] полны честолюбивых устремлений. Вы тоже должны научиться барахтаться в грязи».

⁷ Л. Эйдлин. Тао Юань-мин и его стихотворения. М., 1967, стр. 303.

⁸ «Когда я был молод, я не имел ничего общего [с толпой] — с этим стадом. Моей единственной любовью были холмы и горы».

⁹ «Долго я жил, отгороженный [от мира] прутьями клетки».

Теперь я вновь возвратился к Природе и Свободе».

¹⁰ Л. Эйдлин. Тао Юань-мин и его стихотворения, стр. 88.

Как я долго, однако,
прожил узником в запертой клетке

И теперь лишь обратно
к первозданной свободе пришел.

Восприятие Л. З. Эйдлиным китайского стихотворения как единого целого, подчиненного во всех своих деталях воссозданию переживаний автора, определило здесь и ту тональность, в которой переданы по-русски отдельные слова и выражения подлинника.

А. Уэйли, не осознав философской мысли стихотворения, дает такой перевод:

The migrant bird longs for the old wood;
The fish in the tank thinks of its native pool¹¹.

А. Уэйли усматривает в этих строках лишь тоску по родным местам, поэтому и слова цзи няо для него означают всего лишь «перелетная птица». В переводе же Л. З. Эйдлина учтен и имеющийся в этих строках параллелизм, и тесная связь образов с темой всего произведения. Он видит не столько традиционные для китайской лирики мотивы тоски по отчуждению, сколько вольнолюбивые устремления, решимость порвать «путь выгодных мест и чинов». Отсюда и точные строки русского перевода:

Даже птица в неволе
затоскует по старому лесу.
Даже рыба в запруде
не забудет родного ручья.

Сопоставляя переводы Л. З. Эйдлина и А. Уэйли, убеждаешься, насколько легко переводчику средневековой поэзии Китая допустить ошибку, неточность, так как даже отличное знание китайской литературы и большой переводческий опыт зачастую оказываются недостаточными, если отсутствует знание подробностей жизни автора. В переводе стихотворения «Укоряю сыновей» А. Уэйли приводит лишь четыре имени сыновей Тао: Шу, Сюаня, Юн-дуаня и Тун-цзы. Будь переводчик внимательней, он смог бы выяснить, что в стихе речь идет о сыновьях Юне и Дуане, которым было по тринадцати лет. А в переводе сказано:

Yung-tuan is thirteen¹².

Советскому переводчику известно не только о том, что речь идет о двух сыновьях, но и о споре, который шел в Китае еще в XII в., — были они от жены или один рожден наложницей. На основе имеющихся сведений Л. З. Эйдлин считает их близнецами и потому предлагает такой перевод:

Дуаню и Юну —
— они близнецы — тринадцать.

¹¹ «Перелетные птицы тоскуют по старому лесу, Рыба в [искусственном] пруду думает о родном озере».

¹² «Юн-дуаню — тринадцать».

Переводчик искусно ввел комментарий в стихотворение, и это не просто разъяснение, но также и выражение своей позиции в данном споре о фактах биографии поэта, в смысле текста произведения.

Строку

Шу — старшему сыну —
исполнилось дважды восемь

А. Уэйли перевел неверно:

A-shu is eighteen¹³.

Л. З. Эйдлин в монографическом исследовании отмечал, что строка о сыне Сюаня оказалась трудна для европейских переводчиков: «Во фразе «А-сюань цзи чжи сюэ», т.е. «Сюань приближается к возрасту, когда Конфуций стремился к учению», чжи сюэ и Эккер и Бао-ху Чжан относят не к возрасту Сюаня, а к возрасту непосредственно. Если им следовало бы догадаться о наличии намека по одному тому, что Сюань — единственный из сыновей, возраст которого не указан прямо»¹⁴. Не увидел намека и не смог правильно перевести и А. Уэйли:

A-hsuan does his best,
But really loathes the Fine Arts¹⁵.

Советский переводчик доносит до русского читателя разнообразные и сложные ассоциации, столь характерные для китайского классического стиха. Оказавшиеся трудными для западноевропейских переводчиков строки в русском переводе звучат так:

В пятнадцать Сюаня
Конфуций «стремился к книге»,
Сюань же, напротив,
не терпит искусства слова.

На этом частном примере подтверждается мысль русского переводчика Тао Юань-мина о том, что «комментарий разрушает поэтическое настроение, рвет его на части, но без комментария трудно, если не невозможно, понять то, о чем говорится и на что намекается в старых стихах. Думаю, что в терпимых дозах, с соблюдением необходимого такта, комментарий может вплестаться в ткань стиха и это будет приближать нас к точному воспроизведению оригинала и создаваемых им настроений: древний читатель не отвлекался для розысков намека или какого-либо упоминания»¹⁶.

Русские переводы Тао Юань-мина являются пример бережного отношения к отдельному слову китайского стихотворения, со-

¹³ «А-шу — восемнадцать».

¹⁴ Там же, стр. 192.

¹⁵ «А-сюань делает все, что может, Но он же питает отвращение к изящным искусствам».

¹⁶ Там же, стр. 137.

разнения в русской поэтической речи места и функциональной роли, присущих ему в образной структуре средневекового поэта. Тщательное сопоставление любого произвольно взятого из рецензируемого сборника стихотворения с китайским текстом может наглядно убедить в справедливости высказанной нами оценки. Так, например, начало одного из самых ярких стихотворений Тао Юань-мина «Я поставил свой дом...» (из цикла «За вином») — так переведено:

Я поставил свой дом
в самой гуще людских жилищ,
Но минует его
стук повозок и топот коней.

Английский перевод А. Уэйли этих строк довольно категорично сообщает, что рядом с поэтом не раздаётся стука колес повозок ни цоконья копыт коней. Но ведь Тао Юань-мин имел в виду иное: поэт среди мирской суеты, но и здесь ему удалось обрести тишину, душевный покой. Потому представляется весьма удачным выбор Л. З. Эйдлиным глагола для второй строки: действительно, шум многолюдного селения не трогает поэта, «минует его».

Внимание советского переводчика к отдельному слову переводимого стиха приносит свои плоды потому, что он постоянно помнит о главной задаче — о воспроизведении идейного характера и выразительных средств всего стихотворения в целом. В противном случае, как это видно, скажем, на примере переводов американской переводчицы Ф. Эйскоф, искажается смысл подлинника и утрачивается его стилистическое своеобразие. Ф. Эйскоф ошибочно полагала: «Чтобы уловить замысел поэта, следует обладать необходимыми знаниями для анализа иероглифов»¹⁷. Такое расширение значения иероглифа на основе субъективного его анализа без учета идейной и смысловой нагрузки слова в данном контексте приводит к серьезным ошибкам. Переводчица встречается в тексте иероглиф ло — «падать», «опадать» — и считает необходимым в английском варианте учесть, что этот китайский глагол часто употребляется, когда речь идет о листьях; иероглиф же чэнь воспринимается

не просто как «пыль», а «пыль на дороге». Отсюда и английский перевод:

What folly to spend one's life like a dropped leaf
Snared under the dust of streets,
But for thirteen years it was so I lived¹⁸.

Л. З. Эйдлин дает перевод точный и выразительный:

Я попал по ошибке
в пылью жизни покрытые сети,
В суету их мирскую —
мне исполнилось тридцать тогда.

Расчленение иероглифа сянь — «свободный, беззаботный, спокойный» — на составные части: «ворота» и «луна» — навело Ф. Эйскоф на мысль о возможности следующего перевода:

My private rooms are quiet,
And calm with the leisure of moonlight an open door¹⁹.

Русский перевод сохраняет и идею китайского стиха, и его емкость и лаконичность:

Пустота монах комнат
бережет тишину и покой.

Как-то Арсений Тарковский заметил: «Жуковский сказал, что переводчик — соперник переводимого автора. Соперничество? О нет, соперничество — вот суть искусства поэта-переводчика!»²⁰

Думается, пример переводов стихов Тао Юань-мина на русский язык красноречиво подтверждает эту мысль.

Е. А. Серебряков

¹⁸ «Что за нелепость — провести жизнь, словно опавший лист, втоптаный в пыль улиц, Но ведь так я и жил целых тринадцать лет».

¹⁹ «В монах комнатах тишина, И покой от лунного света, [любогося] через открытую дверь».

²⁰ «Голоса поэтов». Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой. М., 1965, стр. 8.

¹⁷ "Fir-flower tablets". Poems translated from the Chinese by Florence Ayscough. Boston and New York, 1921, p. 88.

Конференция в Джокьякарте

С 10 по 19 декабря 1973 г. в древнем культурном центре Индонезии г. Джокьякарте состоялась Межправительственная конференция в области культуры в Азии. Это был первый подобного рода форум деятелей культуры стран Азии, организатором которого выступила ЮНЕСКО. В работе конференции приняли участие 136 делегатов, представляющих 21 государство — членов организации ЮНЕСКО, а также наблюдатели от некоторых стран и международных организаций. В числе делегатов было 19 министров и 5 заместителей министров, занимающихся вопросами культуры. В состав делегации Советского Союза, возглавляемой министром культуры СССР Е. А. Фурцевой, входили министры культуры Азербайджана, Грузии, Казахстана и Узбекистана, представители МИД СССР и других учреждений.

Члены советской делегации приняли активное участие в работе конференции и всех ее комиссий. Они выступили с семью докладами, в которых рассказали об успехах культурного строительства в СССР в различных областях, о развитии многонациональной по форме и интернационалистической по своему характеру социалистической культуры в нашей стране. По инициативе советской делегации конференция приняла ряд резолюций-рекомендаций, в том числе резолюцию о мире и безопасности в Азии, призвавшую правительства всех азиатских государств «содействовать культурному сотрудничеству между странами в целях обеспечения взаимопонимания и духовного сближения между народами, укрепления мира и безопасности в этом регионе», «использовать контакты в области культуры, а также средства информации для популяризации среди широкой общественности чувства верности идеям безопасности и мира в Азии».

Делегаты конференции обсудили широкий круг вопросов, в том числе: положение и тенденции в политике в области культуры азиатских государств — членов ЮНЕСКО;

развитие культуры, как фактора национальной самобытности и инструмента социального преобразования; молодежь и культура; международное культурное сотрудничество; средства массовой информации и развитие культуры; подготовка специалистов в области культуры и др.

Делегаты многих стран высказывали беспокойство по поводу состояния современной культуры в странах Азии, делились своими соображениями о путях ее развития. Они отмечали отрицательное влияние на развитие культуры последствий колониализма, а также переживаемых большинством азиатских стран экономических и социальных трудностей. Многие ораторы говорили о необходимости развития международного культурного сотрудничества, убедительно доказывая вредность существовавшей до настоящего времени изоляции культур ряда азиатских стран от величайших достижений мировой классики и лучших образцов современного искусства и культуры других стран.

Конференция отвергла понятие культуры как деятельности избранных. Было подчеркнуто, что именно государственные органы обязаны обеспечить расширенный доступ к культуре всех социальных групп и их участие в ней. Важную роль в приобщении людей к культуре играет систематическое и непрерывное образование.

Конференция подчеркнула, что национальная самобытность не может быть достигнута в условиях обеднения и подавления культур или же в условиях патерналистского отношения к культурам малых народов. Взаимовлияние и перекрестивание различных культур в историческом плане имело важное значение.

Конференция признала, что культурное развитие Азии, как непрерывный поиск новых систем ценностей и как средство пробуждения общественного сознания, может быть эффективным инструментом содействия освобождению людей от оков нищеты и отсталости. Оно может дать направление развитию науки, техники и средствам производства на самой широкой социальной основе.

Учитывая необходимость обновления, оживления и укрепления культурных связей и уз дружбы и взаимопонимания, которые на протяжении всей истории существовали между странами Азии, и сознавая тот факт, что азиатские страны не общаются между собой в такой же мере, в какой они общаются со странами западного региона, конференция единодушно подчеркнула, что культурное сотрудничество азиатских государств может не только придать новые масштабы

взаимосвязи между ними, но также стать источником большего взаимопонимания и терпимости по отношению к образу жизни друг друга.

Среди государств, получивших приглашение направить делегатов на конференцию ЮНЕСКО по политике в области культуры в Азии, была также и Китайская Народная Республика. Однако Китай не был представлен на конференции.

Это и понятно. Маоисты не могут показать свои достижения в области культурного развития, хотя уже около десяти лет они проводят в стране кампанию, именуемую по злой иронии «культурной революцией». Эта революция нанесла тяжелый урон культурному строительству в Китае. В ходе ее были ликвидированы министерства культуры и образования, разогнаны все творческие союзы и организации, на длительное время прекратили свою деятельность театры и другие творческие коллективы. На несколько лет прервались занятия в школах и институтах. Только спустя восемь лет в январе 1974 г. китайские вузы выпустили всего

лишь 30 тысяч дипломированных специалистов. Были закрыты библиотеки, а издательства выпускали преимущественно цитатники да брошюры с отдельными произведениями «великого кормчего». В годы «культурной революции» книги считались рассадниками ревизионизма и хунвэйбины сжигали их на кострах. Многим национальным памятникам был причинен серьезный ущерб. Публично-мушельмованию подверглись деятели культуры, видные представители китайской интеллигенции.

И не случайно ни на IX, ни на X съездах КПК не было уделено должного внимания вопросам развития культуры. Лишь прозвучали призывы «уделять большое внимание классовой борьбе в области надстройки, в том числе и во всех отраслях культуры». Иначе говоря, продолжать политику подавления культуры, пропаганду культа Мао Цзэ-дуна и маоистских политических установок.

Вот почему маоисты не осмелились послать свою делегацию на конференцию в Джокьякарту.

В. А. Семенов

Проблемы культуры КНР

(конференция в Институте Дальнего Востока АН СССР)

«Культура КНР после «культурной революции» — так называлась конференция, проведенная в декабре 1973 г. сектором культуры Института Дальнего Востока АН СССР. С докладами и сообщениями выступили китаеведы сектора культуры ИИДВ АН СССР, а также сотрудники Института востоковедения АН СССР. Среди участников были, помимо выступавших, ученые из Московского университета, Института истории искусств, Академии художеств, журнала «Народы Азии и Африки».

Вступительный доклад «К оценке современного состояния культуры КНР» был посвящен общим вопросам культурной жизни КНР, по-прежнему подчиненной маоистской догме — «сначала разрушать, строить потом». Многовековая культура Китая, отвергнутая в ходе «культурной революции»,

давно уже не служит фундаментом для строительства новой культуры. Основой для работы в области культуры до сих пор остаются яньаньские выступления Мао Цзэ-дуна (1942), «Протокол совещания по литературно-художественной работе в армии» (1966), просмотренный и отредактированный Мао Цзэ-дуном, и его установки на отрицание всего отечественного и мирового наследия. Подобный изоляционизм ведет к оскудению духовной жизни страны. А то новое, что действительно появлялось в последнее время, по-прежнему определяется требованиями нормативной эстетики маоизма, сводящей культуру в целом и литературу и искусство в частности к утилитарной функции служанки политики. Факт «оживления» культурной жизни в КНР, сделал вывод докладчик, не следует переоценивать, ибо главным противоречием в КНР по-прежнему остается противоречие между культурными потребностями народа и возможностями, предоставляемыми маоистским руководством, которые не в силах удовлетворить эти потребности.

В сообщении «Некоторые особенности творческого процесса в современном Китае» говорилось об отношении маоистов к творческим работникам. «Наши писатели должны всегда помнить свое место», — заявляет китайская печать и призывает творческую интеллигенцию равняться на героев «образцовых пьес», на искусственно сконструированные шаблоны.

Выступавшие показали, к каким плачевным результатам приводит реализация мао-

истских «эстетических» установок. Об этом шла речь в сообщениях на тему: «Китай: предназначение литературы», «Китайская поэзия 70-х годов», «О романе Цзян Шу-мао «Шторм над рыбачьим островом». Появившаяся литература в массе своей не более чем «убогое проповедничество», а некоторые изменения в интонациях по сравнению с 1972 г. не более чем легкая мимикрия, не касающаяся основного ее направления. Заданными политическими «блоками» и схемами избоблует, например, сборник рассказов «Гудит канатная дорога» (1973). Одной из целей этого сборника является проповедь антисоветизма.

Не лучше обстоят дела и в искусстве. Китайская пресса довольно часто и bravурно рапортует о «победах» на художественном фронте: открываются выставки картин, рисунков, гравюр, но, как было отмечено в сообщении «Изобразительное искусство сегодня (новые произведения художников)», живопись, вооруженная маонистским творческим методом сочетания революционного реализма с революционным романтизмом, деградирует. Маонистская действительность толкает художников к штампам и трафаретам.

Театральная практика возглавляемая Цзян Цин «радикалов» есть лишь конечная реализация маонистских идей — такой была главная мысль выступления на тему «Театр КНР в период «скачка» и нынешнее его состояние». «Теоретические» установки Мао Цзэ-дуна, прозвучавшие в 1942 г., приобрели более ясные контуры на рубеже 50—60-х годов в период «большого скачка». Таким образом, «образцовые революционные пьесы» заполонившие сегодня китайскую сцену, следует рассматривать не как «новое», привнесённое только «культурной революцией», а как один из результатов развития маонистской линии. Отсюда понятно то рвение, с каким маонисты переносят «образцовые революционные пьесы» на киноэкран, дабы утвердить в кино выработанные театром «новые критерии». Об этом говорилось в сообщении «Новые явления в кино КНР».

В прениях была отмечена несомненная польза проведенной конференции для всестороннего изучения нынешнего состояния культуры КНР, глубокого анализа происходящих изменений и принципиальной оценки их с марксистско-ленинских позиций.

С. А. Торопцев

Встреча в Улан-Баторе

В феврале 1974 г. в Улан-Баторе состоялась двусторонняя встреча писателей-переводчиков СССР и МНР. Советскую делегацию на этой встрече возглавлял Ананиашвили, заместитель председателя Совета по художественному переводу Союза писателей СССР. В ней приняли участие главный редактор журнала «Байкал» А. А. Бальбуров, поэт-переводчик и критик Г. Б. Ярославцев, монголовед-филолог К. Н. Яцковская и представитель Иностранной комиссии СП СССР Г. И. Васин. Было прочитано около двадцати докладов и сообщений. Материалы совещания публиковались в монгольской прессе.

От имени Президиума Великого народного хурала МНР тов. С. Лувсан вручил советским участникам встречи медали и Почетную грамоту. Делегацию принял секретарь ЦК МНРП тов. Д. Чимидорж, выразивший удовлетворение деятельностью и результатами совещания.

13 февраля 1974 г. в Улан-Баторе собрались советские и монгольские литераторы,

представители культурных, общественных организаций, издательств и прессы Монголии, чтобы поделиться практическим опытом, теоретически осмыслить уровень достижений в области перевода с русского на монгольский язык и с монгольского на русский.

Искусство перевода, которым в последние годы после народной революции упрямые овладевали молодые монгольские литераторы, оказывало решающее воздействие на мировоззрение и мастерство зачинателей и основоположников новой монгольской литературы. Переводчиками были такие крупные национальные писатели, как Д. Нацагдорж и С. Буяннэмэх, Ц. Дамдинсурэн и Б. Радчен. Они знакомили монгольский народ с шедеврами А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и А. П. Чехова, с произведениями А. А. Фадеева, Д. А. Фурманова, Н. А. Островского. Искусство перевода обогащало их собственный язык и стиль углубляло и помогало совершенствовать художественное мастерство.

Практический опыт, накопленный монгольскими переводчиками советской литературы и советскими переводчиками с монгольского, поистине велик. Перечислить книги, увидевшие свет на русском, а затем на монгольском языке и наоборот, значило бы составить внушительный библиографический справочник. Ограничимся некоторыми цифрами. За полвека в МНР вышли из печати на монгольском языке около шестисот от-

дельных изданий произведений советской и русской классической литературы. За последнее десятилетие советскими переводчиками были представлены читателям произведения пятидесяти монгольских поэтов и двадцати прозаиков. Цифры эти говорят и о размахе культурного сотрудничества наших народов и о глубине духовного влияния русской и советской культуры на народ, первым после советского народа вступивший на путь построения социализма.

Кратким вступительным словом встречу открыл секретарь Союза монгольских писателей С. Эрдэнэ. Председатель СП МНР С. Удвал приветствовала участников встречи, отметила плодотворную деятельность переводчиков двух стран, их ценный вклад в развитие культурных связей. Критик Г. Жамсранжав в своем докладе на множестве примеров убедительно показал, как перевод и издание советской литературы способствуют укреплению дружбы, содействуют воспитанию монгольских трудящихся в духе интернационализма. Программой культурных связей наших народов, указал он, стали слова великого Ленина монгольским делегатам в 1921 г. о том, что монгольским трудящимся полезно ознакомление и сближение с культурой русского народа.

О состоянии и дальнейших планах перевода русской и советской литературы в МНР рассказал главный редактор объединенной редакции Госиздата Т. Содномдаржа. Перевод художественной литературы с русского языка, отметил он, и ныне является неотъемлемой частью деятельности современных монгольских писателей. Произведения Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, А. М. Горького, М. А. Шолохова, Р. Гамзатова, Ч. Айтматова, Х. Намсараева духовно обогащают трудящихся МНР.

Заведующий отделом печати министерства народного образования Г. Дэмбэрэл рассказал о переводе на монгольский язык со-

ветской литературы для детей. Интересными теоретическими соображениями о переводческом мастерстве поделился Б. Дашцэрэн, много сил отдавший переводу произведений М. А. Шолохова. Он подчеркнул, что в условиях непрекращающейся в мире борьбы двух идеологий — социалистической и буржуазной — переводчику необходима твердая партийная позиция. Известный литератор С. Бадра, работающий ныне над переводом «Жизни Клима Самгина», увлеченно говорил о сложности этой работы. Писатель Ч. Чимид, давший своему народу возможность читать по-монгольски «Евгения Онегина», ввел слушателей в мастерскую поэта-переводчика, говорил об особенностях русского и монгольского стихосложения, об использовании их при иноязычном воссоздании оригинала. Не менее содержательным было выступление и М. Цэдэндоржа, составившего и переведшего на монгольский язык двухтомную «Антологию советской поэзии».

Э. Ананишвили познакомил слушателей с развитием художественного перевода в СССР, осветил теоретические основы переводческого мастерства. Об этом говорили и другие докладчики (К. Яцковская, Г. Ярославцев), делясь личным опытом и обобщая переводческие достижения советских коллег-монголоведов. О публикации переводов и планах журнала «Байкал», выходящего на бурятском и русском языках, говорил А. Бальбуров. О мероприятиях, связанных с пропагандой достижений монгольской культуры в Советском Союзе, рассказал Г. Васин.

Подводя итоги первой в МНР встречи переводчиков двух стран, секретарь Союза писателей МНР Д. Цэдэв отметил, что она была полезной и плодотворной.

Г. Б. Ярославцев

ПАМЯТИ ТОВАРИЦА ВАН МИНА

27 марта 1974 г. в Москве после тяжелой продолжительной болезни скончался ветеран международного коммунистического движения, видный деятель коммунистической партии Китая, активный участник героической борьбы китайского народа за национальное и социальное освобождение, за социалистический путь развития Китая товарищ Ван Мин (Чэнь Шао-юй).

Ван Мин родился в апреле 1904 г. в провинции Аньхой в семье бедного учителя. Революционную деятельность он начал еще юношей, будучи студентом Уханьского университета. В период антиимпериалистического «движения 30 мая», положившего начало китайской революции 1925—1927 гг., Ван Мин был одним из вожakov антиимпериалистических выступлений уханьских студентов. В 1925 г. он вступил в Коммунистическую партию Китая. В конце того же года он выехал в Москву на учебу, для овладения теорией и практикой марксизма-ленинизма, для изучения опыта международного рабочего и коммунистического движения. В критические дни революции 1925—1927 гг. он вернулся в Китай, присутствовал на V съезде КПК, активно включился в революционную борьбу. В конце 1927 г. руководство КПК вновь направляет Ван Мина для продолжения учебы в Москву. Наряду с учебой в аспирантуре Института национально-колониальных проблем он принимает деятельное участие в подготовке VI съезда Коммунистической партии Китая и в работе самого съезда.

В 1929 г. Ван Мин возвращается в Китай. В условиях подполья и жестокого гоминьдановского террора он выполняет ответственные поручения Центрального Комитета партии, вскоре становится секретарем райкома в Шанхае, а затем возглавляет провинциальный комитет КПК провинции Цзянсу.

В 1930 г. Ван Мин одним из первых в КПК выступил с критикой мелкобуржуазно-националистической, полутроцкистской, авантюристической платформы Ли Ли-сяня, фактически возглавлявшего в то время Политбюро ЦК КПК. Основу линии Ли Ли-сяня составил тезис о необходимости для победы китайской революции подтолкнуть, искусственно ускорить мировую революцию посредством развязывания мировой войны между

империализмом и Советским Союзом, и прежде всего между империалистической Японией и СССР, не останавливаясь перед тем, чтобы «пожертвовать Советским Союзом в интересах китайской революции». Мао Цзэ-дун был активным соучастником формирования и осуществления линии Ли Ли-сяня. Он полностью одобрял все мероприятия лилisanевского руководства и осуществлял их в меру своих возможностей. Поэтому лилisanевцами он был введен в состав Политбюро (о чем маоисты предпочитают умалчивать). Впоследствии Мао Цзэ-дун, фальсифицируя историю КПК и китайского революционного движения, всячески старался отмежеваться от лилisanевщины, встав в позу критика «лево»-авантюристических ошибок Ли Ли-сяня. В то же время националистические идеи Ли Ли-сяня стали органической составной частью маоистской доктрины. Это была авантюристическая и гибельная линия прежде всего для Коммунистической партии Китая и китайской революции. И Ван Мин решительно выступил против нее. Требовалось большое мужество и стойкость, чтобы в тех условиях выступить против Ли Ли-сяня и его сторонников, захвативших руководство партии. В ответ на критику лилisanевцы обрушились на Ван Мина, обвинив его в «правом уклоне», во «фракционной деятельности», и «временно» на три месяца исключили из партии, в условиях подполья лишили его денежного содержания и контактов с партийными руководителями. Но это не сломило Ван Мина. В июне 1930 г. он написал брошюру под заголовком «Борьба за дальнейшую большевизацию КПК (Две линии)», в которой, анализируя внутривнутрипартийную борьбу в КПК, особо подчеркнул, что единственным путем и гарантией дальнейшей большевизации КПК является борьба правильной марксистско-ленинской, коминтерновской линии на два фронта — против правого и «левого» уклонов. Особый упор Ван Мин делал в этой книге на борьбу против лилisanевщины, вскрыв ее оппортунистическую сущность и социальные корни.

Характеризуя лилisanевщину, Ван Мин указывал, что «она отражает настроения мелкой буржуазии, не терпящей режима империализма и помещичье-буржуазного блока в Китае, капитулирующей перед трудностями и сложностью революции и старающейся либо перескочить сразу к победе революции не только в Китае, а во всемирном масштабе, для того чтобы во что бы то ни стало избавиться от разорения и затруднений, либо, если это невозможно, пойти на любые уступки перед империализмом и гоминьданом. Вот таково содержание лилisanевской линии».

Мао Цзэ-дун и его приверженцы позднее вынуждены были признавать, что в КПК «некоторые в то время и в последующие десять с лишним лет считали эту брошюру документом, играющим роль «правильной программы» партии. Показательно, что эта брошюра Ван Мина была переиздана в Яньани в 1940 году.

В 1931 г. Ван Мин был избран членом ЦК Компартии Китая, членом Политбюро, секретарем ЦК КПК и некоторое время исполнял обязанности Генерального секретаря ЦК КПК.

С конца 1931 г. и до ноября 1937 г. Ван Мин являлся представителем Компартии Китая в Коминтерне. Работая длительное время в Коминтерне, Ван Мин встречался с выдающимися деятелями международного рабочего и коммунистического движения, изучал мировой революционный опыт, теорию и практику национально-освободительного движения. В творческом содружестве с Г. М. Димитровым и с другими деятелями международного рабочего и коммунистического движения Ван Мин участвовал в коллективной теоретической и политической работе Коминтерна, в научном обобщении революционного опыта, в том числе и опы-

та Коммунистической партии Китая. Совместно с ними он принимал активное участие в подготовке исторического VII Конгресса Коминтерна и выступил на нем с докладом «О революционном движении в колониальных и полуколониальных странах и тактике коммунистических партий». Совместно с ними он разрабатывал, развивал и конкретизировал применительно к Китаю ленинскую идею единого антиимпериалистического фронта. На этом конгрессе Ван Мин был избран членом Президиума Исполкома Коминтерна и кандидатом в члены Секретариата ИККИ. С большим уважением к Ван Мину относился Генеральный секретарь Коминтерна Г. М. Димитров.

В 30-е годы в различных изданиях Коминтерна, ВКП (б) и КПК были опубликованы многочисленные работы Ван Мина по вопросам стратегии и тактики КПК и проблемам китайской революции. Исключительно большой вклад Ван Мин внес в теоретическую разработку и практическое осуществление политики единого национального антияпонского фронта, имевшей важное значение для победы китайской революции. Именно Ван Мину принадлежала инициатива в выработке новой тактической линии партии в связи с изменением внутривнутриполитической обстановки в стране, вызванной усилением агрессии японского империализма в Китае. В 1933 г. в статье «Положение в Маньчжурии и новое наступление Японии на Китай», опубликованной в органе Коминтерна — журнале «Коммунистический Интернационал», Ван Мин выдвинул тезис о различных формах единого фронта не только снизу, но и «сверху», правда, пока еще только применительно к одной лишь Маньчжурии. В 1935 г. им было разработано и подготовлено известное августовское обращение временного Центрального рабоче-крестьянского демократического правительства Китая и ЦК КПК к китайскому народу с призывом о создании единого национального антияпонского фронта, которое знаменовало собой начало нового этапа борьбы КПК за национальное и социальное освобождение. Его работы «Борьба за антиимпериалистический единый фронт и очередные задачи Компартии Китая», «Борьба за единый национальный антияпонский фронт в Китае», «Новый этап агрессии японского империализма и новый этап борьбы китайского народа» и др., опубликованные в 1935—1937 гг. в журнале «Коммунистический Интернационал», в которых применительно к условиям Китая творчески раскрывались стратегические и тактические принципы, выработанные VII Конгрессом Коминтерна, имели крайне важное значение для КПК, для ориентировки ее кадров в новой обстановке, для преодоления левацко-сектантской линии на расширение гражданской войны в Китае, которой придерживались Мао Цзэ-дун и его сторонники. Последовательная, принципиальная борьба Ван Мина за осуществление курса на единый фронт значительно способствовала развертыванию успешной деятельности партии в условиях всенародного сопротивления агрессии японского империализма. После возвращения Ван Мина на родину с началом японо-китайской войны, Политбюро ЦК КПК приняло специальное решение, в котором высоко оценило роль Ван Мина в разработке и проведении политики единого фронта. Ван Мину было поручено руководство отделом единого фронта в ЦК КПК, а также Центрально-Китайским Бюро ЦК КПК в Ханькоу, а затем в Чунцине.

Плодотворная творческая теоретическая и практическая деятельность выдвинула Ван Мина в число видных руководителей и теоретиков КПК. Он пользовался большой популярностью и авторитетом среди членов партии и в китайском народе. Долгое время Мао Цзэ-дун вынужден был считаться с Ван Мином; он всячески заигрывал с ним и пытался склонить на свою сторону. Когда из этого ничего не получилось, Мао Цзэ-дун из-

брал Ван Мина главным объектом нападков в своей борьбе против китайских коммунистов-интернационалистов и Коминтерна. Он использовал все средства, чтобы устранить Ван Мина, считая его главной помехой в достижении своих целей: узурпации руководства КПК, насаждения своего культа и «китаизированного марксизма».

Для того чтобы оклеветать, опорочить Ван Мина и других китайских коммунистов-интернационалистов, Мао Цзэ-дун и его приверженцы сфабриковали «две линии Ван Мина» — так называемые «лево»-уклонистскую и «правооппортунистическую», которые якобы были господствующими в КПК соответственно в 1931—1934 гг. и 1937—1938 гг. Под видом критики Ван Мина и других китайских коммунистов-интернационалистов Мао Цзэ-дун и его сторонники одновременно вели атаку на Коминтерн и разработанную совместно с ним генеральную линию КПК в 30-е годы с тем, чтобы замаскировать свой собственный националистический и авантюристический «левацко»-сектантский уклон и присвоить себе все заслуги Коминтерна, интернационалистических сил партии в разработке и осуществлении марксистско-ленинской стратегии и тактики. Поэтому неслучайно «борьбе» с «линиями Ван Мина» отведено центральное место в фальсифицированной маоистами версии истории КПК. Вот почему до сих пор имя Ван Мина не сходит с языка маоистских клеветников.

До конца своей жизни Ван Мин был и оставался принципиальным коммунистом-интернационалистом, выдающимся революционером и стойким борцом за свободу и счастье своего народа, решительным противником антинародного, авантюристического курса Мао Цзэ-дуна и его приверженцев. Он был последовательным борцом за чистоту марксизма-ленинизма, за пролетарский интернационализм, за творческое применение марксизма-ленинизма в условиях китайской революции. В своих последних опубликованных работах: «О событиях в Китае» (1969), «Ленин, ленинизм и китайская революция» (1970), он вскрыл сущность антиленинских, антисоциалистических, великодержавно-националистических «идей» и политического курса Мао Цзэ-дуна и тот вред, который они наносят китайскому народу и международному коммунистическому движению. Характеризуя антинародную, антисоциалистическую деятельность Мао Цзэ-дуна, Ван Мин в своей работе «Ленин, ленинизм и китайская революция» писал: «В конце 50-х и начале 60-х годов своей авантюристической политикой так называемых «трех красных знамен» он привел дело строительства социализма в Китае и экономике страны в катастрофическое состояние, довел китайский народ до жизни в небывало тяжелых, бедственных и нищенских условиях и тем самым дискредитировал идеи социализма в глазах международной общественности. С начала 60-х годов своей антиленинской, антисоветской, раскольнической и подрывной деятельностью он наносил и наносит значительный ущерб и вред мировому социалистическому содружеству, международному коммунистическому и рабочему движению, антиимпериалистической борьбе народов Азии, Африки и Латинской Америки... Тем самым он оказывает большую услугу американским и другим империалистам, а также вредит коренным интересам Компартии Китая и китайского народа».

«Совершенно не случайно то, — подчеркивал далее Ван Мин, — что сегодня «идеи Мао Цзэ-дуна», как и он сам, стали символом ошибок и неправды, символом бедствий и несчастий, символом варварства и дикости, символом мракобесия и контрреволюции в глазах китайского народа и трудящихся всего мира».

До конца своей жизни Ван Мин оставался верным другом советского народа, последовательно выступал за дружбу и тесное сотрудничество между китайским и советским народами, между Китайской Народной

Республикой и Советским Союзом, за улучшение отношений между КПК и КПСС на основах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. В 1970 г., когда коммунисты всего мира и прогрессивное человечество отмечали 100-летие со дня рождения великого Ленина, Ван Мин писал: «Китайские коммунисты и китайский народ не только в сознании, а и на практике твердо убеждены: ленинизм — это их боевое знамя борьбы и победы над всеми внешними и внутренними врагами, это их боевое знамя строительства социализма и коммунизма. Дружба и союз с советскими коммунистами и советским народом — это необходимое условие и надежная гарантия победы над всеми врагами в борьбе за свободную и счастливую жизнь. Поэтому китайские коммунисты и китайский народ с большим одобрением узнали о заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева, сделанном им на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 года: «Мы помним о том, что коренные интересы советского и китайского народа совпадают. Мы стремились и будем стремиться делать все для того, чтобы сохранить и поддержать дружеские чувства, которые есть в советском народе по отношению к братскому китайскому народу и которые, как мы убеждены, есть также в китайском народе по отношению к Советскому Союзу и другим социалистическим странам». Они считают эти веские и справедливые слова тов. Л. И. Брежнева отражением искреннего чувства и действительного желания не только советских коммунистов и советского народа, но и китайских коммунистов и китайского народа».

Ван Мин оптимистически смотрел на будущее своей страны и своего народа. Он был уверен, что нынешняя трагедия и несчастья, причиненные китайским коммунистам и китайскому народу «идеями» и деятельностью Мао Цзэ-дуна, так же как и сам Мао Цзэ-дун и его «идеи», — это временное, преходящее явление. Выступая от имени китайских коммунистов и китайского народа, Ван Мин в той же работе подчеркивал, что «они уверены в том, что недалеко то время, когда ленинизм и дело социализма вновь восторжествуют на китайской земле. Они уверены в том, что недалеко то время, когда в отношениях между Советским Союзом и социалистическим Китаем восторжествуют дружба, союз, сотрудничество и взаимопомощь. Они уверены в том, что недалеко то время, когда китайские коммунисты и китайский народ вновь выступят рука об руку, плечом к плечу в едином строю с коммунистами и народами всех стран в общей справедливой и революционной борьбе за торжество великих идей марксизма-ленинизма во всем мире!». Эту веру Ван Мина в светлое социалистическое и коммунистическое будущее своей страны и своего народа разделяют все советские люди и прогрессивное человечество всего мира.

Светлая память о Ван Мине, верном сыне китайского народа и Коммунистической партии Китая, выдающемся коммунисте-интернационалисте навсегда сохранится в сердцах советских людей, искренних друзей великого китайского народа.

Сдано в набор 28. III. 1974 г. Подписано к печати 12. V. 1974 г.
 Формат 70×105^{1/8}. Бум. л. 8 Печ. л. 22,4 Уч.-изд. л. 24,71.
 Изд. № 18863 А66599. Заказ 667 Цена 50 к. Тираж 14800.
 Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам, издательства, полиграфии и книжной торговле
 Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21
 Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
 г. Чехов Московской области

